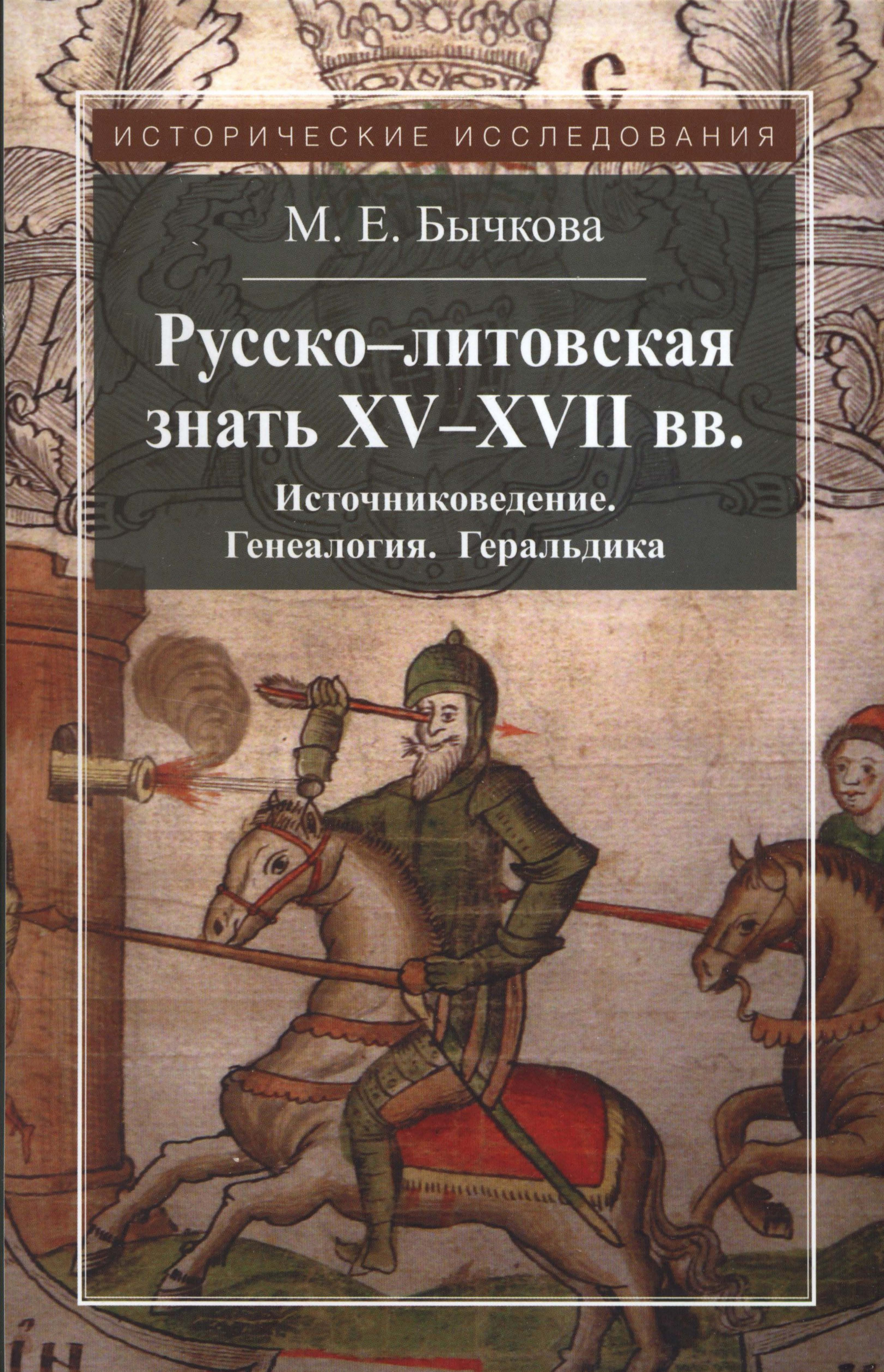
М. Е. Бычкова Русско–литовская знать XV–XVII вв.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Е. Бычкова

Русско–литовская знать XV–XVII вв.

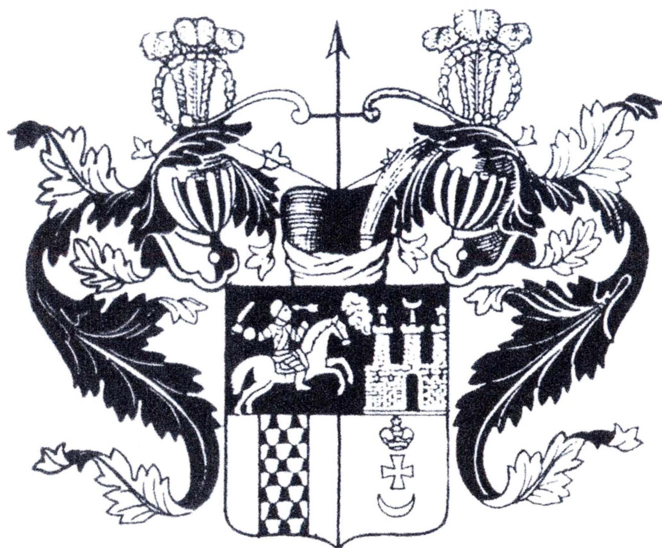
Источниковедение. Генеалогия. Геральдика

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

Герб Нарбековых из «Общего гербовника дворянских родов» (СПб., 1799. Ч. 4. С. 45).

На 1-й сторонке переплета – герб Нарбековых – первый русский оригинальный дворянский герб, 1680-е гг. (РГАДА. Ф. 181. Д. 385).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Е. Бычкова

РУССКО-ЛИТОВСКАЯ ЗНАТЬ XV–XVII вв.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ГЕНЕАЛОГИЯ
ГЕРАЛЬДИКА

МОСКВА
Квадрига
2012

УДК 929.5+929.6+930+94(47)
ББК 63.214(2)
Б 95

Составители:
О И. Хоруженко, Р. Б. Казаков

Б 95 **Бычкова Маргарита Евгеньевна**
Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / М. Е. Бычкова; сост. : О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. – М.: Квадрига, 2012. – 368 с.

ISBN 978-5-91791-080-2

Книга содержит работы видного историка Маргариты Евгеньевны Бычковой 1970–2000-х гг. Они впервые собраны вместе и посвящены проблемам формирования правящих классов Русского государства и Великого княжества Литовского, генеалогии и геральдике дворянства XVI–XVII вв.

Архивные поиски позволили автору ввести в научный оборот важные исторические источники, публикация которых сопровождается скрупулезным источниковедческим исследованием.

УДК 929.5+929.6+930+94(47)
ББК 63.214(2)

ISBN 978-5-91791-080-2

От составителей

В сборник включены работы доктора исторических наук Маргариты Евгеньевны Бычковой, опубликованные в 1970–2000-е гг. Рассеянные порой в малотиражных и труднодоступных для читателях изданиях, ныне они собраны вместе и демонстрируют исследовательский путь, который М. Е. Бычкова прошла к году своего юбилея.

М. Е. Бычкова известна в кругах профессиональных историков в первую очередь как виднейший специалист по изучению источников, относящихся к генеалогии русского и литовского дворянства. Ее кандидатская диссертация, выполненная под научным руководством А. А. Зимина, в 1975 г. вышла в свет в качестве монографии[1]. Это исследование продолжило традицию изучения родословных книг, иных источников по дворянской генеалогии, заложенную в трудах Н. П. Лихачева, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина и других ученых. Однако впервые в историографии на основе тщательного изучения подавляющего большинства списков родословных книг XVI–XIX вв. была дана доказательная картина их соотношения, предложены понятия редакции и извода родословных книг, сформулированы и опробованы приемы их текстологического изучения. В дальнейшем Маргарита Евгеньевна не оставляла вниманием эту проблему, что реализовалось в ее работах, посвященных исследованию генеалогических источников XVI–XVII вв. в комплексе с литературными произведениями и в обширном историко-географическом контексте: Россия, Литва и Польша XIV–XVIII вв. Эти работы представлены в разделе «Источниковедение».

Труд М. Е. Бычковой по источниковедению родословных книг с момента выхода и до сего дня, оставаясь единственным исследованием такого рода, неизменно используется как надежная база в ра-

[1] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник / Отв. ред. А. А. Зимин. М., 1975.

ботах историков по широкому спектру проблем средневековой истории России[2].

Скрупулезное источниковедческое изучение этих источников позволило М. Е. Бычковой, во-первых, с критических позиций осмыслить опыт предшествующих исследований истории дворянского сословия Литвы и России. Отсюда ее интерес к историографическим вопросам: она проанализировала исследования в области генеалогии Н. П. Лихачева и С. Б. Веселовского и в целом – в советской исторической науке. В раздел «Историография» вошли также биографический этюд о Ю. Вольфе и работа об учителе – А. А. Зимине, в которой исследовались приемы его работы с источниками.

Во-вторых, опыт источниковедческого подхода к источникам литовско-русской генеалогии позволил автору по-новому подойти к проблемам, уже имевшим до нее историографические традиции – состав правящего класса[3], развитие государственных институтов, в том числе и в сравнительно-историческом аспекте[4] (статьи раздела «Социально-политическая история»). Важная проблема, постоянно привлекающая внимание автора, – способы презентации власти в социуме[5]. Исследования родословных легенд и соответствующих им социальных практик, в том числе династических браков, а также практик герботворчества XVI–XVII вв., представлены в разделах «Генеалогия» и «Геральдика».

Неизменно удачливой в архивных поисках М. Е. Бычковой удалось ввести в научный оборот важные исторические источники, публикация которых, как правило, сопровождалась ценным источниковедческим исследованием[6] («Родословие князей Глинских из Румянцевского музея», «Родословие князей Глинских», «Первый русский дворянский герб» и др.). Как археограф М. Е. Бычкова реализовалась в значительных и востребованных отечественной и зарубежной наукой издательских проектах[7].

---

[2] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 494; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 50–51; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 18, 225, 248; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 175; *Горский А. А.* Русские земли в XII–XIV вв. М., 1996. С. 98.

[3] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в.: Ист.-генеал. исслед. М., 1986.

[4] *Она же.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996.

[5] *Она же.* Московские самодержцы: история возведения на престол. Обряды и регалии. М., 1995; *Она же.* Магия власти. Обряды возведения на престол. Царские регалии. М., 2009.

[6] Новые родословные книги XVI в. / Подгот. к печ. М. Е. Бычкова, З. И. Бочкарева // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2.

[7] Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись / Подгот. текста А. А. Зимина и М. Е. Бычковой; Предисл. А. А. Зимина. М., 1965. (ПСРЛ. Т. 29); Опись Новгорода 1617 года / Вступ. ст.: В. Л. Янин, М. Е. Бычкова; Под общ. ред. В. Л. Янина. М., 1984. (Памятники отеч. истории; Вып. 3); Новгород Великий в XVII в.: Док. по истории градостроительства / Сост.:

Свой юбилей М. Е. Бычкова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, встречает как активно практикующий исследователь, постоянный участник российских и международных конференций[8].

М. Е. Бычкова, А. Н. Медушевский. М., 1986; Произведения Максима Грека. Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки / Сост.: М. Е. Бычкова, А. Лангелер, Л. П. Найденова. М., 2009.

[8] Работы для этого сборника отобраны М. Е. Бычковой. Текст работ публикуется без изменений. Исправлены лишь очевидные опечатки. Составители сочли необходимым привести библиографические ссылки в подстрочных примечаниях в соответствие с действующими стандартами, а также дать в текстах статей и примечаниях к ним современные названия хранилищ источников.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Генеалогия в советской исторической литературе[1*]

В последние годы в советской историографии все чаще отмечается, что вспомогательные исторические дисциплины, выходя за рамки узкого профессионализма, приобретают большое значение при решении конкретных проблем исторического исследования[2]. Изучение актового формуляра (дипломатика) дает материал для выводов по истории земельной политики; систематизация булл (сфрагистика) приводит к изучению зарождения и формирования древнейших форм государственного аппарата; палеография и кодикология помогают проникнуть в недра идейно-политической борьбы.

Генеалогия также все чаще становится необходимой составной частью исторического исследования, но ее значение как вспомогательной исторической дисциплины, круг задач и источников до сих пор полностью не определены.

Поэтому прежде чем перейти к обзору современных видов генеалогического исследования, которое встречается в исторической литературе, и развития генеалогии в наше время, будет интересно проследить, как менялось само определение понятия «генеалогия» в трудах историков.

Небольшой, но яркий очерк состояния и задач генеалогии помещен в книге А. М. Большакова[3]. Принципиально новым в его определении задач генеалогии было то, что, исходя из понятия генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, он видел в ней составную часть исторического исследования. «Задача науки генеалогии состоит, с од-

---

[1] * Вспомогательные исторические дисциплины / Редкол.: С. Н. Валк (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1976. Вып. 7. С. 43–56. Рукопись этой статьи редактировал С. Н. Валк.

[2] *Черепнин Л. В.* Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет // Советские архивы. 1967. № 5. С. 130–137; *Зимин А. А.* Трудные вопросы методики источниковедения древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 436–438; *Янин В. Л.* Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории (нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, весовая метрология) // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 200–204.

[3] *Большаков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924. С. 173–189.

ной стороны, в выявлении происхождения индивидов в преемственной их последовательности одного от другого и объединении их в семью, поколение и единый род; с другой стороны – в установлении влияния этого рода и его звеньев на общий ход исторического процесса народа или на отдельные моменты его исторической жизни»[4].

А. М. Большаков разграничивал научную и практическую генеалогию. Последняя в отдельных странах имеет значение при прохождении службы и установлении прав на собственность. Он указал, что после Октябрьской революции эта генеалогия в России умерла. Но научная генеалогия, обслуживающая историю, литературоведение и другие науки, всегда будет сохранять свое значение.

Остановившись на научной разработке и методах генеалогии, осветив состояние ее источников и их использование в конкретных исследованиях, автор пришел к неутешительному выводу: «Итак, курсов по русской генеалогии у нас не читалось и не читается. Литература чисто теоретического характера тоже отсутствует. Отсюда явствует, что генеалогия из всех вспомогательных исторических дисциплин, пожалуй, находится в самом худшем положении»[5].

В дальнейшем задачи генеалогии как вспомогательной дисциплины часто сужались. Уже С. Н. Быковский ограничил их исследованием истории семьи[6] и некоторыми источниковедческими проблемами, сводящими генеалогию к выяснению конкретных источниковедческих вопросов о происхождении письменных памятников, личности их авторов, социальной среды, из которой вышел памятник[7].

С. Б. Веселовский, неоднократно использовавший генеалогические сведения при исследовании различных проблем русского феодализма, сформулировал задачи генеалогии исходя из своих работ: генеалогия «устанавливает родственные связи лиц, действовавших на исторической арене»[8]. Генеалогия занимается не только историей родовитых людей, но вообще проблемами родственных отношений лиц. С. Б. Веселовский первый признал необходимость генеалогии при исследовании истории «крестьянского населения какого-нибудь района»[9].

А. А. Введенский, написавший обширные генеалогические работы о семье Строгановых и в том числе первую конкретную генеалогическую работу о крестьянской семье, полагал, что «ряд вспомогательных исто-

---

[4] Там же. С. 173.

[5] Там же. С. 181.

[6] «Специальная разработка вопросов, относящихся к истории той или иной исторической фамилии, составляет предмет особой вспомогательной исторической науки – генеалогии» (*Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. С. 113).

[7] Там же. В отличие от А. М. Большакова, который написал о генеалогии самостоятельный очерк, С. Н. Быковский изложил ее предмет и задачи в разделе «Собственные имена лиц».

[8] Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 23.

[9] Там же.

рических наук отжил свое время и не получает развития в советском источниковедении. Такими являются: генеалогия – учение о родословии дворянских, княжеских и графских родов»[10]. Автор видел задачу этой дисциплины в том, чтобы составлять генеалогические справки о героях социалистического труда, ударниках, которые «помогут советским историкам проследить, как благотворно воздействует советская действительность... на нашу рабочую, колхозную и интеллигентскую молодежь»[11].

Сходное мнение высказал А. И. Гуковский. Отрицая значение практической дворянской генеалогии, он писал, что «в наши дни перед генеалогией неожиданно открывается новое и гораздо более широкое и плодотворное поле деятельности, связанное с изучением исторических источников новой социалистической эпохи»[12]. А. И. Гуковский видел задачи генеалогии в изучении «массовых явлений в жизни строителей коммунизма», которое обеспечит «исторической науке еще один источник для глубоких социальных обобщений»[13].

Нужно сразу отметить, что приведенные выше работы А. А. Введенского и А. И. Гуковского посвящены источниковедению советского периода. Несомненно, определение задач генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, впервые сделанное ими применительно к истории нашего времени, является большим достижением. В то же время отрицание задач генеалогии для исследований более раннего периода, как представляется, можно объяснить, с одной стороны, отсутствием специальных работ, где бы они были сформулированы, а с другой – исчезновением функций практической генеалогии, что было отмечено А. М. Большаковым еще в 1924 г. Утрата этих практических задач была перенесена А. А. Введенским и А. И. Гуковским на генеалогию как вспомогательную историческую дисциплину вообще.

Однако в работах, посвященных истории русского феодализма, генеало-гия все время оставалась составной частью исследования, и ее задачи в этой области были сформулированы А. А. Зиминым. «Вопросы генеалогии боярских фамилий... представляют большой интерес для ведущих проблем общественно-политической истории России XIV–XVI вв. В самом деле, без генеалогических сведений нельзя понять ни историю феодального землевладения, ни складывание господствующего класса и централизованного аппарата власти, ни, наконец, сложных перипетий политической борьбы того времени»[14]. А. А. Зимин писал

[10] *Введенский А.А*. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963. С. 202.

[11] Там же. С. 203.

[12] *Гуковский А. И.* Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 58.

[13] Там же.

[14] *Зимин А. А.* Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 56.

также, что генеалогия призвана изучать историю семей различного социального положения[15].

В самое последнее время появилось несколько работ, где задачи генеалогии сформулированы применительно к разным периодам и источникам истории. А. И. Аксенов считает, что генеалогия не должна ограничиваться фактом установления родства между отдельными лицами, необходимо использовать эти факты «как основу для исследования политических, социальных, экономических причин и условий формирования и развития определенных лиц или целых социальных групп»[16]. Генеалогия в наше время, по мнению автора, «выступает в качестве специальной исторической дисциплины, в которой находит ныне выражение не просто установление фактов родства, но и их историческое осмысление»[17].

Более четко и применительно к историческим проблемам современности это последнее положение А. И. Аксенова раскрыто в статье А. В. Елпатьевского. Автор справедливо отмечает, что определение генеалогии, подчеркивающее ее практический характер, которое мы находим в работах дореволюционных генеалогов, перенесено почти полностью в современные справочники, и это не позволяет достаточно глубоко выявить специфику генеалогии, как вспомогательной исторической дисциплины[18]. «Генеалогию и ее пробле-матику следует рассматривать не только как чисто прикладную дисциплину, не только как техническое средство или комплекс методов, а представить ее как дисциплину историческую по самой своей сути, данные которой являются необходимым элементом раскрытия исторического процесса»[19]. Исходя из таких рассуждений, автор дает свое определение этой дисциплины. «Нам представляется, что предметом генеалогии является изучение семейно-родственных связей и социального происхождения конкретных исторических лиц. Проблематику же генеалогии, ее задачи на современном этапе можно определить как выяснение через систему биографий этих лиц социально-исторического значения названных факторов (т.е. семейно-родственных связей и социального происхождения) в общем ходе исторического процесса»[20].

Как кажется, А. В. Елпатьевский в своем общем определении генеалогии не только не учел ее задач при исследовании проблем русско-

---

[15] *Он же.* Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 129.

[16] *Аксенов А. И.* Генеалогия // ВИ. 1972. № 10. С. 206.

[17] Там же. С. 211.

[18] *Елпатьевский А. В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 73–75.

[19] Там же. С. 75.

[20] Там же. С. 75–76.

го средневековья, но даже сузил ее научное значение сравнительно с определением генеалогии в работах русских медиевистов.

Само определение, предложенное автором, также несколько путаное «социальное происхождение конкретных исторических лиц» генеалогическим путем определяется через их «семейно-родственные связи», следовательно, обе части определения предмета генеалогии просто повторяют друг друга. Кроме того, сейчас нет четкого разграничения между биографическим и генеалогическим исследованием, и предложенное А. В. Елпатьевским определение вносит еще большую путаницу в этот вопрос. А. В. Елпатьевский очень ясно видит задачи генеалогии в исследовании формирования классового общества[21], и его формулировки этих задач наиболее четки. Но общий круг предложенных им проблем генеалогического исследования скорее относится к истории нового времени[22]. Но определение А. В. Елпатьевского совершенно не раскрывает задач генеалогии применительно к историческим исследованиям других периодов, как и не раскрывает оно представления о специфике генеалогического исследования и его источниках.

Мы считаем генеалогией вспомогательную историческую дисциплину, изучающую родственные связи между отдельными лицами и историю семей различного социального происхождения. Наряду с собственно генеалогическими источниками – родословными росписями и книгами, генеалогическими таблицами и т. д. – источником для генеалогии является весь комплекс сохранившихся письменных памятников, материалы таких наук, как археология, нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, а также памятники искусства – все, что связано с человеческой деятельностью и может дать сведения об отдельных людях и семьях. Генеалогия, кроме разработки методики исследования своих собственных источников, собирает биографические сведения о лицах из всех памятников, устанавливает их достоверность, а также связь определенного круга известий об одном лице так, чтобы из отдельных сообщений различных источников получить единый комплекс фактов, касающихся деятельности и родственных связей различных лиц и семей. Собранные и систематизированные генеалогические данные могут быть прочной основой для исследований, посвященных самым разнообразным вопросам истории формирования классов, землевладения, образования и становления государственного аппарата, общественно-политических идей, а также при работах с такими вспомогательными историческими дисциплинами, как нумизматика, сфрагистика, дипло-

[21] Там же. С. 76–77.

[22] Сделав упор на социологическом аспекте генеалогических исследовании, А. В. Елпатьевский не учел значения генеалогии при исследования демографических вопросов, а также истории архивного дела, что является актуальными задачами современной генеалогии.

матика, археография и др., и при решении проблем лите-ратуроведения и искусствоведения.

Исходя из такого понимания генеалогии и ее задач, мы остановимся преимущественно на ее использовании в источниковедении (разработка методики источниковедческого анализа генеалогических памятников) и на тех новых элементах генеалогического исследования, которые мы находим в различных исторических работах нашего времени.

Несомненным достижением современной генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины является расширение источниковедческой базы и разработка новых методов, позволяющих использовать эти источники в полном объеме.

Прежде всего это относится к таким специфическим источникам генеалогии, как родословные и разрядные книги. В дореволюционной историографии господствовало представление об официальном (Государев разряд и Государев родословец) и частном происхождении источников[23]. В этой теории было свое разумное начало: вырабатывались признаки, по которым из всей массы сохранившихся списков разрядных и родословных книг можно было выбрать те, которые своим происхождением связаны с государственной канцелярией и отражают официальное приказное делопроизводство. Но, с другой стороны, вне исторического исследования оставалась основная масса списков с их богатым фактическим содержанием, поскольку такие книги признавались частными и, соответственно, недостоверными.

Естественно, что историк стремится в своей работе привлекать источники в их полном объеме, а это требует разработки методов, позволяющих изучить и систематизировать все сохранившиеся списки одного памятника. В настоящее время в работах В. И. Буганова и автора настоящей статьи исследованы все дошедшие до нас редакции разрядных и родословных книг[24]. Такой анализ, когда в результате обследования полного комплекса сохранившихся рукописей выявляются их редакции, связь списков внутри каждой редакции и связь между отдельными редакциями, источники, лежащие в основе записей, и достоверность сообщаемых этими памятниками сведений, позволяет использовать в историческом исследовании эти книги в полном объеме. Такая же работа по изучению списков Тысячной книги 1550 г. была проделана при ее публикации[25]. Сейчас практически собран материал для научной публикации разрядных и родословных книг.

---

[23] *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 349–449.

[24] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

[25] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

Исследование Сказания о князьях владимирских и связанного с ним цикла литературно-публицистических произведений[26] дает возможность изучить историю создания родословной легенды московских великих князей и роль генеалогических памятников в идейной борьбе XV–XVI вв.

Дальнейшее изучение русских летописных сводов XV–XVI вв. позволило не только выявить полностью великокняжеские родословные росписи, помещенные в них (работа, начатая А. А. Шахматовым[27]), но и обнаружить генеалогические вставки, сделанные в интересах отдельных семей. Наблюдения А. Н. Насонова показали, что во владычные летописные своды конца XV–XVI в. включались не только известия биографического характера, как в Ермолинскую летопись, но и целые родословные легенды[28]. Причем в основном появление таких записей связано с деятельностью Троице-Сергиева монастыря[29]. Исследуя разные редакции списка новгородских посадников, помещенного в новгородских летописных сводах, В. Л. Янин пришел к выводу, что первоначально в списке был выдержан хронологический принцип записи лиц, но уже в начале XV в. он был отредактирован в генеалогическом плане, т.е. рядом записаны лица, состоявшие в родстве, даже если между сроком исполнения ими должности существует большой временной разрыв[30].

Такие источниковедческие исследования различных памятников расширяют круг специфических генеалогических источников и существенно расширяют наше представление о зарождении родословных знаний на Руси, ранних формах генеалогических источников и истории генеалогии.

Генеалогия занимает большое место в развитии таких вспомогательных исторических дисциплин, как нумизматика, сфрагистика, дипломатика. Само развитие этих наук, систематизация и исследование массового материала в советской историографии привели к тому, что материал нумизматики и сфрагистики стал базой для исторических работ, посвященных изучению зарождения и формирования государственного аппарата древней Руси, политической истории русских княжеств[31]. Начало такому исследованию было положено А. В. Ореш-

---

[26] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955; *Зимин А. А.* Антич-ные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 128–138.

[27] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 173–174, 201–202, 216–217 и след.

[28] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исслед. М., 1969. С. 323–334, 351–358.

[29] Там же. С. 316–320, 359–360.

[30] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 26–36.

[31] *Он же.* Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории. С. 200–204.

никовым, определившим монеты как источник, который «иногда является настоящим подспорьем при исторических исследованиях»[32]. А. В. Орешников видел в монетах источник по древнерусской генеалогии[33]. Хронологическая таблица древнерусских монет, составленная при изучении истории чекана, сопоставима с генеалогической таблицей русских князей, выпускавших эти монеты. Для XIV – начала XV в. такие наблюдения важны, так как письменные источники сохранили о жизни отдельных княжеств лишь отрывочные записи, а родословные росписи XVI в. в известиях за этот же период, как правило, восходят к устным семейным преданиям и нуждаются в специальной проверке. Исследования А. В. Орешникова уже позволили уточнить отдельные родословные записи XVI в.

В дальнейшем эта работа была продолжена Н. Д. Мец[34].

Изучение княжеских булл позволило В. Л. Янину создать достаточно обоснованный список христианских имен русских князей XI–XIII вв., практически неизвестных письменным памятникам. Причем сведения, полученные при систематизации материалов сфрагистики, четко соотносятся с генеалогической таблицей князей, составленной по летописям и актам из их княжеских имен[35].

Привлечение нового круга массовых источников смежных исторических дисциплин для исследований по древнерусской генеалогии – достижение советской исторической науки. Дореволюционная историография лишь иллюстративно использовала в генеалогических работах те немногочисленные памятники, принадлежность которых отдельным князьям была известна.

После Великой Октябрьской социалистической революции стал доступен для исследования и публикации массовый актовый материал, в основном из монастырских архивов. Это открыло новые возможности для генеалогии. Частные акты являются тем источником, по которому можно наиболее точно проследить историю землевладения, переход отдельных владений из одной семьи в другую, брачные связи между различными семьями. Отметим, что в древнерусских родословных росписях женские имена – большая редкость, а упоминания о свадьбах единичны.

Кроме того, круг семей, восстанавливаемый по актам, часто отличается от круга, записанного в родословных росписях. Для XVI–XVII вв. сохранились родословия верхушки правящего класса, рядовая масса

[32] *Орешников А. В.* Значение нумизматики как вспомогательной дисциплины истории // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Вып. 4. С. 357.

[33] Там же. С. 358.

[34] *Мец Н. Д.* Ярославские князья по нумизматическим данным // Советская археология. 1960. № 3.

[35] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. I–II.

дворянства, служившего по городам, в родословные книги не попала, поэтому акты часто являются тем источником, по которому можно составить родословную таблицу таких семей.

Большая заслуга разработки метода анализа актового материала в генеалогическом исследовании принадлежит С. Б. Веселовскому. Можно с полной уверенностью сказать, что возрождение генеалогического исследования в советской исторической науке связано с его именем. С. Б. Веселовский занимался историей древнерусской вотчины, и реконструкция первоначального ее состава, исследование состава вотчинников привели его к занятиям генеалогией. Всей своей работой (С. Б. Веселовский написал монографические исследования по истории крупнейших русских княжеских и боярских семей[36]) он показал, что при решении ряда вопросов землевладения, складывания класса феодалов, образования государственного аппарата и др. конкретное генеалогическое исследование необходимо и дает новые аспекты освещения исторических проблем.

Особый интерес представляют его исследования по истории мелких вотчинников, частично включенные в монографию «Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.», в которых генеалогические таблицы различных семей составлены на основе актов. Впервые в русской генеалогии С. Б. Веселовский здесь разрабатывает методику реконструкции родственных связей между отдельными лицами при отсутствии современных родословных росписей[37].

Источником, дающим сведения по истории семьи древнерусского города, являются берестяные грамоты. Их отличием от документов, дошедших до нас в составе архивов, является то, что как датирующим признаком, так и признаком, связывающим каждую грамоту с целым кругом археологических памятников, являются их стратиграфические данные.

Богатство известий берестяных грамот в генеалогическом аспекте рас-крыто в работах В. Л. Янина. Комплексный анализ письменных источников и археологического материала позволил автору осветить жизнь феодальных семей во всех аспектах – экономическом, политическом, культурном, а также связать ее с политической борьбой в Новгородской республике[38].

---

[36] *Веселовский С. Б.* Владимир Гусев – составитель Судебника 1497 г. // Исторические записки. 1939. Т. 5. С. 31–42; *Он же.* Из истории древнерусского землевладения // Там же. 1944. Т. 18. С. 56–94; *Он же.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Там же. 1947. Т. 22. С. 101–131; *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1; *Он же.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

[37] *Веселовский С. Б.* Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М., 1936. С. 56–68; ср.: Архив РАН. Ф. 620. Д. 30. Л. 2–44об.

[38] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Он же.* Заметки о новгородских берестяных грамотах // СА. 1965. № 4. С. 104–123; *Он же.* «Я послал тебе бересту...». М., 1975.

В работах В. Л. Янина, где данные археологии проверяются и дополняют известия письменных источников, виден новый метод генеалогического исследования, представляющий синтез известий сфрагистики, письменных источников, памятников материальной культуры. Все, даже самые мелкие известия об одном лице образуют единую цепь, связывающую события политической жизни[39].

История бытования родословия великих князей литовских в Русском государстве XV – начала XVI в., причины создания различных редакций этого родословия изучены В. Т. Пашуто[40]. Кроме этого, автор впервые в русской историографии опубликовал таблицы матримониальных связей русской княжеской династии с иностранными дворами XI – середины XIII в.[41]

Появившиеся в последние годы работы по истории землевладения, складывания правительственного аппарата Русского государства и др. часто содержат конкретные генеалогические исследования, посвященные истории отдельных фамилий. Такой работой является монография А. И. Копанева[42], где собран значительный круг сведений о роде Монастыревых, отдельных фамилий Белозерских князей (Кемских, Ухтомских и др.). Подробно исследована легенда родословных книг о происхождении рода Монастыревых и на основе других источников показаны ее полная состоятельность и возможное использование семейных преданий при ее составлении.

Вкладом в развитие русской генеалогии являются работы А. А. Введенского о Строгановых[43]. При изучении истории этого рода впервые в русской историографии появилась генеалогическая работа, посвященная истории крестьянской семьи[44]. В работах А. А. Введенского дана полная история рода Строгановых, большое внимание уделено и экономическому росту отдельных ветвей дома и связи их с московским правительством.

Генеалогии в ее социально-политическом аспекте посвящены работы В. Б. Кобрина[45]. Составленный им список опричников является самым полным не только по количеству упомянутых лиц, но и по объему

---

[39] *Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М., 1962; *Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Вып. 4.

[40] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 67–74 и след.

[41] *Он же.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968.

[42] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.

[43] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962; *Он же.* Крестьяне Строгановы в XVI–XIX вв. // Труды Тбилисского государственного университета. 1939. Т. 10.

[44] Элементы генеалогического исследования крестьянских фамилий мы находим в работах Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, Н. Е. Носова.

[45] *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. Составу земщиков в это же время посвящена работа: *Печуро С. С.* Земские служилые люди в годы опричнины // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1961. Т. 16.

собранных о них сведений. Если подходить к оценке этой работы с точки зрения генеалогического исследования, то можно утверждать, что здесь впервые объединены социально-экономическое и социально-политическое исследования при изучении истории отдельных фамилий.

Большое значение для генеалогии имеют работы А. А. Зимина по истории государственного аппарата России XVI в.[46] Вопросы генеалогии в них тесно связаны с вопросами образования государственного аппарата, как центрального так и местного. Основное значение этих трудов заключается в том, что в них решаются вопросы социально-политической истории России конца XV–XVI в. Но, помимо этого, они содержат массу сведений о службе, родстве, участии в политической жизни всех лиц, занимавших какое-либо официальное положение в это время.

В трудах А. А. Зимина сформирован новый метод генеалогического исследования: отбор биографических сведений об отдельных лицах сочетается в них с источниковедческим анализом документов, содержащих эти сведения.

Все больше внимания уделяется генеалогии купеческих и промышленных родов. Это и происхождение, и складывание в XV–XVII вв. купеческих фамилий, и их история в более позднее время[47]. Фактически эти работы освещают историю русской буржуазии.

Большой интерес представляют методы генеалогического анализа документов личного состава правительственных учреждений середины XVIII в., предпринятые С. М. Троицким[48]. Это первый опыт в советской историографии массового исследования генеалогических памятников того времени.

Значительное место занимает генеалогия в работах, посвященных общественно-политической истории, но здесь больше сделано литературоведами, которые часто привлекают генеалогию при датировке, атрибуции произведений, при изучении биографии общественных деятелей[49].

---

[46] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958; *Он же.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV–XVI в. // ИЗ. 1958. Т. 63; *Он же.* Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // АЕ за 1960 год. М., 1962.

[47] *Зимин А.А.* Земский собор 1566 г. // ИЗ. 1961. Т. 71; *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962; *Носов Н. Е.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.) // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 227–269.

[48] *Троицкий С. М.* Материалы переписи чиновников в 1754–1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 132–148; *Он же.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.

[49] *Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964; *Шторм Г. П.* Потаенный Радищев. М., 1965 и др.

При исследовании истории общественно-политических движений генеалогические наблюдения часто помогают решить важные проблемы, например вопросы формирования первых политических организаций. Большая работа проделана М. В. Нечкиной, которая подробно исследовала родственные связи декабристов, проследила взаимоотношения между членами организаций, предшественниц Южного и Северного обществ[50]. Такие сведения помогают автору при источниковедческом анализе следственных дел декабристов.

Особенно интересны генеалогические известия, приведенные М. В. Нечкиной в исследовании о формировании мировоззрения и деятельности А. С. Грибоедова[51].

Все родственные и дружеские связи А. С. Грибоедова, начиная с детских лет и учебы в Московском университете, прослеженные автором, показывают его тесные отношения со многими деятелями, принимавшими участие в тайных организациях 20-х годов XIX в. Именно эти сведения вопреки показаниям декабристов во время следствия и показаниям самого Грибоедова дают возможность М. В. Нечкиной сделать вывод об участии Грибоедова в движении декабристов и о его влиянии на них[52]. Установление родственных связей Грибоедовых с Паскевичами позволяет определить, почему Грибоедов был освобожден из-под следствия.

Аналогичная работа проделана Э. С. Виленской при исследовании формирования революционного подполья 60-х годов XIX в.[53]

Знание генеалогии необходимо для целенаправленного розыска исторических документов при комплектовании архивов. Принципиальные вопросы такого поиска поставлены в статье О. В. Петровой[54]. Автор выделяет два момента, когда необходимы генеалогические поиски: при определении круга лиц, у которых в первую очередь следует искать документы любого деятеля (его непосредственные потомки, потомки его родственников и друзей), и при установлении подлинности документов, так как только они позволят проследить цепочку лиц от автора до последнего владельца[55]. О. В. Петрова не только разрабатывает теоретические посылки такого поиска, но и дает обзор фондов генеало-

---

[50] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 89–92.

[51] *Она же.* Следственное дело о А. С. Грибоедове. М.; Л., 1945; *Она же.* А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951.

[52] *Она же.* А. С. Грибоедов и декабристы. С. 73–78, 140–150 и след.

[53] *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 212–246 и след.

[54] *Петрова О. В.* Генеалогия и поиск документов личного происхождения XIX – начала XX века // Советские архивы. 1973. № 2. С. 33–38.

[55] Такая работа была проделана О. В. Петровой при определении подлинности автографов А. С. Пушкина. См.: *Эйдельман Н. Я.* Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера // Записки отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1972. Вып. 33.

гов XIX–XX вв., материалы которых могут служить справочниками в генеалогических исследованиях. Этот большой вопрос – генеалогия и архивное дело – поставлен в нашей науке впервые и требует дальнейшей разработки.

Формируется генеалогическое исследование и при изучении различных вопросов истории советского общества. Разрабатывается методика обработки массового материала для таких исследований[56]. Наибольшее развитие генеалогия получает пока в социологических исследованиях, где изучение истории семьи связано с изучением формирования социальной структуры общества, истории классов[57]. В связи с этим все чаще встает вопрос о необходимости изучать историю рабочих и крестьянских династий, поскольку такие конкретные исследования могут быть основой для обобщающих работ. Но такие работы еще не получили широкого распространения.

Приведенный обзор современной литературы, как специально посвященной генеалогии, так и использующей генеалогические наблюдения при решении различных исторических проблем, показывает, что в советской исторической науке генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина получает все большее развитие. Уточняется представление о ее предмете, методах и источниках, что дает возможность сделать научное определение этой дисциплины. Существенно расширился круг источников генеалогии и совершенствуется метод их анализа. Очень важным является использование материалов других вспомогательных дисциплин истории как источников по генеалогии.

Но вместе с тем сказывается отсутствие специальных работ по генеалогии, где был бы обобщен конкретный метод, разработанный отдельными историками, и выработано ее научное определение применительно ко всем периодам истории. Кроме того, практически не привлекаются в исследованиях генеалогические документы XVII–XVIII вв., поскольку еще не выявлен их полный комплекс, не проведено источниковедческое исследование. У нас нет генеалогических монографий по истории складывания пролетариата, купечества, интеллигенции. А как показывают немногочисленные работы, их появление поможет полнее осветить формирование классов в России и различные аспекты политической борьбы.

Генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина в советской историографии еще только формируется, но ее дальнейшее развитие будет способствовать решению самых разнообразных проблем истории.

---

[56] *Елпатьевский А. В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований. С. 72–88.

[57] Подробнее: *Аксенов А. И.* Генеалогия. С. 210–211.

Юзеф Вольф в Петербурге
(Из истории генеалогических исследований в последней четверти XIX века)[1*]

Тем, кто занимается социально-политической историей России, Литвы, Польши XV–XVI вв., хорошо известно имя Юзефа Вольфа, автора великолепных генеалогических работ по истории русско-литовских княжеских родов.

Однако в историографии последней четверти XIX в. деятельность этого исследователя еще не нашла достаточного признания. В настоящей работе предпринята попытка осветить лишь один, петербургский этап его творчества. Вполне очевидно, что полностью оценить его работы, методику, общественные взгляды станет возможно лишь после создания научной биографии Ю. Вольфа. Но уже сейчас можно представить формирование методов работы Ю. Вольфа, определить их роль в развитии русской и польской генеалогии.

В 1876 г. двадцатидвухлетний Осип Людвикович Вольф (так именуется Юзеф Вольф в переписке 70–80-х годов XIX в.) вступил в книгоиздательское и книготорговое предприятие своего дяди и тестя Маврикия Осиповича Вольфа. Около десяти лет он жил в Петербурге[2]. Эти годы были чрезвычайно важными для Ю. Вольфа: он собрал основные материалы для своих работ, изучив акты Литовской метрики, хранившиеся в архиве Сената. В это же время были опубликованы пять из шести его работ по генеалогии[3]. После 1882 г. «Товарищество» возглавили

---

[1] * История и историки: историогр. ежегодник, 1978. М.: Наука, 1981. С. 252–262.

[2] Подробнее: Книжник-генеалог // *Либрович С. Ф.* На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 405–408.

[3] *Wolff J. O.* O kniaziach Kobryńskich // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wyd. Hist.-filolog. AU. Kraków, 1884. T. XVII. S. 1–31; *Id.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków, 1885. *Id.* Żyd ministrem króla Zygmunta: szkic historyczny / Przez J. Wolffa. Kraków, 1885. Рус. пер.: *И. В.* Еврей-министр при короле Сигизмунде // Восход. СПб., 1885. Май. С. 105–119; *Id.* Pacowie. SPb., 1885; *Id.* Ród Gedimina. Kraków, 1886.

жена М.О. Вольфа Леонтина Эммануиловна, их сын Александр Маврикиевич и зять Осип Вольф[4]. Имя Осипа Людвиковича Вольфа как одного из директоров фирмы мы находим наряду с именем Александра Маврикиевича Вольфа на бланках «Товарищества» 1884–1885 гг.[5] Очевидно, активная деятельность Ю. Вольфа, связанная с изданием книг, началась еще в 1881 г.[6] По словам С. Ф. Либровича, Ю. Вольф «внес как бы новую свежую струю в эту деятельность (книгоиздательскую – *М. Б.*), своими советами способствовал привлечению многих новых литературных сил, изданию нескольких ценных научных и общелитературных книг»[7].

После 1885 г. имя Ю. Вольфа в издательских делах не упоминается: очевидно, где-то около этого времени он вернулся в Варшаву. По словам С. Ф. Либровича, он умер в 1900 г., в возрасте сорока семи лет.

Интересна семья, из которой происходил Ю. Вольф. В прошлом веке из нее вышли деятели, сыгравшие крупную роль в истории русской и польской культуры, а также польского освободительного движения. Родной дядя Ю. Вольфа – Эдвард Вольф – был известным пианистом и композитором, преподавал в Парижской консерватории. Генрик Венявский – двоюродный брат Вольфа – был выдающимся скрипачом XIX в., Юзеф Венявский – талантливым пианистом[8]. Большую роль в истории книжного дела в России в 40–70-х годах XIX в. сыграл Маврикий Осипович Вольф[9].

Издательство Вольфа публиковало в 70–80-е годы массу художественной и детской литературы, книг по технике и сельскому хозяйству, оперных и опереточных либретто и др., но интерес издателей к научной, и в частности исторической, литературе очевиден[10].

Книжный магазин М. О. Вольфа в Гостином дворе Петербурга в 60–70-е годы был известен как место, где собирались писатели, где обсуждались насущные вопросы общественной и культурной жиз-

[4] *Либрович С. Ф.* Книжник-генеалог. С. 437, 438, 482–485; Słownik pracowników książki polskiej. Warszawa, 1972. S. 977.

[5] ОР РНБ. Ф. 273. Д. 310. Л. 6–8; РО ПД. Ф. 183. Оп. 1. Д. 72. Л. 16. Имена директоров «Товарищества М. О. Вольф» появляются на бланках издательства лишь с 1884 г.

[6] РО ПД. Ф. 183. Оп. 1. Д. 72. Л. 16; *Там же*. Ф. 548. Д. 448. Л. 19.

[7] *Либрович С. Ф.* Книжник-генеалог. С. 407.

[8] Мать Генрика и Юзефа Венявских – Регина Вольф – была родной сестрой Эдварда и Маврикия Вольфов. См.: Henryk Wieniawski: Kronika życia / Oprac. Wł. Dulęba. Kraków, 1967. S. 16. Отец Генрика Венявского участвовал в восстании 1830 г., а старший брат – в революционном движении 60-х годов XIX в. (Ibid.).

[9] См.: *Либрович С. Ф.* Книжник-генеалог. С. 367, 373.

[10] Полный каталог изданий «Товарищества М. О. Вольф». Пг.; М., 1906. Надо отметить, что в каталоге не всегда есть год издания, а в том случае, если книга переиздавалась, поставлен только год последнего издания. Это не позволяет делать более определенных выводов. Подробнее об изданиях М. О. Вольфом научной литературы см.: *Черняк А. Я.* История технической книги. С древнейших времен до 1917 года. М., 1969. С. 67–69.

ни. С М. О. Вольфом поддерживали приятельские отношения писатели Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский, А. П. Мельников-Печерский, И. А. Гончаров и др., многие журналисты, военные и политические деятели. Здесь же давал импровизированные концерты Генрик Венявский[11].

Для вас эти сведения важны тем, что здесь Ю. Вольф познакомился с графом К. Ф. Ожаровским, который, по словам С.Ф. Либровича, помог ему получить доступ к книгам записей Литовской метрики, хранившимся в архиве Сената. Ю. Вольфа с К. Ф. Ожаровским сблизила именно любовь к историко-генеалогическим исследованиям[12].

Документы Литовской метрики в XIX в. были доступны для очень ограниченного круга исследователей[13]. В сентябре 1878 г. К. Ф. Ожаровский получил разрешение для работы с писцом над исследованием истории литовского дворянства[14]. Можно предположить, что Ю. Вольф помогал Ожаровскому в обработке материала.

Достаточно яркое представление об интересах Юзефа Вольфа дает каталог его библиотеки[15]. Страсть Ю. Вольфа к книгам, причем именно по истории, генеалогии и редким изданиям XVI–XVII вв., отмечалась С.Ф. Либровичем. Специфичность его библиотеки, отражающая интересы автора, определена в названии: «Каталог исторической библиотеки сочинений, относящихся к Древней Польше и Литве, принадлежавшей Осипу Людвиковичу Вольфу в Варшаве».

Основную массу изданий на русском языке представляют публикации ис-точников по истории России, Литвы и Польши XVI–XVII вв.

Практически у Вольфа были собраны все опубликованные документы по истории Белоруссии, Польши и Литвы. В библиотеке есть общеисторические работы и специальные исследования по средневековой истории Литвы и Польши (Н. М. Карамзин, М. К. Любавский, Н. И. Костомаров и др.), очевидно, каким-то образом повлиявшие на формирование взглядов Ю. Вольфа.

Русской генеалогической литературы, кроме книги Н. И. Петрова «История родов русского дворянства (1886), нет, среди французских названий упомянута книга П. Долгорукова. Специальные работы по генеалогии есть в немецком разделе библиотеки – справочники, генеалогические таблицы. Большое место занимают мемуары (во всех разделах библиотеки), монографии об истории польской знати (Потоцких, Сапег, Чарторыйских), книги об истории разделов Польши и о революционных движениях 1794, 1830, 1862 гг.

---

[11] *Либрович С. Ф.* Книжник-генеалог. С. 9–48.

[12] Там же. С. 407.

[13] *Пташицкий С. Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. С. 71–73.

[14] РГАДА. Ф. 328. Д. 242. Л. 20; Там же. Д. 244. Л. 45; Там же. Д. 245. Л. 9об.

[15] ОР РНБ. Ф. 157. Д. 27; *Либрович С. Ф.* Книжник-генеалог. С. 407.

Состав исторической библиотеки показывает интересы автора прежде всего к истории Польши и Литвы XVI–XVII вв. и общественно-политических движений конца XVIII–XIX вв.

Список литературы, помещенный в книге Ю. Вольфа «Князья литовско-русские...», достаточно полно раскрывает солидную фактическую базу его работ. Говоря о времени создания работ Ю. Вольфа, мы вынуждены опираться на даты их публикации и не всегда можем определить последовательность их написания. Очевидно, очерк «О князьях Кобринских» был первым, поскольку он был доложен на заседании Краковской Академии наук в 1882 г.[16]

Систематическое изучение публикаций документов XV–XVI вв. и материалов Литовской метрики дало Ю. Вольфу возможность исправить и расширить сведения уже опубликованных работ о ближайших потомках литовского великого князя Гедимина. Именно как дополнения и исправления к работам К. Стадницкого были написаны очерк «О князьях Кобринских» и книга «Род Гедимина»[17].

«Сенаторы и сановники» (1885), появившиеся под влиянием аналогичной работы Ю. Блешыньского, – это обработка сведений актового материала о государственных должностях, а краткие в четыре строчки сведения из этой книги о литовском земском подскарбии начала XVI в. Аврааме Езофовиче вылились в специальный очерк об этом деятеле[18]. Среди других генеалогических работ того же времени исследования Вольфа выделяются прежде всего широким использованием и критическим осмыслением актового материала, в частности актов Литовской метрики. Ю. Вольф сообщает не одни лишь биографические сведения, но и излагает свое мнение по отдельным историческим вопросам.

«Сенаторы и сановники» (1885) представляет собой справочник должностных лиц Великого княжества Литовского[19]. Ю. Вольф не только дает списки чинов государственного аппарата Литвы, перед каждым из таких списков он составляет краткую справку о времени возникновения этой должности, присущих ей функциях, их изменениях и т.п. В отличие от высказанного позднее в книге «Князья литовско-русские...» мнения, что в правах и положении князей Литва брала пример с России, возникновение государственного аппарата, отдельных должностей в Великом княжестве Литовском Ю. Вольф связывает с подражанием Польше: «В Польше каждый должен был кем-то быть, каждый стремился к титулу и должности. Это не требовало работы, не вынуждало

---

[16] Rozprawy i sprawozdania. 1884. T XVII. S. 38.

[17] Книга Ю. Вольфа «Ród Gedimina» имеет подзаголовок «Dodatki i poprawki do dzieł K. Stadnickiego: «Synowie Gedimina», «Olgierd i Kieistut» и «Bracia Władysława Jagiełły».

[18] *Wolff J. O.* Żyd ministrem króla Zygmunta.

[19] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze... В предисловии к книге отмечено, что автора натолкнула на мысль написать эту работу монография Ю. Блешынского: *Błeszyński J.* Spis senatorów i dygnitarzy koronnych (świeckich) z XVII wieku. Warszawa, 1872.

к самопожертвованию, но придавало достоинства и значения. В Литве должности возникали постепенно, по примеру Короны»[20].

Книга о Пацах (1885) – первый опыт большой историко-генеалогической работы об одной семье. А последняя книга – «Князья литовско-русские...» (1895) – это уже большой сводный справочник, содержащий прокомментированные родословные росписи всех княжеских родов, служивших в XIV–XVI вв. в Литве и отчасти на Руси (Рюриковичи, Гедиминовичи, выезжие из других стран). В эту книгу вошли предшествующие работы Ю. Вольфа – целиком «Род Гедимина» и «О князьях Кобринских», материалы из других исследований, связанные с историей княжеских семей.

Все работы Ю. Вольфа посвящены истории конкретных семей и лиц. Очерк, посвященный Аврааму Езофовичу, целиком написан по материалам Литовской метрики, в котором автор умело использовал косвенные свидетельства актов. Ю. Вольф отмечает, что не сохранились основные материалы, подтверждающие продвижение Авраама по служебной лестнице, принятие им христианства, возведение его в дворянство, нет и акта о назначении его подскарбием Великого княжества Литовского[21].

Чтобы написать биографию Авраама Езофовича, Вольф использует косвенные показания источников: подписи подскарбия под актами, упоминание о нем, как о свидетеле сделок, участнике церемоний. Поэтому при отсутствии исчерпывающих записей в документах все же каждый момент в этой биографии подтвержден актами.

В книге «Князья литовско-русские...», говоря о происхождении литовских князей, Ю. Вольф отмечает, что в Литве, которая в данном случае брала пример с Руси, этот титул применялся только к лицам, происходившим непосредственно от княжеской династии. В Литве князьями были потомки правящей литовской династии и потомки русских князей. «Будучи только потомками господствующей династии, князья составляли замкнутое в себе сословие; кто не был князем, не мог им стать»[22].

Княжеский титул в Литве, как полагал автор, не мог дать ни король, ни состояние. Отмечая, что русские родословные легенды упоминают «о выезде предков некоторых князей из-за границы», Вольф считает, что «это, очевидно, позднейшие вымыслы, придуманные якобы для возвеличивания рода»[23]. В то же время родословие литовских князей,

---

[20] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze... S. 196–197. В другом месте: «Объединившись с Польшей, Литва постепенно начала управляться по ее образцу и заводить такие же учреждения» (Ibid. S. 1).

[21] Ibid. S. 109, 112.

[22] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. XX.

[23] Ibid. S. XIX.

составленное в XVI в., заслуживает, по мнению Вольфа, большого доверия, когда сообщает о происхождении современных ему княжеских семей, сохранивших в то время еще «свежие воспоминания о своих предках»[24].

Такие изыскания были нужны Вольфу, чтобы отделить фамилии, восходящие к средневековым княжеским родам, от фамилий, приписавшихся к этим родам. Эта работа была начата в книге «Род Гедимина» и завершена в монографии «Князья литовско-русские...», где есть специальный раздел «Псевдокнязья».

Изучение актового материала убеждает Ю. Вольфа в том, что «все истинные князья – во всяком случае до второй половины XVI в. – постоянно титуловались князьями, никогда не опуская своего титула; естественным выводом из этого будет, что все, кто в упомянутой эпохе выступает без княжеского титула, князьями не были». В то же время с конца XVI в. множество семей стремилось доказать свое княжеское происхождение. «Сходство имен, прозвищ, патронимов, гербов, ошибки хронистов, описки переписчиков документов использовались наилучшим способом»[25].

Начиная с первой работы «О князьях Кобринских» и до последней «Князья литовско-русские...», Вольф везде тщательно прослеживает все сведения о родоначальниках, отделяя потомков княжеских родов от семей, приписавшихся к князьям. Уже в отзыве З. Радзиминского на работу «О князьях Кобринских», опубликованном в 1884 г., отмечался великолепный анализ сведений различных источников, позволивший Вольфу установить родоначальника Сангушков. З. Радзиминский писал, что вопрос о происхождении Сангушков был поставлен еще К. Стадницким, и только спустя тридцать лет Ю. Вольф «поднял брошенную им в пространство перчатку» и разрешил эту проблему[26]. Большое место в книге «Род Гедимина» занимает и определение родоначальников княжеских семей. Здесь сам материал – биографии сыновей Гедимина и Ольгерда – дает возможность автору проследить, какие из княжеских литовских родов восходили к правящей династии. Все эти материалы вошли в книгу «Князья литовско-русские...», как в книгу «Род Гедимина» вошли исследования о родоначальниках князей Кобринских и Сангушков из более ранней работы.

Характерная черта, выделяющая работы Ю. Вольфа, – это исчерпывающее использование актового материала. Оно выражается не только в широте и количестве привлеченных актов, но и в том, что автор пол-

---

[24] *Wolff J.* Ród Gedimina. S. VI. 4, 5. Здесь Ю. Вольф имеет в виду родословия, опубликованные в «Бархатной книге» и XVII томе ПСРЛ.

[25] *Id.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy. S. 33–35, 649.

[26] *Radzimiński Z. L.* Dodatkowe uwagi do rozprawy powyższej // Rozprawy i sprawozdania. T. XVII. S. 32.

ностью использовал содержание каждого документа: известия об отдельных лицах, установление родственной связи между записанными в источнике лицами, свидетельства о должностном положении тех, кто скреплял документ, и т. д. Надо сказать, что акты – почти единственный источник для XV–XVI вв., позволяющий установить родственные связи между отдельными семьями, поскольку их сведения относятся одновременно к двум или более семьям, находящимся в родстве.

Ю. Вольф не только дает отсылки на использованные документы, каждый раз – в тексте или ссылке – он приводит характеристику документа, на который опирается: вид, точную дату, место выдачи, иногда краткое изложение содержания. Как и в отношении родословных легенд XVI в., Вольф четко оценивает свое отношение к документу, приводит свои соображения относительно мест, где возможна ошибка.

Определяя происхождение той или иной семьи, Ю. Вольф, кроме показаний источников, конкретно-исторического материала, широко использует для своих доказательств сведения антропонимики. Впервые он привлек их в монографии о Пацах. Чтобы выявить родоначальника Пацев, Вольф собрал и сопоставил известия о ряде лиц XV–XVI вв., имевших прозвище Пац, а также определил время, когда, став родовым прозвищем ряда семей, как индивидуальное оно уже не встречалось[27]. Эти наблюдения имеют более общий характер, связанный с проблемой происхождения фамилий в средние века. Они приводят Ю. Вольфа к выводу, что «имена, прозвища и фамилии, происходящие от названия местности, не были исключительно привилегией князей, но употреблялись и в других слоях общества»[28]. Широко использует Ю. Вольф данные антропонимики и при определении фамилий лиц, приписавшихся к потомкам Гедимина, причем эти данные, как правило, сочетаются с определением истинного родоначальника семьи.

Вся трудоемкость предпринятой работы, а также трудности обработки актового материала охарактеризованы им во введении к книге «Пацы»: «Работа эта, основанная почти исключительно на документах, содержащихся в Литовской метрике, есть лишь только собрание материалов, которые трудно из-за их содержания объединить в единое целое. Насколько документы метрики достоверны и ценны, настолько их содержание всегда архисухое, касается пожалований, покупки или продажи, состояний, процессов или договоров, реже записей и завещаний. Такой материал для желающего его использовать представляет большие трудности, особенно если увлечение историей и желание служить отечественной истории должны заменить беглое перо и критические чувства»[29].

---

[27] *Wolff J.* Pacowie. S. 1–3.

[28] *Id.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy. S. 33–35, 649.

[29] *Id.* Pacowie. S. VI.

Работы Ю. Вольфа не проходили незамеченными. В рапорте метриканта в 1884 г., где перечислены все работы, написанные по материалам Литовской метрики, упомянут очерк «О князьях Кобринских»[30]. В 1886 на книгу «Род Гедимина» появилась рецензия в журнале «Исторический вестник». Автор рецензии ставит книгу Ю. Вольфа в один ряд с работами Антоновича, Кояловича, Иловайского. Особо подчеркивается, что здесь впервые использованы материалы Литовской метрики и работы русских историков. Общая оценка книги высокая: «Вообще труд г. Вольфа, хотя и специально генеалогический, тем не менее затрагивает весьма важные вопросы»[31].

В 1885 г. был опубликован в переводе на русский язык очерк об Аврааме Езофовиче[32]. В архиве А. А. Шахматова хранится рукописный перевод раздела о князьях Мосальских из книги «Князья литовско-русские...»[33]. Работы Ю. Вольфа неоднократно использовались исследователями, занимавшимися проблемами политической истории Литвы[34]. Они используются и современными историками.

Значение работ Ю. Вольфа в истории польской генеалогической литературы достаточно полно определено В. Двожачеком: «Несмотря на наличие более поздних работ, касающихся этой же темы, написанных различными историками и имеющих иногда содержание хотя бы с виду более эффектное, фундаментом надежных сведений для исследователя остаются по сей день неоценимые «Князья литовско-русские»[35]. Они занимают видное место и в русской генеалогии того времени.

В 80-х годах XIX в. и складывались основы тех направлений в генеалогии, которые получили бурное развитие в конце XIX – начале XX в.: публикация отдельных дворянских родословий, которая «все более становится предметом тщеславной моды», и «стремление обобщить громадный материал предмета», которое «сказывается в появлении работ по библиографии генеалогии, в создании сводных тематических работ»[36]. Надо сразу сказать, что русские генеалогические справочники

---

[30] РГАДА. Ф. 328. Д. 248. Л. 19–а.

[31] *Ф. Б.* Рец. на кн.: Ród Gedimina // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 25. С. 173. Автор рецензии – Федор Ильич Булгаков, три книги которого были опубликованы в 1885–1886 гг. в издательстве «Товарищество М. О. Вольф». С редактором этого журнала С. Н. Шубинским издательство также постоянно поддерживало контакты.

[32] *И.В.* Еврей-министр при короле Сигизмунде. С. 105–149. В словаре И. Ф. Масанова автор очерка расшифровывается как сотрудник журнала «Восход». См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 113.

[33] РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 24.

[34] См.: *Любавский М. К.* К вопросу об удельных князьях. СПб., 1894. С. 12–15 и сл.; *Мятлев Н.* К родословию князей Мстиславских. М., 1915.

[35] *Dworzaczek W.* Genealogia. Warszawa, 1959. S. 119–125.

[36] *Янин В. Л.* Генеалогия и геральдика // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 632–633.

П. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, хотя и широкие по кругу записанных фамилий, но содержащие случайный биографический комментарий, не могут сравниться в этом плане с работами Ю. Вольфа. Лишь опубликованные в 80-х годах монографические работы А. В. Экземплярского по истории отдельных великих княжений[37] по манере изложения материала напоминают работы Вольфа, но в них несравненно у́же круг привлеченных источников и состав росписей.

Одновременно с книгами Ю. Вольфа была опубликована монография П. Н. Петрова «История родов русского дворянства», вызвавшая отзывы А. П. Барсукова и Д. Ф. Кобеко[38]. Эти работы наиболее отчетливо показывают состояние как источниковой базы, так и методических приемов русских генеалогов. Прежде всего, для них характерно случайное привлечение актового материала и вытекающее из этого отсутствие сведений о браках и, следственно, о связях между отдельными семьями. Связь между рядом семей, образовавшаяся в результате браков, и, как возможный результат этого, участие их в одних и тех же политических группировках, потомственная служба в государственных учреждениях, образование единых земельных владений в работах русских генеало́гов не затрагивались.

Для работ этого времени характерен также отказ от научного анализа родословных легенд. Вопрос о действительном происхождении родоначальника фамилии, о причинах создания родословных легенд подменялся дворянскими историками анализом сомнительных фактов, записанных в этих легендах, из которых самые фантастические опровергались. И тем более в русской генеалогии никогда не вставал вопрос о семьях, ложно приписавшихся к княжеским родам.

Следует отметить и различия в характере источников по средневековой русской и польско-литовской генеалогии. Русские исследования опирались на подлинные родословные росписи XVI–XVII вв., дополненные летописным и выборочным актовым материалом. Польские генеалогические работы XIX в. чаще базировались на актовом материале, который в то время был достаточно широко опубликован. А отсутствие официальных родословных росписей XVI в., вело к выработке методики, позволяющей как можно полно использовать сведения актов для нужд генеалогии.

---

[37] *Экземплярский А. В.* Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1887; *Он же*. Ростовские владетельные князья. Ярославль, 1888; *Он же*. Владетельные князья Белозерские. Ярославль, 1888; *Он же*. Углические владетельные князья. Ярославль, 1889.

[38] *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886; *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887; *Кобеко Д. Ф.* О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии // Записки Русского археологического общества. СПб., 1887. Т. 2. С. 271–292; *Он же*. Дополнительная заметка к статье о разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской генеалогии // Там же. 1887. Т. 3. Вып. 2. С. 194–198.

В работах Ю. Вольфа везде, где это было возможно, привлечены росписи русских родословных книг. Соединенные с известиями актов XV–XVII вв., они и дали то богатство сведений, которое мы находим в «Князьях литовско-русских...».

И в заключение следует остановиться на одной энциклопедической статье, связанной с проблемами авторства ряда исследований Ю. Вольфа.

В 1897 г. в словаре Брокгауза и Эфрона В. В. Руммель опубликовал статью «Ожаровские», где авторство книг «Пацы», «Род Гедимина» и «Князья литовско-русские» приписано «известному знатоку древней польской генеалогии К. Ф. Ожаровскому, он же издал (анонимно) трехтомное исследование о Сапегах[39]. Ю. Вольф также называет К. Ф. Ожаровского автором книги «Сапеги»[40]. Книги о Сапегах и Пацах состоят из поколенных росписей, содержащих обширные биографические очерки о каждом лице. Основная масса сведений почерпнута из книг Литовской метрики; практически этот источник в других работах по генеалогии не использовался. Оформлены обе книги полиграфически одинаково, а первый том «Сапегов» (1890) напечатан в той же типографии, что и «Пацы»[41].

Но на этом сходство кончается. Для книг Ю. Вольфа характерно дослов-ное совпадение сведений об одних и тех же лицах в разных работах, в каком бы контексте они ни приводились. Главное отличие работ Ю. Вольфа от книги «Сапеги» в том, что во вступительной части в книгах Вольфа всегда есть историческая концепция. Вольф старается объяснить происхождение дворянства, особенности положения князей, особенности положения польского дворянства в средневековье: «В прошлом привилегированное сословие – шляхта – имело свои права, а сословное неравенство привилегии и особые права, которые сегодня признаются за избыточные, соответствовали определенной эпохе

---

[39] Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1897. Т. 21-а. С. 758. В статье не указано, что К. Ф. Ожаровский был автором работ: «Senatorowie i dygnitarze», «O kniaziach Kobryńskich», «Żyd ministrem króla Zygvunta». В то же время эти работы, как и три, перечисленные Руммелем, названы работами одного автора в книге «Kniaziowie Litewsko-Ruscy».

[40] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy. S. XIII. Книга «Sapiehowie: Materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe» (SPb., 1890–1894. Т. 1–3) издана без указания автора. Лишь в 3-м томе есть указание, что его издал Б. Горчак.

[41] «Pacowie» – на титуле «W drukarni F. Suszczyńskiego»; «Sapiehowie». Т. 1 – на титуле «W drukarni b. Suszczyńskiego». Интересна история издания книг Ю. Вольфа. Две из них – «Род Гедимина» и «Сенаторы и сановники» – были изданы в Кракове, в типографии Анчыца, т. е. юридически в Австрии. Но эта типография с 1875 г. фактически принадлежала варшавской фирме «Гебетнер и Вольф», которая издала в 1895 г. уже в Варшаве последнюю книгу Ю. Вольфа. См.: *Muszkowski I.* Z dziejów firmy Gebethner i Wolff. 1857–1937. Warszawa, 1938. S. 15–17. Варшавское издательство «Гебетнер и Вольф» не было связано с петербургским «Товариществом М. О. Вольф», и один из директоров варшавской фирмы Юзеф Вольф (1862–1918) был однофамильцем историка-генеалога. См.: Ibid. S. 22–24.

цивилизации»[42]. Автор говорит о происхождении понятия «князь», сравнивает его с другими дворянскими титулами, дает характеристику материалов Литовской метрики, пишет о трудностях работы с ними, о закономерностях образования фамилий. Книги Ю. Вольфа – не просто генеалогические справочники, а историко-генеалогические исследования.

Книга о Сапегах по своему научному уровню стоит ниже книг Ю. Вольфа. Это в прямом смысле слова генеалогический справочник, хотя и великолепно оформленный, с обширным фактическим материалом: в нем опубликованы ценные документы по истории Сапег. Если сравнить в столь близких по форме книгах «Пацы» и «Сапеги» вступительную часть, где излагается семейная легенда, то это различие видно сразу. Ю. Вольф объясняет значение слова «пац», перечисляет лиц с этим прозвищем, упоминаемых в документах XV–XVII вв., разбирает и отвергает позднюю легенду о происхождении Пацев из Италии. В предисловии к «Сапегам» не сказано о происхождении этой семьи, а лишь описано, как они получили княжеский титул от германского императора.

В книге «Князья литовско-русские...» Ю. Вольфа легенда Сапег по форме ближе к легенде Пацев из работы «Пацы». Здесь разобраны ошибки, благодаря которым в некоторых генеалогических трудах Сапеги считались потомками Гедимина, а также вопросы о подделках ранних документов, относящихся к Сапегам[43].

Не вызывает сомнений, что доступ к Литовской метрике был у Вольфа лишь благодаря К. Ф. Ожаровскому. Мы не исключаем возможности того, что Ю. Вольф участвовал в создании книги «Сапеги», написанной на том же материале и в той же манере, что и его книги[44]. Можно предположить, что материалы Литовской метрики, которая с 1878 г. в течение четырех лет копировалась для Ожаровского, обрабатывал и готовил к изданию Ю. Вольф, но окончательное редактирование книги «Сапеги» принадлежит К. Ф. Ожаровскому. Поэтому «Сапеги» и стоят в одном ряду с традиционными генеалогическими книгами того времени. Если наше предположение правильно, то, вспомнив, что «Сапеги» издавались в 1890–1894 гг., можно понять, почему Ю. Вольф, за три года опубликовавший пять работ (одну в 1884 г., три в 1885 г. и одну в 1886 г.), шестую напечатал лишь в 1895 г.

Таковы известные нам сведения о молодом и увлеченном исследователе русско-литовской истории, как охарактеризовал Ю. Вольфа

---

[42] *Wolff J.* Pacowie. S. V.

[43] *Id.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy. S. 678–679.

[44] В приведенном В. В. Руммелем списке работ К. Ф. Ожаровского не упомянута его книга о литовских князьях, написанная по-русски, но изданная анонимно на французском языке. Эту книгу он, как автор, подарил в 1878 г. в Литовскую метрику. См.: РГАДА. Ф. 328. Д. 242. Л. 23об.

З. Радзиминский, представлявший в 1882 г. его работу о князьях Кобринских[45] на заседании в Кракове.

Эти сведения позволяют говорить, что Ю. Вольф был самостоятельным и оригинальным исследователем по генеалогии княжеских семей, он сумел создать высоконаучные генеалогические справочники, сохранившие свое значение до наших дней. Ю. Вольф не создал собственной научной концепции о происхождении и эволюции дворянства, его исторические рассуждения тесно связаны с идеями современных ему либеральных историков. Но сама мысль связать задачи генеалогии с задачами исторического исследования – вопросами происхождения дворянских титулов и привилегий, государственных должностей, проблемами ономастики, проверкой достоверности родословных легенд и др. – была новой и прогрессивной, так как в то время основной целью, которую видели перед собой авторы генеалогических работ, являлось возвеличивание истории отдельной семьи, иногда в ущерб исторической правде.

Можно сказать также, что жизнь в Петербурге не только дала толчок для серьезного изучения источников по генеалогии, но и способствовала разви-тию научных взглядов Ю. Вольфа.

---

[45] *Radzimiński Z. L.* Dodatkowe uwagi. S. 32.

К 140-летию Николая Петровича Лихачева[1*]

Я привык, что со мной все
происходит не по шаблону.
Из письма Н. П. Лихачева
С. Ф. Платонову

Еще пятьдесят лет назад отечественная историография относила Н. П. Лихачева к тем буржуазным историкам, чьи исследования отличаются мелкотемьем. Сегодня авторы многих работ, посвященных анализу творческого научного наследия Н. П. Лихачева, не скупятся на эпитеты. «Крупнейший историк, в трудах которого источниковедение достигло высшего для буржуазной историографии предела» (В. Л. Янин); «разносторонность интересов ученого была обусловлена его пониманием исторического источниковедения, единства письменного источника и вещественного...» (Л. Н. Простоволосова); «историк по образованию, владелец музея стал крупнейшим в России специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин... то, что он начинал, теперь называется «комплексным источниковедением» (М. Л. Свойский).

Такое же разнообразие оценок деятельности Н. П. Лихачева было и при его жизни. Еще двадцатилетним, начинающим ученым он понял, что главное для него – «всепоглощающая страсть к архивным и кабинетным разысканиям» при полном отвращении «к административной деятельности» и «хладнокровное отношение к педагогической» деятельности. Поэтому Н. П. Лихачев так и не сделал чиновничьей карьеры, хотя какое-то время работал в Публичной библиотеке, не стал популярным лектором, хотя преподавал в Петербургском археологическом институте.

---

[1] * Русский родословец: Альманах. Черноголовка (Моск. обл.): Территория, 2002. № 1(2). С. 49–53.

Разносторонняя критика развернулась и вокруг его докторской защиты (1891 г.); докторский диспут длился шесть с половиной часов, а затем продолжался на страницах газет. Н. П. Лихачева обвиняли в узости темы, увлечении фактами, его сочинение «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» сравнивалось с библиотечным каталогом. Однако любому, когда-либо обратившемуся к его работам, видно, что они написаны с истинным увлечением и любовью к источнику, к затронутой теме.

О Лихачеве мало вспоминают как об активном организаторе науки, а ведь он не только состоял почти во всех исторических обществах России, он сам был одним из основателей Русского генеалогического общества в С.-Петербурге, издал четыре тома «Известий РГО», был в числе тех, кто возобновил деятельность РГО в 1919 г. В одном из протоколов заседания общества было записано, что Лихачев подарил все свои записи об истории родословных книг Ю. В. Татищеву, который собирался изучать историю создания рукописей.

Николай Петрович Лихачев принадлежал к старинной дворянской семье, упоминания о деятельности его предков восходят к XV в. Сам Лихачев блестяще охарактеризовал положение своей семьи в русской истории, дав обобщающую характеристику формирования административного аппарата России XVII в.: «В Московской Руси довольно ясно различались два слоя служилых людей – люди родословные и неродословные... Люди родословные обыкновенно своих юных сочленов устраивали на службу не ниже московского дворянства, а многие стольниками с малых лет. Для таких фамилий деловая, приказная служба была редким исключением. Неродословное дворянство, чтобы выбиться из рядовых детей боярских, получить положение и почести, наоборот, выдвигало лучших своих представителей именно путем службы в приказах».

Не доверяя пышной родословной легенде Лихачевых, Николай Петрович полагал, что его предки принадлежали к тем детям боярским, которых Иван III «испоместил» на Новгородских землях после присоединения Новгорода к Москве. Тогда и появляется впервые Алексей Лихач, от которого пошли Лихачевы. Наибольшего расцвета, («хвастовство», как определил это сам Н. П. Лихачев) семья достигает в XVII в., когда Лихачевы «дотянулись до окольничества, и нет сомнения, что проживи царь Федор Алексеевич еще несколько лет, они попали бы в бояре». В одном источнике XVII в. о Лихачеве Иване есть запись: «Отечеством добр, а собою обышный». Предком Н. П. Лихачева был один из известнейших политических деятелей XVII в. Федор Лихачев – автор биографии царя Федора Алексеевича (этот труд был известен В. Н. Татищеву); к этому же времени восходит начало комплектования семейной библиотеки, сохранившейся до конца XIX в.

Николай Петрович родился и вырос в Казани, закончил там университет, защитил магистерскую (1889 г.) и докторскую (1891 г.) диссертации, но вся его дальнейшая судьба была связана с С.-Петербургом.

В 1888 г. была опубликована его первая монография «Разрядные дьяки XVI века», в которой автор в процессе исследования истории государственного учреждения впервые предложил свою теорию происхождения родословных книг в России, доказал существование и состав Государева родословца, составленного около 1555 г. дьяком Елизаром Циплятевым. Эта теория стала отправным пунктом дальнейшего исследования родословных книг, она сохранила свое значение и в наши дни. Для исследователя, занимающегося русской историей, эта книга является своеобразной энциклопедией, настолько она насыщена разнообразными фактами и текстами источников.

Как-то в раннем списке родословных книг я обнаружила неизвестную в науке легенду-памфлет о роде князей Глинских, которая привела меня в восторг именно редкостью своей формы – памфлет. Готовя текст к изданию, я нашла очень близкий вариант этой легенды в сносках книги «Разрядные дьяки». Мне повезло: у Лихачева была дефектная рукопись, в которой отсутствовали именно «памфлетные» фразы. Однако он оценил необычность самой легенды и опубликовал ее.

Чем всегда поражает Н. П. Лихачев, так это своей многогранностью. В основном он известен как один из крупнейших специалистов по истории русского средневековья, но он с одинаковым интересом и изяществом изучал историю рукописей, рукописной книги и почерка (составил Картотеку грамотности XVI–XVII вв. по автографам на русских грамотах, в которой собран большой палеографический материал, образцы почерка исторических деятелей, а Лихачев как специалист по почерку делал комментарии об уровне образованности этих людей), водяные знаки (автор одного из известных справочников по филиграням), печати и монеты (русские, европейские, византийские); он же был одним из ведущих специалистов по русской генеалогии, дипломатике, истории искусства. Для Николая Петровича Лихачева характерно умение работать и с письменными, и с вещественными памятниками. Его понятие «дипломатики» включает кроме истории текста актов историю письма во всем его объеме: бумага, водяные знаки, почерк, печати, их эмблематика и способ скрепления. При этом сопоставляются документы разных стран и эпох. Получается яркая картина грамотности и складывается история оформления документа, ведущая к истокам государственности, когда создание письменного документа появилось как потребность зафиксировать юридические нормы, а само письменное оформление свидетельствовало о возросшем уровне общественного сознания.

Эрудицию и талант Н. П. Лихачева высоко ценили старшие современники. С В. О. Ключевским он беседовал о местничестве и сословиях и поражался его блестящей памяти. Д. Ф. Кобеко взял Н. П. Лихачева на работу в Публичную библиотеку, оценив его страсть к библиографической работе, знания по истории книги.

Список работ Н. П. Лихачева включает немногим более двухсот названий, куда входят и опубликованные посмертно. К его работам вполне можно применить слова самого Николая Петровича: «С каждым годом материал не стареет, а уясняется». Именно то, что внимание автора часто привлекали конкретные сюжеты, которые он тщательно прорабатывал, сегодня стало толчком к новым открытиям. В 1913 г. он опубликовал статью «Генеалогия рода Корсаковых», в которой изложил историю создания редкого для XVII в. труда – генеалогии с экскурсами в античные времена, со стихами и гербами, составленной Корсаковыми. Затем эта рукопись надолго исчезла из поля зрения историков и вновь была найдена и опубликована А. П. Богдановым.

Заметки Н. П. Лихачева по генеалогии, родственным связям XVI в. до сих пор используются генеалогами, а работы о происхождении личных прозвищ, фамилий – не только положили начало русской антропонимике, но имеют большое значение при изучении истории сословий.

Когда-то я посетовала С. Н. Валку, что не видела черновиков, различных вариантов исследований, которые бы показали, как именно работал Н. П. Лихачев. С. Н. Валк улыбнулся и сказал, что у Н. П. не было черновиков и набросков: он писал сразу для публикации.

А об одном вкладе Лихачева в представления о роли генеалогии в историческом исследовании, сделанном в 20-е гг. XX в., мне также рассказал С. Н. Валк. Он редактировал мою статью, написанную для «Вспомогательных исторических дисциплин», и мы говорили об оценке очерка о генеалогии в книге А. М. Большакова (1924 г.). Валк считал, что моя оценка идей Большакова слишком высока и вдруг сказал, что все, что написал Большаков о генеалогии – это взгляды Н. П. Лихачева. А. М. Большаков был партийным историком, ему поручили написать пособие по всем видам вспомогательных исторических дисциплин. Он ничего не знал о генеалогии, как и большинство молодых историков. Поэтому Большаков обратился к Лихачеву, и тот рассказал ему о генеалогии. Этот рассказ и стал частью пособия, которое затем четыре десятка лет приводило читателей в восторг.

Кроме исследований по вспомогательным историческим дисциплинам, истории средневековья Николай Петрович занимался историей русского спорта, сам был тяжелоатлетом международного класса и участвовал в соревнованиях на арене цирка. Сохранился его портрет в спортивном трико, украшенном медалями, с лентой через плечо. Уже будучи магистром русской истории, он побеждал на международных

соревнованиях по тяжелой атлетике. По преданию, Лихачев был чемпионом Европы, что тогда приравнивалось к чемпиону мира.

Но, как сознавался сам Н. П. Лихачев, его «всепоглощающей страстью» было коллекционирование. Н. П. Лихачев коллекционировал исторические источники: письменные – от египетских папирусов и клинописи Двуречья до «летучек» (листовок) Французской революции XVIII в., книги – от древних рукописей до редких русских провинциальных изданий; материальные – монеты, печати, мебель, иконы и живопись, и многие другие.

Коллекционером был не только Николай Петрович, но и другие Лихачевы. Их семейная библиотека также была коллекцией, собиравшейся несколько веков и включавшей рукописные книги. В семье была коллекция монет. А свою личную коллекцию произведений искусства дядя Николая Петровича – А. Ф. Лихачев подарил вместе с особняком городу Казани, и она стала основой Казанского музея.

Коллекционирование исторических источников роднило Лихачева с такими известными собирателями древностей, какими были его современники – братья Щукины, Третьяков, Бахрушин; только предмет коллекционирования у Николая Петровича был связан с его профессиональной работой. В его коллекции, несмотря на громадный хронологический охват памятников и разнообразие, не было фальсификатов. Коллекция собиралась профессиональным историком по принципу: единый критический подход к историческим источникам и необходимость как можно более широкого их сопоставления и вза-имной проверки. Музей был, скорее, не отражением состояния исторической науки того времени, а своеобразным порывом к новой цели и отражал предчувствия историков многих стран в том, что необходим поиск новых путей исторического исследования.

Н. П. Лихачев был хорошо известен на европейских аукционах, иногда сам выступал как эксперт. За консультациями к нему обращались и в 20-е гг., когда он уже не мог выезжать из Ленинграда.

А от некоторых своих собраний он избавлялся: когда изменились его интересы коллекционера, он подарил Русскому музею 1497 икон. Эта коллекция составила около половины собрания икон Русского музея.

Среди петербуржских историков ходило много легенд о Лихачеве-коллекционере: как он почти контрабандно вывозил в Россию документы, купленные за рубежом, и о том, как в 20-е гг. деньги, выделенные на хозяйство, тратил на раритеты, замеченные на толкучке. Зимой 1917 г., спасаясь от грабежей, семья подпирала входную дверь дома тяжеленным подлинным египетским саркофагом.

Для себя и своей коллекции Н. П. Лихачев построил дом, а после революции организовал в нем Палеографический кабинет. В этом доме часть мебели и обстановки также представляла историческую

ценность. Екатерина Николаевна Кушева, в дальнейшем крупный специалист по истории Кавказа, рассказала: когда она в первой половине 20-х гг. молоденькой девушкой приехала из Саратова в Петербург для занятий наукой, у нее были рекомендательные письма к петербургским ученым, в том числе к Николаю Петровичу. Ее довольно прохладно встретил С. Ф. Платонов, а о работе в Палеографическом кабинете она вспоминала с восторгом. Н. П. Лихачев, уже тогда маститый ученый, помогал ей советами, сам приносил необходимые рукописи и даже поил ее чаем с сахаром, что в те годы было невиданной роскошью.

Активная научная, издательская, общественная жизнь Н. П. Лихачева была бы невозможна без поддержки семьи. Он был женат на Наталии Геннадиевне Карповой, дочери известного историка Г. Ф. Карпова; по материнской линии Наталия Геннадиевна была внучкой самой богатой женщины России – А. Т. Морозовой. Поговаривали, что бабушка обещала бесприданнице-внучке по пятьдесят тысяч за каждого ребенка. Лихачевы воспитали девять детей.

В 1901 г. Н. П. Лихачев был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1925 г. – действительным членом.

Война, начавшаяся в 1914 г., многое изменила в привычной жизни; стали невозможными поездки на европейские аукционы и пополнение обширной коллекции.

В 20-е гг. Лихачев все силы отдавал своему Палеографическому кабинету, как он назвал свою коллекцию. Поняв, что ее можно сохранить, только передав авторитетной научной организации, Н. П. Лихачев по совету ученых в 1925 г. передал коллекцию Академии наук, в ее составе она стала называться Музей палеографии, а Николай Петрович был назначен директором музея. Как видно из переписки, он очень переживал свою утрату.

Музей палеографии был открыт для посетителей и занятий и скоро стал научной лабораторией для молодых ленинградских медиевистов. Сам Лихачев продолжал научную работу: в последние годы Лихачев занимался исследованием византийских монет, в основном по своему собранию, и готовил работу к печати. После ареста рукопись была конфискована вместе с его личным архивом и затем бесследно исчезла.

В январе 1930 г. он был арестован по так называемому Академическому делу, в 1931 г. сослан в Астрахань. Лихачева волновала судьба Музея, о чем он писал непременному секретарю Академии наук, но больше всего его тяготила невозможность профессиональной работы в Астрахани. В письмах из Астрахани звучит отчаяние: работу найти невозможно, значит, нет ни денег, ни продовольственной карточки, без которой не купишь продукты. Однажды он предложил помощь сотрудникам местного архива, которые не могли прочитать древние рукописи, но это предложение было отклонено. Позже ему разрешили

помочь местному музею систематизировать коллекцию древних монет, которые стояли неразобранными в ведрах. Во время разборки пару раз мимо Лихачева проходили партийные работники и с сочувствием обращались к нему: «Что, старичок, все копаешься? Небось есть там и древние монеты, столетние?»

Наталия Геннадиевна неоднократно просила, чтобы ей разрешили уехать в Астрахань к мужу. В 1933 г. супруга Николая Петровича добилась его возвращения в Ленинград, где Николай Петрович провел последние годы жизни, которые были достаточно тяжелыми: Лихачев добивался, чтобы ему вернули конфискованные рукописи научных трудов, особенно для него была важна работа по исследованию византийских монет; писал в Правительство Куйбышеву, ссылаясь на то, что в приговоре суда не было пункта о конфискации имущества. Рукопись так и не была возвращена; свой экземпляр корректуры Лихачеву передал А. В. Орешников. Завершить эту книгу Н. П. Лихачев не успел.

В 60-е гг., когда исполнилось 100 лет со дня рождения Н. П. Лихачева, в Ленинграде прошла специальная конференция, была опубликован юбилейная статья В. Л. Янина в журнале «Советская археология»; на доме, в котором жил Н. П. Лихачев, установлена мемориальная доска, сам Н. П. Лихачев посмертно восстановлен в звании академика, наконец, позднее была организована выставка материалов из коллекции Лихачева, где были представлены хранящиеся в различных музеях вещи из его собрания. Постепенно переиздаются его труды, и становится ясно, что мы потеряли историка громадного масштаба и таланта, который профессионально работал с вещественными и письменными источниками, разрабатывая новые методы их исследования. Об исследовательской манере Н. П. Лихачева писал еще А. А. Шахматов, полагая, что каждая статья Николая Петровича ясно отражает не только обшир-нейшие знания, но также неудержимое стремление к стройной их систематизации.

* * *

Многоуважаемому и милому дяде Коле
от любящего племянника

Genealogia[2]

На сумерках потрескавшихся фанов
В косноязычии грамот и указов.
Года, поступки, лица и названья –

[2] Архив РАН. Ф. 246. П. 2. № 44. Л. 4.

Единой цепи спутанные звенья.
Но в полумраке часть их скрыта тенью,
И бликами подчеркнута другая;
Прапрадеда в забвеньи случай топчет,
Прозванье бабки уцелело в купчей.
И сохранившееся завещанье
Рассказывает о полудне рода.
Бумагами, крестами и вещами
Цепляются столетья друг за друга,
И поколенья льнут одно к другому,
И люди смерть превозмогают ими.
Тщеславие? Оно глупцов забава.
Перед лицом веков позор и слава –
Два одинаково неслышных слова,
Две капли в той неумолимой лаве,
Которой мы названье дали: «время».
Но ощущать себя в тысячелетьи,
Учитывать слагаемые суммы,
Знать формулу своей сложнейшей крови,
Доказывать себя как теорему
На основаньи линий родословья –
И траурный ультрамарин Хованских,
И кровь Пожарских – пламя спиртовое,
С берлинскою лазурью Тизенгаузен
Смешать в сосуде памяти и мысли;
Вот чем я занят краткими ночами.
Грядущее на гибком коромысле
Уравновесить с прошлыми веками.

В семье наук, своих сестер державных
Генеалогия не знает равных.

9 июня 1924 года
Л. Лихачев

Степан Борисович Веселовский – генеалог[1*]

С. Б. Веселовский справедливо считается крупнейшим специалистом по древнерусской генеалогии. О пристрастии к этой вспомогательной исторической дисциплине свидетельствует большинство его работ, в основе которых лежит исследование истории крупнейших княжеских и боярских родов XV–XVI вв. Но только в последние годы, когда стали известны материалы архива Веселовского[2] и часть из них издана[3], можно в полной мере оценить вклад, сделанный автором в развитие русской генеалогии. Он возродил генеалогическое исследование в советской исторической науке.

Для дореволюционных исследователей, оставивших значительное число публикаций, справочников по генеалогии, характерна узость задачи, история семьи описывалась вне связи с общеисторическим процессом. Хотя наиболее передовые историки считали, что надо изучать историю семей независимо от их социального положения[4], практически публиковались работы, посвященные дворянским родам. Эта ограниченность привела к отрицанию роли генеалогии в историческом исследовании вообще, которое сложилось к 30-м годам.

Веселовский занялся генеалогией, имея большой опыт исследовательской работы. Изучение древнерусского землевладения привело его к необходимости реконструировать первоначальный состав вотчины, историю вотчинников. Предпринятое им систематическое обследова-

---

[1] * История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 42–56.

[2] Подробнее см.: *Левшин Б. В.* Обзор документальных материалов фонда академика С. Б. Веселовского // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 260–262.

[3] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Он же*. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; *Он же*. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

[4] *Савелов Л. М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Первое полугодие. М., [1908]. С. 12–13 и сл.

ние актов требовало исторического комментирования текста. Эти научные интересы привели автора к занятиям генеалогией.

Если судить по работам, опубликованным при жизни Веселовского, он начал заниматься генеалогией с середины 30-х годов. В первой работе, посвященной специально феодальному землевладению XIV–XVI вв., генеалогические разыскания отсутствуют[5]. В следующей монографии уже появляются очерки по истории семей некоторых мелких землевладельцев, связанных с Троице-Сергиевым и Калязиным монастырями[6]. Их источниками послужили монастырские и частные акты, по которым автор проследил историю вотчин примерно за 100–150 лет[7].

Самая ранняя генеалогическая работа Веселовского была опубликована в 1939 г.[8], после нее в печати появились еще два очерка, посвященные истории отдельных родов[9].

И в последней монографии, опубликованной при жизни автора[10], генеалогические очерки занимают значительное место. Их принципиальное отличие от подобных разделов предшествующих работ Веселовского состоит в том, что, наряду с историей вотчины, в них изучена история семьи, подробно разобраны вопросы службы, родственные связи и пр.

С 1925 г. Веселовский систематически изучает акты Троице-Сергиева монастыря[11]. В комментариях к актам, опубликованным в 1929 г., генеалогический аспект практически отсутствует. Веселовский не отождествляет упоминаемых в актах лиц с известными деятелями XV–XVI вв. не устанавливает родственных связей между членами одной семьи, упоминаемыми в разных источниках[12]. В подготовленной позднее публикации первого тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» генеалогическая часть уже поставлена в задачу комментирования[13] и занимает значительное место.

Такое представление о времени занятий Веселовским генеалогией – середина 30-х – 40-е годы – кажется убедительным и с логической точки зрения. Всякое конкретное генеалогическое исследование требует длительного собирания материалов. Принято думать, что в работе ге-

---

[5] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

[6] *Он же.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.: Ист.-социол. исслед. о типах внегородских поселений // Известия ГАИМК. М.; Л., 1936. Вып. 139.

[7] Там же. С. 56–68.

[8] *Он же.* Владимир Гусев – составитель Судебника 1497 г. // ИЗ. 1939. Т. 5.

[9] *Он же.* Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // ИЗ. 1946. Т. 8; *Он же.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Там же. 1947. Т. 22.

[10] *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.

[11] АСЭИ. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 18. В 1929 г. Веселовский писал, что начал эту работу в 1926 г. (Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. М., 1929. Т. 1. С. V).

[12] Памятники социально-экономической истории. Т. 1. С. 2, 5, 135, 180.

[13] АСЭИ. Т. I. С. 18, 23.

неалога сначала создается картотека, составляются росписи, таблицы, а затем пишется монографическое исследование по истории рода – завершающий этап работы. «Всякому, кто занимался генеалогией, – писал Веселовский, – известно, насколько это трудная задача, требующая от составителя хорошей подготовки»[14].

Однако для Веселовского написание очерка по истории рода было не конечной целью работы, а лишь черновым этапом при создании исторического исследования: генеалогические изыскания мы встречаем среди набросков большинства его работ, начиная с 20-х годов. Основную массу среди них составляют монографии по истории боярских родов[15], написанные в 1929–1940 гг. Из сохранившихся 47 очерков 11 подготовлены Веселовским к печати в 1938–1940 гг. в качестве второго тома труда по истории феодального землевладения[16], 28 очерков сейчас опубликованы[17]. Самые ранние монографии о роде Кобылиных, смоленских князьях и Даниловых-Мамоновых датированы 1929 г.

Значительный комплекс генеалогических работ написан им в 1930 г., причем часть этих исследований тематически связана с подготовкой книги «Село и деревня в Северо-Восточной Руси». Большинство очерков посвящено мелким землевладельцам, чьи села отошли к Калязину монастырю (Клобурниковы, Мерлины, Пивовы, Жуковы, Карабузины, Астафьевы, Игнатьевы, Спешневы, Гавреневы, Азарьины, Комнины, Сатины)[18]. Взятые вместе, эти очерки освещают историю землевладения этого монастыря в XV–XVI вв. Все они были законченными работами, где основное внимание уделено истории отдельных сел, их переходу от частных землевладельцев к монастырю. Каждый очерк снабжен родословной таблицей, некоторые имеют карты-схемы земельных владений. Практически отсутствует история службы вотчинников, если она не связана с Калязиным монастырем.

К апрелю – июню 1930 г. относятся и три исследования, вошедшие позднее в монографию «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси»[19], о вотчине боярского рода Квашниных и о рядовых землевладельцах Ворониных и Головкиных.

---

[14] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 245.

[15] Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 29–32 (далее при ссылках на фонд С. Б. Веселовского указываются лишь номера дел).

[16] Д. 32. На папке запись рукой Веселовского: «11 монографий ко II т. Феодального землевладения в Сев.-Вост. Руси». В деле машинопись очерков об истории Сабуровых и Годуновых, Валуевых, Мининых, Старковых, Квашниных, Станищевых, Мячковых, Монастыревых, Всеволожей-Заболоцких, Вельяминовых-Воронцовх, Галицких князей. Два последних очерка датированы 1940 г., остальные – 1938 г.

[17] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев.

[18] Д. 30. Л. 2–44об. Они написаны, судя по датам на рукописях, в марте – мае 1930 г. Ср.: *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси. С. 59–68, 87–92.

[19] Д. 31. Л. 119–164. См.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. С. 165–178, 192–202.

К 1931–1932 гг. принадлежат первые варианты родословий потомков Редеги, Ратши, Бяконта и Всеволожей-Заболоцких, Сабуровых и, очевидно, Воронцовых-Вельяминовых; не датированы очерки Басенковых, Воронцовых, Хвостовых, Беклемишевых, Овцыных, Кутузовых, Волынских, два варианта истории Сорокоумовых-Глебовых, Ховриных, Морозовых, Оболенских князей; только очерк о роде Порховских имеет дату 1940 г.[20]

Таким образом, до 1940 г. Веселовский написал первые, а иногда окончательные варианты истории большинства родов, представители которых играли ведущую роль в жизни Русского государства XV–XVI вв.

В истории создания этих работ выявилась исследовательская самобытность Веселовского. Многочисленные черновые заметки по истории семей (князей Ростовских, Оболенских, Стародубских, Ярославских, Суздальских и среди них отдельно Шуйских и т. д.[21]) показывают, что автор писал их часто не с целью воссоздания истории рода, а для сбора и обобщения известий о службе, переселениях, опалах и других вопросах истории XVI в.

Такая связь генеалогии с решением задач конкретного исследования отразилась на определении этой дисциплины, которое у Веселовского менялось с годами. Мысль о необходимости изучения истории отдельных семей возникает у него одновременно в связи с вопросами как истории феодального землевладения, так и политической жизни. В первом случае «в 100–150 московских уездах быстро созревала новая социальная сила, шедшая на смену и боярству и монастырю – то поместное служилое дворянство, которому суждено было за одно-два человеческих поколения (1563–1619 гг.) разрушить феодальные твердыни боярских вотчин»[22]. Во втором, по мнению Веселовского, при создании единого Русского государства Москва сыграла свою роль в вопросе «об образовании боярства и служилого класса вообще», что

[20] С 1931 по 1939 г. написаны три варианта истории рода Редеги и самостоятельный очерк о Константине Добрынском (Д. 29. Л. 103–123; Д. 31. Л. 11–36), на их основе созда-ется статья о Владимире Гусеве. Из написанного в 1931 г. очерка «Род Ратши» (Д. 31. Л. 37–59) выросла монография «Род и предки А. С. Пушкина в истории», окончательный вариант которой был подготовлен Веселовским к печати в 1949 г. в связи с пушкинским юбилеем (Институт российской истории РАН. ОРФ. Сект. А. Разд. IV. Оп. 1. Д. 6. Л. 27–28). По две редакции имеют исследования о роде Квашниных, Всеволожей-Заболоцких, Монастыревых. В отчете о работе за 1946 г. Веселовский указывал, что, кроме плановых работ, он подготовил к печати три монографии – по истории Квашниных, Всеволожей-Заболоцких и Монастыревых (Там же. Разд. III. Оп. 5. Д. 3. Л. 26).

[21] Д. 86. Л. 121–167. Тематически они связаны с исследованиями Синодика опальных, но в статью ни один очерк не вошел (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории оприч-нины. С. 419, 421, 433–436 и сл.).

[22] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. Т. 1. С. IV.

представлялось автору «менее ясным и более сложным», чем «роль Москвы в объединении русских княжеств»[23].

Поэтому, когда Веселовский приступил к систематическому исследованию «происхождения, состава и социальной природы класса служилых землевладельцев», ему казалось наиболее правильным «начать с настойчивого и терпеливого собирания и изучения фактов, чтобы на основании их строить дальнейшие обобщения...»[24]. Для решения вопросов истории землевладения, по мнению Веселовского, генеалогические материалы, подвергнутые «тщательной критике в своих показаниях и соединенные с другими источниками», «приобретают первостепенное значение»[25]. Хотя Веселовский еще не дает определения генеалогии, в этих высказываниях проскальзывает мысль, что она является источником исторического исследования[26].

В курсе лекций, прочитанном в 1939 г. в Московском государственном историко-архивном институте, Веселовский уже четко определяет генеалогию как вспомогательную дисциплину: «Генеалогия как производное от греческого языка буквально означает родословие, т.е. она устанавливает родственные связи лиц, действовавших на исторической арене»[27]. Далее, развивая задачи генеалогии, автор подчеркивал, что она занимается не историей родовитых людей, но вообще родственными отношениями отдельных лиц. Для феодального периода она наиболее важна, так как тогда люди больше чувствовали принадлежность к одному роду. В этой же лекции Веселовский впервые в советской историографии отметил, что генеалогия может существенно помочь при исследовании вопросов истории крестьянства[28]. Однако эта проблема была поставлена автором лишь в плане пожелания.

Позднее, в 1945 г., Веселовский развил определение генеалогии, показал необходимость ее использования в историческом исследовании. «Может показаться несколько неожиданным, – писал он, – что приходится говорить о генеалогии как о новом источнике для эпохи Грозного. Объясняется это тем, что эта важная историческая вспо-

[23] Д. 81. Л. 23. Этот недатированный этюд находится между двумя другими, датированными 15 мая и 2 июля 1930 г.

[24] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 7. Веселовский не дает определения понятия «род», но из текста ясно, что под этим термином он подразумевает круг семей, которые в XVI–XVII вв. вели свое родословие от едино-го предка.

[25] Там же. С. 21.

[26] Там же. С. 21–22. В черновиках, относящихся к работе над историей опричнины, С. Б. Веселовский так и пишет: «Генеалогия и другие источники показывают...» (Д. 86. Л. 298).

[27] Д. 97. Л. 23. Ср.: *Большаков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1924. С. 173; *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. С. 113.

[28] Д. 97. Л. 23.

могательная дисциплина всегда была у историков в большом пренебрежении. Немногочисленные генеалоги, большей частью любители, а не ученые, не обладали достаточными познаниями в истории и не увязывали своих занятий с запросами исторической науки, а историки находили возможным обходиться без генеалогических данных даже в таких вопросах, освещение которых без помощи генеалогии совершенно невозможно»[29].

Мы видим, что первоначально Веселовский не разграничивал генеалогию как историческую дисциплину и генеалогические материалы. Последние являлись для него источником осмысления истории феодального землевладения, как это наблюдается в первых очерках о мелких землевладельцах, не вошедших в монографию. Потом, накопив значительный фактический материал, он пришел к выводу о необходимости предварительного генеалогического исследования при решении конкретных вопросов истории России. Поэтому поздние работы Веселовского, посвященные решению проблем социальной и политической истории России, часто написаны в форме генеалогического очерка.

Изучение истории землевладения, задуманное автором, требовало систематического сбора материалов о всех вотчинниках. И за выполнение этой в сущности непосильной для одного человека работы принялся Веселовский. В его архиве собраны известия по истории нескольких сотен княжеских и боярских родов.

Генеалогические заготовки Веселовского разнообразны по виду (выписки, родословные таблицы, поколенные росписи и др.) и представляют значительный комплекс записей, иногда несистематизированных, иногда оформленных в виде справочников. Они позволяют проследить этапы генеалогического исследования автора, начиная с первых черновых выписок и кончая созданием монографических очерков.

В своих поисках Веселовский шел от задач исторического исследования или от источника. Он собирал систематические сведения подряд о всех княжеских и боярских фамилиях, не ограничиваясь выделенным кругом родов. В этом его принципиальное отличие от старой школы русских генеалогов, которые предварительно выбирали для своих изысканий определенные фамилии.

О таком начале работы говорят черновые тетради в четвертку, где в правом углу одним почерком и чернилами выписаны фамилии в алфавитном порядке. Позднее из самых разнообразных памятников на эти листы заносились сведения о лицах каждой фамилии; некоторые листы остались незаполненными. На этом этапе расписанные сведения не систематизировались, здесь встречаются разнородные записи

[29] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 292.

об одном человеке, иногда Веселовский набрасывал генеалогические схемы[30].

Основной базой генеалогического исследования Веселовского были составленные им комментированные генеалогические таблицы княжеских, боярских и дворянских родов[31]. Эти таблицы собраны в шести больших конторских книгах[32], содержащих от 140 до 200 листов, они расположены без какой-либо системы, но все книги имеют алфавитный указатель росписей. Таблицы Веселовского содержат два типа сведений – биографические известия о записанных лицах, в большинстве с отсылками на источник, и известия, относящиеся к истории рода в целом, его землевладению, сделанные «на полях».

В основе родословных таблиц, как правило, лежат росписи Бархатной книги и справочников А. Б. Лобанова-Ростовского, В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, иногда акты. Полнота комментариев зависит от сохранности источников; таблицы поглощают сведения черновых записей, но не дублируют их. Часто известия вносятся сюда непосредственно из источника, иногда даты не переводятся на новое летосчисление, особенно когда использован рукописный актовый материал (таблицы Мичуриных, Зубатых и Федчищевых)[33]. Записи расположены не в хронологическом порядке, среди известий о службе встречаются имена жен, названия вотчин и т. д. Лица, для которых установлена лишь принадлежность к роду, но отсутствует точная родственная связь, записаны на соответствующих листах самостоятельно.

Родословные таблицы содержат наиболее полный комплекс сведений по истории рода, и нередко именно они лежат в основе соответствующих очерков. Так, в очерках о князьях Порховских и Валуевых[34] в повествовательной форме изложены все сведения соответствующих таблиц и не прибавлено ни одного нового. Если вчитаться внимательнее в исследования Веселовского, можно заметить, что они состоят как бы из двух самостоятельных частей – истории службы и истории землевладения семьи. В архивных материалах такому делению соответ-

---

[30] Д. 39–47; некоторые из них опубликованы (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 96, 159 и др.).

[31] Сам Веселовский различал боярские и дворянские роды XV–XVI вв. по признаку службы: к боярским он относил роды, чьи представители служили непосредственно при великокняжеском дворе и занимали высшие государственные должности (Государев двор); к дворянским – тот слой класса феодалов, представители которого служили в горо-дах, рядовых воинов. Поскольку составленные им таблицы подчас доведены до конца XVII–XIX в., мы можем говорить, что в них занесена та часть русского дворянства, пред-ки которых начали служить при московском дворе примерно с середины XIV – начала XVI в.

[32] Д. 33–37, 58.

[33] Д. 33. Л. 5об., 44об.–45 и др.; здесь использованы троицкие копийные книги № 518, 527, 533.

[34] Д. 33. Л. 6об.–7, 32об.–33; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 230–236, 372–373.

ствует таблица рода и сведения по истории вотчины, записанные «на поле», которые в очерке объединены.

Иногда Веселовский брал из таблиц в очерки только часть сведений, ограничиваясь либо хронологическими рамками, либо историей какой-либо одной ветви. Таков очерк истории рода Григория Станища[35]. Этот сравнительно небольшой очерк о малоизвестном дворянском роде, отдельные представители которого в разное время достигали вершин административной деятельности, ярко показывает истинную виртуозность Веселовского в реконструкции истории семьи, когда источники сохранили лишь отрывочные известия. Таблица рода составлена в двух вариантах[36]. Первый вариант сделан на основе поздней родословной росписи и содержит подробный комментарий о всех записанных лицах, В процессе комментирования уточняются родственные связи между лицами, после чего появляется второй вариант без биографических сведений, но с измененным родством членов семьи. В очерке использованы все биографические данные первой таблицы и добавлено более подробное известие о родстве с Ольговыми.

Родословная таблица Полевых[37] гораздо подробнее очерка по истории этого рода[38], она содержит комментарии о каждом члене семьи, много выписок из троицких копийных книг. В очерке эти известия значительно сокращены, как сокращен и круг лиц.

Большинство родословных таблиц Веселовского легло в основу составленных им же поколенных росписей[39]. В поколенных росписях известия о каждом лице всегда расположены в хронологическом порядке, все даты переведены на новое летосчисление, записи носят более литературную форму.

Хотя среди генеалогических материалов архива Веселовского можно выявить первоначальные выписки и окончательный вариант, нельзя сказать, что более высокая ступень работы поглощает первоначальные заметки. Перед нами результат многолетних поисков биографических сведений об очень большом круге лиц. Естественно, что вновь найденные автором известия могли попадать сразу в родословные таблицы или поколенные росписи. Кроме того, сам Веселовский в процессе исследования изменял свою точку зрения о роли отдельных лиц, и это нередко отражается в каком-либо одном виде материалов.

---

[35] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 422–429.

[36] Д. 33. Л. 104–107.

[37] Там же. Л. 100–101об.

[38] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 369–372.

[39] Д. 39–47; одна из них – роспись Годуновых – опубликована (*Веселовский С. Б.* Из истории древнерусского землевладения. С. 88–91).

Если сравнить текст таблицы, поколенной росписи и очерка по истории рода Басенковых[40], то мы увидим, что родословная таблица сделана Веселовским по росписи, составленной в XVIII в. сородичами Басенковых – Щербиниными. В нее вписаны сведения из актов XV–XVI вв., известия из писцовых книг, Синодика Успенского собора, летописей. Летописные записи переписаны в несистематизированном виде из выписок автора о Басенковых[41]. В поколенной росписи сведения родословной таблицы[42] обработаны и расположены в хронологическом порядке. Среди известий о Федоре Басенке находим отсылку на Ермолинскую летопись: «В Ермолинской летописи о нем ряд таких сообщений, каких нет ни в одной другой летописи»[43]. Но в поколенную роспись вошли не все лица, имеющиеся в таблице, а только род самого Федора Басенка – 6 поколений, остальные ветви отсутствуют. Очерк истории рода написан по поколенной росписи, дополненной известиями Ермолинской летописи.

Во всех трех работах различны имена сыновей Никифора Федоровича Басенкова. В родословной таблице сначала названы Иван и Брех Никифоровы, затем к имени Бреха добавлено известие о том, что с Еленой в Литву в 1495 г. ездил Боярин Никифоров, после чего Брех стал Боярином, а к Ивану перешло прозвище Брех. В росписи записаны Боярин Никифорович (на основании этого же известия) и Иван Брех Никифорович. В очерке Веселовский снял известие о поездке в Литву, написав: «О службе сыновей Никифора, Бреха и Ивана, ничего не известно»[44].

Собранные материалы о жизни и деятельности многочисленных представителей класса феодалов позволили Веселовскому составить ряд справочников. Одним из них является «Ономастикон»[45]. Это алфавит древнерусских имен, прозвищ и фамилий с указанием, лицам каких родов они принадлежали. Для выяснения происхождения прозвищ и фамилий автор иногда приводит толкование их по словарю В. И. Даля, иногда ссылается на легенду о выезде, связывая происхождение с именем выехавшего лица. Источниками работы, очевидно, были писцовые книги и акты, так как чаще всего конкретные лица упоминаются в ка-

[40] Д. 33. Л. 7об.–8 – родословная таблица; Д. 40. Л. 268–270 – поколенная роспись и выписки; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 438–441.

[41] Д. 40. Л. 270.

[42] Там же. Л. 268–269об.

[43] Там же. Л. 268. Я. С. Лурье полагает, что автор Ермолинской летописи был близок к Федору Басенку (*Лурье Я. С.* Из истории русского летописания конца XV века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 162–163, 185).

[44] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 441.

[45] *Он же.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Веселовский работал над «Ономастиконом» в 1930–1940-е годы. (Там же. С. 4). Еще в 1949 г. он предполагал изучать происхождение прозвищ по словарям (Институт российской истории РАН. ОРФ. Сект. А. Разд. III. Оп. 5. Д. 7. Л. 30).

честве вотчинников; некоторые известия взяты из разрядов. Для XIV–XV вв. собраны сведения из летописей и, возможно, вкладных книг. Этот справочник по летописному, актовому и делопроизводственным материалам XIV–XVII вв. содержит подавляющее большинство имен и прозвищ, которые давались как служилым людям, так и крестьянам и холопам; правда, по последним категориям известий собрано меньше. По «Ономастикону» Веселовского можно судить о степени распространения прозвища в разные периоды, так как все лица записаны с датами, под которыми они упоминаются; можно выделить прозвища, имеющие русскую, «восточную» или «западную» основы, и определить время «моды» на них в России.

Иногда, изучая архивное наследие Веселовского, нельзя четко разграни-чить выписки из источников и составленные на их основе справочники. В подавляющем большинстве выписки из одних источников тут же комментируются по другим, систематизируются в нужном автору порядке, снабжаются справочным аппаратом. Среди них мы встречаем списки наместников Русского государства 1500–1610 гг.[46], списки пленных XV–XVI вв., состав свиты великой княжны Елены[47]. Есть списки бояр, окольничих, наместников за 1453–1546 гг.[48], в основе которых лежат разряды, дополненные и уточненные по летописям и актам.

Сохранилось несколько вариантов списков служилых людей по городам Северо-Восточной Руси за 1556–1648 гг.[49], составленных по десятням и верстаньям новиков с добавлением известий по синодикам, столбцам Поместного приказа, дозорным книгам и др. Все эти материалы говорят о постоянной работе Веселовского над сбором и систематизацией генеалогических сведений.

Для генеалогической работы Веселовского характерно очень полное использование каждого из привлеченных источников, но их состав обусловлен интересом преимущественно к вопросам землевладения.

Многочисленные выписки, описания рукописей, копии источников, в том числе таких объемных, как родословные книги, синодики и др., позволяют проследить методику работы Веселовского над источниками. В его архиве встречаются выписки из всех крупных серийных, а также отдельных изданий актов; архивных материалов, в основном грамот Коллегии экономии и троицких копийных книг. Из писцовых книг больше привлекались московские и новгородские, так как Веселовский в основном занимался историей земле-владения Северо-Восточной Руси, Новгородская земля его интересовала в связи с переселениями конца XV в. и времени опричнины. Привлечены все известные

[46] Д. 298.
[47] Там же.
[48] Д. 67.
[49] Д. 68.

публикации разрядов. Летописи Веселовский использовал выборочно, обычно Воскресенскую и Никоновскую, а Типографскую в той части, где она содержит ранние родословные росписи.

Изучая работу Веселовского с источником, приходишь к выводу, что в тех случаях, когда имелись опубликованные специальные источниковедческие работы, историю текста он не исследовал. Веселовского интересовали новые сведения о лицах, поэтому его внимание привлекали разночтения и дополнения в разных списках одного источника, а не общие их черты.

Так, при работе с Тысячной книгой 1550 г. и Дворовой тетрадью 50-х годов XVI в. он исчерпывающе использовал их известия. В архиве есть дело «Алфавит Тетради дворовой»[50], где имеются выписки из Описи Разряда, составленной после пожара 1626 г., копия Дворовой тетради, в которой к большинству упоминаемых лиц дан биографический комментарий, отмечены все общие лица с Тысячной книгой, внесены упоминания о боярстве, выписки из разрядов, известия из Синодика опальных. К этой копии составлен дополнительный список бояр и окольничих, отсутствующих в Дворовой тетради, и сделан алфавитный указатель всех лиц, где тоже записаны биографические сведения. Но в основе этой кропотливой работы лежит публикация Тысячной книги Н. П. Лихачева и Н. В. Мятлева и опубликованный П. Н. Милюковым дефектный список Дворовой тетради[51].

Веселовский отказался от изучения истории текста этих источников и текстологического анализа сохранившихся списков. Для Тысячной книги автор отметил, что официального списка не имеется, а известны частные, большей частью неисправные[52]. При работе с Дворовой тетрадью он использовал неполный опубликованный Уваровский список[53].

Важным генеалогическим источником Веселовский считал синодики[54]. Выбор синодиков определенного типа также диктовался научными интересами автора. Занятия опричниной привели его к исследованию Синодика опальных, а работа над составом московского боярства XIV–XV вв. – к так называемому Синодику Успенского собора. Автор черпал из них достоверные сведения о родственных связях и родосло-

---

[50] Д. 55. Результаты работы над Тысячной книгой и Дворовой тетрадью опубликованы в его работах: *Веселовский С. Б.* Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // ИЗ. 1945. Т. 15. С. 62–69; ср.: *Он же*. Реформа 1550 г. и так называемая Тысячная книга // *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 77–91.

[51] Подробнее: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 7–12.

[52] *Веселовский С. Б.* Первый опыт. С. 59; *Он же*. Исследования по истории опричнины. С. 80.

[53] *Он же*. Первый опыт. С. 63; *Он же*. Исследования по истории опричнины. С. 83–85.

[54] Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 20.

виях. Обзор списков синодиков, анализ их записей, выявление состава занесенных в них лиц, проведенные Веселовским, являются в советской историографии первым опытом определения ценности синодиков как исторического источника[55]. Синодик опальных дал исследователю обширные материалы по истории опричнины[56]. Большое внимание уделял С. Б. Веселовский изучению Синодика Успенского собора[57]. В архиве хранятся копии нескольких его списков, сделанные в 1931–1934 гг.[58] Сравнивая эти тексты, он прежде всего интересовался разночтениями, дающими новых лиц, а затем редакционными изменениями, новой группировкой лиц в поминаниях.

Заметки Веселовского о Синодике Успенского собора можно разделить на три самостоятельные части. Первая – это реальный биографический комментарий к каждому абзацу текста[59]. Комментарии посвящены выявлению состава боярства XIV–XV вв., родственным связям отдельных семей, причем текст Синодика сопоставляется с актами и летописями. Вторая часть посвящена истории создания Синодика. Опираясь на сравнительный анализ текстов известных ему списков, Веселовский отметил, что первоначально записи делались в хронологическом порядке исторических событий[60], а затем редакторы провели дополнительную группировку лиц по родам. Веселовский считал, что такое изменение – вторичная редакторская обработка[61]. И наконец, третья посвящена составу московского боярства XIV–XV вв. и вопросу о полноте списка бояр в поминальных записях Синодика. Здесь использован реальный комментарий к тексту, который мы находим в первой части, на его базе С. Б. Веселовский дал исчерпывающий очерк ранней истории знатнейших боярских фамилий, что позволило сделать выводы о политике великокняжеской власти по отношению к отдельным родам.

---

[55] Там же. С. 26–30.

[56] *Веселовский С. Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источ-ник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 245–366. Переизд. в кн.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 323–478; ср.: *Скрынников Р. Г.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1965. Вып. 278: Вопросы истории СССР XVI–XVIII вв. С. 22–86; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969. С. 249–306.

[57] Опубл.: ДРВ. М., 1788. Ч. VI. С. 420–481.

[58] Д. 173 – копия Синодика ГИМ. Успенское собр. № 64; Д. 174 – копия Синодика ГИМ. Щук. № 65; обе копии сделаны в 1931 г.; Д. 302 – копия Синодика ГИМ, Синод. собр. № 576, сделана в 1933–1934 гг.; д. 87 – копия Синодика ГИМ. Синод. собр. № 536, на рукописи есть две даты – 11 и 12 апреля 1931 г.

[59] Д. 87. Л. 19об.–41об. Большинство этих записей опубликовано: (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 142–143, 147–148, 377 и др.).

[60] Эта часть вошла в очерк «Характеристика источников» (Там же. С. 27–29).

[61] Д. 87. Л. 66об.–69об.

Вопрос о текстологическом анализе списков, об определении протографа автором не ставится. Сопоставление текстов различных рукописей проводится лишь для выявления наиболее полного комплекса известий или для решения вопроса о позднем редактировании; ценность Синодика Веселовский устанавливает проверкой полноты и достоверности сообщаемых сведений.

Веселовский исследовал значительное число родословных книг. Чаще всего в работах он использовал Бархатную книгу и публикации родословцев[62], однако в его архиве есть копии родословцев, выписки и описания различных списков. Всего он описал около 20 рукописей из РГАДА и РНБ[63]; большинство из них (12) относится к редакции Государева родословца и близких к нему, частично известны по работам Н. П. Лихачева[64] и содержат различное количество росписей. Описывая родословцы, Веселовский копировал росписи отдельных, интересовавших его родов, полностью скопированы четыре рукописи[65]. Выписки и копии делались Веселовским с тех росписей, которые редакционно отличались от опубликованных или известных ему раньше. Так, он переписывает различные варианты родословия Полевых, Еропкиных, Татищевых, смоленских князей, Сабуровых, Годуновых[66] и др. Родословия Сабуровых и Годуновых, так же как и Плещеевых, выписаны Веселовским из нескольких редакций родословных книг[67]. А по различным росписям Плещеевых он составил свою сводную роспись этого рода[68]. В основном он повторил выводы Н. П. Лихачева о времени создания Государева родословца, но сделал ряд тонких наблюдений о взаимоотношениях отдельных списков, о редакциях, предшествовавших Государеву родословцу[69]. Изучение этих источников позволило С. Б. Веселовскому заметить, что

---

[62] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 1–2; Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. Материалы. С. 1–263.

[63] Д. 57 – рукопись не датирована; Д. 298 – по сохранившейся между листами тетради хозяйственной выписи рукопись Веселовского можно условно датировать 1939–1940 гг.

[64] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 359–365; *Он же.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897. С. 1–12.

[65] Д. 298 – родословец А. И. Вадбальского (Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. № 106. На верхней крышке переплета сохранилась запись, что 3 мая 1929 г. ее подарил в архив С. Б. Веселовский); Д. 297 – родословец Щепина-Ростовского (ГИМ. Муз. 3421); д. 296 – родословец Ромодановского (ГИМ. Увар. 570); Д. 301 – родословная Филарета Никитича. В этой же рукописи скопированы по публикациям росписи, поданные в Разряд в XVII в. Работа по изучению родословцев была многолетней. Самая ранняя дата находится на ко-пии родословца Ромодановского – 1933 г., наиболее поздняя из устанавливаемых дат – 1939/1940 гг. (см. примеч. 62). Очевидно, начало работы можно отодвинуть до 1931 г., когда Веселовский занимался Синодиком Успенского собора.

[66] Д. 298, 299.

[67] Д. 296, 298, 299.

[68] Д. 299.

[69] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 9–19.

«частных родословцев дошло до нас огромное количество, и предстоит еще исследовать и выяснить различные редакции их, списки, взаимное соотношение редакций между собой и с Государевым родословцем»[70].

Итоги работы над родословцами изложены Веселовским в очерке «Характеристика источников».

Основной целью исследования Веселовского было изучение вотчинного землевладения. У нас почти нет письменных источников, освещающих процесс зарождения вотчин, и мало материалов, рисующих историю русской средневековой, особенно частной, вотчины за длительный период. Первоначальные границы вотчины и ее первых владельцев Веселовский реконструировал, сопоставляя генеалогические таблицы владельцев с ранним актовым и более поздним топонимическим материалами.

Для одной и той же семьи история службы ее членов и история землевладения существуют в работах Веселовского как бы параллельно. Источники этих параллелей разные: с одной стороны – родословия, разряды, летописи и др., с другой – акты. В ходе такого исследования, охватывающего иногда многовековой период, происходит как бы многократное совмещение генеалогических таблиц различных родов с картами их земельных владений; первичное исследование Веселовского шире окончательной работы, которая носит синтетический характер и где материал дается в виде социологических обобщений. Однако за этими обобщениями стоят не отдельные примеры, а колоссальный фактический материал[71]. Всей своей работой Веселовский показал, что при решении ряда вопросов, связанных с историей землевладения, складывания класса феодалов, образования государственного аппарата, конкретное генеалогическое исследование необходимо и дает новые аспекты освещения общих исторических проблем.

Значение Веселовского в истории русской генеалогии трудно переоценить. В 30–40-е годы он был практически единственным историком, который систематически занимался генеалогическим исследованием, развивая и продолжая методику, разработанную дореволюционными учеными. Но в отличие от своих предшественников, которые видели свою цель в изложении истории рода, у Веселовского эта работа стала составной частью исторического труда, иногда его первоначальным этапом. Заслуга Веселовского тем более велика, что в 20–30-е годы, говоря о задачах генеалогии, историки не видели перспектив ее разви-

[70] Там же. С. 11.

[71] Позднее этот же метод был применен А. И. Копаневым при изучении истории землевладения Белозерского края (*Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951).

тия при конкретном историческом исследовании, а связывали будущее этой науки с социологией, евгеникой и генетикой[72].

Веселовский показал тесную связь генеалогии с исторической географией, топонимикой, ономастикой. А разработка методов комплексного исследования истории землевладения при помощи этих вспомогательных исторических дисциплин дает возможность изучать историю семей, не принадлежащих к правящему классу. Такая постановка вопроса существенно расширяет круг генеалогических разысканий.

По сравнению с предшественниками Веселовский значительно расширил круг генеалогических источников. Он ввел в свое исследование и разработал методы генеалогического анализа таких массовых источников, как акты и синодики. Привлечение же актового материала, впервые использованного в таком объеме, позволило Веселовскому существенно уточнить родственные связи в XV–XVI вв. Составленные им таблицы и родословные росписи по форме не отличаются от принятых в более раннее время, но представленный здесь биографический комментарий включает чрезвычайно широкий комплекс известий и подробные ссылки на источники, чего не было в дореволюционных исследованиях.

Всей своей работой Веселовский показал многогранность генеалогии и те новые, иногда неожиданные возможности, которые она дает для решения конкретных исторических задач. Сейчас произведения Веселовского принадлежат историографии. Сравнивая эти исследования тридцатилетней и более давности с созданными в последние годы трудами, развивающими лучшие традиции русской генеалогии и создающими новые перспективы ее развития (работы Ю. Г. Алексеева, А. А. Введенского, А. А. Зимина, В. Б. Кобрина, А. И. Копанева, Н. Е. Носова, В. Л. Янина и др.), можно яснее осмыслить научное наследие С. Б. Веселовского. Многие из намеченных им проблем находят творческое воплощение в наши дни.

---

[72] *Большаков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины. С. 182–183 и сл.

Источниковедение в трудах А. А. Зимина
(к 90-летию со дня рождения)[1*]

«Никакая наука не может существовать без тщательно разработанной методики. И, возможно, дальнейший прогресс источниковедения будет зависеть, прежде всего, от совершенствования приемов анализа памятников прошлого».

А. А. Зимин

А. А. Зимин начал свою творческую жизнь в то время, когда в России возобновился интерес к вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению. Еще в студенческие годы он занимался Русской Правдой: в конце 30-х гг. XX в. существовал грандиозный проект изучения списков и редакций этого памятника и издания его текстов[2]. Как позднее писал А. А. Зимин, он изучал этот источник более сорока лет, начиная с первого курса истфака МГУ, где его учителями были С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков[3]. Уже в 70-е гг., готовя к изданию книгу о Русской Правде, автор отметил, что его «Правда Русская» «носит источниковедческий характер», хотя и считал необходимым «изучать историю текста Правды Русской в тесной связи с изменениями в общественной структуре Древней Руси»[4].

С самого начала творческого пути А. А. Зимин, исследуя любой источник, не только сопоставлял его тексты в различных списках, анализировал достоверность описываемых в нем событий, но также учитывал конкретную ситуацию исторических событий в России именно в то время, когда создавалась очередная редакция, выполнялся очередной список памятника.

---

[1] * Вестник РГГУ. Сер. Ист. науки. М.: РГГУ, 2010. № 7(50). С. 211–219.

[2] Александр Александрович Зимин / Сост. В. Г. Зимина, Л. Н. Простоволосова. М.: РГГУ, 2005. С. 7.

[3] *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999. С. 9–10.

[4] Там же. С. 9.

Несомненно, с самого начала здесь сказывалась классическая школа русской исторической науки, которая предполагала изучение текстов и условий создания различных памятников, проведенное еще до того, как сам источник будет использован при описании событий истории.

Предварительного источниковедческого анализа А. А. Зимин требовал и от своих учеников. Если посмотреть на список дипломных работ, которые написаны под руководством А. А. Зимина в Историко-архивном институте (1951–1973), большинство из них имеют в заголовке слова «как источник» или «источники по истории». Даже диплом популярного автора Э. С. Радзинского назывался «Источники о жизни и деятельности Г. С. Лебедева» (1959 г.)[5].

Первые работы, опубликованные А. А. Зиминым после окончания университета в 40–50-е гг. XX в., также носят источниковедческий характер. Видно, что молодого историка живо интересовал весь корпус русских средневековых памятников. Очень скоро это вылилось в две фундаментальные публикации, основные источники по истории правящего класса: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь, и сочинения Ивана Семеновича Пересветова[6].

Если подготовка публикации сочинений Пересветова шла вместе с писавшейся тогда же монографией «И. С. Пересветов и его современники», то подготовка текста Тысячной книги открыла новую страницу в творчестве А. А. Зимина. Не стоит забывать, что обе публикации снабжены исследованиями по истории текстов памятников, археографическим описанием рукописей и т. д. Таким образом, здесь соблюдено правило: история самого памятника и изучение ситуации, в которой он был составлен.

Сочинения Пересветова подготовлены по схеме серии «Литературные памятники», которая в то же время стала издаваться Пушкинским домом, и сама публикация А. А. Зимина вышла с грифом этого института. В книге помещены статьи о состоянии литературных произведений в России XVI в., биографический очерк о самом Пересветове, обширное археографическое описание рукописей. Принципиально новым было исследование происхождения и биографии Ивана Пересветова. Сейчас генеалогические работы стали привычным жанром, а в 40–50-е гг. XX в. они были редкостью, и даже сравнительно небольшой текст о происхождении Ивана Семеновича и его службе в Литве и Москве вызвал увлеченную полемику среди историков. Тем более, что в этом эпизоде уже проявились обширные знания тридцатилетнего Зимина как русских, так и зарубежных исторических исследований этого

[5] Александр Александрович Зимин. С. 160.

[6] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950; Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956.

сюжета, блестящее умение проводить сравнительно-источниковедческий анализ различных памятников[7].

Принципиально новым, практически положившим начало источниковедению делопроизводственных документов было издание Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Впервые Тысячную книгу опубликовал в XVIII в. Н. И. Новиков. Поскольку этот памятник действительно уникален и имеет большое значение не только для изучения генеалогии русского дворянства, но и политической истории России XVI в., в дальнейшем Тысячная книга неоднократно издавалась по различным, вновь найденным спискам[8]; списки имеют пропуски и исправления, сделанные при копировании. Этот источник, фактически представляющий перечень лиц, неоднократно привлекал внимание историков. Наиболее авторитетной считается публикация 1911 г. Н. П. Лихачева и Н. В. Мятлева; авторы опубликовали текст Тысячной книги по 8 рукописям, сделав при этом сводный текст из всех списков[9].

Позднее Тысячной книгой занимался С. Б. Веселовский. Он не публиковал ее, но в архивном фонде сохранился богатый материал (выписки, комментарии, алфавитные списки), связанный с историей текста Тысячной книги. Правда, в основе работы С. Б. Веселовского лежит публикация 1911 г[10].

Публикация А. А. Зимина, где привлечены уже 14 списков, сделана по принципам, до того используемым при издании литературных произведений – издание редакции памятника, где к основному, научно избранному тексту, подводятся варианты и разночтения по всем остальным спискам. Для издания делопроизводственных памятников, часто имевших длительное время существования, как, например, разрядные и родословные книги, такой принцип открывает новые возможности их использования, поскольку сразу вскрывает пропуски, разночтения, другие неисправности текста.

Прекрасное знание русских средневековых источников, приобретенное еще в начале творческого пути в науке (подпись Зимина на листе использования рукописи практически есть почти на всех делах XV–XVI вв. из центральных архивов Москвы и С.-Петербурга), а также блестящие полемические способности, которыми несомненно обладал А. А. Зимин, способствовали тому, что он откликался на большинство публикаций русских источников.

В 50-е гг. XX в. он опубликовал два развернутых источниковедческих исследования, связанных с выходом новых публикаций средне-

---

[7] Сочинения И. Пересветова. С. 10–15.

[8] *Зимин А. А.* Предисловие // Тысячная книга 1550 г. С. 6–10.

[9] Там же. С. 9.

[10] *Бычкова М. Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог // История и генеалогия. М., 1977. С. 52. См. настоящий сборник статей.

вековых грамот[11]. Формально статьи Зимина – рецензии на вышедшие книги. Фактически это хронологическо-генеалогические исследования, посвященные датировке опубликованных грамот.

Хотя автор отмечает, что «задачей работы является хронологическое обследование» грамот[12], поскольку «вопросы хронологического анализа сохранившейся документации приобретают особое значение, ибо от их правильного решения зависит определение времени того или иного события»[13], круг вопросов, решаемых в этих статьях, гораздо шире. Анализируя акт за актом, помещенные в публикациях, автор практически воссоздает время их создания, полемизируя с историками, по крупицам собирая мельчайшие сведения об упоминаемых событиях, продуманно доказывая свою аргументацию. Собственно здесь видно взаимодействие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (хронологии, генеалогии и др.), целью которого бы-ло установить время создания отдельных актов и значение отдельных исторических событий, вызывавших создание документов.

Вообще рецензии А. А. Зимина часто перерастали в самостоятельное исследование. В сравнительно небольшой рецензии на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских» он предложил иную, чем в рецензируемой работе, схему взаимодействия рассматриваемых источников, а также привел шифр рукописи XVI в. из этого же круга произведений; этот список существенно меняет схему, предложенную Дмитриевой[14]. Выводы А. А. Зимина об истории создания «Сказания о князьях владимирских» практически сразу поддержали Л. В. Черепнин и Я. С. Лурье.

В 50-е гг. XX в. научные интересы А. А. Зимина изменяются. В это время он занимается передачей документов С.Б. Веселовского а Архив Академии наук. Богатство генеалогических материалов, справочная литература о составе дьяческого аппарата, истории различных семей, возможно, дали импульс для новых разработок. Статья А. А. Зимина о составе Боярской думы как бы указывает на развилку в исследовательской работе. С одной стороны, она, как и более ранние работы, посвящена анализу так называемого Шереметевского списка Боярской думы, которым не всегда критически пользовались исследователи, с другой – это законченное историко-генеалогическое исследование о семьях, чьи

[11] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVII вв. М.; Л., 1950.

[12] *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Пробл. источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 276.

[13] *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Там же. М., 1956. Вып. 5. С 300.

[14] *Он же.* [Рецензия] // Исторический архив. 1956. № 3. Рец. на кн.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. 214 с.

представители входили в состав Думы[15]. И в дальнейшем генеалогия прочно входит в круг интересов Зимина вплоть до последней монографии о составе правящего класса России, вышедшей посмертно[16]. Кроме того, к генеалогическим исследованиям привлекались и его ученики.

А. А. Зимин как никто другой знал состав архивных фондов, содержащих средневековые документы. Из этого родилась своеобразная работа «Государственный архив России в XVI в.»[17]. Намек на подобное исследование был еще в кандидатской диссертации А. А. Зимина, где он дал обзор архива Иосифо-Волоколамского монастыря[18]. В исследовании государственного архива России автор обратился к Описи царского архива XVI в. и проанализировал ее текст, сопоставив с сохранившимися архивными делами XVI в. По комментариям к Описи можно определить, что из упомянутых в ней материалов сохранилось до наших дней, какие документы известны лишь по публикациям XVIII–XIX вв. Из этого исследования мы можем определить состав и объем государственных документов XVI в., входивших в царский архив, сопоставить их с материалами других современных архивных собраний, выявить «иерархию» государственных и личных документов, материалов государственных учреждений разного уровня, понять, какой по объему состав источников сохранился до наших дней.

Постоянная работа с канцелярскими делами XVI в. создала у А. А. Зимина представление о функционировании документов XVI в. К сожалению, это представление известно лишь из личных бесед. Когда я мучительно искала критерий для определения редакций родословных книг, которые, как и Тысячная книга, лишены связного текста и состоят из росписей различных семей, Зимин рассказал мне, как он себе представляет жизнь документов в канцелярии:

– Вот представьте, составлена официальная родословная книга. С нее делается несколько копий: кому-то нужно для работы в приказе, кто-то просто хочет ее иметь. А затем эти копии живут своей жизнью: в приказ принесли для записи новые поколения к имеющейся росписи, вписали новые назначения в Думу и т.д. Кто-то из владельцев записал в официальный текст росписи родственных семей, сделал пометки о службе, родстве через брак. Какой-то из первоначальных списков обветшал, его скопировали. Часть приписок, сделанных на полях, попала в тексте не на свое место. И мы в основном получа-ем эти копии с копий, сделанные в разное время.

---

[15] *Он же*. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958.

[16] *Он же*. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988.

[17] Государственный архив России XVI столетия / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978. 3 вып.

[18] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977. С. 20–36.

Все это действительно позволяет видеть в древних рукописях не застывшие тексты, пылившиеся в сундуках, а продукт деятельности приказного аппарата. Кстати, гораздо позднее, работая с подлинными делами Палаты родословных дел XVII в., я увидела правоту учителя: и на оборотах росписей писали новые тексты и использовали их для черновиков, выписывали на свободные места сведения других документов для проверки, редактировали решения о записи в родословную книгу – все было.

Для А. А. Зимина всегда за текстом источника стоял средневековый автор с его мировоззрением, интересами, уровнем эмоций. Часто он полушутя сравнивал работу источниковеда с дедуктивным методом сыщика.

Сегодня магазины заполнены отечественными и переведенными детективами, а лет 40–50 назад были известны лишь повести Конан Дойла, начали издавать Г. Честертона и переводить А. Кристи. Выход каждого нового детектива приводил к его детальному разбору. А. А. Зимин тут же указывал на ошибки автора, неточности, сопоставляя дедуктивный метод с приемами источниковедения. У Честертона ему больше, чем популярное и цитируемое сейчас положение о том, что прятать секрет надо среди множества подобных («Где умный человек прячет лист? В лесу»), нравилось другое. Большинство слов имеет различные смысловые оттенки, каждый из говорящих воспринимает «свой» оттенок, и интерпретация одного и того же текста разными людьми может привести к разным выводам. У Честертона это чуть не привело к гибели героя.

А. А. Зимин увлеченно цитировал Э. По, который доказывал, что история – это очень точная наука. В то время любили говорить, что хороший шахматист, обладающий логическим мышлением, – хороший историк. А. А. Зимин, открывая Э. По, считал, что хороший шахматист всего лишь должен обладать хорошей памятью, ведь все фигуры на доске ходят строго по правилам. А вот игра в шашки требует иных способностей, воображения, тех качеств, которые необходимы историку.

В 50-е гг. XX в. возникла дискуссия о том, нужен ли источниковедческий анализ для документов новейшего времени. Кощунством считали источниковедческий анализ работ В. И. Ленина; очень неодобрительно относились к такому курсу, который нам читала в Историко-архивном институте С. И. Якубовская, хотя лекции скорее были посвящены лишь одному аспекту источниковедения – редакционной работе автора над текстом.

Время показывает, что источниковедение – это мастерская профессионального историка, отсутствие такой работы может привести к казусам и неадекватным выводам. Так, выдвинутый тезис о том, что Петр I «собственным именем начал возводить придворных в княжеское

достоинство, ввел графский и баронский титулы»[19], явно нуждается в уточнении. Пожалование княжеских, графских и других титулов всегда подтверждалось соответствующими документами: в России это были дворянские дипломы. Источниковедческий анализ этих документов провел О. И. Хоруженко; в составленном автором перечне дипломов XVIII в. ко времени Петра I относится 18 (Екатерина I выдала их 40 за три года правления): одним из первых является «Жалованная грамота» от 1 июня 1707 г., выданная А. Д. Меншикову. С ней современный автор связывает пожалование А. Д. Меншикову княжеского титула. Однако такое пожалование было прерогативой императора, а Петр I в 1707 г. был царем. Кроме того, грамота Петра, как видно из текста, выдана князю Римской империи А. Д. Меншикову на титул светлейшего князя Ижорского[20], т. е. изначально титул князя был пожалован императором Священной империи, а царь Петр дал под этот титул земли, чего император не мог сделать.

Несколькими месяцами раньше в том же XVIII в. произошел аналогичный случай. Джон Черчилль, недавно получивший титул герцога Мальборо, за свое содействие Петру захотел получить княжество в России, Петр согласился, но до конкретного пожалования земель дело не дошло[21]. Любопытно, что эта форма пожалования земель под конкретный титул существовала еще до получения княжеского титула Меншиковым.

Вообще первые пожалования титулов русским дворянам были сделаны не Петром, а императором Священной империи – это графский титул Г. И. Головкину (1707 г.), Апраксиным (1710 г.), баронский П. П. Шафирову (1709 г.)[22] и др.

Такая система возведения в ряды титулованной знати может свидетельствовать о том, что в Европе вполне серьезно относились к введению в России европейских титулов, уравнивая тем самым русское и европейское дворянство. И это происходило несмотря на «шутейство» Петра, возводившего в графское достоинство Н. М. Зотова (1710 г.). Кстати, потомки Зотова в дальнейшем редко пользовались своим титулом.

Свое представление об этапах развития источниковедения в России А. А. Зимин изложил в статье, опубликованной в 1969 г.[23] Возможно,

---

[19] *Марасинова Е.Н.* Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII в.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. С. 24–25.

[20] *Хоруженко О. И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 173.

[21] Там же. С. 24.

[22] Там же. С. 25–28.

[23] *Зимин А. А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. Эпиграф к этой статье взят из работы А. А. Зимина: Там же. С. 429. Подробный анализ этой работы А. А. Зимина см.:

здесь изложены наблюдения автора, возникшие раньше, при работе над рукописью книги о Слове о полку Игореве. А. А. Зимин выделяет несколько этапов развития источниковедения в русской исторической литературе. Первый из них – это «источниковедение факта», когда исследователи (конца XVIII – начала XIX вв.) по возможности всесторонне рассматривали один памятник. Сначала это касалось таких древних уникальных памятников, как Тмутараканский камень, грамота великого князя Мстислава. Позднее появились источниковедческие труды, в которых исследовались однотипные источники (жития святых, публицистические произведения и др.). Однако, такое изучение могло привести к просчетам, особенно когда речь шла о массовых источниках с устойчивым формуляром[24].

Следующий этап связан с трудами А. А. Шахматова, который создал новую методику источниковедения: автор опирался не на отдельные источники, а на их систему. Это уже «источниковедение системы фактов». Шахматов применил этот метод, изучая летописи: он привлекал не отдельные своды, а всю их совокупность. Позднее этот же метод использовал Л. В. Черепнин, изучая акты. Его разрабатывали и другие историки, изучавшие иные разновидности источников[25]. Этот метод в значительной степени позволяет избегать субъективного истолкования текстов.

Следующий этап связан с работами историков XX в., когда «источниковедение системы фактов» органически слилось с изучением эпохи создания различных источников. Здесь автор исходит из положения, что источники выступают «в качестве средства активного влияния их творцов на ход событий» времени создания конкретных памятников[26].

Источник, как полагал А. А. Зимин, синтетичен. «Он является результатом взаимодействия различных аспектов деятельности и воззрений человека и требует поэтому всестороннего анализа»[27]. Такой подход к изучению средневековых источников требует комплексного исследования, анализа с привлечением вспомогательных исторических дисциплин, а также современных технологий.

Статья А. А. Зимина подводила итоги многолетней работы самого автора и одновременно указывала на слабые стороны источниковедческого анализа в работах историков, изучавших лишь конкретные источники, спорные вопросы реконструкции текста, а также сближения методов исторического исследования с методами точных наук.

Базанов М. А. «Источниковедение системы систем» как основа источниковедческих представлений А. А. Зимина // Студенческая наука: поиски и открытия. Материалы студенческой межвузовской конференции. Челябинск, 2009. С. 17–18.

[24] Там же. С. 429–430.

[25] Там же. С. 431–432.

[26] Там же. С. 435.

[27] Там же. С. 436.

Филигранный источниковедческий анализ, который мы находим в работах Зимина, делал его выводы часто безупречными и с трудом поддающимися опровержению. В этом сила и неувядаемая актуальность исторических исследований А. А. Зимина. Посмертные издания его монографий продолжают вызывать споры в научном сообществе и в широких кругах читателей. Очень жаль, что сам Зимин, остро чувствовавший подчиненность отдельных исследований сиюминутной конъектуре, не может принять участие в этих дискуссиях.

Деятельность Русского генеалогического общества[1*]

Развитие генеалогии в России XIX в. тесно связано с интересами дворянства: публикуются источники, отражающие историю дворянских семей – родословные и разрядные книги, частные акты и др.[2] Первые генеалогические справочники (П. В. Долгорукова и А. Б. Лобанова-Ростовского) содержат росписи дворянских родов. По истории отдельных семей издаются специальные работы.

В последней четверти века внимание историков заостряется в основном на вопросах происхождения сословий, роли дворянства в образовании государственного аппарата и сословных учреждений России, его участия в политических событиях русской истории. В советской историографии уже отмечалось, что этот интерес в какой-то мере связан с кризисом, который переживало тогда дворянство[3].

Разработка в исторической науке проблем истории классов и сословий способствовала увеличению числа работ по генеалогии. Многие из них были данью моде, издавались ограниченными тиражами – «для немногих», «не для продажи». Вместе с тем в отдельных трудах ставится вопрос и о научном значении генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины[4].

Генеалогическими исследованиями занимались преимущественно любители, что сказалось на научном уровне работ, на отборе сюжетов исследования.

В складывании систематизированных направлений генеалогических работ и повышении их научного уровня большую роль сыграли научные общества – Русское генеалогическое в Петербурге и Историко-ро-

---

[1] *История СССР. 1982. № 5. С. 115–120.

[2] См. подроб.: *Янин В. Л.* Генеалогия и геральдика // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3; *Аксенов А. И.* Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия. М., 1977.

[3] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1962. Т. 2. С. 81–82, 103–110.

[4] *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886; *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887.

дословное в Москве. Организация и деятельность Русского генеалогического общества (РГО) и является темой данного сообщения.

Идея создать специальное общество любителей генеалогии принадлежала А. Б. Лобанову-Ростовскому. В 1895 г. он предложил некоторым лицам (среди них были Н. П. Лихачев, Л. М. Савелов, В. В. Руммель) организовать таковое в Петербурге. Уже был разработан устав нового общества, но внезапная смерть Лобанова-Ростовского задержала окончательную его организацию до 1898 г.[5]

В уставе были сформулированы цель и задачи общества: научная разработка «истории и родословия российского дворянства (включая в этот термин служилый класс допетровской Руси во всем его объеме). В сферу занятий общества входят и исследования по всем тем вспомогательным отраслям русской исторической науки, которые соприкасаются с историей дворянства, как то: по геральдике, сфрагистике, дипломатике и др.»[6]

В момент учреждения общество насчитывало 23 члена, но уже в 1901 г. их число выросло до 130. В дальнейшем (до 1911 г.) оно колебалось от 110 до 130. В общество входили придворные сановники, государственные деятели, представители губернских дворянских собраний. Из историков одним из учредителей РГО был Н. П. Лихачев, членами общества стали позднее С. Л. Пташицкий, А. А. Титов. В обществе состояли также авторы известных генеалогических работ Г. А. Власьев (начальник Обуховского завода), Д. Ф. Кобеко (член Государственного совета), Н. В. Мятлев (товарищ прокурора Новгородского окружного суда), В. В. Руммель (архивариус Департамента герольдии) и др.[7]

Генеалогическое общество сразу же кроме научных задач, зафиксированных в уставе, поставило перед собой и конкретные – сбор и хранение родословных документов. Одна из них – создать при РГО исторический архив, предложив дворянам присылать «на вечное хранение» древние семейные документы; это гарантировало бы сохранность многих личных средневековых материалов, часто заброшенных в усадьбах. К 1901 г. в Петербург поступили грамоты, столбцы и другие документы XVI–XVIII вв. из семейных архивов Осоргиных. Тыртовых, Благово, Мусиных-Пушкиных и некоторых других[8]. Общество довольно быстро сформировало свою библиотеку – к 1901 г. она насчитывала около полутора тысяч томов[9].

[5] *Губастов К. А.* Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896) // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1903. Вып. 2. Отд. 1. С. 8.

[6] РГАДА. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

[7] Там же. Л. 291–292.

[8] ИРГО. Вып. 2. Отд. 3. С. 5. 22–23.

[9] Там же. С. 23.

Поставленная членами общества цель – научная разработка истории дворянских родов, создание архива личных фондов – воплотилась в подготовку к изданию родословных росписей XVII в.

В 1898 г. А. И. Юшков опубликовал древние частные акты, поданные в XVII в. в Разрядный приказ вместе с родословными росписями. Он проделал большую подготовительную работу, разобрав и описав родословные столбцы XVII в. Часть грамот для публикации была выявлена среди дел Герольдии XVIII в. В рецензии на книгу А. И. Юшкова Н. П. Лихачев писал, что акты надо издавать именно вместе с росписями, собрав предварительно все росписи XVII в. из частных архивов и коллекций[10], поскольку большинство подлинных документов XVII в. погибло в Москве в 1812 г.

В 1898 г. В. В. Руммель представил свой проект издания росписей, который был дополнен Н. П. Лихачевым[11]. В 1899 г. он же сделал доклад на заседании общества, где изложил причины появления росписей, их судьбу в составе архивных фондов. Подробно остановился также на структуре и содержании росписей (Руммель подарил обществу сделанные им копии родословий)[12].

В 1908 г., после смерти В. В. Руммеля, общество по просьбе Н. В. Мятлева предоставило ему «право научной обработки и издания» родословных материалов[13]. В перечне полученных росписей, сделанном Н. В. Мятлевым, записано 396 росписей 330 фамилий. Сюда включены все документы конца XVII в. и многие копии с них XVIII в., преимущественно из московских архивов[14].

В обстоятельном предисловии к публикации излагались законодательство о составлении и подаче росписей, история Палаты родословных дел, судьба росписей в XVIII–XIX вв. и их источниковедческий обзор. Кроме текстов родословий Н. В. Мятлев предполагал издать и реестры росписей[15]. Он составил подробный список утраченных росписей (около 100) и указал личные архивы, где могли храниться подобные материалы (в частности, архив Н. Н. Какина). Но намеченное на 1912 г. издание так и не было осуществлено.

Основная научная деятельность общества отразилась в работах, опубликованных в четырех выпусках «Известий Русского генеалогического общества» (частично это доклады, прочитанные на заседаниях). В

[10] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. И. Юшков. М., 1898. Ч. 1: 1257–1613 гг.; *Лихачев Н. П.* По поводу сборника А. И. Юшкова «Акты XIII–XVII вв. ...». СПб., 1898.

[11] ИРГО. Вып. 2, отд. 3. С. 6.

[12] Там же. С. 11–13.

[13] Там же. СПб., 1911. Вып. 3. С. 515.

[14] РГАДА. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1. Л. 231–235.

[15] ИРГО. Вып. 3. С. 515–516.

предисловии к первому выпуску редакция определила цели издания. «Известия» являлись «научным историческим органом, посвященным преимущественно изучению наименее разработанных отделов русской исторической науки[16]. Редакторы сознавали, что публикуемые работы будут освещать частные вопросы, «которые обегаются общими историками по мелочности и сравнительной их незначительности, нередко оказывающейся мнимой». Но все же «выяснение родственных связей, той среды, которая окружала исторического деятеля, иногда оказывается гораздо многозначительнее, чем можно было бы предполагать[17].

Хотя большинство работ действительно отличается «мелочностью и незначительностью» исследуемых вопросов, в «Известиях» явно виден интерес к русской средневековой генеалогии. Статьи Н. П. Лихачева, Д. Ф. Кобеко, Н. В. Мятлева выделяются тонкостью источниковедческого анализа, авторы собрали максимальное количество известий из русских источников о деятельности и родственных связях отдельных лиц, а издания родословных документов подготовлены на высоком научном уровне.

Группа статей, изданных в «Известиях», посвящена анализу отдельных родословных росписей XVII в. Н. В. Мятлев в статье о происхождении Левшиных показывает эволюцию легенды о выезде их родоначальника Сувола Левенштейна к Дмитрию Донскому в родословных документах Левшиных с конца XVII в. до начала XIX в. Окончательный вывод категоричен: «Никакого подтверждения в летописях или иных достоверных источниках эта легенда о происхождении Левшиных не находит и, вероятнее всего, возникла не раньше конца XVII в., а потому... должна быть признана фантастической и совершенно отвергнута»[18].

Н. П. Лихачев проанализировал роспись рода Лихачевых конца XVII в., поданные к ней документы и составил подробную роспись[19]. Он опубликовал и дело Головкиных, составленное в Палате родословных дел. Этот разбор во многом перекликается с его более ранней критикой актов Головкиных. Опираясь на опыт европейской дипломатики, Н. П. Лихачев отметил, что грамоты, составленные в монастырях, часто бывают поддельными[20]. Отметив все несообразности грамот и росписи, он пришел к выводу: «...вся беда вышла из-за того, что Головкины, воспользовавшись вкладной книгой (Троице-Сергиева монастыря. – *М. Б.*), не догадались восполнить ее подлинными вкладными или данными грамотами; распределяя поколения по соображению, руководст-

[16] Там же. СПб., 1900. Вып. 1. Предисл.

[17] Там же.

[18] *Мятлев Н. В.* Родословная легенда Левшиных // ИРГО. Вып. 2, отд. 1. С. 35–36.

[19] *Лихачев Н.П.* Вкладная запись выдающегося генеалогического интереса // ИРГО. Вып. 2; *Он же*. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

[20] *Он же*. Родопроисхождение дворян Головкиных // ИРГО. Вып. 2. С. 139.

вуясь главным образом отчеством, составители родословной росписи жестоко напутали и ввели в заблуждение Палату родословных дел»[21].

Ряд мелких заметок поместил в «Известиях» Д. Ф. Кобеко; в основном они посвящены исправлению ошибок в росписях Нагих, Трубецких, авторами которых были Г. А. Власьев. Н. В. Мятлев и др. Интересна его статья о крестьянской ветви рода Строгановых. Отметив, что в начале XVII в. эта семья разделилась на две ветви – именитые люди и крестьяне, Д. Ф. Кобеко указал, что историки изучали родословие именитых людей, «роспись крестьянской ветви этого рода оставалась в забвении»[22]. Это была единственная статья историка прошлого века о крестьянской семье.

Другая работа Д. Ф. Кобеко посвящена дьякам Щелкаловым. Отметив их неродовитое происхождение, автор устанавливает родственные связи Щелкаловых с членами московского двора и «врастание» их в правящую верхушку[23].

Из собственно источниковедческих работ кроме статьи Н. П. Лихачева о Государеве родословце в «Известиях» была опубликована статья В. В. Руммеля, где сравнивается текст рукописи Бархатной книги с текстом, опубликованным Н. И. Новиковым[24]. Фактически это самая полная работа, в которой даются описание рукописи Бархатной книги и ее разночтения с публикацией.

Составу дворянских архивов посвящена работа Н. Н. Кашкина[25]. История архивов рассматривается в двух планах: в связи с формированием феодальной вотчины, ее переходом от одной семьи к другой и непосредственно с комплектованием и составом семейных архивов.

Все эти статьи в основном отражают научное направление в деятельности общества и показывают, что к концу XIX в. русская генеалогия в лице ее передовых представителей сделала значительный шаг вперед. Ей уже присущ источниковедческий анализ и критическое осмысление источников.

Научные заседания общества были нерегулярными, они созывались по мере поступления докладов. Текущие дела, кроме тех, которые по уставу могло решать только собрание всех членов, обсуждались на заседаниях правления.

Часть докладов, заслушанных на заседаниях, носила чисто источниковедческий характер. В 1899 г. Н. П. Лихачев прочитал доклад о

[21] Там же. С. 126.

[22] *Кобеко Д. Ф.* Крестьянская ветвь рода Строгановых // ИРГО. Вып. 3. Отд. 1. С. 68. Здесь опубликована роспись из собрания РНБ.

[23] *Он же.* Дьяки Щелкаловы // ИРГО. Вып. 3.

[24] *Руммель В. В.* Несколько слов о Бархатной книге и о печатном ее издании // ИРГО. Вып. 1.

[25] *Кашкин Н. Н.* Архив Кашкиных и прежних владельцев села Нижних Прысков // Там же.

Государеве родословце и Бархатной книге[26]; В. В. Руммель рассказал о составе и редких записях списка родословной книги, принадлежавшего в XVII в. А. И. Зюзину[27]. М. С. Путятин доложил о гербовнике, составленном Князевым, и о его рукописи из библиотеки Казанского университета, а В. В. Руммель – о росписях XVII в., поданных в Разряд[28]. Ряд докладов о происхождении и истории отдельных родов сделали Н. П. Лихачев и Д. Ф. Кобеко[29].

В 1919 г. РГО обратилось в Академию истории материальной культуры с предложением «войти в объединение с АИМК», и 11 октября того же года Совет АИМК постановил принять общество в объединение[30]. В связи с этим были сделаны изменения в названии и уставе генеалогического общества: оно было переименовано в Русское историко-родословное общество, а в уставе записано, что общество «имеет целью всестороннее изучение и научную разработку истории русского общества как во всем его объеме, так равно и составных частей его: классов, сословий и других общественных делений до отдельных родов и отдельных представителей включительно»[31]. Здесь же было отмечено, что общество будет заниматься «вспомогательными отраслями русской исторической науки», которые связаны с его задачами: изучением памятников материальной культуры и быта, архивоведением, палеографией, геральдикой, сфрагистикой, дипломатикой и др.[32] Чтобы сохранить себя как научную единицу, а также свой архив и библиотеку, общество решило расширить свою научную программу, занявшись исследованием вспомогательных исторических дисциплин, связанных с генеалогией.

С октября 1919 г. по сентябрь 1922 г. регулярно созывались совещания общества; всего было проведено 25 научных заседаний. На них кроме генеалогических докладов (о происхождении Матюшкиных, Отрепьевых-Нелидовых, князей Ряполовских и др.[33]) были прочитаны и исторические – о смерти царевича Дмитрия (доклад Ю. В. Татищева), о Шемячичах (П. А. Садиков), несколько раз с различными докладами о семье Строгановых выступал А. А. Введенский[34]. Часть докладов касалась геральдики и истории искусства, среди них – Д. В. Айналова о миниатюрах к тексту Сказания о Борисе и Глебе в рукописи XIV в., несколько докладов В. К. Лукомского о гербах и печатях XVIII в.[35] Не-

[26] *Лихачев Н. П.* Государев родословец и Бархатная книга // Там же.
[27] ИРГО. Вып. 2. Отд. 3. С. 9.
[28] Там же. С. 11–13.
[29] Там же. С. 14–19.
[30] Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 52. Л. 2–3.
[31] Там же. Д. 98. Л. 45.
[32] Там же.
[33] Там же. Д. 56. Л. 19, 21, 34 и след.
[34] Там же.
[35] Там же.

которые из докладов были запланированы и заказаны советом Историко-родословного общества. 20 апреля 1920 г. совет поручил С. Н. Тройницкому и В. К. Лукомскому сделать доклад о важности геральдики как научной дисциплины, а Ю. В. Татищеву – о значении, составе и редак-циях родословцев как исторического источника[36].

На заседаниях обсуждались проблемы, касающиеся истории создания родословных книг XVI–XVII вв. Н. П. Лихачев 28 августа 1920 г. прочитал доклад «Переход родословца Пусторослевых из рода в род», где существенно дополнены опубликованные им ранее сведения по истории этой рукописи[37].

Ю. В. Татищев сделал два доклада по истории родословных книг – о приписных родах и о фальсификации родословных легенд. А в июне 1922 г. А. А. Сиверс доложил собранию, что Н. П. Лихачев «передал обществу собранные им материалы по вопросу о редакциях и истории текста русских родословцев с тем, чтобы они были использованы членом общества Ю.В. Татищевым для продолжения им труда на эту же тему[38].

Большое внимание уделялось комплектованию архива, в который включались текущие дела о деятельности общества и научные работы его членов, а также древние рукописи дворянских семей, присланные в дар обществу из семейных архивов. Эта традиция сохранялась все время. В частности, некоторые древние документы были спасены из разрушенных архивов и учреждений и присланы членами общества в Петербург с фронтов мировой войны.

После революции общество стремилось пополнить свой архив делами уже умерших сотрудников. Так, оно вело переписку с государственными архивами по поводу бумаг Н. В. Мятлева, в особенности о подготовленной им публикации росписей конца XVII в.[39]

Сейчас материалы общества находятся в архивах Москвы и Петербурга. В Петербурге хранятся древние документы из личных фондов, присланные в дар обществу[40], часть делопроизводственных документов за дореволюционный период, преимущественно переписка Н. П. Лихачева по поводу издания «Известий Русского генеалогического общества», а также устав, списки членов и др. Все делопроизводство за 1919–1922 гг. также находится в Ленинграде. В Москве хранятся в основном материалы Г. А. Власьева, делопроизводственные документы до 1911 г. и переписка с отдельными лицами.[41]

---

[36] Там же. Д. 57. Л. 3–3об.

[37] Там же. Л. 10 об.–11. См.: *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1911.

[38] Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 56. Л. 12 об., 42. См.: *Бычкова М. Е.* Родослов-ные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 7–8.

[39] Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 54.

[40] Там же. Кол. 214.

[41] РГАДА. Ф. 1239. На описи есть помета о передаче части дел в Ленинград, в Палео-

Собранные и опубликованные обществом генеалогические документы до сих пор сохраняют свое значение. В публикациях работ ряда членов общества методика источниковедческого анализа достигает высокого научного уровня[42]. Многолетняя работа с родословными материалами привела ведущих исследователей к идеям о необходимости более тесной связи генеалогии с историческим исследованием и позволила в последние годы деятельности общества сформулировать задачи генеалогии, вытекающие из общих проблем исторической науки.

графический кабинет, который был создан Н. П. Лихачевым.

[42] *Янин В. Л.* К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева // Советская археология. 1962. № 2.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги[1*]

В русской историографии изучение росписей XVII в., составленных и поданных в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г., связано с общими тенденциями исследования генеалогических документов. Начало ему было положено Н. И. Новиковым, который вместе с Бархатной книгой опубликовал в 1787 г. «роспись... тем фамилиям, от которых родословныя росписи в Разряд поданы»[2]. Н. И. Новиков сгруппировал фамилии, связанные единством происхождения, кратко изложил легенду о происхождении этих фамилий, для каждой росписи указал архивный номер. Хотя эта публикация не раскрывает полного содержания росписей, сейчас она необыкновенно ценна, так как значительная часть документов XVII в. погибла в войну 1812 г.

Интерес к родословным документам в 40–70-е годы XIX в. связан с поисками и публикацией списков родословных книг, грамот и других материалов. Родословные росписи, сильно поврежденные в 1812 г., внимания к себе не привлекали. Обширная литература, связанная с ними, а скорее, с изучением грамот, поданных в Разряд вместе с росписями, появляется в 80–90-е годы. Этот интерес отчасти был вызван книгой П. Н. Петрова «История родов русского дворянства» (1886 г.), где критика родословных документов XVI–XVII вв. сочеталась с достаточно низким уровнем исследования. Как рецензия на книгу Петрова была написана работа А. П. Барсукова, в ней дана более четкая и объективная оценка росписей: «Наши родословные издревле имели все качества актов юридических. Они вызваны были не самостоятельным развитием понятий о дворянском достоинстве и чести, а правительственными распоряжениями, всем распорядком службы в Московском государстве»[3]. А. П. Барсуков

[1] * ВИД. Л.: Наука, 1981. Вып. 12. С. 90–109.

[2] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., и которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 2. С. 279–409 (далее Бархатная книга).

[3] *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы русского родословия (По поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»). СПб., 1887. С. 3.

изложил историю создания Палаты родословных дел, опираясь на известия указов 1682 и 1686 гг. о порядке подачи росписей и составлении родословных книг[4]. Заметив, что «полного делопроизводства Родословной палаты не сохранилось», автор реконструирует ее деятельность по дьяческим пометам и решениям, которые имеются на списках росписей. Он подробно разбирает все известия, сопутствующие внесению в родословную – Бархатную – книгу росписей Татищевых (глава Смоленские князья), Бельских (глава Ярославские князья) и не внесению росписей Нечаевых в главу Плещеевых и Исуповых в главу Квашниных. Барсуков не указывает своих источников, но, очевидно, он пользовался не подлинными родословными росписями, а копиями с них, сделанными в XVIII в., и сведениями о соответствующих указах, помещенными в Бархатной книге при записи в нее росписей Бельских и Татищевых[5]. Подлинников этих росписей не сохранилось.

А. П. Барсуков считает, что за четыре года (1682–1686) было подано около 750 росписей, из которых «едва четвертая часть вошла в состав Бархатной книги; прочие остались нерассмотренными Родословной палатою, и если не все, то очень многие доселе хранятся частию в подлинниках в московских архивах Министерства юстиции и Министерства иностранных дел, частию в копиях в делах департамента герольдии»[6]. А. П. Барсуков также проводит анализ отдельных записей из росписей XVII в., полемизируя с высказываниями П. Н. Петрова.

Через год после выхода работы А. П. Барсукова была опубликована книга Н. П. Лихачева, где изложена самая четкая концепция об истории русских родословных документов XVI–XVII вв., созданная в русской исторической науке. Подробный анализ родословных документов, сведения об их составлении и употреблении – все это отражает деятельность Разрядного приказа XVI в., истории которого и посвящена книга Н. П. Лихачева. Автор исследовал легенды о происхождении Бегичевых, Бахметевых, Борыковых, Воейковых, Римских-Корсаковых, доказывая, что в Посольском приказе существовала «выезжая книга», где записывались выезды на службу в Москву.

Н. П. Лихачева интересовали больше не росписи XVII в. а копии с грамот, представленные вместе с ними. Относительно росписей он сделал лишь несколько общих предварительных замечаний, а ряд фальсифицированных грамот, поданных вместе с росписями Бедовых и Сатиных, разобрал подробно[7].

[4] Там же. С. 4–8.

[5] Бархатная книга. Ч. 1. С. 150; Ч. 2. С. 53.

[6] *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы... С. 11.

[7] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 419–440.

Большую ценность для исследования истории родословных росписей XVII в. представляет предисловие к публикации А. И. Юшкова[8]. В нем изложена история подачи росписей и составления Бархатной книги, а также хранения родословных росписей. В XVIII в. все дела были целы, а их перечень помещен Н. И. Новиковым в качестве приложения к Бархатной книге. Когда, уже пострадав после войны 1812 г., столбцы в 1852 г. перешли в состав Московского архива Министерства юстиции, директор архива приказал их скопировать. Очевидно, это не было сделано, так как поврежденные, ветхие столбцы в 1894–1895 гг. разворачивал и реставрировал А. И. Юшков. Две росписи при этом рассыпались (Казначеевых и Кикиных)[9]. Дела, сформированные А. И. Юшковым, сохранились до наших дней. Становится понятным, почему все исследователи XIX в. пользовались копиями XVIII в.

В своей публикации А. И. Юшков напечатал лишь списки грамот, поданные вместе с росписями. Автор упрекнул Н. П. Лихачева в ряде ошибок и неточностей при передаче текста аналогичных грамот[10]. Публикация вызвала немедленную критику Н. П. Лихачева. Развернувшаяся полемика раскрывает принципы отбора документов, передачи текста и другие археографические приемы, которыми пользовались Н. П. Лихачев и А. И. Юшков при издании родословных документов.

Отвечая на замечания А. И. Юшкова, Н. П. Лихачев высказал и свое отношение к росписям, подчеркнув, что материал этот не систематизирован, разбросан по ряду архивов, что «он по качеству своему требовал предварительной обработки». Лихачев полагал, что родословные росписи XVII в. находятся не только в Архиве Министерства юстиции, но еще в портфелях Миллера Архива Министерства иностранных дел, в книгах дел решенных архива герольдии, а также «в некоторых старинных сборниках среди рукописей в разных библиотеках и, наконец, в частных родовых архивах»[11]. Автор резко осуждает Юшкова за то, что, публикуя акты, тот совершенно игнорировал росписи, с которыми они были поданы. По мнению Лихачева, такое издание напоминает альбомы «тех любителей искусства, которые вырезывают мини-атюры и гравюры из рукописей и книг»[12].

[8] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Ч. 1: 1257–1613 гг.

[9] Там же. С. IV–VI.

[10] Н. П. Лихачев опубликовал грамоты из росписи Шиловских (*Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. I: Духовные и договорные грамоты; Вып. II: Грамоты правые. С. 242–271).

[11] *Лихачев Н. П.* По поводу сборника А. И. Юшкова «Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898. С. 2.

[12] Там же.

Для изучения работы Палаты родословных дел важны опубликованные Н. П. Лихачевым отрывки из указов, связанные с созданием Бархатной книги. Он впервые издал указ 28 октября 1683 г., который является обращением к дворянству с требованием подавать росписи, и записку думного дьяка Ф. Л. Шакловитого о том, как составлять родословную книгу[13]. Эти документы раскрывают процесс подготовки последнего указа от 26 ноября «за пометой думного дьяка» В. Г. Семенова, в котором наиболее четко определено, какие росписи и в какой системе надо записывать в родословную книгу.

Работы Н. П. Лихачева существенно дополняют ту часть книги А. П. Барсукова, где описана история создания и деятельности Палаты родословных дел, поскольку Барсуков использовал лишь документы, опубликованные Н. И. Новиковым.

В советской исторической литературе к родословным росписям обращались весьма редко. Ряд актов XIV–XV вв. из числа поданных вместе с росписями был опубликован в «Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», причем составители очень осторожно (вслед за Н. П. Лихачевым) отозвались об их подлинности[14]. Наиболее подробный анализ актов, поданных с росписями, а также характеристика социальных слоев дворянства, представивших документы семейных архивов, даны в книге Н. Е. Носова. Эти наблюдения важны при изучении всего комплекса генеалогических материалов конца XVII в.[15] Подробный анализ документов из росписей Бестужевых и Головкиных проведен А. А. Зиминым. Принципиально новым в этой работе является то, что А. А. Зимин не только указал на несоответствие грамот, поданных в Разряд, росписям, а родословных легенд – историческим событиям, что было отмечено еще в работах Н. П. Лихачева и Д. Ф. Кобеко, но показал истоки этих фальсификаций. Так, все исследователи указывали, что боярин Яков Гаврилович Бестужев не мог получить в кормление от Ивана III город Серпейск, поскольку в XV в. тот не входил состав Русского государства. А. А. Зимин показал, что такая фальсификация могла возникнуть на основе сведений о том, что 1556 г. Якову Гневашеву Бестужеву был дан город Серебож. Автор установил также, что ряд подделок родословных документов XVII в. связан с Кашинским Клобуковым монастырем (грамоты Головкиных, Кожиных), что являлось одним из звеньев деятельности властей этого монастыря в создании фальсификаций[16].

---

[13] *Лихачев Н. П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897. С. 8–11.

[14] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 373–401.

[15] *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 95–97.

[16] *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов Русском государстве XVI–XVII вв. // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. 1963. Т. 17. С. 405–406, 408–410.

Кроме того, если в прошлом веке исследователи анализировали в родословных документах отдельные сомнительные факты легенд, отдельные сомнительные места формуляров грамот, то А. А. Зимин рассмотрел все эти явления в комплексе, указав, как сведения легенд переходят в грамоты, вскрыл целые комплексы генеалогических подделок, показав, как для этой цели использовались подлинные документы. Наиболее ярко это видно из анализа разрядно-родословного сборника Супоневых.

Таким образом, мы видим, что родословные росписи XVII в., поданные в Разрядный приказ после отмены местничества 1682 г., – не новый источник в историографии. Уже сто лет он постоянно находится в поле зрения исследователей, его ценность никогда не подвергалась сомнению. И в то же время до сих пор не сделана его «предварительная критическая обработка», о необходимости которой писал еще Н. П. Лихачев. До сих пор не выяснено, сколько было подано росписей (А. П. Барсуков приводит цифру «около 750», Н. П. Лихачев считал, что их было около 600, А. И. Юшков приводит ту же цифру, ссылаясь на подсчеты В. В. Руммеля), какие из них сохранились в подлинниках, а какие в копиях XVIII в., когда составлялись эти копии. Не выяснен хронологический отрезок времени подачи этих росписей, их обработки и использования в приказном делопроизводстве и ряд других вопросов.

Самостоятельное изучение сохранившихся подлинников представляется целесообразным по ряду причин. Только такое изучение дает достаточно ясное представление о приказном делопроизводстве, связанном с подачей родословных документов. Ни до, ни после этого до начала XIX в. мы подобных материалов не имеем. Это изучение позволит выявить и с достаточной достоверностью отнести к росписям XVII в. те материалы, сама история хранения которых не указывает на их принадлежность к росписям, составленным после отмены местничества. Изучение подлинников позволит выработать и определенные критерии в отношении работы с копиями XVIII в.

В настоящее время от делопроизводства Палаты родословных. дел сохранились 162 единицы хранения (по описи 163 единицы, из них две литерные – 52-а и 52-б – и две сдвоенные – 1–2 и 4–5)[17]. Их комплектование и состав целиком связаны с деятельностью А. И. Юшкова, на обложках XIX в. есть его подписи. При обработке в 90-е годы прошлого века столбцы были расклеены и сформированы архивные единицы хранения. Большинство росписей написано писарской скорописью, на оборотах в подавляющем большинстве сохранились скрепы лиц, по-

[17] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 18. 163 ед. хр. В дальнейшем ссылки на этот фонд даются в тексте с указанием только единицы хранения и листа.

давших росписи, и копии с грамот, дьяческие записи, чаще всего – дата подачи росписи и подпись дьяка.

К сожалению, при формировании этих дел был нарушен порядок делопроизводства. В одних единицах хранения мы встречаем и подлинники, и копии с росписей, иногда две разные росписи одной семьи. Грамоты и документы, удостоверяющие происхождение, а также переписка по поводу отдельных дел иногда составляют одну единицу хранения, иногда несколько.

К таким делам относятся росписи Бутурлиных (119, 139), Волынских (67, 101), Годуновых (14, 15, 16), Голенищевых (3, 6, 4–5 – дело о включении росписи в родословную книгу), Колычевых (143, 144), Апраксиных-Вердеревских (160, 161), Кондыревых (7, 8 – челобитная о включении росписи в книгу, 9 и 10 – выписки о службе), Коробьиных (134, 155), Бахметевых (106 – выписки о службе, 136, 140), Безобразовых (44, 138), Бунаковых (122, 152 – челобитная и списки с грамот), Внуковых (52-б, 75, 124), Козловских (108, 159 – решение по делу из единицы 108), Колтовских (18, 46), Комсиных (126, 129), Кузьминых (88, 128), Римских-Корсаковых (38, 39 – челобитная), Савеловых (19, 142, 152 – выписки о службе). Мы видим, что реальное количество сохранившихся дел не соответствует количеству росписей. Поэтому представить, как велись дела в XVII в., трудно, не говоря уже о том, что часть документов погибла, и часто нельзя отыскать роспись, на которую ссылаются спорящие.

Указы и дьяческие пометы, сохранившиеся на росписях, лишь частично позволяют восстановить работу Палаты родословных дел.

В указе от 12 января 1682 г. говорится о пополнении новыми поколениями старой родословной книги, «и которых имен в той книге в родех не написано, и тех имяна в родословную книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками»[18].

Для остальных категорий служилых людей предусматривалось создание нескольких родословных книг. В одну должны были быть записаны княжеские и «иные честные роды», которые занимали высшие должности (бояре, окольничие, думные дворяне) при дворе в XVII в., и старые роды, которые занимали эти чины при Иване IV, «были в послах и в посланниках, и в полкех, и в городех в воеводах, в знатных посылках и у великого государя в близости». Особые книги создавались для семей, чья служба начиналась при дворе Михаила Федоровича и поднялась до «средней и меньшей» статей десятен московских чинов[19].

В докладной выписке по этому указу от 27 марта 1682 г. предусмотрено, как заносить в старую родословную книгу росписи семей,

[18] Бархатная книга. Ч. 1. С. 4.

[19] Там же. С. 4–5.

которые напишут, что «они пошли от родословных людей». Их родословные должны быть подтверждены сородичами, уже занесенными в родословную книгу, и только тогда их можно «писать в родословную книгу с теми родами, от кого они пошли»[20].

С января 1682 г. составление родословной книги было поручено боярину Владимиру Дмитриевичу Долгорукому, думному дворянину Алексею Ивановичу Ржевскому и разрядным дьякам – думному Василию Григорьевичу Семенову и Федору Шакловитому. Указ 26 января 1686 г. в общей форме говорил о пополнении родословной книги, изменял состав лиц, которые этим занимались: вместо А. И. Ржевского был назначен Иван Иванович Чаадаев, вместо Шакловитого – разрядные дьяки Перфирий Оловянников и Любим Домнин[21].

В указе 13 сентября речь шла о структуре единой родословной книги, которая должна содержать росписи родов, не записанных в старую родословную книгу. Это прежде всего росписи имеретинского царя, сибирских и касимовских царевичей, затем роды, служившие при дворе до начала царствования Михаила Федоровича, затем роды, начавшие службу при Романовых, включая тех, кто дослужился до десятен 1-й статьи, затем роды, дослужившиеся до 2-й и 3-й статей десятни, и последними, «которые в десятнех написаны в последних статьях» или «написаны в московские чины».

21 сентября 1686 г. вместо окольничего И. И. Чаадаева, уехавшего с посольством, был назначен окольничий Иван Афанасьевич Желябужский[22].

Наконец, указом 14 ноября, составленным по докладной записке Федора Шакловитого, была определена структура родословных росписей в родословной книге: в каком порядке писать ветви одной семьи, как разделять росписи на фамилии, обязательно требовалось записывать, кто умер бездетным.

Отдельные черты текущей работы Палаты родословных дел раскрывают документы из собрания А. Д. Черткова[23]. Кроме недатированного указа Ивана и Петра Алексеевичей о подаче росписей для составления родословной книги, в нем есть приказная запись, очевидно Палаты родословных дел, где указаны семьи, подавшие свои росписи с 1682 г. по сентябрь 1685 г., и – отдельно – с сентября 1685 г. по 25 января 1686 г. За последний период число росписей даже подсчитано – 52. Далее помещены списки семей, которые еще не прислали документы, но росписи которых есть в родословной книге. Здесь, очевидно, использована ру-

[20] Там же. С. 5.

[21] Там же. С. 6–7.

[22] Там же. С. 7–9.

[23] *Чертков А. Д.* Книги родословные // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1850. Кн. 1. Отд. III. С. 22–26.

копись, близкая к Бархатной книге, так как группировка фамилий в росписи близка внутренней структуре глав Бархатной книги. Последними идут списки фамилий из боярских книг и не записанных в родословные книги, которые имеют право на подачу родословных росписей.

Из этих документов видно, что Палата родословных дел не только собирала и обрабатывала росписи, но сама составляла списки семей, от которых требовались родословные документы.

Лиц, которые работали с росписями, можно определить по дьяческим пометам.

Чаще всего встречаются пометы думного дьяка Василия Григорьевича Семенова – 13 помет (росписи Безобразовых, Буковских, Бунаковых, Буниных, Гагиных, Головкиных, Гросовых, Казначеевых, Кобяковых, Комыниных, Корякиных, Поскочиных, Римских-Корсаковых), начиная с 24 декабря 1685 г. по 15 ноября 1688 г.; три пометы не датированы. В деле Головкиных (без даты) есть черновик указа 1689 г. с упоминанием его имени[24].

Упоминание о дьяке Перфирии Федоровиче Оловянникове есть в шести делах (Головкиных, Кобыльских, Корбышевых, Коркодиновых, Кошелевых, Римских-Корсаковых). Самое раннее известие (без даты) в деле Корбышевых, где на основе его запроса из Посольского приказа 30 декабря 1686 г. прислана справка о происхождении Корбышевых. Кроме этого, он подписывал росписи в 1687, 1692 гг. и упомянут в указе 1689 г. (роспись Головкиных) вместе с В. Г. Семеновым[25].

Дьяк Любим Алферьевич Домнин подписал дела 17 и 26 марта 1686 г. (Ворыпаевы и Клокачевы)[26].

На росписи Боучаровых (32) есть помета: «195 (1687) марта в 16 день прислал окольничий Иван Афонасьевич Желябужский с стольником с Лукою Дуровым».

Боярин Владимир Дмитриевич Долгоруков упоминается в четырех росписях 1686 и 1687 гг. У Коробкиных (17 октября 1686 г.) запись – «доложить боярину Владимиру Дмитриевичу Долгорукому»; у Вараксиных (21 ноября 1686 г.) – «отдал боярин князь Володимер Дмитриевич Долгоруково, а сказал, что подал в 2-м числе». На росписях Коркодиновых от 2 декабря 1686 г. и Вяземских от 24 февраля 1687 г. пометы о том, что решение по делу должен доложить государям В. Д. Долгорукий.

Кроме этих лиц, чья деятельность в Палате родословных дел упомянута в соответствующих указах, в росписях встречаются имена боя-

---

[24] В. Г. Семенов был думным дьяком Разрядного приказа без перерыва с 8 апреля 1676 г. по 1695/96 г. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 468–469).

[25] П. Ф. Оловянников 5 сентября 1687 г. пожалован за участие в Крымском походе, с 1692 г. – думный дьяк (Там же. С. 386).

[26] Л. А. Домнин был дьяком Разрядного приказа с 1676 по 1688 г. (Там же. С. 157).

рина Тихона Никитича Стрешнева (Кондыревы, Римские-Корсаковы)[27]; 23 января 1693 г. на его имя дан указ о внесении росписи одной из ветвей Римских-Корсаковых в родословную их рода; в 1693–1694 гг. он же решает спор по родословию Кондыревых. Петр Шереметев в 1687 г. ведет переписку с Новгородской приказной избой о происхождении рода Савеловых. Роспись Волоцких имеет помету: «Справа Михаила Оловянникова» (7 мая 1686 г.)[28]. На переписке Перфирия Оловянникова с Посольским приказом (запрос 30 декабря 1686 г.) о происхождении Корбышевых пометы: «Справил Максим Алексеев» и «диок Василеи По[стников]»[29]. Роспись Башмаковых (1 июля 1686 г.) подписал «вологодской приказной избы подьячей Митка Родионов». И, наконец, роспись Римских-Корсаковых 4 июля 1692 г. подписали дьяки Иван Кобяков и Михаил Гуляев[30]. Мы видим, что в деятельности Палаты родословных дел принимали участие не только лица, назначенные указами, но и другие дьяки и подьячие Разрядного и Посольского приказов, а также местных учреждений Русского государства.

Очевидно, основная работа по сбору и обработке росписей была проделана под руководством дьяка В. Г. Семенова: его имя чаще других встречается на росписях, от его имени шли запросы в другие учреждения. Кроме того, в отличие от Л. А. Домнина и П. Ф. Оловянникова, которые ездили с дипломатическими поручениями, В. Г. Семенов постоянно находился в Москве.

Хотя эти материалы еще не позволяют подробно осветить работу Палаты родословных дел, они все же расширяют наши представления и о деятельности русских генеалогов XVII в., и о работе приказных учреждений.

Хронологически сохранившиеся росписи распределяются следующим образом. Из 162 дел 49 единиц хранения не имеют дат; у 13 даты дефектные, где нельзя определить год; две росписи – 1648 и 1680 гг. – не связаны непосредственно с деятельностью Палаты.

В марте 1682 г. подано 7 росписей (4-го, 5-го, две росписи 11-го, 47-го, 22-го, 24-го числа), в 1682/83 г. подана роспись Хованских, но эта дата, сделанная цифрами, вызывает сомнение.

---

[27] Т. Н. Стрешнев был в Разрядном приказе с 1689/90 г. (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 149).

[28] М. Оловянников – подьячий Поместного приказа в 1662–1669/70 гг. Запись в росписи Волоцких дает наиболее позднее упоминание о его службе (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 385–386).

[29] М. Алексеев упомянут как подьячий Разрядного приказа только 5 сентября 1680 г. (Там же. С. 17). Известен еще один Алексеев – подьячий Посольского приказа в 1676–1683 гг. (Там же). На росписи от фамилии Постникова сохранились лишь две буквы. По справочнику С. Б. Веселовского известно лишь одно лицо, которое может соответствовать этой подписи – дьяк Посольского приказа Василий Тимофеев Постников (Там же. С. 476).

[30] Иван Тимофеевич Кобяков – дьяк Разрядного приказа с 1690/91 по 1699 г. (Там же. С. 245).

Основная масса датированных росписей падает на декабрь 1685 г. (3 росписи: одна 12-го и две 24-го числа) – декабрь 1686 г., всего 61 роспись. Среди них в январе-феврале подано 8 росписей, в марте – 19 (из них 6 – 26-го и 4 – 29-го), в мае – 19 (4 – 19-го, 7 – 22-го и 3 – 23-го), в июне, июле, сентябре, декабре – по 2, в октябре – 1, в ноябре – 3 росписи. В 1687 г. подано 16 росписей: 9 – в январе, 3 – в марте, по одной – в октябре и ноябре; две росписи датированы только годом. В 1688 г. подано 6 росписей (по одной в феврале, мае, июле, октябре, 2 – в марте). И от 1690–1694 гг. сохранилось по одной росписи. 3 росписи имеют даты 1685/86 и 1686/87 гг.

Эти данные не позволяют делать четких хронологических выкладок, но дают ясное представление об интенсивности подачи росписей в разные годы. Росписи стали подаваться практически сразу после выхода указа об отмене местничества, разрыв между ним и первой росписью менее двух месяцев. В 1686 г. вышел ряд указов о порядке составления родословных книг и подаче росписей, на первую половину этого года падает основная масса датированных росписей. Очевидно, к концу года уже собралось достаточно материала для составления родословной книги, что и было определено соответствующим указом.

Практически после мая 1688 г. новых росписей не подавалось (если исходить из датированных). Дела 1690–1694 гг. – это решение спорных вопросов, приписки новых ветвей к уже поданным росписям. Основная масса датированных росписей относится к тем пяти годам, которые прошли от издания указа 1682 г. об отмене местничества до составления Бархатной книги.

Обратимся к количественному составу родословных росписей.

Среди 162 дел мы видим указ 14 ноября 1686 г. (158), челобитную в Разряд Парамона Бегичева с просьбой дать справку о службе его отца (153), ответ из Посольского приказа на запрос из Палаты о происхождении Корбышевых (86), копии грамот Корякиных (149), переписку с Лондоном о происхождении Бестужевых (156). Ряд дел практически не содержит росписей, эта родословия лиц, чья служба в Москве началась в середине XVII в. Таковы запись о выезде Водорацких в 1634 г. из Польши (110) запись Григория Баушева, чей отец был взят в плен в 1653 г. под Шкловом и после служил в России (95); Яков Биев (21) выехал в 1654 г. из Турции в Астрахань при воеводе Иване Петровиче Пронском. Леонтий Грос (70), переводчик Посольского приказа, взят в плен в Куконаузе, где он жил во время своего путешествия, попал в Москву, стал служить в Посольском приказе. Карапиперовы (135) выехали в Москву из Турции в 1638 г. Михаил Петрович Колдычевский взят в плен под Мстиславлем в 1658 г., а с 1663 г. служил по московскому списку (78). Краевские остались слу-

жить в Смоленске в 1654 г., они указывают на свою принадлежность к гербу Ясень. Скрепы на этой челобитной написаны по-русски, но латинским алфавитом (80). Роспись Хованских (163) также охватывает лишь XVII в. и в основном определяет участие отдельных членов этой семьи в стрелецком восстании. Родословие Эверлаковых (49) начинается с выезда в 1651 г. в Москву «из Немец» шляхтича Романа Яковлевича Эверлакова, но в ней описано пленение его предка в XVI в. при Иване IV.

Роспись Белозерских (162) составлена 8 августа 1648 г. и, как и дело Парамона Бегичева, очевидно, попала в делопроизводство Палаты из Разрядного приказа.

Среди остальных росписей 36 совпадают в своей ранней части с соответствующими росписями родословных книг XVI в., а 88 являются оригинальными. Анализу этих новых росписей и посвящена настоящая работа, по-скольку остальные, совпадая текстуально с родословными книгами, не дают принципиально новых известий о генеалогических знаниях XVII в.

Родословные росписи XVII в. состоят из легенды о происхождении семьи и поколенной росписи, доведенной по составу лиц до последней четверти XVII в. Начиная с XVI в. часто записываются биографические сведения о службе и земельных владениях отдельных лиц, причем, в отличие от росписей XVI в., эти сведения, как правило, подтверждаются отсылками на соответствующие документы (грамоты, разрядные записи, писцовые книги и др.). Заголовки к росписям имеются не всегда. На обороте листов идут скрепы лиц, подавших росписи, иногда дьяческие записи.

Как правило, родословные легенды росписей сохраняют форму, присущую легендам XVI в. В них записан выезд предка (в Москву, Тверь, Рязань), сообщается о его крещении, иногда говорится о пожалованиях, сделанных великим князем, дальше начинается роспись.

В 44 росписях записаны легенды родословных книг XVI в., из них в двух случаях использованы «чужие» легенды: Барыковы (58) взяли легенду родословных книг XVI в. о выезде в Тверь Марка Демидова (легенда Коробовых XVI в.) и, изменив одну из фамилий росписи XVI в. (с Бабкиных на Бабрыкиных), показали себя потомками младшего сына Марка. В подтверждение достоверности своего происхождения они сослались на «выезжую книгу» Посольского приказа. Грековы (62) приписали себе родословную легенду Ласкиревых, чья роспись была в Государеве родословце 1555 г.

В 10 росписях легенда утрачена или неразборчива из-за дефектов рукописи.

Безо всяких легенд о выезде подали росписи Бехтеевы (50), Боучаровы (32), Борисовы (60)[31], Веревкины (13), Волоховы (37)[32], Голенкины (54), Горины (27), Казначеевы (82), которые записали только, что они «выезжие»; Колупаевы (96), Коротневы (148), Кошелевы (72).

Угличскими вотчинниками со времен Дмитрия Донского назвали себя Брюхатовы (103), Голосовы (116); суздальскими – Каблуковы (53).

Выходцами из Рязани (без легенды о выезде) записаны Белелюбские (17), Буковские (47), Ворыпаевы (73). Бузовлевы указали, что их предком был татарин Чепчуга прозвищем Бузовлев, служивший рязанскому князю Федору Ольговичу (81).

Ряд легенд выводит родоначальников из Новгорода. В росписях XVII в. эта легенда приобретает иную окраску, чем в книгах XVI в. Если раньше из Новгорода происходили родоначальники старомосковского боярства: Морозовых, Кобылиных, Свибловых, Кутузовых, служившие еще Александру Невскому, то в XVII в. Кузьмины-Караваевы (128, 88) и Савеловы (19, 142, 152) написали, что их предками были новгородские посадники, естественно, в свое время выехавшие из Пруских земель, как этого требовала традиция XVI в. Баскаковы (84) назвали своим предком баскака Амрагана, осевшего в Новгороде; из этого рода вышел и Пафнутий Боровский. Бобынины (104) переселились в Новгород из Чернигова после «литовского разоренья», а Андреевы и Колотиловские (104) просто назвались новгородскими вотчинниками. В доказательство своего происхождения многие ссылаются на писцовую книгу Дмитрия Китаева (1500 г.).

В традиционной форме XVI в. «выехал из Немец из Пруские земли муж честен в Великии Новгород» создана легенда Вараксиных (40), из «Немец» в Новгород выехал также предок Григоровых (23), а к Дмитрию Донскому – предки Гиневлевых (118) Михаил Ильич и Глебовых (11) Облагиня.

Группа легенд связана с выездом из Литвы, но, как и предыдущие легенды, она носит несколько иной оттенок, чем аналогичные легенды XVI в. В родословиях XVI в. выходцами из Литвы записаны, как правило, бывшие тверские боярские роды, перешедшие на службу в Москву. Переезды из Литвы в Тверь, затем в Москву связаны с образованием единого Русского государства и его сношениями с Великим княжеством Литовским. Основная масса легенд XVII в. говорит о выезде при московском великом князе Василии III, во время правления которого велись войны с Литвой и переезжали литовские князья. В первой четверти XVI в. сказались выехавшими на Русь Ближевские (121), Борщовы (35), Клишковы (36), Протасьевы (59). В легенде Бухваловых (102)

---

[31] Возможно, их легенда была в росписи Чаадаевых, поскольку Борисовы показали себя их однородцами.

[32] Волоховы назвали своим родоначальником тысячника Дмитрия Андреева Волохова.

указан выезд предка к царю Ивану IV, но с датой 1522 г. Только Бунаковы (122) и Владычкины (48) записали, что их предки выехали в 1408 г. с литовским князем Свидригайло. В ословном это семьи, служив-шие дмитровским и волоцким князьям.

Родоначальник серпуховских помещиков Козловых (71) Дмитрий Немиров сын Козлов назван в росписи «шемятичевским». Болотниковы (157), служившие по Вяземскому уезду, также сказались выходцами из Литвы, но ни имени предка, ни времени выезда указать не смогли. Без указания даты записан и выезд Венцеслава Корсакова – родоначальника Римских-Корсаковых (38, 39).

Сопоставима с родословными книгами XVI в. и группа легенд о выезде из Крыма и Золотой Орды.

Приехавшими из Крыма записались Баранчеевы (130), указав своим предком Василия Баранчеевича Киятова и сославшись на легенду Киятовых в родословных книгах. В родословиях XVI в. князья Убо-Кияты названы предками Глинских[33]. К тому же известие о князе Кияте в росписи относится к XIV в., а служба его ближайшего потомка – к 1524 г.; за весь XV в. предки Баранчеевых не записаны. Бахметевы (140) сказались татарами, выехавшими в XV в. в Москву с царевичем Касимом; Гайтуровы (83) выехали из Крыма при Василии Темном, тогда же приехал родоначальник Елизаровых (76) царевич Егул. Карауловы указали своим предком Ямурчея Караула, посла к Ивану III.

Из Большой Орды выехал в 1301 г. царевич Берка, от которого повелись Блохины (63). Оттуда же назвали своего предка – мурзу Кугилубага – Болтины (109), написав, в каком году он выехал и при котором великом князе, «про то ведомо в Розряде». Елчины (90) записаны потомками посла Золотой Орды Елчи, приходившего к Ивану III. Предок Комыниных (74) Бугайдал выехал к Василию III.

В этих легендах бросается в глаза то, что имена многих родоначальников и их связь с Москвой известны по летописям. Братья Касим и Егуп, царевичи, упоминаются в связи с событиями феодальной войны в 1447 г., царевич Ямурчей – в связи со стоянием на Угре в 1481 г., царевич Берка – один из известных деятелей Золотой Орды второй половины XIII в.[34] Но, сообщая о их контактах с русскими князьями, летописцы ничего не говорят о их переходе на службу в Москву.

Новым в родословных легендах XVII в. являются записи о выезде родоначальников из Польши. По существу, здесь речь идет о тех же дмитровских и волоцких вотчинниках, которые в других случаях записаны переехавшими из Литвы в соответствии с генеалогическими традициями XVI в. Мы можем лишь отметить новые тенденции созда-

[33] Родословная книга // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 195.
[34] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 144, 269, 328.

ния родословных легенд, поскольку и хронология событий, и манера изложения в них такие же, как в легендах о выезде из Литвы.

Самые ранние выезды из Польши указаны в легендах Кикиных (30) и Поскочиных (22). Логин, предок Кикиных, и Петр Поскоча, по легенде, дед основателя Ферапонтова монастыря, выехали к Дмитрию Донскому от Ягайло. На службу к Василию Темному приехали Архип Буникевский, предок Буниных и Майковых (98), и Александр Клокачский, родоначальник Клокачевых (34). К Ивану III пришли служить предки Головкиных (123)[35], Коробкиных (132), Баклановских (94)[36]. Предок Крекшиных (127) Лукьян был взят в плен под Смоленском в 1514 г. К Василию III выехали также Волоцкие (51), Вороновы (137), которые тут же были испомещены в Новгороде.

Близнаковы (100) записали, что не помнят, когда их предок Оникон выехал к Василию Ивановичу, а грамоты сгорели.

В деле Грушецких (61) есть выписки из польской родословной книги о происхождении их герба.

Особняком стоят легенды о выезде из Свейского государства предка Евских (26) Филипуса; грека Константина – предка Комсиных – к Дмитрию Донскому (126, 129), братьев Кашкиных (111) с Софьей Палеолог, а также Узлы мурзы Ягоровича, предка Кафтыревых (91), в 1241 г. из Кафы. Егуповы-Черкаские приехали «с гор служить Ивану Васильевичу» (117).

Фантастическую легенду придумали себе Блудовы (29), записавшись потомками Блуда, известного по летописям с 973 г. воеводы князя Ярополка Святославича. При образовании его имени – Ивещей Блуд – в легенде использован летописный текст; до XIV в. потомки Блуда в росписи не записаны, а с XIV в. Блудовы – суздальские помещики.

Красочна легенда Елагиных (145): их родоначальник Елагоний приехал с крестоносцами в Литву, а позднее поселился в Ладоге. В Тысячной книге 1550 г. Елагины записаны помещиками Водской пятины.

Обзор родословных легенд XVII в. позволяет сделать ряд выводов. В отличие от родословий XVI в., когда все занесенные в книги роды имели легенду о выезде, в XVII в. часть семей легенд не дала. Это может говорить о том, что в XVII в. сам факт службы великим князьям был признаком древности и определенной знатности семьи. Родословные легенды XVI в. в поздних росписях остались без изменений, что, очевидно, подтверждает авторитет родословных документов XVI в. Об

[35] Разбирая грамоты, поданные Головкиными, А. А. Зимин отметил необычное для шляхтича отчество Кучюкомович, которое было у Яна Головкина. Подавший в 1689 г. роспись Иван Головкин ссылался на архив Клобукова монастыря, где хранились документы, подтверждающие выезд Яна Головквна. По мнению А. А. Зимина, грамота Головкиных – одна из подделок этого монастыря (*Зимин А. А.* Из истории фальсификации. С. 405–406). По росписи дети выехавшего в 1485 г. Яма Головкина записаны в Тысячной книге.

[36] В этой росписи на сто лет записано семь поколений, что очень сомнительно само по себе.

этой авторитетности может свидетельствовать и факт заимствования чужих легенд (Ласкиревых, Глинских) из книг XVI в.

Основная масса легенд, впервые записанных в росписях XVII в., строится по образцу легенд боярских родов XVI в. Они кратки и, кроме имени родоначальника, времени выезда и полученных им пожалований, не содержат никаких сведений. Перечень стран, из которых выехали родоначальники, также в принципе совпадает с записями XVI в. Очевидно, генеалогические традиции XVI в. были еще достаточно устойчивыми. Новым в родословных легендах являются отсылки на польские родословные книги, подтверждающие достоверность происхождения семей (Грушецкие, Елагины, Клокачевы, Корбышевы).

Если легенды о выезде из «Немец», Литвы, Польши не всегда связаны с конкретными событиями, известными по другим источникам, кроме известия о взятии Смоленска или о выезде князя Свидригайло, то легенды о выезде из Крыма и Золотой Орды, как правило, отталкиваются от событий, известных по летописям и связанных с деятельностью крымских и ордынских мурз и царевичей.

В родословных росписях ни разу не встретились фантастические легенды, о которых часто писали в генеалогической литературе. Наиболее яркий пример – легенда Супоневых, которые, используя подлинные родословия и разряды, создали сборник, подтверждающий их происхождение[37]. В их легенде как предки записаны испанские и итальянские короли, и вся она выглядит приключенческой повестью XVII в. На абсурдных фактах построены легенды Челищевых (их предок был якобы убит «из пушки в чело» на Куликовом поле, что и дало начало фамилии), Мышецких, которые помещены в отдельных рукописях родословных книг второй половины XVII в. Ничего подобного в официальных росписях не встречено. Наиболее близка к таким росписям легенда Блудовых, где использован летописный рассказ X в., но фантастические детали в ней отсутствуют.

Очевидно, история отдельных семей и генеалогические традиции в XVII в. были таковы, что использование недостоверных легенд в официальных документах было невозможно. Еще Н. П. Лихачев, разбирая родословную легенду Сатиных, предположил, что «Сатины, как и некоторые другие фамилии..., приготовили несколько росписей и подали в приказ ту, которая казалась наиболее вероятной»[38].

Сведения о социальном составе семей, подавших росписи, раскрывают записанные в них известия о службе и земельных владениях. В этих записях нет какой-либо системы, каждая семья заносила в росписи то, что знала и считала возможным сообщить. В отличие от родосло-

---

[37] *Зимин А. А.* Из истории фальсификации. С. 412–419.

[38] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 438.

вий XVI в. в росписях часто встречаются отсылки на разряды, грамоты и другие документы. Иногда круг сведений, помещенных в росписи, совпадает с кругом известий из приложенных к росписям документов.

Никаких записей о службе и земельных владениях нет в 24 росписях.

Новым для родословий XVII в. является ссылка на Тысячную книгу 1550 г. и Дворовую тетрадь 50-х годов XVI в. как на источник, подтверждающий родовитость. Тысячники упомянуты в росписях Волоховых, Болтиных, Елагиных, Карауловых, Кафтыревых, Кикиных. Все записанные здесь лица есть в Тысячной книге, кроме Пимина Михайлова Елагина; в 1550 г. был записан лишь его брат Федор. В одной росписи Баскаковых приведены «фальшивые» тысячники Алексей, Иван, Федор Петровы. Баскаковы в Тысячной книге имеют другие имена. На Дворовую тетрадь ссылаются Блудовы, Бухваловы, Козловы, все их известия подтверждаются текстом Дворовой тетради. Эти записи единичные, но они позволяют связать сведения источников XVI в. с определенными семьями и уточнить социальный состав тысячников, круг семей, привлекавшихся при реформах 50-х годов XVI в.

Кроме отсылок на Тысячную книгу, в росписях есть упоминания о писцо-вой книге Дмитрия Китаева, составленной, очевидно, в конце XV в. (росписи Григоровых, Кузьминых, Савеловых и др.). Это принципиально новое явление по сравнению с родословиями XVI в. Книга Дмитрия Китаева связана с переселениями, происходившими в Новгородской земле в конце XV в. после присоединения Новгорода к Москве. Для родословий XVI в. упоминание о записи в книгу Дмитрия Китаева было признаком неродовитости, отказа от службы в Москве. Очевидно, к концу XVII в. главным признаком родословий стал сам факт древности службы, а не места службы. В этом случае отсылка к книге Дмитрия Китаева доказывала, что семья известна с конца XV в.

Если обратиться к упоминаниям земельных владений – сведения о том, где получили земли предки, перешедшие на службу в Москву, или просто уездов, где находились поместья, то первое место здесь занимает Новгород. Ряд записей, как уже отмечалось, связан с переселениями конца XV в., часть – со службой в Новгороде в XVI в. В пяти росписях есть известия о службе в уделах – Дмитров, Старица, Волоцк. Эти упоминания важны тем, что средняя (не боярская) прослойка удельных дворов по родословным книгам XVI в. неизвестна. Ветви семей, служившие в уделах, в них не записывались даже в том случае, когда часть лиц была связана службой с Москвой и общая роспись рода попадала в родословные книги. О семьях, служивших только в уделах и не имевших своих представителей при великокняжеском дворе, мы из генеалогических документов XVI в. ничего не знаем.

Росписи XVII в. тем более ценны, что в них есть записи, каким именно удельным князьям служили те или иные лица, есть в них и уни-

кальные сведения об обмене дворов московского и старицкого князей в годы опричнины. Об этом обмене есть сведения в летописях, частично круг лиц, перешедших на службу в Москву, можно реконструировать по разрядным книгам, но такая реконструкция в силу специфики самих источников относится к боярской прослойке; об обмене служилых людей из других источников неизвестно.

Часть семей, подавших росписи XVII в., – вотчинники Вязьмы, Козельска, Ржева; эти земли связаны с переселениями из Литвы. Три семьи из числа таких землевладельцев записали своих предков выехавшими из Литвы и Польши.

Упомянуты в росписях и владения семей, издавна служивших в Москве, Рязани, Суздале, Костроме.

Все эти записи относятся к известиям о родовых гнездах, но, кроме них, в росписях есть упоминания о других земельных владениях, как правило, подтвержденные грамотами. Эти сведения позволяют проследить размещение помещиков, членов одной семьи. Кроме того, мы имеем здесь дело с росписями семей, не попавших в родословные книги XVI в., именно эти записи и содержащие их росписи позволяют связать сведения актов XVI в. и отнести их к определенной семье.

Группа известий росписей связана непосредственно со службой при московском дворе. Чаще всего это известия об участии в различных войнах и сражениях XVI в., но есть и записи о занятии определенных должностей при московских князьях. Среди уникальных известий следует отметить упоминание о службе в Опричном дворе Тимофея Ларионова Бунина (98. Л. 3), неизвестное по другим источникам.

Основная масса известий о службе относится к началу XVII в., и здесь они иногда перерастают в биографии отдельных лиц или подробную подборку выписок из различных документов о деятельности одного лица.

Такой анализ сохранившихся подлинников родословных росписей конца XVII в. позволяет сделать ряд выводов об эволюции генеалогических документов России. В росписях XVII в. сохраняется много общего с росписями XVI в.: оформление легенд, построение родословной схемы, форма записи лиц в росписях XVI и XVII вв. одинаковы. Наличие этих общих традиций позволяет в то же время вскрыть и новое. Прежде всего, меняется круг семей, подающих свои родословия. Это связано, очевидно, с изменениями в составе московского двора. Для XVII в. становится иным представление о родовитости семьи, поэтому новыми для росписей становятся отсутствие легенды о происхождении рода и отсылка на какие-либо события раннего времени или документы, подтверждающие древность службы при московском дворе. Меняется и сам круг документов, подтверждающих родовитость. Для родословий XVI в. характерно отсутствие ссылок на грамоты и просто невозможна

отсылка на книгу Дмитрия Китаева. Меняется и отношение к службе в уделах. Можно сказать, что в XVI в. признаком родовитости был факт, ко-му служишь, а в XVII в. с какого времени служишь.

В росписях XVII в. сохраняется форма легенды о выезде, характерная для родословий XVI в., но вкладывается иной смысл в сам факт выезда. Меняется роль Новгорода как места выезда на службу, характерно, что рядом с «выездами из Литвы» появляются в совершенно аналогичных случаях «выезды из Польши». Это скорее может свидетельствовать о перемене внешнеполитических отношений XVII в., когда Польша и Литва выступают как единое государство.

Для известий XVI в., записанных в росписи, более ценно не упоминание об отдельных фактах службы, чаще всего известных по более ранним источникам, а то, что сами росписи принадлежат тому слою дворянства, которое не попало в родословные книги XVI в. и чьих более ранних росписей мы не имеем. В росписях XVII в. появляется и новый жанр – светская биография, которая отличается от более ранних упоминаний о службе большей детальностью в записи фактов и литературным стилем изложения. Практически те росписи, о которых уже говорилось, что в них нет росписей как таковых, а лишь содержатся сведения о выезде в Россию в XVII в., представляют собой биографии выехавших.

Наконец, росписи сохранили уникальный материал о деятельности Палаты родословных дел и лицах, принимавших участие в создании родословий XVII в. Если имена русских герольдмейстеров XVIII и XIX вв. нам давно известны, то теперь к ним можно добавить думного дьяка В. Г. Семенова, под чьим руководством была проделана основная работа с росписями, поданными в Приказ после упразднения местничества.

Наблюдения над родословными росписями позволяют еще раз вернуться к вопросу о датировке Бархатной книги.

Указ 14 ноября 1686 г. говорит о том, как надо писать родословную книгу и как использовать для этого старую родословную, очевидно, он был издан перед составлением Бархатной книги, когда материалы для нее были собраны.

Бархатная книга скреплена по листам думными дьяками В. Г. Семеновым, Д. Т. Полянским, Е. И. Украинцевым и дьяками П. Ф. Оловянниковым и Л. А. Домниным. Домнин уже в 1689 г. стал думным дьяком. Вместе с Украинцевым он участвовал в Крымском походе 1686–1687 гг.[39], затем Украинцев участвовал 7–25 июля в раде, выбиравшей гетмана войска Запорожского[40]. В 1688/89 г. Домнин уехал с посольством к Мазепе. Очевидно, Бархатная книга могла быть подписана после возвращения Домнина и Украинцева из Крымского похода, но

[39] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 157.

[40] Там же. С. 531–532.

до отъезда Домнина с новым посольством, приблизительно во второй половине 1687–1688 г.[41]

Все документы, связанные с составлением Бархатной книги, хранятся в фондах Разрядного приказа, сама книга находится в сенатских фондах. Когда и зачем она была перевезена в Петербург?

Ответ на этот вопрос дает переписка главного инспектора московских сенатских архивов П. И. Иванова с герольдмейстером В. Д. Философовым. В 1850 г. Иванов просит Философова помочь отыскать две родословные книги XVII в. Одна из них – официальная родословная, составленная в 1682 г. после упразднения местничества. «Этой любопытной и в настоящее время необходимой книги в здешних архивах нет, и, вероятно, она в архиве герольдии хранится, потому собственно, что при императрице Екатерине II, когда составляемы были дворянские книги, все относящиеся до этого предмета документы были вытребованы в С.-Петербург»[42].

На распоряжение Философова о розыске названной Ивановым рукописи 2 августа 1850 г. поступил рапорт архивариуса герольдии Китаева о том, что упомянутой Ивановым книги в герольдии нет, а в «присутствии же департамента герольдии хранится под названием Бархатная книга сборник родословный, составленный в царствование царя Федора Алексеевича, который служит важным актом и основанием в решениях»[43].

На основании этого рапорта 27 сентября 1850 г. Философов отправил в Москву ответ, где сообщал, что интересующая Иванова книга 1682 г. находится в департаменте герольдии и «известна под именем Бархатной книги»[44]. Отвечая на это письмо, Иванов вместе с благодарностью за присланные сведения выражает сожаление, что этот важный источник «не издан до сих пор в свет изящным образом» и трудно доступен для исследователя. «Как же не исправно издание новиковское, но и оно весьма редко и с трудом его можно отыскать»[45].

Эта переписка не только раскрывает нам историю хранения самой Бархатной книги, но и показывает, что часть генеалогических материалов XVII в. можно искать среди делопроизводственных документов XVIII–XIX вв., поскольку в это время они использовались для справок.

В связи с историей хранения рукописи интересно также выяснить, когда и где она получила столь необычное для русского источника название – Бархатная книга. Ни на рукописи, ни на копиях, сделанных

---

[41] А. П. Барсуков без доказательств датирует составление Бархатной книги 1687 г. (*Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы… С. 10).

[42] РГИА. Ф. 1343. Оп. 57. Д. 377. Л. 1об.; РГАДА. Ф. 336. Оп. 1. Д. 355. Л.6об. Письмо от 20 июня 1850 г.

[43] РГИА. Ф. 1343. Оп. 57. Д. 377. Л. 1об.–2; РГАДА. Ф. 336. Оп. 1. Д. 355. Л. 6об.–7.

[44] РГАДА. Ф. 336. Оп. 1. Д. 355. Л. 7.

[45] Там же. Л. 26, 27.

с нее, его нет. Впервые оно употреблено, очевидно, в работе Ф. Эмина (1768 г.)[46]. Потом на титульном листе публикации Н. И. Новикова (1787 г.) появляются аналогичные слова – «которая известна под названием Бархатной книги»[47].

П. И. Иванов не связывает в своем письме родословную, составленную при отмене местничества, с книгой, опубликованной Н. И. Новиковым. То, что Бархатная книга и есть официальный родословец, определил В. Д. Философов.

Эти сведения приводят нас к выводу, что, находясь в составе Разрядного архива, рукопись названия не имела, иначе его при своих розысках упомянул бы Иванов. Бархатной книга стала называться в канцелярии герольдии, где это название за ней закрепилось. В таком случае можно установить примерную дату перевоза рукописи из Москвы в Петербург. Он произошел между 1762 и 1767 гг.[48] От служащих герольдии это название стало известно Ф. Эмину, Ф. Миллеру, а от него, очевидно, Н. И. Новикову.

В научную литературу название Бархатная книга перешло с титульного листа публикации 1787 г.

---

[46] «В родословии российских князей, Бархатною книгою называемом» (*Эмин Ф.* Российская история. СПб., 1768. Т. 2. С. 477).

[47] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1–2.

[48] П. И. Иванов пишет, что рукопись вывезли из Разрядного архива в царствование Екатерины II, а Ф. Эмин приводит в своей книге (вышла в 1767–1769 гг.) ее название.

Некоторые задачи генеалогического исследования[1*]

Роль вспомогательных исторических дисциплин в современном исследовании, вопросы совершенствования их методики, установление новых связей между различными традиционными дисциплинами – проблемы, неоднократно обсуждавшиеся на страницах научных изданий. Так, В. Л. Янин наиболее четко и последовательно определил изменение роли вспомогательных исторических дисциплин. С одной стороны, они совершенствуют свою исследовательскую методику и создают справочники, необходимые для своего собственного развития, с другой – исследование, посвященное источникам этих дисциплин (монеты, печати, формуляры актов), часто выливается в работу по истории международной торговли, государственного аппарата и др. Автор видит основные перспективы их развития не только в совершенствование методики исследования, но и в интеграции, в тесной связи параллельных исследований ряда вспомогательных дисциплин[2].

Основное отличие генеалогии от, скажем, нумизматики, сфрагистики, палеографии состоит в том, что практическая генеалогия – история семьи, установление степени родства – может существовать вне исторической науки. Любое целенаправленное коллекционирование рукописей, монет, печатей и других объектов исследования вспомогательных дисциплин невозможно без знания специальной литературы, каталогов, изучения музейных собраний и др. Коллекционер приобщается к специальным работам, лишь внося свою лепту в общее развитие науки, расширяя круг источников, уточняя их хронологию. Знание истории своей семьи, своих предков и ближайших родственников мо-

[1] *ВИД. Л.: Наука, 1983. Вып. 14. С. 3–22.

[2] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 5–10, 19–21. См. также: *Буганов В. И., Зимин А. А.* О некоторых задачах специаль-ных исторических дисциплин в вручении и издании письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1980. № 1. С. 117–118; *Соболева Н. А.* О тенденциях развития специальных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980.

жет существовать вне исторических исследований, создавая семейную традицию, давая локальное знание исторических событий, в которых принимали участие родственники. Поскольку эти знания в свою очередь могут стать источником исследования, само понятие генеалогии как будто становится расплывчатым. Но эта расплывчатость мнимая; как и другие отрасли истории, генеалогия имеет свои закономерности, вытекающие из закономерностей исторического процесса и из закономерностей исторической науки.

Генеалогия – самая древняя из вспомогательных исторических дисциплин. Если нумизматика, сфрагистика в практической деятельности появляются в обществе, где есть товарообмен и классы, палеография и дипломатика связаны с развитием письменности и работой государственного аппарата, то знание своих предков и истории своей семьи появилось одновременно с человеком. Первые сведения по генеалогии содержатся в этногенетических преданиях. Сведениями о родстве и происхождении семей, преимущественно правящего класса, изобилуют летописи, хроники, саги и другие исторические произведения. Но генеалогия окончательно конституируется в развитом классовом феодальном обществе, когда появляются специальные генеалогические документы, имеющие юридическую силу. Происхождение семьи и служебное положение предков давали права на земельные владения, чин или должность и определяли место в сословной иерархии. Сословность, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса – неотделимая черта феодального общества, когда существуют не классы, а сословия «с определенными и строго ограниченными привилегиями»[3]. Историческое развитие сословий в классы завершается буржуазной революцией, когда «условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий»[4].

Представление о сословности феодального общества позволяет выработать определенный подход и к генеалогическим источникам.

Источники генеалогического исследования практически неограниченны, ими может быть любой памятник (письменный, архитектурный, археологический, предметы искусства), содержащий биографические сведения об отдельном лице. Основным моментом генеалогического исследования здесь является отнесение определенного круга фактов о жизни и деятельности этого лица. Часто в процессе такой работы генеалогия смыкается с источниковедением.

Источники генеалогии, создававшиеся в процессе деятельности лиц и учреждений и имевшие юридическую силу – это поколенные росписи и таблицы, которые устанавливали родственные связи между отдель-

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 184.

[4] Там же.

ными членами семьи. В задачи научной дисциплины генеалогии входит исследование истории создания ее источников, проверка достоверности их сведений. Кроме этого, генеалогия создает свои справочники о жизни и деятельности лиц и семей, используя весь доступный объем исторических источников. Такие справочники являются надежным фундаментом различных исследований по социально-экономической и социально-политической тематике, а также сами могут перерастать в подобные исследования.

Различия между практической и научной генеалогией принципиальны. Научная генеалогия всегда подчинена задачам исторического исследования, практическая – юридически оформляет степень родства между определенным кругом лиц, определяя их положение в структуре общества.

Между Государевым родословцем 1555 г. и «Русской родословной книгой» П. В. Долгорукого (1841 г.) как генеалогическими справочниками нет принципиальной разницы. Оба они создавались как документ, где зафиксированы родственные связи между членами различных семей. Их различие не в назначении, а в разных уровнях развития общества XVI и XIX вв. Именно этим обусловлены и отбор семей, и проверка достоверности сведений о родстве, и отбор биографических сведений, и способ размножения книги. А уже в книге Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в.» изучение истории создания основных источников русской генеалогии органически входит в исследование деятельности одного из ведущих государственных учреждений России. Именно здесь генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина начинает раскрывать свои возможности.

Методика составления родословных таблиц в России научно не разрабатывалась. Основным источником русской генеалогии являются росписи нисходящего родства: в них записываются все потомки какого-либо лица, как правило, только по мужской линии. Росписи восходящего родства, где записаны все предки какого-либо лица, русской генеалогии также практически неизвестны.

В родословных росписях можно выделить два элемента – так называемую легенду о происхождении семьи, где записан ее родоначальник, и поколенную роспись.

Поколенная роспись – это перечень всех членов семьи с указанием степени родства, в своей древней части она иногда баснословна, форма росписи в русских источниках существенно не менялась в течение столетий, в каком бы виде эти документы не существовали (как приписки к летописным сводам, самостоятельно, объединенные в родословные книги). Поколенная роспись имеет практическое значение при установлении степени родства как внутри членов одной семьи, так и между разными семьями, если известны их родственные связи.

Родословные росписи чаще привлекают историков, так как именно они содержат основную массу сведений, часто уникальных.

Родословные легенды исследуют гораздо реже, в основном с точки зрения достоверности происхождения родоначальника. Представляется, что их значение более глубокое. Родословие наряду с документами, где оформлялось служебное положение семьи в иерархии феодального общества (например, в России – докончальные и жалованные грамоты, разряды и т. п.), закрепляло сословное происхождение рода, право его членов занимать определенное положение. Именно родословная легенда фиксировала происхождение из княжеской семьи, древность службы великим князьям и положение предков при их дворах. Причем, оставаясь в рамках семейных преданий, эти факты не имели юридической силы, а официально зафиксированные ставили потомков на определенную ступень сословной лестницы, предоставляя им соответствующие права и привилегии.

Правительство периодически было вынуждено дополнять и редактировать родословные документы, что давало возможность семьям, выдвинувшимся на службе после предшествующего редактирования, официально закрепить уже совершившиеся изменения сословной принадлежности.

На определенном уровне развития феодального общества создавалось официальное учреждение, которое занималось сбором, проверкой и утверждением родословных документов. Деятельность таких учреждений и лиц в разных странах была схожей.

В России первоначально родословиями занимался Разрядный приказ, основной функцией которого были вопросы службы дворян, этого, по выражению Ф. Энгельса, «по преимуществу военного класса»[5]. Это еще раз говорит о тесной связи «службы» и «происхождения» в период феодализма. В Разрядном приказе был составлен Государев родословец 1555 г. и другие родословные книги[6]. В 1682 г. при Разрядном приказе было создано специальное учреждение – Палата родословных дел, которая занималась сбором и проверкой родословных документов. Продукт ее деятельности – Бархатная книга, имеющая в основе тот же Государев родословец[7].

О значении, которое придавалось родословным росписям, говорит состав лиц, занимавшихся ими. Государев родословец был оставлен, как доказал Н. П. Лихачев, разрядным дьяком Е. Цыплятевым, одним «из крупнейших государственных деятелей середины XVI в.[8] В

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 394.

[6] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

[7] *Она же.* Из истории создания росписей конца XVII в. и Бархатной книги // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Вып. 12.

[8] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 353, 414–416.

XVII в. разработкой указов о составлении родословной книги занимался среди других Ф. Шакловитый. Справки о проверке документов о происхождении в Посольском приказе подписывал думный дьяк Е. И. Украинцев, спорные вопросы решали бояре В. Д. Долгорукий и В. В. Голицын. Бархатную книгу подписали три думных дьяка – Е. И. Украинцев, В. Г. Семенов и Д. Т. Полянский. Такое оформление, скрепленное высокопоставленными должностными лицами, имело в прямом смысле слова вечное значение. Адашевы попали в Государев родословец 1555 г., куда записаны в основном потомки первых великих князей Рюрика и Гедимина и старомосковских бояр, так как влияние А. Ф. Адашева при великокняжеском дворе в середине XVI в. было необыкновенно велико. Роспись Адашевых осталась и в Бархатной книге, когда этого рода уже не существовало, как символ сословной принадлежности.

С начала XVIII в. до 1917 г. при Правительствующем сенате была Герольдмейстерская контора, затем Департамент герольдии, высший арбитр споров о происхождении семей, в ее архиве были сосредоточены документы о происхождении русского дворянства.

В Англии XIV в. в судах при спорах об имуществе росписи еще не привлекаются в качестве документальных свидетельств. Одним из первых толчков к их составлению была война Алой и Белой розы. С 20-х гг. XVI в. – времени правления Генриха VIII – до последней четверти XVII в. – правления Карла II – здесь велись так называемые «книги посещений» герольдов. Посланные по заданию короля, герольды объезжали графства, смотрели гербы и вели родословные записи. Составленные ими росписи в основном опирались на семейные предания, но во время этих посещений проверялись фамильные документы, надписи на гробницах и т. д. Записи герольдов имели юридическую силу. В XVII в. росписи регистрировались в герольдии. Кроме того, генеалогическую работу вели антиквары, это была частная инициатива, росписи отдельных родов часто заносились в истории различных графств[9].

Во Франции первые шаги генеалогии также были связаны с вопросами наследования и историей правящего дома. В 1595 г. здесь была юридически оформлена должность генеалога, а в 1615 г. – Суд о гербах Франции[10]. В этих учреждениях проверялись и утверждались родословные документы. Именно здесь сформировались основные источники по французской генеалогии. Обе должности – генеалога и судьи – долгое время сохранялись за членами одной семьи.

---

[9] Genealogy // Encyclopedia Britannica. 1963. Vol. 10.

[10] *Durye P.* La généalogie. Paris, 1971. P. 15–16.

Но и во Франции с середины XVI в. развивалась частная инициатива в написании генеалогий королевской и различных знатных семей. Она особенно процветает в XVII в., когда появляются работы, показывающие родство между правящими домами стран Европы или излагающие историю дворянских родов отдельных провинций[11]. В это же время появляется интерес к теоретической генеалогии, разрабатываются принципы начертания родословных таблиц и составления поколенных росписей. Одна из этих систем, разработанная испанцем Жеромом Соса, в усовершенствованном виде существует до наших дней[12].

XVIII век, наоборот, привел к упадку генеалогических исследований[13]. Возможно, это вызвано тем, что генеалогия всегда обслуживала интересы дворянства, что создавало однообразие тем исследований. В эпоху Французской революции, которая «уничтожила сословия вместе с их привилегиями»[14], такие работы теряли свое значение.

В это же время в Германии зарождается интерес к теоретическим основам генеалогии, что можно признать за рождение научной генеалогии. В 1721 г. организуется первая кафедра генеалогии в университете Вены, в 50-е гг. выходит учебник генеалогии, а в Геттингенском университете читается курс лекций; генеалогия ставится в один ряд с такими дисциплинами, как палеография, дипломатика, хронология, сфрагистика[15].

В Польше составление первых генеалогических справочников – гербовников – также относится к концу XVI в. В отличие от других стран здесь генеалогия более тесно связана с геральдикой; сами работы являются авторскими исследованиями, а не продуктом деятельности должностных лиц[16]. Это отразилось и в отборе фамилий (так, один из авторов – иезуит К. Несецкий – широко использовал материалы семейных архивов и документы ордена иезуитов, но обошел молчанием историю некатолических семей)[17], и на оформлении самих работ, в которых история происхождения семей часто наполнена вымышленными фактами, иногда фальшиво использованными записями польских хроник[18]. Но там, где описываются события, современные авторам гербовников, их книги являются важным и достоверным источником.

Некоторые из этих работ (гербовники Б. Папроцкого и Ш. Окольского) использовались наряду с польскими хрониками в Посольском при-

---

[11] Ibid. P. 12–14; *Dworzaczek W.* Genealogia. Warszawa, 1959. S. 98–99.
[12] *Durye P.* La généalogie. P. 62–65.
[13] Ibid. P. 18–20; *Dworzaczek W.* Genealogia. S. 100–101.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 184.
[15] *Dworzaczek W.* Genealogia. S. 101.
[16] Ibid. S. 109–114.
[17] Ibid. S. 112.
[18] Ibid. S. 109–110.

казе при составлении в XVII в. справок о происхождении дворянских семей.

И наконец, окончательное рождение генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины связано с именем профессора Венского университета О. Форст Баттаглиа. Его первая книга по теории генеалогии была опубликована в 1913 г.[19]; в 40-е гг. он сформулировал принципы критики источников генеалогии, методики работы с ними, задачи генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины[20]. Его наблюдения легли в основу всех позднейших работ по генеалогии.

В исторической литературе последних десятилетий различных стран все чаще ставится вопрос о значении генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины в историческом исследовании[21]. Неоднократно возвращались к нему французские исследователи. Современная генеалогия в их работах признается вспомогательной наукой многочисленных гуманитарных наук и собственно наукой об истории возникновения и развития индивидуумов, объединенных в семьи[22]. В основном задачи генеалогии определяются в двух направлениях. Первое – совершенствование методики исследования (расширение круга источников, более обоснованный отбор фактов о деятельности лиц). В частности, большое внимание отводится выявлению родства по женской линии. В практической генеалогии, когда при назначении на службу учитывалось родство только по мужской линии, в этом не было необходимости; для научной генеалогии важно как можно подробнее установить родство между различными семьями. Совершенствование методов составления таблиц, росписей, карточек на отдельных лиц вызвано распространением машинных методов обработки материалов[23]. Второе направление – это связь генеалогии с различными аспектами исторического исследования, здесь принципиально новым является установление взаимовлияния генеалогии и демографии. Сами демографические исследования появились в исторической науке сравнительно недавно, и важность генеалогического метода для них несомненна. Машинная обработка материалов демографии привела к усовершенствованию генеалогических таблиц. Оно обогатило обе дисциплины[24].

Все чаще признается ведущая роль генеалогических исследований при разработке истории государственных учреждений средневековья, когда должности при дворе, трансформировавшиеся позднее в аппарат

---

[19] Ibid. S. 103–104.

[20] *Forst de Battaglia O.* Wissenschaftliche Genealogie. Bern, 1948.

[21] *Медушевская О. М.* Историческая наука и генеалогия // ВИ. 1970. № 2. С. 187.

[22] *Durye P.* La généalogie. P 37.

[23] См. подробнее: *Соболева Н. А.* Некоторые аспекты методики генеалогических исследований в современной французской литературе // История и генеалогия. М., 1977.

[24] *Meurgeu de Tupigny J.* Généalogie // L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961. P. 724–737.

государственной власти, были наследственными в кругу определенных семей, иногда вырастали из придворных, также наследственных функций[25].

В этом принципиальное отличие научной и практической генеалогии. Для историка генеалогия – это техника обработки документа, предполагающая дальнейшее исследование; для генеалогии – это самоцель[26].

Наибольшее место в исследованиях о цели и задачах генеалогии отводится определению круга ее источников, их анализу, показу, в какой обстановке и для каких нужд они составлялись. Однако, поднимая вопрос о расширении круга источников для генеалогии, французские авторы, в частности М. Перроне, не конкретизируют вопрос об их объективности[27].

Как видно, задачи, которые ставятся перед современной генеалогией в связи с историческим исследованием, исходят из того, что ее основной источник, сформировавшийся на протяжении нескольких веков, дает схему родства лиц.

Именно это качество используется в работах по социальной истории, демографии, истории землевладения и государственных учреждений. Все эти проблемы традиционно связаны с работами практической генеалогии, которая основное внимание уделяла проверке степени родства между отдельными лицами.

Большое значение генеалогии в исследовании истории крестьянства и но-вые перспективы, какие дает такая работа, были сразу признаны в советской исторической литературе. Об этом говорил в своих лекциях в 1939 г. С. Б. Веселовский. Тогда же вышла первая работа, посвященная генеалогии крестьянской семьи[28].

Существенные сдвиги произошли в последние десятилетия. Историки, занимавшиеся генеалогией крестьянских семей, выявили два основных комплекса источников, позволяющих реконструировать их состав и родственные связи – это частные акты на определенные земельные угодья, писцовые и переписные книги. Наличие в наше время собственно архивов крестьянских семей – явление чрезвычайно редкое. Такие комплексы документов иногда восходят к середине XVI в., а чаще охватывают XVII–XVIII вв.[29] и имеют ограниченную террито-

---

[25] *Гейштор А.* Заметки о центральном управлении в славянских государствах в IX–XI вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

[26] *Perronnet M.* Généalogie et histoire; approches méthodiques // Revue historique. 1968. T. 239. P. 113.

[27] Подробнее: *Медушевская О. М.* Историческая наука и генеалогия. С. 183.

[28] *Введенский А. А.* Крестьяне Строгановы в XVI–XIX вв. // Труды Тбилисского гос. ун-та. 1939. Т. 10.

[29] *Воскобойникова Н. П.* Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых // АЕ за 1966 год. М., 1968; *Амосов А. А.* Крестьянский архив XVI столетия // АЕ за 1973 год. М., 1974.

рию – Север Европейской части России, Поморье, Предуралье, районы, где преобладало черносошное землевладение и где длительное время сохранялась собственность крестьян на землю.

Методика работы с частными актами с целью составить родословие крестьянской семьи подробно изложена в работе А. А. Амосова[30]. Эта методика тесно связана с методикой реконструкции дворянских родословий по актам, в тех случаях, когда нет поколенных росписей (работы А. А. Зимина по исследованию происхождения И. С. Пересветова; С. Б. Веселовского – по исследованию Басенковых, Кучецких и В. Л. Янина – о новгородских боярских семьях).

В ряде работ по истории феодального землевладения реконструированы архивы около полутора десятков крестьянских семей. Наиболее ценны в этом плане работы А. А. Преображенского. Под архивами в данном случае подразумеваются от 2–3 до нескольких десятков актов, относящихся к одной семье и сохранившихся как в составе единого комплекса, так и в различных архивных фондах. В зависимости от числа и хронологических рамок этих документов они могут давать широкий горизонтальный срез семьи. Таковы акты (3) семьи Шуковых (40–50-е гг. XVII в.), Сапегиных (40–60-е гг. XVII в.) и некоторых других[31].

Документы некоторых семей охватывают период до 120–150 лет. Таков реконструированный А. А. Преображенским семейный архив крестьян Артемьевых, сохранившийся до нашего времени в руках крестьянской семьи, родовой архив Артемьевых-Хлызовых, документы крестьянской ветви Строгановых и некоторые другие.

Для всех этих архивов характерна одна черта: они относятся к верхушке крестьянства, втянутой в торговлю земельными участками, иногда солеварение, иногда участвующей в волостном управлении (Хлызовы). Многие из них позднее перешли в купеческое сословие. А. А. Преображенский особо отмечал, что еще в конце прошлого века отдельные купеческие семьи стремились создать свои архивы, собирая ранние документы, говорящие об их происхождении из крестьян[32].

История двинских «лучших мужей» ярко представлена в исследовании Н. Е. Носова[33]. Автор показывает сложный процесс эволюции богатого крестьянского хозяйства Подвинья в XVI–XVII вв., где в то время практически отсутствовала феодальная вотчина, на примере се-

---

[30] *Амосов А. А.* Частный акт – источник генеалогических изысканий (к проблеме реконструкции крестьянских архивов) // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР: Науч. конф. молодых ученых: Тез. докл. М., 1975.

[31] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 192–210.

[32] Там же. С. 193–194.

[33] *Носов Н. Е.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. («Лучшие люди» и «Торговые мужики» двинских актов XVI в.) // ВИД. Л., 1968. Вып. 1.

мьи Амосовых, бывших новгородских бояр, «окрестьянившихся» после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. и к концу XVI в. в результате своей торгово-экономической деятельности перешедших в купеческое сословие.

Генеалогия двинских крестьянских семей прослежена и в работе Н. Н. Покровского, но А. И. Копанев на основе генеалогического исследования показал, что ряд семей (Амосовы, Шуйгины и др.), которых раньше авторы относили к крестьянским, являются боярскими, представляют собой измельчавшие и обедневшие ветви новгородского боярства[34].

В этих работах, которые различают и хронологические рамки, и отчасти географические районы, определяется общая тенденция генеалогического изучения крестьянской семьи. Прежде всего, это верхушка класса, имевшая возможность перейти в число «гостей». Именно такие семьи вели активную экономическую деятельность: скупали земельные участки, занимались промыслами, участвовали в государственных мероприятиях по освоению новых земель[35]. Сохранившиеся актовые материалы позволяют изучать не просто историю крестьянских семей, а историю «лучших мужей». Вторая особенность – то, что исследование ограничивается изучением экономических процессов в деревне, расслоения крестьянской общины. Практически история каждой крестьянской семьи имеет замкнутый характер и мало соприкасается с историей соседних семей. Крестьянская генеалогия XVI–XVII вв. – это яркие пятна на фоне общих экономических процессов русской деревни.

Большие возможности в изучении генеалогии крестьянской семьи последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. дают переписные книги. Е. Н. Бакланова, исследовавшая их[36], показала, что в книгах точно определено родство между членами семьи, живущими в одном дворе. Большой интерес представляет замечание автора о том, что сравнение показаний этих источников за разный период приводит к выводу, что в одном и том же дворе длительное время жили одни и те же лица или их потомки. Сведения книг настолько подробны, что дают возможность точно установить степень родства и свойства между отдельными лицами из одного двора.

Работа Е. Н. Баклановой показала значение переписных книг для истории крестьянских семей, но автор в силу специфики своей работы дала статистическую, а не генеалогическую обработку этих материалов.

---

[34] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л, 1978. С. 71–110.

[35] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь. С. 199–210.

[36] *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.

Гораздо меньше внимания уделяется изучению родословных легенд, методике их обработки, а, как уже отмечалось, именно в легенду о происхождении родоначальника вкладывалась идея сословной принадлежности семьи. Легенда, как правило, восходит не только к семейным традициям, но и к традициям общественных идей того времени, когда ее юридически оформляли. Это позволяет изучать родословия как памятники общественной мысли своего времени[37].

Дореволюционная научная генеалогия, как правило, выборочно изучала родословные легенды отдельных семей; проверялись содержащиеся в них факты, древние грамоты, поданные вместе с росписями. Основная критика падала именно на грамоты; методами дипломатики устанавливалась их подлинность или подложность. В окончательных выводах о происхождении родоначальника историка проявляли большую сдержанность. Очевидно, в классовом обществе и научная генеалогия связана с интересами правящего класса.

В советской историографии, наоборот, родословные легенды правящих домов XVI в. стали изучаться как литературно-публицистические произведения, но при этом недоучитывался тот момент, что они создавались как генеалогические произведения и в этом качестве подчинялись традициям генеалогии своего времени.

Прежде всего здесь надо назвать работу Р. П. Дмитриевой, которая выявила, исследовала и опубликовала Сказание о князьях владимирских и связанные с ним произведения[38]. Ее работа – наиболее совершенное исследование легенд русских и литовских великих князей.

В области генеалогии Р. П. Дмитриева выделяет два аспекта: прослеживает, как эти произведения отразились в более поздних генеалогических памятниках (Государевом родословце, родословных статьях Воскресенской летописи), и проводит конкретно-генеалогические наблюдения над изучаемым текстом. Сама по себе такая постановка вопроса очень плодотворна.

При конкретно-генеалогическом анализе такого рода источников важно выяснить и разграничить два момента: 1) что мог знать автор родословий (общий круг доступных ему источников), что и как из своих знаний он использовал (это покажет цель его произведения); 2) что мы знаем об упоминаемых в произведении лицах и событиях.

Большинство генеалогических наблюдений Р. П. Дмитриевой относится к родословию литовских князей, разные редакции которого помещены после Сказания о князьях владимирских и Послания Спиридона-Саввы. Автор очень точно уловила связь между этими двумя памятниками, доказав, что «родословие литовских князей как бы про-

[37] Подробнее: *Бычкова М. Е.* Генеалогия в советской исторической литературе. С. 51–54.
[38] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

тивопоставляется родословию князей русских и оба вместе в своем противопоставлении служат возвеличению великокняжеской власти на Руси»[39]. Но перейдя к конкретному анализу генеалогических известий, она допустила неточности.

Родословие литовских князей начинается с прихода на Русь татар, после чего смоленский князь Витень бежит в Литву. Родоначальником литовских великих князей становится его преемник Гедимин. Р. П. Дмитриева считает, что Витень в редакциях родословия назван вассалом смоленского князя и соответственно Гедимин выступает как раб вассала смоленского князя; все это создавало четкую направленность легенды, выработанную еще хронистами Тевтонского ордена. Но Витень назван здесь не вассалом, а одним из смоленских князей. Разные редакции родословия дают ему различные определения[40]. Дело текстолога восстановить первоначальный текст, но смысл легенды – показать не безродность Витеня, а его происхождение от смоленских князей Рюриковичей. Связь же Витеня с родом смоленских князей должна была служить интересам русского правительства. В дальнейшем, создавая новую редакцию родословной легенды литовских князей для Воскресенской летописи и Государева родословца, авторы доказывали их прямое происхождение от полоцких Рюриковичей.

В родословной легенде литовских великих князей выдержана четкая хронологическая канва, описанные в ней события привязаны к конкретным датам и в значительной степени сопоставимы с летописным текстом. Все ее редакции начинаются с опустошительного татарского прихода, который, по Чудовской повести, произошел в 6801 (1293) г., а по Сказанию – в 6830 (1322) г. Р. П. Дмитриева пишет, что 6801 г. «является годом смерти литовского князя Путовера и годом вокняжения Витеня, упоминанием о котором начинается родословие в Чудовском списке»[41]. Установление родственных отношений между Путовером (Пуковером) и Витенем принадлежит современным исследователям[42]. Русские летописи и родословия об этом не пишут; составители родословной, говоря о преемственности, как уже отмечалось, смоленских и литовских князей, не знают литовских предков Витеня.

[39] Там же. С. 87; см. также: *Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 217–218.

[40] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 88, 179, 201, 211; *Она же.* О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 440. Здесь же Витень назван «мелким вассалом» смоленского князя.

[41] *Дмитриева Р. П.* Сказание. С. 101; *Она же.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. С. 225–226.

[42] В. Т. Пашуто (Образование Литовского государства. М., 1959. С. 389, 493) относит княжение братьев Путовера-Будивида и Букидида примерно к 1239–1294 гг.

Если же попытаться объяснить появление 6801 г. из русский источников, которые могли быть доступны автору родословия, то под этим годом во всех летописях записан приход Дюденевой рати, одного из самых опустошительных набегов татар на Русь[43]. В таком случае начальная дата не только раскрывает смысл родословной легенды, так как, согласно ей, Витень бежал в Литву от татар, но и объясняет дальнейшее развитие событий в родословии.

Следующее из них (поездка русских князей в Орду) во всех редакциях датируется 6825 г., вскоре после него Гедимин становится великим князем[44]. В легенде есть стандартное упоминание, что Витень жил в Литве 30 лет, таким образом, между его бегством от татар (6801 г. – по легенде) и первым упоминанием великого князя Гедимина (6834 г. – по летописи) проходит около 30 лет. Следовательно, хронологическая канва Чудовской повести совпадает с логикой изложения и соответствует летописным записям XV в.

6830 г. как начальная дата легенды появился в Сказании, по мнению Р. П. Дмитриевой, потому, что под ним впервые в летописях упомянут тверской князь Александр Михайлович. Но смысл родословия – бегство Витеня от татар, о котором сообщается под первой датой, остается единым во всех редакциях памятника, а под 6830 г. никакого нашествия татар нигде не записано. Более того, эта дата нарушает хронологию событий Сказания, поскольку за ней идет 6825 г., и делает нелепым сообщение о тридцатилетнем княжении Витеня. Скорее ее можно объяснить ошибкой, появившейся в результате близости написания цифр 1 (А) и 30 (Л), и в первоначальном тексте Сказания, возможно, также была цифра 6801 г.

Сопоставляя разные редакции родословия литовских князей, Р. П. Дмитриева полагает, что «спиридоновская версия» их происхождения оказалась «неприемлемой для великой княгини (Елены Глинской. – *М. Б.*), которая была в родственной связи с литовскими князьями»[45]. Эта мысль используется автором при объяснении причин составления новой редакции родословия в Воскресенской летописи и при установлении верхней даты создания Сказания – 1533 г.[46]

С точки зрения генеалогии, такое положение является совершенно несостоятельным. Елена Глинская ни в каком родстве с литовскими великими князьями не состояла, Глинские имели на Руси свою родо-

---

[43] ПСРЛ. М.; Л. 1949. Т. 25. С. 157.

[44] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 179–180, 201–202; ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 167.

[45] *Дмитриева Р. П.* К истории создания «Сказания о князьях владимирских» // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 342. Этот документ повторен А. Л. Гольдбергом (К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 212).

[46] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владмирских. С. 100.

словную легенду, и легенда Гедиминовичей их не касалась[47]. Зато при московском дворе сложилась влиятельная прослойка потомков Гедимина (Патрикеевы, Бельские, Мстиславские и др.), занимавшая высшие должности и заинтересованная в приличной легенде[48]. Для представителей этих семей было важно доказать свое родословное происхождение, уравнивавшее их положение при московском дворе с положением находившихся у власти Рюриковичей: Шуйских, Горбатых и др. В то же время московскому правительству было важно доказать зависимое от них положение литовских князей. Этот момент Р. П. Дмитриева не учла. Она лишь использовала связь одной из редакций родословной легенды литовских князей с именем Вассиана Патрикеева для обоснования даты ее составления[49].

Работа Р. П. Дмитриевой была первой, где вскрыто значение родословных легенд как публицистических памятников своего времени. После ее публикации стало ясно, что такие произведения недостаточно изучать в отдельности; необходимо параллельное исследование одновременно созданных родословий. При этом условии удастся установить, что относится к семейным преданиям, а что является данью идеям времени.

Комплексное изучение легенд определенного хронологического отрезка и их дальнейшее сопоставление с легендами другого этапа (например, легенды книг середины XVI в. – росписей 80-х гг. XVII в. – «Общего гербовника» конца XVIII в.) не только позволят определить достоверность самих легенд, но и то, как легенда какой-либо семьи трансформировалась под влиянием традиций разных эпох. Это сравнение покажет и принципы, по которым создавались или переделывались легенды определенного времени, выявит критерии того, что в них относится к исторически возможным фактам, а что – к идейным требованиям того периода, когда эти легенды создавались.

Такое изучение родословных легенд расширит представления о социальной структуре русского дворянства, работе государственного аппарата, предоставит новый источник для исследования общественно-политических идей.

В последние годы в работах ряда историков показана связь генеалогии с другими вспомогательными историческими дисциплинами[50].

В настоящей статье хотелось бы подробнее остановиться на значении генеалогии при изучении истории летописания. Генеалогическое

---

[47] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1977. С. 38.

[48] См подробнее: *Бычкова М. Е.* Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 133–140.

[49] *Дмитриева Р. П.* Сказание. С. 80–84.

[50] *Бычкова М. Е.* Генеалогия в советской исторической литературе. С. 49–51.

исследование здесь тесно переплетается с источниковедческим. Можно наметить два аспекта: изучение различных, так называемых «дополнительных» статей к русским сводам XV–XVI вв., среди которых есть княжеские родословия и списки должностных лиц (митрополитов, архиепископов, посадников и т. п.)[51], и изучение истории создания самих летописей.

Анализ летописных сводов позволил выделить в них генеалогические вставки, сделанные в отдельные списки в интересах некоторых семей и лиц. Начало этих исследований связано еще с именем А. А. Шахматова. Такие вставки широко использовал в моих работах по истории отдельных родов С. Б. Веселовский, который провел тщательное исследование их фактической стороны, А. Н. Насонов интересовался этим же материалом совершенно с другой целью – установить время и место, когда и где вставки были внесены в летописные своды, чтобы таким образом определить направленность сводов и их авторов. Поскольку оба историка привлекали один и тот же круг летописей, интересно сравнить их наблюдения.

В очерке о роде Басенковых С. Б. Веселовский анализирует известия Ермолинской летописи, содержащие ряд биографических сведений о Федоре Васильевиче Басенке. Он пришел к выводу, что в оценке деятельности Басенка Ермолинская летопись выгодно отличается от других сводов[52]. В этом случае для Веселовского характерен тщательный анализ фактов, он ищет в актах подтверждения для сообщений летописи.

А. Н. Насонов, преследуя несколько иную цель – изучить историю создания Ермолинской летописи, выделил из ее текста все известия о Федоре Басенке, среди них определил уникальные, а также записи о Басенке, встречающиеся в разных сводах, но не попавшие в Ермолинскую летопись[53]. Это позволило ему установить источник таких биографических известий и их общую направленность в ряде летописных сводов; автор пришел к выводу, что Ермолинская летопись скорее компрометирует Федора Басенка: из общего круга биографических сведений, имеющихся в разных летописях, в ней выбраны не самые яркие, а оригинальных записей немного[54].

Я. С. Лурье доказал, что биографические известия в Ермолинской летописи, связанные с именем Федора Басенка, противопоставляются аналогичным известиям в других московских воеводах. Федор Басенок пользуется сочувствием автора летописи, в то время как другие воево-

[51] См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М, 1962. С. 17–49.

[52] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса. С. 438–442; см. также: *Бычкова М. Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог // История и генеалогия. М., 1977. С. 50.

[53] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исслед. М., 1969. С. 323–334, 351–353.

[54] Там же. С. 318–320 и след.

ды вызывают у него чувство враждебности. Это приводит Я. С. Лурье к выводу, что в основе Ермолинской летописи «лежит свод, близкий к оппозиционному московскому боярству»[55].

Еще одной генеалогической вставкой в летописи, привлекавшей внима-ние историков, была родословная легенда Квашниных из Новгородской IV летописи (список Дубровского). Она отличается множеством подробностей и имеет некоторые черты, связанные с местническими делами второй половины XVI в.

Говоря о происхождении этой легенды, С. Б. Веселовский, который явно был увлечен ее красочностью и большим своеобразием по сравнению с другими легендами XVI в., писал: «В родовых преданиях правда смешана, намеренно и непреднамеренно, с вымыслами, но было бы неправильно отвергнуть их целиком, как и принимать на веру, без попытки разобраться в отдельных элементах»[56]. Эти принципы применял сам Веселовский при анализе генеалогических источников. Он отвергал самые фантастические сведения легенды Квашниных и среди них факт местнической борьбы в XIV в. Анализ хронологии событий, изложенных в легенде, заставляет автора передатировать и сам выезд[57].

А. Н. Насонов рассмотрел этот же текст списка Дубровского вместе с другими вставками во владычные своды о представителях рода Квашниных и пришел к выводу, что все эти записи появились в сводах, когда к новгородскому архиепископу были близки несколько лиц рода Квашниных[58], и связаны с их литературной деятельностью.

Наблюдения А. Н. Насонова над историей летописания привели его к выводам, важным для общей истории генеалогии. Большинство летописей XV–XVI вв., имеющих родословные добавления, своим происхождением так или иначе связано с Троице-Сергиевым монастырем. Этот факт, основанный на исследовании летописного материала, позволяет раскрыть деятельность крупнейшего феодала средневековой Руси в разработке генеалогических документов[59].

Очень часто данные генеалогии привлекаются при исследовании памятников Куликовского цикла. Обилие имен в этих произведениях, их неравномерный состав в различных редакциях, возможность иногда отыскать исторические реалии – вот узловые моменты генеалогического исследования. Цели, которые преследуются в этих случаях, также самые разнообразные: датировка отдельных редакций, определение их

---

[55] *Лурье Я. С.* Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. 1955. Т. 11. С. 163.

[56] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса. С. 264–265.

[57] Там же. С. 265–266.

[58] *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 353–358.

[59] Там же. С. 316–320, 359–360. С. Б. Веселовский (Исследования по истории класса. С. 22–26) связывал с деятельностью этого же монастыря составление ряда родословных памятей XV в.

идейной направленности, круга описанных исторически достоверных фактов и др.

Найти позитивное решение вопроса об исторических прототипах лиц, записанных в древнерусских произведениях, определить, когда и с какой целью в них включались новые «герои», – предмет специального исследования и в данной работе не ставится. Здесь лишь прослеживаются генеалогические приемы, которыми пользовались различные исследователи, анализируя памятники о Куликовской битве. Сразу надо сказать, что все упоминаемые в Задонщине лица исторически достоверны, о них есть известия в других источниках, поэтому в дальнейшем речь пойдет в основном о лицах, записанных только в Летописной повести и Сказании о Мамаевом побоище.

До последнего времени в исследованиях о «действующих лицах» разных редакций Сказания о Мамаевом побоище даже не ставился вопрос, какие транскрипции и число имен в нем первоначальные, как они изменялись в отдельных редакциях, изводах, списках. Без решения этого текстологического вопроса генеалогическое исследование чрезвычайно затруднено. Сейчас вся эта скрупулезная работа проделана В. С. Мингалевым[60], остальные авторы пользовались сведениями памятника, обходясь без подобного текстологического анализа.

Большую работу по идентификации лиц, упоминающихся в Сказании, и исторических лиц проделал Ю. К. Бегунов[61]. В то же время автор не определил достаточно четко своих позиций в подобном исследовании. Ю. К. Бегунов присоединяется к мнению А. Вайяна, что «в “Сказании” отразилось стремление русского дворянства XVI в. приписать своим предкам славные подвиги на поле Куликовом, подобно тому, что французская и английская знать возвеличивала своих предков, отличившихся в битве при Азенкуре»[62]. Такая постановка вопроса требует от автора определения четкой эволюции имен участников битвы, записанных в различных редакциях памятника. Подозрение в том, что памятник использовали для доказательства древности службы при московском великокняжеском дворе, т.е. для создания родословной легенды, требует осторожного и тщательного отбора источников для сопоставления. Надо сопоставить список участников битвы Сказания с современными памятниками – летописями и синодиками, посмотреть, в каком они соотношении и как использовались «излишки» других

[60] *Мингалев В. С.* «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Дис. ... канд. ист. наук. М.; Вильнюс, 1971.

[61] *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 490–506.

[62] Там же. С. 505.

источников в поздних редакциях Сказания. Надо проверить состав участников битвы по родословиям XVI в.

Ю. К. Бегунов, проверяя исторические реалии Сказания, привлекает без достаточного анализа все генеалогические источники, включая поздние (XIX в.) специальные исследования.

Для ряда имен белозерских и ярославских князей, т. е. в тех случаях, когда мы имеем достаточно полные ранние родословные росписи, автор с большой убедительностью доказал, что записанные в Сказании лица вымышленные[63]. Все фамилии, под которыми они упомянуты, появились и существовали позднее, но реальных лиц с такими именами, какие встречаются в Сказании, не было.

Без сомнения эта точка зрения более верна, чем утверждение Л. А. Дмитриева, что упоминание в Сказании имен белозерских и ярославских князей – это отражение реальных фактов[64].

Иное дело с боярскими именами героев Сказания, часть из них исторически достоверна: Иван Родионов Квашня, Федор Сабур, лица известные по актам, родословным росписям XVI в. и другим документам. Существование других лиц подтверждается только поздними (XVII–XVIII вв.) родословными.

Ю. К. Бегунов считает поздние легенды достоверными и подтверждающими известия Сказания. Так, определяя происхождение Михаила Бренка, исторического лица, участника Куликовской битвы, Бегунов приводит легенду, по которой он был потомком «Вильгельма-Леонтия, курфюрста Люнебургского, приехавшего в Новгород в XIII в.». По легенде, сын Михаила носил прозвище Чело, так как его отец «получил в Куликовском бою смертельную рану в лоб. Он был родоначальником Челищевых»[65].

С. Б. Веселовский, специально исследовавший родословие Челищевых, писал, что, «судя по всему, Бренко был худородным любимцем великого князя и ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства. В XVII в. Челищевы, выводившие свой род ни мало ни много, как от Вильгельма Люнебургского, включили Михаила Бренко в свое генеалогическое древо»[66].

Если мы обратимся непосредственно к родословной легенде Челищевых, сохранившейся лишь в рукописях XVII в., то там записано, что Федор Михайлович получил от Дмитрия Донского прозвище Чело «за то, что отец его, Михаила Андреевич Бренко, убит на Мамаеве побои-

[63] Там же. С. 492–497.

[64] *Дмитриев Л. А.* О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. 1954. Т. 10. С. 197–198. См. также: *Греков И. Б.* О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // СС. 1970. № 6. С. 30.

[65] *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе. С. 504.

[66] *Веселовский С. В.* Исследования по истории класса. С. 498.

ще из пушки в чело под ево великого князя Дмитрия Ивановича Донскова знаменем»[67].

Упоминание в легенде гибели Михаила Бренка под знаменем Дмитрия Донского, как это описано только в Сказании, говорит, что скорее оно и послужило одним из источников для авторов родословия, а фантастическая подробность о ране – «из пушки в чело» – о позднем происхождении легенды. Таким образом, легенда Челищевых подтверждает, что Сказание о Мамаевом побоище в XVII в. использовалось для удостоверения исконной службы рода московскому великому князю, но ни в коем случае не подтверждает происхождение Михаила Бренка, как считает Ю. К. Бегунов.

Совершенно аналогично обращение Ю. К. Бегунова к родословным легендам «сторожей». Он прямо пишет, что «многие из названных в „Сказании" „сторожей" – лица исторические»[68], и наряду с действительно историческими лицами, как Семен Мелик, Родион Ржевский, называет Андрея Волосатого и Петра Горского, существование которых подтверждается только поздними родословными легендами. Бегунов не рассмотрел перемену имен у этих лиц в разных редакциях Сказания[69].

Что касается «сторожа» Григория Судакова, которого Ю. К. Бегунов отнес к потомкам смоленских князей, то действительно такое прозвище было у лиц одной из ветвей Монастыревых, в XVI в. выводивших свой род от князей смоленских. Однако Григория Судока в их родословии нет[70]. Это тем более показательно, что во всех росписях Монастыревых, восходящих к XVI в., показан погибшим от татар Дмитрий Монастырев, убитый на Воже в 1378 г. и попавший в Летописную повесть.

Автор совершенно не сопоставил состав лиц Сказания с персонажами Задонщины. А такое сравнение убеждает, что имена, впервые записанные в Задонщине и действительно имевшие исторических прототипов, остаются неизменными во всех редакциях Сказания, а лица, появившиеся в Сказании, не только меняют свои имена и прозвища в различных редакциях, но и состав их также различен. Так, записанный в Основной редакции среди белозерских князей Михаил Семенович в Летописной и Распространенной превращается в Семена Михайлови-

---

[67] РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 150 об.

[68] *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе. С. 490.

[69] Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 50, 84, 120. В.С. Мингалев считает одинаково возможными оба чтения – Яков Андреев сын Усатого и Яков Андреев сын Волосатого – в протографе Основной редакции (*Мингалев В. С.* «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. С. 148).

[70] Временник ОИДР. 1851. Кн. 10. С. 168, 262–263. Ю. К. Бегунов (Об исторической основе. С. 490) в подтверждение своей аргументации ссылается на книгу П. Долгорукого (Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 37), однако Долгорукий, взявший это имя из Сказания о Мамаевом побоище, не отнес его ни к одному из известных ему родов.

ча, Андрей Кемский – соответственно в Летописной назван «кемским и андомским», а в Распространенной – «икомским». Лев Курбский превращается в Серпьского, и Ю. К. Бегунов считает, что это Лев Морозов. Эти примеры можно распространить на всех героев Сказания.

В. С. Мингалев, детально проследивший изменение имен в различных группах списков всех редакций Сказаний, не сделал попытки идентифицировать их с реальными историческими лицами. Но он пришел к интересному выводу, что такие «неперсонифицированные» имена Сказания, как Сабур, Григорий Хлопищев, Григорий Капустин, Григорий Судаков, «читаются в летописях северного происхождения»[71]. Это наблюдение позволило автору достаточно убедительно определить место создания памятника.

Из такого анализа работ, где используются методы генеалогии, можно сделать некоторые выводы, относящиеся, как представляется, к развитию генеалогии в целом.

Прежде всего расширился круг источников генеалогии и усовершенствовался метод их анализа. Из наиболее существенных достижений надо отметить использование актового материала как источника непосредственных генеалогических исследований при составлении родословных таблиц, установлении родственных связей между семьями и т.д. Привлечение летописного и актового материала не только расширяет фактическую базу генеалогии, но и позволяет ставить вопрос о значении родословных документов как источника общественно-политической мысли.

В связи с этим следует осторожнее подходить к родословным показаниям, содержащимся в литературных и публицистических произведениях XVI–XVII вв. У нас сейчас нет критериев, позволяющих отнести то или иное родословное известие к категории семейного предания, легенды, памфлета или какой-любой иной; практически никогда не ставился вопрос, что в родословных росписях или генеалогических записях воспринималось современниками как компрометирующее или восхваляющее определенное лицо или семью, как достоверное или легендарное, как соответствующее традиции родословных документов той или иной эпохи. Поэтому пока мы не можем по наличию или отсутствию в литературно-публицистических источниках определенного круга сведений об отдельных лицах или семьях говорить о времени происхождения подобных произведений и их направленности. Этот вопрос нуждается в дополнительном серьезном исследовании.

Очевидно, родословные росписи могут исследоваться как памятники общественных идей. В отличие от литературно-публицистических

---

[71] *Мингалев В. С.* «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. С. 287.

произведений, это массовый источник, четко укладывающийся в хронологические рамки и связанный с деятельностью официальных лиц. Их использование позволит по-новому взглянуть на представления о сословности в феодальном обществе и о связи дворянства с правящим домом. В родословных легендах сочетаются семейные предания о происхождении, иногда имеющие вековые традиции, и нормы определенной эпохи, когда они окончательно оформлялись, что делает их сложным источником. Знание генеалогических традиций определенного времени позволит четче понять идейную направленность литературных произведений.

Генеалогия в системе общественно-политических идей – тема новая, к ее разработке только приступают. Но ее значение как при изучении родословных документов, так и при исследовании этих идей представляется плодотворным и перспективным.

Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в.[1*]

История Литвы и Польши в русской генеалогической литературе XVI в.– это большой и еще не изученный вопрос, связанный с проблемами внутренней и внешней политики московских великих князей, обоснованием территориальных прав, идейно-политической борьбой. Кроме того, он входит как составная часть в вопрос о выработке идеологии самодержавия – концепции русского правительства о происхождении и правах московских великих князей, впоследствии – царей, и связанные с этим вопросом проблемы государственного управлении Русского государства и его места среди других европейских и азиатских стран.

Помимо такого идейно-политического направления русские родословия XVI в. содержат многочисленные конкретные, а иногда уникальные факты, связанные с происхождением, брачными связями, земельными владениями и другими вопросами истории семей, как выехавших служить из Литвы на Русь, так и наоборот – переехавших в Литву из России. Собранные воедино, они, без сомнения, позволят яснее осветить историю и взаимоотношения обеих стран в XIV–XVI вв.

Естественно, что весь этот круг вопросов, требующий исследования полного комплекса генеалогических памятников и сопоставления их с другими источниками, содержащими аналогичные сведения, невозможно рассмотреть в одной работе. Поэтому автор счел необходимым ограничиться разбором родословия великих князей литовских, помещенного в родословных книгах XVI в., сравнением разных его редакций между собой, а также с другими современными им памятниками, в основном – летописями и хрониками.

Такое сопоставление показывает связь родословия литовских князей с другими источниками, его независимость или зависимость от них в

[1] * Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.: сб. ст. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1974. С. 365–377.

выборе и интерпретации фактов. Кроме того, сам выбор фактов из всех известных свидетельствует о политической направленности родословия.

Совокупность определенных вопросов, которые в разное время выделили составители родословия, говорит об особенностях отношений России и Литвы.

Прежде всего, надо сказать несколько слов об общей специфике родословия литовских князей в русских родословных книгах.

Родословные росписи до сих пор мало рассматривались как документ политический. Это связано с рядом причин. Традиционная генеалогия брала из росписей генеалогическую схему и проверяла ее достоверность, определяя полноту записанных в разных редакциях родословий лиц, отбирая чисто биографические известия и устанавливая достоверность степени родства. Вопрос, почему в тех или иных родословиях пропадают или появляются отдельные лица, поколения и ветви родов, практически не ставился. А только решение этого вопроса сможет осветить идейную направленность родословий.

Кроме того в русской историографии надолго утвердилось мнение о частном происхождении родословных книг и значительном частном элементе в их записях, что приравнивалось к понятиям «недостоверный», «фантастический». Такая постановка вопроса сразу исключала из поля зрения исследователя основной комплекс сохранившихся рукописей.

Предпринятое автором настоящего сообщения изучение всего известного комплекса родословных книг XVI–XVII вв. позволило установить связь между дошедшими до наших дней списками, определить их редакции, взаимосвязь рукописей внутри редакций и взаимовлияние различных редакций. Такое исследование позволяет проследить эволюцию различных редакций родословных росписей в разных редакциях родословных книг на протяжении всего времени их существования[2].

Для родословий, составленных и редактировавшихся в XVI – третьей четверти XVII в. характерны два типа росписей. Первый тип – княжеских и боярских родословий – представляет поколенный перечень членов одной семьи с отдельными биографическими заметками: во втором – великокняжеских родословиях – основное внимание уделено происхождению и истории дома, им присущ литературный элемент, записываются не только биографические сведения, но и характеристики персонажей, резюме политического характера и пр.

В русских родословных книгах эта тенденция имеется в пяти росписях княжеских родов: московского великокняжеского дома, литовских

[2] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник: Дис. … канд. ист. наук. М., 1968.

князей, молдавских, рязанских великих князей и отчасти князей Глинских.

Роль, которая при московском великокняжеском дворе XV–XVI вв. отводилась родословию литовских князей, видна из окружения, в котором оно выступает.

Первоначально мы встречаем это родословие в составе Сказания о князьях владимирских и Послания Спиридона-Саввы вместе с историей великих князей владимирских.

В 30-е годы наряду с родословиями московских великих князей, молдавских, рязанских и другими великокняжескими родословиями литовское родословие включается в число дополнительных статей в Воскресенскую летопись[3].

С 40-х годов XVI в., времени создания первых родословных книг, и до конца XVII в. родословие литовских князей является самостоятельной главой во всех редакциях родословных книг. В XVI в. это родословие неоднократно редактировалось, в его историческую часть вносились изменения, и само употребление в разное время тех или иных его редакций, делающих разные акценты на взаимоотношениях Литвы с Москвой и Тверью, происхождении литовских князей, религиозных и территориальных вопросах, говорит, что ему придавалось определенное политическое значение.

В советской историографии последних десятилетий отмечался интерес к истории Литвы, проявившийся в русском летописании XIV–XVI вв.[4] Причем В. Т. Пашуто подчеркивал, что этот интерес связан не столько со сбором новых фактов, сколько с осмыслением и интерпретацией давно известных в интересах политики московских великих князей[5]. В значительной мере это положение можно отнести и к генеалогии литовских великих князей.

Ее составители не стремились собрать как можно большее число фактов – их круг не выходит за рамки московского летописании XV–XVI вв. Польские источники – хроника Бельского, Стрыйковского – эпизодически использовались в редакциях родословий второй половины XVI в., и лишь в части, касающейся борьбы между наследниками Гедимина[6]. Причем эти заимствования из хроник не меняли основной концепции родословной легенды.

---

[3] Подробнее: *Левина С. А.* К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» // ТОДРЛ. Л., 1957. Т. 13.

[4] *Ючас М. А.* Русские летописи XIV–XV вв. как источник по истории Литвы // Труды Академии наук Литовской ССР. Сер. А. Вильнюс, 1958. № 2 (5); *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

[5] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 63–67.

[6] Как отметил А. И. Рогов, интерес к польским хроникам возрос в России во второй половине XVI в. (*Рогов А. И.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967).

Очевидно, в XVI в. на это редактирование влияли три фактора: 1) внешнеполитический – отношения Литвы с Россией, 2) генеалогический – родственные связи московского правящего дома с литовскими великими князьями, 3) вассально-служебный – со второй четверти XVI в. при московском дворе сложилась значительная прослойка служилых князей, ведущих свое родословие от литовского великокняжеского дома и занимавших на Руси положение, близкое к положению удельных князей московского дома[7]. Отдельные представители этих семей играли ведущую роль в государственном аппарате России на протяжении всего XVI в.[8]

Во всех редакциях родословия литовских великих князей обязательно присутствуют четыре элемента, раскрывающие их политическую направленность.

Прежде всего – это вопрос о происхождении литовских князей, который является основой любого генеалогического документа. Следующий круг сведений связан с проблемой принятия христианства и отражает происходившую в то время борьбу православной и католической церкви в Литве. Немногочисленные, но специфические сведения есть в них о создании территории Литовского государства и, наконец, заимствованные из других источников, но весьма любопытные по контексту характеристики литовских князей.

Основным идейным вопросом всякого средневекового родословия, особенно великокняжеского, является вопрос о родоначальнике, о происхождении рода. Как правило, им должен быть выехавший в данную землю потомок римских императоров или представитель знатного рода. Согласно этой традиции средневековой генеалогии, на Руси великие князья киевские, а позднее – московские были потомками римских императоров. Эта идея была сформулирована в конце XV в.[9] и окончательно закреплена в первой четверти XVI в. Сказанием о князьях владимирских[10]. Русские родословия XVI в. придерживаются только этой

Это положение соответствует и нашим наблюдениям над родословием литовских князей.

[7] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. М., 1947. Т. 22; *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // АЕ 1968 год. М., 1970.

[8] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969 и др.

[9] *Зимин А. А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. к семидесятилетию со дня рожд. и сорокапятилетию науч. и пед. деятельности Б.Б. Кафенгауза. М., 1964. С. 34–36; *Он же.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972.

[10] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 85–86, 94–96 и сл.

версии. Та же тенденция наблюдается в родословии молдавских князей, составленной в конце XV в. в связи с замужеством и прибытием в Москву Елены Стефановны Волошанки[11]. Литовские летописи XV в. говорят о «римском» происхождении литовских великих князей[12]. Таким образом, для Руси, как и для некоторых соседних стран, родоначальник правящего дома выехал из Рима.

Составители московской редакции родословия литовских князей знали «литовскую» версию об их родоначальнике и даже заимствовали отдельные факты из источников, связанных своим происхождением с Литвой, но концепция происхождения литовских князей в них двуедина, к тому же она чисто московская: литовские великие князья считались потомками смоленских князей или слуг смоленских князей.

Эта версия появилась впервые в родословии литовских князей, составленном в существовавшем параллельно со Сказанием о князьях владимирских, позднее она была скреплена в Государеве родословце 1555 г.

Самый ранний вариант конца XV в. (Чудовская повесть) начинает род литовских князей с 1293 г. (6801), когда «по пленении безбожного царя Батыя бежа от плена неки князь именем Витенец родя смоленьского князя Ростислава Мстиславича и вселися в Жемотя у некаего бортника»[13]. На вдове Витеня женился его «раб конюшец именем Гегименик»[14], и от него пошли литовские князья. Аналогичный текст находится в Послании Спиридона-Саввы и Сказании о князьях владимирских.

В 40-е годы XVI в. редакция родословных книг, предшествовавшая Государеву родословцу, а затем и Государев родословец «удревняют» родословную роспись литовских князей до 1129 г. (6637), когда Литва, платившая до этого дань полоцким князьям, «а владома своими гедманы»[15], призывает из Царьграда потомков полоцкого князя Ростислава Рогволодовича – Давила и Мовколда, из которых Давил стал первым литовским князем[16].

Таким образом, по русскому родословию, между Мовколдом, призванным в Литву около 1139 г., и его сыном Миндовгом, умершим в 1265 г.[17], хронологический разрыв примерно в 130 лет. Эта московская версия о происхождении литовских князей не согласована с помещен-

---

[11] *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // АЕ за 1963 год. М., 1964.

[12] ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 227–229, 238–241 и сл.

[13] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 201. В 1293 г. был опустошительный набег на Русь «Дюденевой рати» (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 527).

[14] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 201.

[15] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 593; ср.: Родословная книга князей и дворян российских и выез-жих. М., 1787. Ч. 1. С. 28 (далее – Бархатная книга).

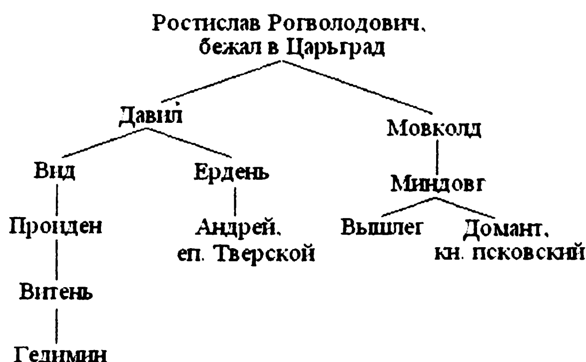
[16] Под 1129 г. летописи сообщают об изгнании в Царьград полоцких князей Рогволодовичей Мстиславом Владимировичем Мономашичем (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 28–29; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 31), и этот факт под той же датой записан в родословных.

[17] ПСРЛ. Т. 7. С. 165.

ным в тех же родословных книгах родословием смоленских князей, где также записан Ростислав Рогволодович. Следовательно, мы можем с большой вероятностью говорить об определенной концепции, а не изложении исторических фактов. Такая концепция приравнивала выехавших в конце XV–XVI в. литовских князей Гедиминовичей к русским княжеским домам и уравнивала права литовских и московских правителей на смоленские, полоцкие и черниговские земли.

В этой редакции родословия записываются по прямой линии от полоцких князей Рогволодовичей все литовские князья (6 поколений), известные русским летописям[18].

В 60-е годы XVI в. в родословиях всплывает версия, впервые появившаяся в конце XV в. в Чудовской повести и в Послании Спиридона-Саввы, а затем записанная вместе со Сказанием о князьях владимирских, по которой Гедимин не сын, а конюший (иногда конюх) Витеня.

В этой редакции родословной росписи существуют две тенденции – промосковская и протверская, из которых протверская, как полагает ряд исследователей, восходит к литературе Твери XV в.[19] Согласно ей, великий князь тверской Александр Михайлович, заботясь о восстановлении Руси, разоренной татарским нашествием, послал некоего Борейка в Волынскую землю, а Гедимина – на Неман. Гедимин, «слободщик великого князя», обогатился и стал называть себя великим князем литовским. Эта же редакция говорит о вассальной зависимости Ольгерда

[18] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 593–595. Опубликован текст по списку редакции, непосредственно предшествовавшей Государеву родословцу, это же родословие повторено в Государевом родословце (Бархатная книга. Ч. 1. С. 28–30) и редакциях, составленных на его основе (см.: *Бычкова М. Е.* Обзор списков родословных книг XVI–XIX вв. // АЕ за 1966 год. М., 1968).

[19] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 388–390; *Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. С. 133. Ср.: ПСРЛ. Т. 17. Стб. 603–604.

от тверского князя Михаила Александровича и принятии им титула великого князя после женитьбы на тверской княжне Ульяне[20].

В более смягченном виде эта идея перешла в родословные книги второй половины XVI – начала XVII в. Здесь также говорится о том, что тверской князь послал Гедимина на Неман, но в преамбуле рассказа радетелями о Русской земле названы два князя – тверской и московский[21]. Родословные книги никогда не пишут о зависимости Ольгерда от тверского князя, а инициатива его женитьбы на Ульяне приписана московскому князю Симеону Гордому[22].

Публицистическая заостренность первого родословия, составленного в годы борьбы при московском великокняжеском дворе в конце XV в. различных группировок и обострения в это же время русско-литовских отношений[23], во второй половине XVI в. была снята.

Но Ливонская война и события начала XVII в. вызвали к жизни в родословных книгах этот ранний вариант происхождения литовских князей.

Не менее важное место занимает в родословии литовских князей вопрос о принятии православия и борьбе православной и католической церквей.

Из-за тенденциозности генеалогического вопроса о происхождении литовских князей получилось, что потомки православных смоленских князей в Литве стали язычниками. Эту неувязку составители родословия возмещают подробным описанием отдельных моментов их крещения.

Все родословия, начиная с редакции конца XV в., говорят о крещении Нариманта, причем версия едина: его выкупил из татарского плена московский князь Иван Данилович, он крестился по своему обещанию, вернулся в Литву, где ему не дали княжения, и ушел в Новгород[24]. Начиная с Государева родословца, родословные говорят и о крещении литовского князя Довмонта в связи с его приходом в Псков[25].

---

[20] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 166–167, 169.

[21] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 603.

[22] Там же. Стб. 604.

[23] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 79–169.

[24] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 590, 595, 609. Отличие разных текстов здесь только в том, что по более раннему варианту – Чудовской повести – ему не дали княжения братья и он ушел в Новгород (*Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 202–203), а по более позднему – Государеву родословцу – его не приняла «вся земля Литовская» и он ушел в Великий Новгород «на пригороды» (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 595). Летописи говорят о княжении Наримонта «на новгородских пригородах» в 1333 г., но причина его прихода здесь иная (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 345–346). В Воскресенской летописи это известие записано под 1265 г., где в летописный рассказ сделана вставка и родословия литовских князей, совпадающая с редакцией Государева родословца (ПСРЛ. Т. 7. С. 165; ср.: Т. 25. С. 145).

[25] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 595.

Но особое внимание уделено двум князьям – Ольгерду и Войшелку (Вышлегу).

Ранняя редакция (Чудовская повесть и Сказание о князьях владимирских), начинающаяся с Витеня, говорит, естественно, о крещении Ольгерда, вся инициатива которого приписана его жене – тверской княжне Ульяне[26]. Здесь же Ягайло выступает как антитеза Ольгерду: он «впаде в латынскую прелесть» и «бысть советник и друг безбожнику царю Мамаю, его же побил за Доном благоверный князь великий Дмитрий Иванович»[27].

В Государевом родословце, наоборот, ничего не говорится о крещении Ольгерда и Ягайло, но большое место уделено Войшелку (Вышлегу)[28]. Родословные берут здесь некоторые черты раннего летописания[29], но составляют самостоятельный рассказ, где основное внимание уделено отношениям Войшелка, его отца Миндовга и христианской жизни Войшелка. Московская ориентация видна и в том, что Войшелк жил в монастыре на Афоне, «славя святую Троицу» – один из наиболее почитаемых московских культов XV–XVI вв. Раннее русское летописание излагает историю его крещения иначе[30].

В поздних родословиях последней четверти XVI – начала XVII в. оба эти рассказа объединены. Возможно, такое усиление в поздних редакциях родословий вопроса о первых православных литовских князьях следует рассматривать как реакцию московского правительства на борьбу католической и православной церквей в Литве именно в то время.

И только один православный литовский князь выступает в русских родословиях в качестве отрицательного героя – это сын Ерденя тверской епископ Андрей, который «на Петра чюдотворца волнение учинил», «писал на чюдотворца лживые словеса»[31].

Сравнительно небольшое, но пристальное внимание уделяют родословия территории Литвы. Это связано с вопросом происхождения литовских князей. Государев родословец и все более поздние редакции родословных книг, которые начинают род литовских князей от полоцких, пишет, что в начальный момент истории литовские города «иже суть ныне за кралем, обладаны князми киевскими, иные черниговскими, иные смоленскими, иные полоцкими»[32]. Таким образом, происхождение литовских князей от киевских подтверждается и территорией

---

[26] Там же. Стб. 591–592; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 203–204.

[27] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 592; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 204.

[28] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 593–594; Бархатная книга. Ч. 1. С. 28–29.

[29] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 828–859 и сл.

[30] В частности, в ранних летописях подчеркивается, что Войшелк не смог добраться до Святой горы, жил в Болгарии, а потом основал монастырь в Литве (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830–831).

[31] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 593. Это версия Государева родословца.

[32] Там же. Стб. 593, 601.

их государства, издавна входившей в сферу влияния потомков киевских великих князей, старшей ветвью которых в XVI в. были московские великие князья.

Основное расширение территории связано здесь с именами Вида, который завоевал Деревскую землю, его сына Пройдена (Троидена), присоединившего ятвяг, и Витеня, расширившего владения до Буга[33]. Никакого своего отношения к расширению владений составители родословия не высказывали, так как это земли младшей ветви киевских князей.

Иное отношение к этому вопросу у составителя ранней редакции родословия литовских князей (Чудовская повесть и Сказание о князьях владимирских), где нет непосредственной преемственности между смоленскими князьями и Гедимином. Гедимин здесь обманом завладел городами, бывшими под властью Киева, и назвался великим князем, пользуясь «русских государей несогласием и междусобьнымн браньми»[34]. В этой же редакции говорится о деятельности Витовта по расширению территории: он срубил Киев и Чернигов, взял Брянск и Смоленск. «И отступиша к нему вси князи пограничныя со отчинами от Киева даже и до Фоминьска...»[35]. Здесь более четко проводится положение о притязаниях московского правительства на часть пограничных с Литвой земель, что связано с русско-литовскими отношениями начала XVI в. В родословных книгах третьей четверти XVI в. «территориальный момент» развития не нашел. Их положение о родстве московских и литовских князей было более гибким.

Общая эволюция родословия великих князей литовских в родословных книгах XVI в. представляется следующей. В конце XV – начале XVI в. на Руси была составлена первая редакция этого родословия, находившаяся в составе Чудовской повести и перешедшая потом в Послание Спиридона-Саввы. Это родословие носит острый полемический характер, подчеркивая неродословное происхождение литовских князей, их связь с московскими и тверскими князьями и обманный захват земель, принадлежащих потомкам киевских князей.

В 30–50-е годы сначала в Воскресенской летописи, а потом в первых родословных книгах появляется новая редакция росписи литовских князей. Они становятся потомками смоленских князей и равными с московскими князьями владельцами Литовской земли. Эта редакция закрепляется Государевым родословцем и существует в родословных, связанных своим происхождением с ним.

В своей фактической части (борьба полоцких Рогволодовичей с Мстиславом Владимировичем, биографические сведения о князе Мин-

---

[33] Там же. Стб. 595, 602.

[34] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 202, 180; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 589.

[35] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 204, 181.

довге и Войшелке и др.) это родословие опиралось на русские (преимущественно московские XV в.) летописи, но отбирало и интерпретировало факты совершенно самостоятельно.

В середине XVI в. происходит расслоение родословия Литовских князей на две части, связанное с тем, что при Московском великокняжеском дворе образуется довольно большая прослойка Гедиминовичей (князья Бельские, Голицыны, Мстиславские, Трубецкие и др.)[36]. В родословии выделяются повествовательно-легендарная часть и росписи находящихся при московском дворе потомков литовских князей. В редакциях родословных книг второй половины XVI в. эти части иногда составляют две самостоятельные главы и развиваются независимо одна от другой. Иногда «историческая» часть просто отбрасывалась, и оставались одни росписи.

В части, связанной с изложением ранней истории Литвы, наблюдаются в это время две тенденции, существующие до конца XVI – начала XVII в. Прежде всего эта часть дополняется за счет хроник и литовских летописей, из которых в родословие включается подробный рассказ о борьбе князя Кейстута и его сына Витовта с Ягайло, но концепция происхождения литовских князей остается независимой от этих хроник.

Кроме того, существование двух версий о происхождении литовских князей – от Витеня и от полоцких князей – приводит к тому, что в отдельных родословиях они соединяются вместе, т. е., доводя родословие от Давила до Гедимина, родословцы сообщают, «а в иных летописцех пишет», что Витень был из рода смоленских князей, гром его убил бездетным, а Гедимин был его конюший[37].

Для родословий второй половины XVI в. характерен и наиболее полный круг биографических известий, связанных с принятием в Литве христианства, где также видна самостоятельная тенденция родословных книг в подборе и освещении фактов.

В конце XVI – начале XVII в., в период обострения русско-польских отношений, в родословных книгах вновь появляется та политическая направленность родословия, которая была присуща редакции конца XV в. Распространение этих родословий, как видно из тех же родословных книг, связано с именами московского патриарха Гермогена и Филарета Никитича Романова.

---

[36] В одной из редакций родословных 40–х годов, чье составление связано с деятельностью правительства Шуйских, политических противников Гедиминовичей Бельских, родословие литовских князей отсутствует. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги середины XVI в. // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1961. Т. 16.

[37] Распространение этой версии во второй половине XVI в. можно связать не только с самим ранним московским родословием великих князей, но и с тем, что аналогичный рассказ встречается в юго-западных летописях, но связан не с Гедимином, а с Витенем (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 256, 309 и др.).

Таким образом, на протяжении XVI в. историческая часть родословия литовских князей в русских родословных книгах, освещающая ранний этап истории Литвы и составленная на основе летописей, носила самостоятельный политический характер, варьируясь в зависимости от общей политики московского правительства.

Остается добавить, что по манере излагать исторические события и своей направленности это родословие не одиноко, а может быть связано с такими, как родословия московских великих князей, рязанских великих князей и молдавских великих князей, также помещенные в родословные книги.

Генеалогические источники в исследовании истории боярского землевладения XIV–XVI вв.[1*]

История феодального землевладения давно стала одним из основных аспектов исследования советских ученых. Мы представляем сейчас, как на протяжении XIV–XVI вв. формировались вотчины великокняжеской семьи, как они распределялись между наследниками, что обеспечивало каждому из членов семьи независимое положение, долю в государственных доходах и в то же время зависимое положение от главы семьи – великого князя[2]. Основательно изучено монастырское землевладение XIV–XVI вв. Мы имеем подробное монографическое исследование по истории формирования вотчины Кирилло-Белозерского монастыря[3], решены вопросы землевладения таких крупных вотчинников, как Иосифо-Волоколамский и Симонов монастыри, и безусловно ждет своего исследователя Троице-Сергиев монастырь, в чьем архиве сохранился богатейший актовый материал.

Эта последовательность в изучении феодального землевладения в значительной мере определена исторически сложившимися комплексами документов, позволяющими всесторонне осветить формирование и развитие вотчины. Такими у нас являются великокняжеский и монастырские архивы.

В то же время мы не имеем единых архивных фондов, позволяющих проследить историю средневековой феодальной семьи за все время ее существования. Архив светского феодала нам приходится реконструировать в основном из тех же монастырских архивов. А здесь прежде всего сохранились материалы о владениях, переданных, проданных монастырю или вымененных у него.

---

[1] * Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР / Редкол.: В. Л. Янин (отв. ред.); Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1976. С. 37–44.

[2] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI веков. М., 1948–1952. Ч. 1–2.

[3] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.

Поэтому всестороннее исследование конкретной вотчины возможно только после того, как изучен состав монастырских фондов, из которых можно извлечь акты, связанные с историей данной семьи. Примером такого исследования являются работы С. Б. Веселовского[4].

Состояние и последовательность изучения архивных материалов привели к широкому развитию одновременного исследования истории значительного круга землевладельцев, чьи владения находятся в границах одной административной единицы. В работах такого типа в научный оборот как один из основных источников вводятся писцовые книги. Но это исследование при широте охвата материала ограничено во времени. Если историю вотчины одного феодала (монастыря), используя в основном материалы его архива, можно изучить на протяжении нескольких веков, то история землевладения одного уезда, где сразу исследуется ряд вотчин одного типа, естественно, уже по хронологическим рамкам. К тому же в силу плохой сохранности писцовых книг мы не всегда можем сопоставить данные разного времени, относящиеся к одному уезду.

Для создания полной картины феодального землевладения XIV–XVI вв. необходимы монографические исследования, воссоздающие историю различных семей русских феодалов, т.е. генеалогические исследования.

К такому выводу пришел С. Б. Веселовский, которому и принадлежит заслуга выработки первоначальной методики такого исследования, ему же принадлежит ряд работ по история русского боярства[5]. С именем С. Б. Веселовского связано возрождение генеалогических исследований в России в 20–30-е годы XX в. В отличие от своих предшественников, русских генеалогов конца XIX – начала XX в., для которых написание истории семьи было конечной целью работы, для С. Б. Веселовского генеалогическое исследование, к которому он пришел будучи уже сложившимся ученым, – черновик, предварительный этап в создании истории феодального землевладения.

История семьи разрабатывалась С. Б. Веселовским в тесной связи с общеисторическим процессом, особенно в связи с ходом политических событий. С. Б. Веселовский стремился дойти до истоков светского феодального землевладения, момента зарождения вотчины, т. е. времени, от которого сохранилось минимальное количество источников. С. Б. Веселовский выработал критерии совмещения генеалогической таблицы рода (источник XVI в.), актового материала (XV–XVII вв.) и географической карты. Он обратил внимание на многовековую устойчивость топонимов и их связь с личными прозвищами отдельных лиц.

---

[4] Архив РАН. Фонд С. Б. Веселовского. Д. 30. Л. 2–44об. Ср. *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 59–68, 87–92.

[5] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Исследования, проводимые по такой методике, дают убедительный материал для выявления первоначальной структуры феодальной вотчины. Генеалогический, актовый, топонимический материал были для него тем зеркалом, в котором эта структура отразилась в более позднее время.

Генеалогические источники – родословные росписи позволяют не только реконструировать первоначальный размер вотчины, но и решить еще ряд существенных вопросов, связанных с историей феодального землевладения.

В России первые родословные росписи появились в конце XV в., для этого времени они насчитываются единицами, очевидно еще не были разработаны четкие правила для их составления. Как сравнительно массовый источник родословные росписи возникают в середине XVI в., когда появляются первые редакции родословных книг. Работа по созданию и редактированию родословных книг связана с деятельностью Разрядного приказа[6]. Следовательно, мы имеем дело с официальным материалом, исходящим из государственного учреждения.

Родословные росписи представляют собой списки лиц одной или нескольких семей, ведущих свое начало от общего предка. Эти лица записаны по нисходящей линии родства: роспись начинается с предка, затем идут его дети, внуки, правнуки и т.д. Если в роспись включено несколько семей, то на определенном этапе, где можно определить самостоятельные семьи, внутри общей росписи рода выделяются эти семьи, причем принцип записи лиц внутри каждой семьи един для всей росписи.

С. Б. Веселовский считал, что родословные росписи XVI в. абсолютно достоверны. Сомневаться в их подлинности приходится лишь тогда, когда сведения родословных расходятся с показаниями других источников. С. Б. Веселовский дал очень точное и образное сравнение родословных росписей XVI в., сопоставив их с «циклопическими постройками египетских фараонов»[7]. Действительно, представленная графически в виде таблицы роспись будет похожа на треугольник, где у вершины находится общий для всех членов родоначальник, у основания – несколько десятков его потомков, представителей одного поколения, а на плоскость впишется 6–7 поколений. По подсчетам С. Б. Веселовского, среди росписей старомосковского боярства, составленных в середине XVI в., мы находим более 300 (Кобылины) или около 450 (Морозовы) лиц.

---

[6] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII веков как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

[7] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 19 и сл.

Четкая схема генеалогической таблицы делает ее достаточно точно самодатирующим источником. Один из законов генеалогии предусматривает, что на 100 лет в среднем падает деятельность трех поколений. Поэтому, зная время деятельности нескольких лиц, записанных в таблице, мы всегда можем в пределах четверти века высчитать время деятельности всех остальных.

Таким образом, родословная роспись XVI в. как источник по истории феодального землевладения прежде всего дает исследователю за 200–300 лет поколенную роспись семьи, которая владела определенными землями[8].

Родословные росписи XVI в. дают несомненно более полный состав семьи, чем актовый материал. Родословные таблицы, составленные на основе актов, содержат сведения о лицах, установление родства между которыми иногда носит гипотетический характер [9].

В родословных росписях XVI в. записано подавляющее большинство чле-нов семей, даже те, о которых нет упоминаний в других источниках. Кроме того, в этих росписях отражены сведения об иной прослойке класса феодалов, чем те, фактически разорившиеся в XVI в. землевладельцы, чьи семейные архивы мы находим в монастырских фондах.

От XVI в. сохранились росписи верхушки класса феодалов, семей, кото-рые занимали ведущее положение в государственном аппарате (потомки великих князей суздальских, черниговских, ростовских, тверских, выехавшие на Русь потомки литовских великих князей, представители старомосковского боярства). За редким исключением эти семьи сохраняли в XV–XVI вв. свое экономическое могущество, и сведения об их земельных владениях почти не нашли отражения в монастырских архивах (кроме земельных вкладов, продажи или обмена, довольно случайных земельных сделок).

Таким образом, генеалогическая таблица может иметь двоякое значение в исследовании землевладения XIV–XVI вв. Если мы имеем дело с измельчав-шей и разорившейся семьей, из поколения в поколение передававшей свои земли и связанные с ними документы монастырю, то таблица составляется в процессе изучения истории семьи. В этом случае она является результатом научного исследования и необходима при обработке всего комплекса материалов, связанных с данными лицами.

---

[8] В ней мы встретим только мужских потомков, русские родословные росписи женских имен практически не содержат.

[9] См.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 169–177; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 439–441 (реконструкции родословных таблиц Головкиных и Басенковых).

Если мы имеем дело с родословной росписью XVI в., мы должны подходить к ней как к историческому источнику, содержащему сведения по истории определенной семьи.

Обычно наиболее полный актовый материал сохранился от тех фамилий, которые не имели большого значения в политической жизни России XVI в. и не оставили своих росписей. Исключение составляет лишь роспись Ворониных, записанная в XV в.[10] От семей крупных феодалов, чьи росписи неоднократно составлялись и редактировались в XVI в., до нас дошло меньше актов. Поэтому родословная роспись является той основой, которая помогает связать эти немногочисленные документы и определить родственные связи между упомянутыми в них лицами.

Кроме своего основного значения – источника, содержащего наиболее полные сведения о личном составе класса феодалов, родословные росписи сохранили ряд записей биографического характера о принадлежности отдельным лицам земельных владений. Эти сведения, часто уникальные, восходящие к семейной традиции, дополняют известия актов. Иногда подобные записи мы находим в группе списков родословных книг одной редакции, иногда только в отдельных рукописях.

В родословных росписях встречается несколько десятков известий о земельных владениях различных лиц и семей. Основная масса этих записей не дублируется сведениями писцовых книг и актов; их достоверность проверяется косвенно сведениями из других источников о владениях членов этой же семьи. Подавляющее большинство этих известий относится к службе в Новгороде, меньше – в Пскове и Торопце. Таковы сведения о новгородских поместьях Квашниных, Кутузовых, князей Троекуровых, Щепиных-Ростовских, Белозерских, а также Плещеевых, Волынских, Мячковых[11].

С земельными владениями в Новгороде, очевидно, можно связать и известия о службе князей Стародубских и Галицких новгородским архиепископам[12]. Появление в росписях таких «новгородских» известий можно объяснить тем, что большие переселения последней четверти XV в., а также времени опричнины, надолго отложились в памяти служилых людей и, очевидно, были связаны с большими земельными

[10] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 165–169.

[11] Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 41, 93, 101. 112, 147, 199; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1797. Ч. 1. С. 77, 124; Ч. 2. С. 2, 3 (далее – Родословная книга). В писцовых книгах есть только соответствующие родословцам записи о поместье кн. Гаврилы Белозерского в Вотской пятине (НПК. СПб., 1868. Т. 3. Стб. 494) и поместье Л. Н. Волынского, отца записанного в родословцах И. Л. Волынского в Деревской пятине (НПК. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 383).

[12] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 78. 249; Родословная книга. Ч. 2. С. 66, 232.

переделами (отрыв от родовой вотчины, возможно, разрыв связей с семьей).

Что касается Новгорода, то хронология испомещений, записанных в родословцах, устанавливается не только по времени деятельности лица, к которым относятся эти записи, но и текстуально: сведения о переселениях XV в. сформулированы «поместье за ним в Новгороде» или служит из Новгорода»; о переселениях XVI в. – форма записи иная: «испомещены в Великом Новгороде». Сведений о службе на исконной территории Московского княжества мы практически не встречаем (есть запись о Беклемишевых «служат с Коширы»)[13]. Создается впечатление, что эти упоминания о владениях делались в результате отрыва семьи или группы лиц от родовой вотчины.

Единственная запись родословных книг о переходе земель по женской линии связана с женитьбой князя Афанасия Фуника Кемского на дочери Ивана Семеновича Морозова, в результате которой ему достались земли Морозовых, в Звенигороде (села Творошина, Покровское и Никольское)[14].

К известиям о земельных владениях относятся также показания родословных книг о службе целых семей или отдельных лиц тверским и рязанским великим князьям, а также удельным князьям московского дома. Такая служба, как правило, была связана с землевладением. Эти сведения родословных книг уникальны[15].

Косвенным указанием на родовые вотчины является иногда и сама фамилия феодала, происхождение которой также зафиксировано в росписях.

Реконструировав первоначальную вотчину, принадлежащую родоначальнику одной семьи, надо еще выяснить, как развивалась эта вотчина в руках его наследников на протяжении веков, как она распределялась между ними, почему те или иные ее части переходили к другим владельцам. При эпизодичности актового материала по истории вотчин, исходящего от крупных землевладельцев, только его сопоставление с генеалогической таблицей рода может дать достаточно обоснованные выводы о разделе вотчин, переходе отдельных владений среди представителей одной семьи. Особенно важно такое исследование для XVI в., когда в духовных грамотах, как правило, не указано, как должна быть разделена вотчина отца между наследниками. В этом случае величину

---

[13] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 113.

[14] Там же. С. 182. Подробно о земельных владениях см. *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края. С. 156–160.

[15] См. подробнее: *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV – первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5; *Он же.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великого княжества и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. // ИССССР. 1973. № 3.

разделенной вотчины, ее переход дальше среди наследников без генеалогии изучить невозможно.

Таковы сведения родословных, которые, при самом первоначальном знакомстве с их текстом, показывают, что генеалогическое исследование необходимо при изучении крупного светского землевладения. Такое исследование, начатое С. Б. Веселовским, ждет дальнейшего продолжения.

Польские традиции в русской генеалогии XVII века[1*]

Русская генеалогия второй половины XVII в. испытывала большое влияние польской литературы. Это было связано как с общим интересом к польским авторам, который проявлялся в официальной деятельности Посольского приказа и у отдельных лиц, так и с новыми тенденциями оформления генеалогических документов.

До XVII в. в России был только один вид родословных справочников – родословные росписи, на основании которых составлялись различные редакции родословных книг. Источниками росписей были семейные документы, иногда использовались показания летописей, житийной литературы. Росписи имели право составлять довольно узкий круг семей, верхушка класса феодалов, входившая в XVI в. в состав Государева двора[2]. Все дела, связанные с генеалогией, были сосредоточены в Разрядном приказе. Редакции родословных книг, составленные в XVI в., продолжали существовать и на протяжении всего XVII в.; в это время отдельные рукописи дополнялись материалами семейных архивов. Часто семьи, чьи представители выдвинулись по службе в XVII в., вносили в списки старых родословцев свои подробные росписи, копировали семейные документы. Об одной из таких рукописей подробно писал еще Н.П. Лихачев; в современной литературе наиболее подробно изучены так называемый родословный сборник Супоневых и сборник Нелединского[3].

До XVII в. в России не было никаких правил и законов, требовавших доказательства дворянского происхождения от лиц, переходивших на службу к русским великим князьям и царям. Скорее всего это связано со своеобразным процессом комплектования Государева двора. В него

---

[1] * СС. 1981. № 5. С. 39–50.

[2] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

[3] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. С. 66; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1963. Т. 17. С. 412–418.

входили потомки бояр, служивших еще первым московским князьям, чья связь с московским домом прослеживается с середины XIV в.; с присоединением к Москве русских княжеств в состав двора корпоративно вливались княжеские и боярские семьи этих земель. Потомки литовских великих князей в XIV–XVI вв. приезжали служить со своими дворянами, и их происхождение не требовало официального подтверждения.

В XVII в. меняется как форма выезда, так и социальная структура приезжавших феодалов. Наряду с польскими князьями и грузинскими царевичами, переходившими на русскую службу, как и раньше, со своими дворами, в Россию едут самостоятельно, без приглашения правительства дворяне из разных стран Европы. Установлением их происхождения, определением размеров жалования занимался Посольский приказ, который собирал необходимые для этого документы. На основании представлений Посольского приказа определялся размер жалования и вид службы «нововыезжих». Делопроизводственное оформление таких дел в течение века меняется незначительно; они близки к аналогичным делам о приглашаемых в Россию мастерах, военных, врачах, ремесленниках.

Приглашение соответствующих мастеров часто было одной из задач русских посольств в европейские государства еще в XV–XVI вв. Глухие упоминания о делах иностранцев, которые условно можно связать с оформлением их службы в Москве, есть в описи государственного архива XVI в.[4] Дела, связанные именно с приездами иностранцев в Россию, встречаются и в описи Посольского приказа 1626 г., например, дело 1619 г. с расспросными речами о приезде в Москву из Литвы Михаила Томилова, англичан Артемия Астора, Якова и Томаса Романовых и некоторые другие[5].

В приказной делопроизводственной практике XVII в. вырабатываются нормы доказательства дворянского происхождения, куда отчасти входит и генеалогический элемент – определение родоначальника семьи. Эта практика связана с нормами, зафиксированными в Статутах Великого княжества Литовского. Еще в Статуте 1529 г. предусматривалось, что шляхтич, приехавший служить в Литву, должен был представить свидетельства своего происхождения. Среди других здесь были упомянуты подтверждения, сделанные официальными послами из его страны, родственниками, людьми, которые были известны правительству[6].

Эти нормы, восходящие к польско-литовским традициям, были в XVII в. восприняты в Посольском приказе и применялись ко всем дво-

---

[4] Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. С. 51, 83, 89.

[5] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 293, 303.

[6] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. С. 50.

рянам, незави-симо от того, из какой страны они приехали. Сохранилось пять подлинных дел о выходцах из Речи Посполитой: 1646 г. – о приезде Ивана Петрова сына Салтыкова; 1647 г. – Николая Посоховского; 1684 г. – Осипа Пирожского; 1686 г. – князя Александра Курбского и 1689 г. – Петра Лохмановского. При назначении им жалования в Посольском приказе подбирались предшествующие аналогичные случаи приезда дворян из той же страны или близких к ней.

Эти дела имеют довольно сложную структуру: в них содержится переписка Посольского приказа с местными органами власти об обстоятельствах выезда, расспросные речи, где приехавший излагал свою биографию и историю семьи, подборка предшествующих аналогичных случаев выезда, документы о крещении, указ о назначении жалования и др. Для нашей статьи наибольший интерес представляют расспросные речи: содержащиеся в них сведения о происхождении семей оказали влияние на дальнейшее развитие русских генеалогических документов.

В 1646 г. приехал из Дании поляк Иван Петров сын Салтыков. Его расспросная речь необычайно интересна. Он родом из Волуйковичей, в 13 лет был отдан на службу польскому королю вместе с князем Петром Трубецким (возможно, он служил непосредственно Трубецкому), попал в плен к туркам, был выкуплен отцом и вскоре после этого уехал из Польши во Францию, где находился на военной службе, затем переехал в Испанию, также воевал; потом попал в Данию. Из Дании он был послан гонцом в Москву. После этой поездки у него начались неприятности с королем и, побеседовав с русским послом в Дании Василием Апраксиным, Иван решил выехать в Москву[7]. Салтыков был пожалован в стольники, получил поместный оклад и двор в Москве.

Осип Пирожский рассказал, что его отец имел владения в Кременецке (Волынское воеводство); после смерти отца и разорения их владений татарами, Осип с матерью переехал в Киев и оттуда был взят в Москву в певчие. Показания Пирожского подтвердили шляхта воеводства Волынского, его родственники и кн. Гедеон Четвертинский. На основании этих документов Осип Пирожский был записан в Посольском приказе как выезжий, о чем было сообщено в Разрядный приказ думному дьяку В. Г. Семенову[8].

Кн. Александр Курбский в челобитной указывает на свое родство с кн. Андреем Михайловичем Курбским; в расспросных речах пишет свою биографию[9]. Его отец был взят в плен под Луками, крестился в православную веру, какое-то время служил русскому царю, затем вернулся в Польшу, когда к ней отошли Полоцк и Витебск.

[7] РГАДА. Ф. 150. 1646 г. Д. 3. Л. 37.
[8] Там же. 1684 г. Д. 7. Л. 4–16.
[9] Там же. 1686 г. Д. 2. Л. 2–6.

Сам Александр Курбский служил с кн. Дмитрием Вишневецким, но прошло уже четыре года, как он оставил службу. Узнав, что его брат Яков выехал в Москву, также приехал.

Биография Петра Лохмановского напоминает биографию Ивана Салтыкова. Он родился в Варшаве, 9-ти лет уехал «в ыные государства для учения», был в Германии, Голландии, пять лет жил в Париже. Здесь он узнал о смерти отца. В 1687 г. он встретил в Париже Якова Долгорукого, уехал с его посольством в Мадрид, потом в Москву и хочет поступить на русскую службу[10]. Он был отослан в Иноземный приказ.

Отличия в оформлении дел 40-х и 80-х годов относятся в основном к начальной части, где излагаются обстоятельства приезда, и заключительной, где определяется размер жалованья. Расспросные речи мало отличались, возможно потому, что в их основе лежал ряд вопросов, которые интересовали Посольский приказ. В частности, в делах 80-х годов появляются более подробные сведения о политическом положении в стране, из которой приехал дворянин. Александр Курбский ничего не мог сказать о положении в Польше, так как, уйдя из войска, несколько лет жил в своем имении, а в Москву ехал окольными путями, и это было специально отмечено в его деле.

Фрагменты некоторых дел о приездах были скопированы в XVIII в. Из них в департаменте Герольдии была составлена книга о «Выездах знатных фамилий»[11]. Она состоит в основном из расспросных речей и документов, определяющих размеры жалования. Как можно судить по выпискам из дел Лохмановского, Пирожского, Курбского, документы переписывались очень тщательно. Эти выписки в XVIII в. являлись официальным документом, подтверждавшим происхождение дворянских фамилий.

Кроме выписок из дел О. Пирожского, А. Курбского и П. Лохмановского, здесь приведены документы аналогичных дел Павла Пилятовского (1688), уроженца Мозырского повята, который выехал из Польши потому, что «у них как корунным, так и литовским войскам жолнерам за службы толко похвала, а платы как надлежит, не доходит»[12]. По приезде в Москву он случайно встретился с кн. Г. Четвертинским, с которым «они знались меж собою в Польше, будучи в войску»[13]; Четвертинский подтвердил его происхождение и ходатайствовал о приеме Пилятовского на русскую службу.

Адам Пенчинский (1681), как и О. Пирожский, после смерти отца жил с матерью в Киево-Печерском монастыре, потом служил в войске,

[10] Там же. 1689 г. Д. 7. Л. 2–9.
[11] Там же. Ф. 286. Д. 333.
[12] Там же. Л. 81.
[13] Там же.

был взят в турецкий плен, выкуплен. Его владения пришли в запустение, до выезда он «кормился» у родственников[14].

Станислав Шумский (1689) из Слонимского повята, служил в литовских войсках, участвовал во всех крупных походах Яна Собеского «и от тех служб за неданием из скарбу Речи Посполитой платы пришел в скудость; и для того, что за ним маетностей нет»[15].

Из расспросных речей вырисовывается социальный состав лиц, приехавших в Россию. Это рядовое дворянство из районов, часто становившихся театрами военных действий. В ряде случаев Россия была не первым местом их профессиональной военной службы. Возвращение на родину для многих по каким-то причинам было затруднительно. К концу XVII в. русское правительство стало сокращать размеры пожалований. При сравнении дел И. П. Салтыкова и П. А. Лохмановского, лиц происходивших из одной среды, видно, что их служебное положение в России не одинаково. Салтыков стал стольником, получил большие земельные владения, двор в Москве, подарки, поденный корм, а Лохмановский был зачислен на службу в Иноземный приказ и получил жалование деньгами.

Постепенно Посольский приказ делит с Разрядным функции доказательства дворянского происхождения приехавших семей, до XVII в. принадлежавшие только Разряду, занимавшемуся составлением и редактированием родословных документов. Это приводит к тому, что отдельные семьи, записанные в XVI в. в родословные книги, – также просят подтвердить приезд их предков, состоявшийся в XIV и XV вв.

В октябре 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича из Разрядного приказа был послан запрос в Посольский приказ думному дьяку Михаилу Волошенинову разыскать сведения о предке Афанасия Отяева Петре Босоволке, выехавшем из «Цесарских земель», и о пожалованиях, полученных им[16]. Отяевы как потомки известного деятеля первой половины XIV в. Алексея Петровича Хвоста были записаны в Государев родословец 1555 г.[17] В запросе просили уточнить год приезда на Русь Петра Босоволка, отца Алексея Хвоста, и подробности смерти самого Алексея Хвоста.

От 1662 г. есть челобитная и списки с грамот Игнатия Корсакова, составленные, очевидно, в связи с его местническим делом с Алексеем Чепчуговым. В челобитной говорится о выезде их предков из «пределов Римских» сначала к великим князьям литовским, а позже к московскому князю Дмитрию Донскому[18].

---

[14] Там же. Л. 124–125.

[15] Там же. Л. 85.

[16] Там же. Ф. 150. 1649 г. Д. 9.

[17] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 244–245.

[18] РГАДА. Ф. 150. 1662 г. Д. 5.

Неизвестно, как решались эти дела, но, возможно, выдача таких справок была связана с текущей деятельностью Посольского приказа по оформлению приездов XVII в. Основная масса запросов в приказ о происхождении предков служилых людей падает на 80-е годы XVII в., когда Палата родословных дел вела большую работу по сбору родословных росписей и составлению родословных книг.

Роль Посольского приказа в области генеалогии не ограничивалась фиксацией и проверкой сведений о происхождении приезжавших в Россию иностранцев. В 70-е годы XVII в. там были создны две книги, которые сыграли большую роль в развитии генеалогических знаний – Титулярник (1672) и родословная книга Хурелича (1675); ее переводил Николай Спафарий. В советской историографии неоднократно отмечалось значение этих книг в истории политических идей[19].

Первая часть родословной книги герольдмейстера императора Хурелича посвящена родству русских князей, вторая – установлению родственных связей царя Алексея Михайловича с правящими домами стран Европы. Она знакомила русских деятелей с генеалогическими нормами европейских стран, почти неизвестными в русских источниках XV–XVI вв. – это тщательно разработанная восходящая система родства.

Родословные схемы Хурелича и во второй части его книги начинаются с правящего в 70-е годы XVII в. короля соответствующей европейской страны и опускаются вглубь до того предка, с которого начинается родственная связь этого короля с Алексеем Михайловичем.

У русских великих князей никогда не было общих предков по мужской линии с правителями Европы, родство с ними отсчитывается с середины XI в., начиная с браков дочерей Ярослава Мудрого. Такой отсчет преемственности власти через браки по женской линии был совершенно новым явлением и должен был импонировать первым Романовым. Кроме того, поскольку в росписях Хурелича перечислены лишь правившие лица, в них появляются пропуски поколений, изменения степени родства, что в принципе создавало довольно большую свободу в обосновании происхождения от какого-либо предка.

Родословие Лаврентия Хурелича не имеет аналогий в более ранних традициях русской генеалогии. Русские родословные росписи всегда отсчитывали родство лишь по мужской линии и давали четкую схему от отца к сыну.

---

[19] *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории рус-ской рукописной книги второй половины XVII в.). // Книга: Исслед. и материалы. М.,1963. Вып. 8. С. 183–185, 205–206; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 259–306; *Мыльников А. С.* «Родословие» Лаврентия Хурелича // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 21–31.

Для развития новых традиций в генеалогии большую роль сыграла Хроника Матвея Стрыйковского, переводы и распространение которой также связаны с деятельностью Посольского приказа XVII в.

А. И. Рогов доказал, что с 1668 по 1688 г. Хроника в России переводилась четыре раза[20]. В оформлении списка XVII в. первого полного перевода этой Хроники виден определенный интерес к генеалогии польско-литовской шляхты. Киноварью и заголовками на полях выделяются названия гербов, части текста, где рассказывается о происхождении литовских родов, о перемене гербов польской шляхты или передаче польских гербов литовской шляхте. Выделяются также статьи, посвященные истории отдельных семей, описанию ратных подвигов, после которых герой получал дворянство и герб. Подробно описаны и сами гербы[21].

Вопрос о происхождении и эмблематике дворянских гербов не поднимался в русской практике XV–XVI вв. Интерес к нему переводчиков Хроники очевидно связан с тем, что после присоединения к России в середине XVII в. украинских и белорусских земель в состав дворянства России влились семьи, чьи генеалогические традиции восходили к польско-литовским. Хроника Стрыйковского в какой-то степени освещала эти традиции и историю отдельных семей.

Следует отметить, что первые переводы Хроники были сделаны, когда в Посольском приказе уже накопился большой опыт оформления дел о приезде польско-литовской шляхты, и стали известны традиции польской генеалогии. Два последних перевода хронологически совпадают с деятельностью Палаты родословных дел; авторы родословных росписей 80-х годов XVII в. часто ссылались на Стрыйковского как на источник своих сведений. Случай использования Хроники при составлении росписей XVII в. приведен А. И. Роговым[22], а один из описанных им списков принадлежал окольничему А. Т. Лихачеву, который, составляя свою роспись, также воспользовался традициями польской генеалогии[23].

К 80-м годам XVII в. Посольский приказ становится учреждением, дающим авторитетные справки о происхождении отдельных лиц и семей. Здесь в ходе практической деятельности накапливается опреде-

---

[20] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. С. 269–292.

[21] В переводе есть описание герба Китаврус, герба Новина и его происхождение (РГАДА. Ф. 181. Д. 58. Л. 169, 188); известие о перемене герба шляхетской семьей с под-робным описанием обоих гербов (Там же. Л. 308, 309); выделены заголовками родословия князей Вишневецких и Забражских (Там же. Л. 372). Классификация списков сделана А. И. Роговым, который отметил также, что эта рукопись принадлежала одному из крупных деятелей последней четверти XVII – начала XVIII в. С. Б. Ловчикову (*Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возро-ждения. С. 274–275).

[22] Там же. С. 282.

[23] Там же. С. 284.

ленный опыт оформления дел о приезде дворян, практика опроса и записи свидетельских показаний представителей посольств. Вначале эти справки давались только лицам, приехавшим в XVII в.

В 80–90-е годы XVII в., когда после отмены местничества в 1682 г. в Разрядном приказе была образована Палата родословных дел и начался массовый прием дворянских родословий, сведения о выезде родоначальников по запросам Разрядного приказа систематически проверялись в Посольском. Переписка между приказами велась по определенному стереотипу. Получив роспись, авторы которой говорили о выезде предка из Польши и часто ссылались на соответствующие польские книги, Разрядный приказ посылал в Посольский запрос; ответ на него служил официальным подтверждением происхождения.

Для проверки родословий в Посольском приказе были, в подлинниках и переводах, польские книги (Хроники Стрыйковского, Бельского, Гваньини, Длугоша, «Орбис Полонус» С. Окольского, «Гнездо цноты» Б. Папроцкого и др.), содержащие сведения о происхождении польских и литовских дворянских родов за более ранний период. Была здесь и другая генеалогическая литература, знакомившая с нормами, принятыми в странах Европы. К сожалению, в фондах Посольского приказа эти книги не сохранились.

Если значение произведений Стрыйковского, Длугоша, Матвея Меховского и Кромера в жизни русского общества изучено[24], то история бытования в России польской генеалогической литературы совершенно не исследована. Есть одно упоминание А. И. Соболевского о рукописном переводе начала XVIII в. книги Б. Папроцкого «Ветроград королевский»[25]. Книги С. Окольского и Б. Папроцкого получили критическую оценку в польской литературе. Папроцкий «в описании начала родов и шляхетских семей был полностью некритичен и наивен», он бесцеремонно переиначивал источники, в частности Длугоша; книга Окольского (три тома, изданные в 1614–1645 гг.) отредактирована хаотично, «переполнена фантастическими известиями, часто даже фальшивыми»[26]. Однако в описании истории родов, современной авторам, обе книги содержат богатый фактический материал.

В подлинных росписях XVII в. сохранились первоначальные легенды и окончательные ответы из Посольского приказа, а работа по проверке сведений о выезде, содержащихся в родословных росписях, четко видна из книги «Дело о гербах», составленной Герольдмейстер-

---

[24] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возро-ждения; *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978.

[25] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1903. С. 81.

[26] *Dworzaczek W.* Genealogia. Warszawa, 1959. S. 109–111.

ской конторой в 20-е годы XVIII в.[27] Здесь скопирована переписка от 20 марта 1686 г. по 23 февраля 1687 г. между Палатой родословных дел и Посольским приказом по поводу происхождения родоначальников дворянских родов; одновременно с признанием дворянства определялась и принадлежность семьи к одному на польских гербов.

Происхождение родоначальника русской ветви в запросе Палаты родословных дел указывалось в общих чертах: «из коруны Польской». В Посольском приказе подбирался соответствующий материал: делались переводы из хроник Бельского, Кромера, Стрыйковского о происхождении того или иного герба, участии в политической жизни и битвах лиц, принадлежавших к этому гербу; давалось описание герба по книге Окольского «Орбис Полонус». Иногда Посольский приказ собирал свидетельства о происхождении у польских посольств. Эту работу выполняли переводчики Семен Лаврецкий и Николай Спафарий. Запросы из Разряда подписывали дьяки П. Ф. Оловянников, Л. А. Домнин, которые принимали росписи в Палате родословных дел. Ответы из Посольского приказа подписывали дьяки П. Б. Возницын, В. И. Бобинин, иногда Е. И. Украинцев, занимавшиеся делами о выездах.

Эти материалы четко показывают, как была организована работа по проверке росписей. Становится ясно, каковы были критерии достоверности при составлении древних частей родословий. Составленные с использованием польских хроник и традиций оформления дел о выездах, эти справки иногда выдавались польским семьям, лишь в XVII в. выехавшим на службу в Россию, но часто их получали и представители русского рядового дворянства, стремившиеся удревнить свой род, используя польские традиции. В «Деле о гербах» есть переписка о происхождении переводчика приказа Семена Лаврецкого, который выехал из Польши в 1661 г.[28]; «иноземца рейтарского строю» полковника Петра Скаржинского и др. Анализ родословных легенд из «Дела о гербах» позволяет проследить, как при создании генеалогических документов последней четверти XVII в. использовалась вся предшествующая практика Посольского приказа и традиции польской литературы.

Наиболее ярко польское происхождение отразилось в росписи Колдычевских. Ее подал Михаил Колдычевский, попавший в плен под Мстиславлем в 1658 г. и с 1663 г. перешедший на русскую службу[29]. Он написал о своем происхождении и условиях перехода на русскую службу. Эта роспись по кругу сведений близка к делам о приезде и родо-

---

[27] В деле помещены копии документов XVII в. о происхождении Хрущевых, Скаржинских, Фаменди, Зиновьевых, Дивовых, Карбышевых, Одинцовых, Лихачевых, Лукиных (Лукашевичей, предков думного дьяка Е. И. Украинцева), Загрязских, Нелединских, Лаврецких (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 61).

[28] *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 143–145.

[29] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 78.

словиям XVI в., поскольку она начинается с основателя русской ветви польской семьи и дает лишь необходимые факты о его происхождении.

В тех случаях, когда приписка к польским родам служила лишь удревнению родословных, как правило, есть большой хронологический разрыв между выехавшим на Русь предком и лицом, с которого начинается роспись.

Это видно из дела Нелединских (1689). В «Деле о гербах» сохранились выписки, где приведены сведения из книг «Орбис Полонус», Б. Папроцкого и М. Кромера по истории рода Мелецких, от которых пошли Нелединские[30]. Кроме этого, в подлинном деле XVII в. Бестужевых-Рюминых, составленном в Палате родословных дел, есть черновики ответа Посольского приказа о происхождении Нелединских. В черновиках много вставок, вычеркнутых мест, исправлений, практически это не систематизированные записи о происхождении семьи.

По этим записям, предок Нелединских Станислав Мелецкий, в крещении Михаил, приехал на Русь к великому князю Василию Васильевичу и получил «в удел многие вотчины»[31] в Городецком уезде, где потом был поставлен Николаевский Антонов монастырь. Текст о получении вотчин в удел в документе вычеркнут и заменен выписками из двух жалованных грамот; по одной (1425) великий князь Василий Васильевич пожаловал боярина Михаила Яновича Мелецкого городом Вологдой, а по другой (1442) Михаилу и его сыну великий князь дает в Углицком уезде Копскую волость[32]. В выписках из книги «Орбис Полонус», на которую ссылались Нелединские, есть сведения, что у их родоначальника Станислава Мелецкого в 1432 г. родился сын, а в 1461 г. он сам умер. Это последнее известие в деле XVII в. вычеркнуто. Именно сопоставление выписок из грамот и польских книг, подобранных в Посольском приказе к росписи Нелединских, показывает, что их приписка к польскому роду была фальшивой. Их предок, Станислав Мелецкий, по русским грамотам с 1425 г. служивший в Москве, по польским источникам жил и умер в Польше. Вообще, в последней четверти XVII в. Нелединские развили активную генеалогическую деятельность. Кроме росписи, для них был составлен разрядно-родословный сборник. В его основе лежит одна из ранних редакций разрядных и родословных книг, к которым приписано родословие и грамоты Нелединских[33].

Обращение к иностранным авторам для подтверждения происхождения иногда было излишним, так как необходимые сведения содержались в русских документах. Так, для Титовых в Посольском прика-

[30] Там же. Ф. 286. Оп. 1. Д. 61. Л. 96–103.

[31] Там же. Ф. 210. Оп. 18. Д. 156. Л. 33.

[32] Там же. Л. 30, 31.

[33] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 86–87, 90; *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. С. 66.

зе была сделана выписка из Гваньини: «В некое время Борис Титов, муж звания честного, воевода старицкий, к великому князю, после обеда за столом седящему, пришед по обычаю бес шапки, поклонился ниско...»[34]. На основании этих сведений Титовым было выдано свидетельство о том, что Борис Титов был воеводой в Старице, хотя для доказательства их происхождения можно было использовать разряды.

На составлении справок Посольским приказом отразилась особенность переводной генеалогической литературы, где было указание только на предка какого-либо человека без поколенной росписи, соединяющей предка и потомка.

Таким образом удревнили свой род Лихачевы (роспись окольничего М.Т. Лихачева)[35], приписавшиеся к гербу Ясенчик. В справке, выданной Посольским приказом и скрепленной Е.И. Украинцевым, где представлена подборка сведений из книг Окольского и Папроцкого о деятельности лиц разных фамилий герба Ясенчик, нет конкретных сведений, позволяющих связать Олега Богуславовича Лиховца, их родоначальника, с Лихачевыми, известными по русским источникам. Напомним, что брату М.Т. Лихачева принадлежала одна из рукописей XVII в. перевода Хроники Стрыйковского, и он призывал к широкому использованию иностранных материалов для русской истории[36].

На родство с Лихачевыми по гербу Ясенчик (в Польше Лиховские), «что по старому выезду из Польши в Московское государство пишутца Лихачевы, и ныне той нашей фамилии и роду нашего околничие Алексей Тимофеевич да Михайло Тимофеевич Лихачевы», сослались в своей росписи Краевские[37].

Краевские стали служить царям после присоединения Смоленска, в их росписи (1688) упоминается переход на русскую службу, крещение в православную веру, пожалования – круг сведений, восходящих к делам о выезде. Кроме того, подавая роспись, они представили соответствующие документы из Польши. Происхождение Краевских сомнений не вызывает, а бывшие новгородские вотчинники Лихачевы, которые не смогли составить подробной поколенной росписи, приписались к польскому гербу, удревнив свой род до XI в.

Подобным образом удревнили свое происхождение Грушецкие, родствен-ники царицы Агафьи Семеновны, жены царя Федора Алексеевича. Свою роспись (1686) они начинают с Карпа Астафьева Грушецкого, чей сын Илья служил царю Василию Шуйскому; правнучка Ильи стала

---

[34] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 61. Л. 51.

[35] *Лихачев Н.П.* Вкладная запись выдающегося генеалогического интереса // ИРГО. СПб., 1903. Вып. 2. С. 152–161.

[36] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. С. 283–284.

[37] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 80. Л. 1.

царицей[38]. В выписках из Посольского приказа, к которым приложен красочный рисунок герба Любеч, говорится о происхождении этого герба и о Грушецких из Хелмской земли; эти записи относятся ко времени правления великого князя Ягайло. Никаких сведений, позволяющих связать обе фамилии Грушецких, не приведено. Вероятнее предположить, что родственники царицы создали свою роспись, исходя из новых традиций, а не фактов.

Такие же сведения, восходящие к польской традиции и не связанные с ро-дословными росписями дворянских родов, поданными в XVII в., приведены Михаилом Рачинским «с товарищи», входившими в состав посольства, для подтверждения польского происхождения Хрущовых. В выписке из «Орбис Полонус» дано описание герба Хрущовых, переехавших в Польшу из Чехии[39].

Одинцовы для подтверждения своего происхождения получили офици-альную выписку из Посольского приказа по книге «Орбис Полонус», что Одинец – отважный воин, выходивший в бою драться один на один; в ней есть сведения о некоторых Одинцовых польского герба[40].

Весьма ответственным было составление справки о росписи Украинцевых, которые записались от польского рода Лукиных (Лукашевичеи). Материалы о Лукашевичах собирали и переводили Семен Лаврецкий и Николай Спафарий под руководством дьяка Василия Бобинина. Сначала сведения были представлены на апробацию кн. В. В. Голицыну, а затем оформлены в виде росписи и посланы в Разряд.

Украинцеву были подобраны сведения из Стрыйковского и «Орбис Полонус» о Лукашевичах, живших в XIII в. при князе Конраде Мазовецком, причем в ьыписях титул этих Лукашевичей – канцлер коронный – везде объясняется как думный дьяк, а в росписи Лукашевичи в Польше уже именуются думными дьяками[41]. Аналогичное толкование, сделанное переводчиком Хроники Стрыйковского, отмечено А. И. Роговым[42], который справедливо связал его с деятельностью сотрудников Посольского приказа.

Происхождение Е. И. Украинцева известно, и совершенно ясно, что его роспись с польским родоначальником, жившим в XIII, не вызывала недоумения потому, что положение самого Украинцева было очень высоким, и к тому же он утверждал и подписывал материалы о происхождении, которые посылались в Разрядный приказ.

Наиболее ярко проявились новые традиции создания родословных легенд в росписи Бестужевых-Рюминых, которые назвали своим ро-

[38] Там же. Д. 61. Л. 1–2.
[39] Там же. Ф. 286. Оп. 1. Д. 61. Л. 33–35.
[40] Там же. Л. 76.
[41] Там же. Л. 85–91.
[42] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. С. 287.

доначальником Габрелуса Беста, приехавшего в XIV в. из Англии на службу в Литву, а затем в Москву. Эти данные еще в XVII в. были подтверждены герольдмейстерами Лондона. К родословию были приложены русские грамоты XV в. Роспись и грамоты Бестужевых всегда привлекали внимание историков.

Авторы провели подробный разбор поданной вместе с росписью грамоты 1469 г., где Якову Гавриловичу Рюме Бестужеву великий князь Иван Василь-евич дает в кормление город Серпейск «за многие службы ево и за выезд отца ево Гаврила Беста»[43].

Еще Д. Ф. Кобеко усомнился в подлинности грамоты, по которой боярин Яков Гаврилович Бестужев получает от Ивана III в кормление город Серпейск, в то время не входивший в состав Русского государства. А. А. Зимин полагал, что при составлении поддельной грамоты был использован факт, когда в 1556 г. Якову Гневашеву Бестужеву был дан город Серебож. Подделали Бестужевы, как доказал А. А. Зимин, и местническую грамоту 1509 г., где упоминается окольничий Матвей Яковлевич Бестужев[44]. К сожалению, все исследователи пользовались не подлинным текстом из дела Бестужевых, а реконструкцией, сделанной еще А. В. Толстым и опубликованной А. И. Юшковым и И. А. Голубцовым[45]. Не вдаваясь в специальный анализ грамоты, который до сих пор не проведен, отметим, что она сохранилась в деле XVII в. в двух черновых вариантах, имеющих некоторые отличия в тексте. Оба текста жалованной грамоты составлены в 3-м лице. Начало одного: «В 6977-м (1469) году князь великии Иван Васильевич всеа России пожаловал»; начало другого: «В 6977-м году августа в 8 день великий князь Иван Васильевич всеа России пожаловал...»[46]. Во втором варианте подпись великого князя сделана в первом лице: «А дал яз, князь великий Иван Васильевич ему сию грамоту лета 6977-го году августа в 8 день».

Никто из исследователей не сомневался в подделке этой грамоты, но если Д. Ф. Кобеко считает, что легенда о выезде также придумана в конце XVII в., то А. А. Зимин полагает, что приезд Гаврила Беста в 1403 г. в Москву мог иметь место.

Первая роспись Бестужевых, поданная в 1686 г., и связанные с ней документы не сохранились. Сейчас существует дело 1699 г., где на основании росписи 1686 г. и полученной из Лондона справки Бестужевы

---

[43] *Кобеко Д. Ф.* О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии // Записки Русского археологического общества. Нов. сер. СПб., 1887. Т. II. Вып. 3; *Он же.* К родословной Бестужевых-Рюминых // Записки Русского археологического общества. Нов. сер. СПб., 1889. Т. IV. Вып. 2; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв.. С. 408–409.

[44] Там же. С. 408–409.

[45] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1859. Кн. 3. С. 7–8; АСЭИ. М., 1962. Т. 3. С. 109–110.

[46] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 156. Л. 3; Д. 61.

просят разрешить им писаться Бестужевыми-Рюмиными, чтобы выделиться среди своих однофамильцев.

В росписи, поданной Бестужевыми, выезд их предка датирован 1403 г., грамота, данная его сыну – 1469 г., а деятельность внука Гавриила Беста – Матвея Яковлевича упомянута под 1476–1509 гг. Внук Матвея Яковлевича Андрей Васильевич записан в Тысячной книге 1550 г. по Суздалю. Итак, на 150 лет в росписи упомянуто пять поколений, что само по себе не противоречит генеалогическому счету, но разрыв в 66 лет между датой выезда Гавриила и упоминанием его сына все-таки велик. Это тем более вызывает сомнения, что ни боярин Яков Рюма Бестужев, ни окольничий Матвей Яковлевич нигде в русских источниках не упоминаются[47].

В достоверности легенды Бестужевых А. А. Зимина убеждает грамота, полученная из «гербовой палаты» Лондона. В ней указано, что в Англии есть древняя дворянская фамилия Бестиоров, один из представителей которой – Габрелус Бест около 1403 г. «в странах отдаленных странствовати отошел есть и яко мним в королевство Московское»[48].

В этой справке нет указаний на точное родство Габрелуса Беста с какой-либо английской семьей и описания герба, зато настораживают дата 1403 г., совпадающая с родословной легендой Бестужевых, и упоминание о Московском королевстве, отсутствующее в других документах и не применимое к России начала XV в. В справке нет дополнительных данных к легенде, что позволяет усомниться в ее достоверности. В легенде нет упоминаний о крещении Габрелуса Беста, о его имени на Руси. Не соответствует правилам образования фамилий и форма Бестужевы. От прозвища Бест должна образоваться форма Бестовы; фамилия Бестужевы произошла от прозвища Бестуж. Предположение А. А. Зимина о том, что Бестуж могло быть осмыслением непонятного на Руси прозвища Бест, сомнительно, поскольку английское прозвище по звучанию почти совпадает с хорошо известным русским словом «бес».

В отличие от переводчиков Посольского приказа, которые подбирали новые данные о происхождении фамилий, выписывая их из польских книг, из Англии не было прислано ничего нового о происхождении Бестужевых по сравнению с тем, что записано в их родословии. Но сама идея – запросить сведения о происхождении, воспользовавшись поездкой русских послов в Англию, связана с существующей в XVII в. практикой Посольского приказа получать доказательства о дворянстве иностранцев у представителей посольств из их страны. И Бестужевы принадлежали к тем дворянским семьям России, расцвет карьеры которых падает на XVII в.

---

[47] *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. С. 408–412.

[48] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 156. Л. 5.

Некоторые семьи, не имевшие права подавать официальные росписи, иногда составляли частные родословные сборники, где в официальные документы XVI в. включались сведения об их предках.

Одним из наиболее известных является сборник Супоневых XVII в., куда вошли список родословной книги, разряды, Тысячная книга 1550 г. и другие документы. Сборник неоднократно был предметом исследования[49]. Предки Супоневых (каждый из них имел прозвище Суп) путешествовали по странам Европы вплоть до Испании и породнились с несколькими королевскими домами[50]. Фантастичность самой легенды и фальсификации, сделанные в сборнике Супоневых, подробно проанализированы. Остается отметить, что по форме изложения материала эта легенда близка к некоторым расспросным речам XVII в. (Салтыкова, Лохмановского). Форма легенды не была плодом чистой выдумки Супоневых, они использовали существовавшую в XVII в. практику оформления официальных документов. Очевидно, понимая, что такой рассказ не может быть утвержден Палатой родословных дел, легенду никуда не представили, а роспись включили в специально составленный сборник.

Генеалогические материалы XVII в. показывают, что в 80-е годы XVII в. проявляются новые традиции проверки сведений родовых легенд в родословных росписях[51]. При приписке новых ветвей к княжеским и боярским родам, внесенным в родословные книги еще в XVI в., лица, подававшие роспись (Кропоткины, Татищевы и др.)» записывали в нее непрерывный ряд предков вплоть до лица, уже имевшегося в книге, которого они считали основателем их семьи. Их сведения подтверждали однородцы, которые, кстати, давали согласие на эту приписку. Здесь продолжается традиция, сложившаяся в России в XVI в. Дворянские роды, впервые в XVII в. подавшие росписи, лишь указывали своего предка в польских источниках и не всегда составляли непрерывную поколенную роспись между ним и собой.

Это явление имеет своим истоком делопроизводственную практику Посольского приказа XVII в., связанную с оформлением дел о выезде дворян из стран Европы. Для лиц, приехавших в это время в Москву, требовалось лишь назвать и официально подтвердить свою принадлежность к определенной семье. Этого было достаточно, чтобы определить социальное положение только что обосновавшегося в России рода. И совершенно иным было стремление старых русских дворян-

---

[49] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 33–36; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 72.

[50] *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. С. 412–418.

[51] *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Л., 1981. Вып. 12.

ских семей приписаться к польским гербам, используя для этого традиции переводной литературы.

К сожалению, недостаточно изучен социальный состав лиц, удревнивший свое родословие до XI–XII вв. за счет польских источников, но очевидно, что большинство из них – видные политические деятели второй половины XVII в., происходившие из рядовых дворянских семей, которые в XVI в. не были внесены в родословные книги.

Достоверность родословных легенд нельзя проверять, лишь анализируя содержащиеся в них факты. Не менее важно сопоставить ряд легенд, созданных одновременно. Это позволяет выявить в них записи, относящиеся не столько к истории семьи, сколько к генеалогическим традициям своего времени. В частности, русская генеалогия второй половины XVII в. значительно расширила свои источники за счет польской литературы и переняла из нее новую методику составления росписей, которая не требовала непрерывного ряда предков от родоначальника до его потомка, подавшего роспись. Однако эти новшества совершенно не отразились на росписях, восходящих к XVI в., а лишь были использованы при составлении оригинальных документов XVII в.

Восточные и западные мотивы в памятниках русской генеалогии XVII в.[1*]

Среди источников генеалогии – родословных росписей, семейных преданий – особое место занимают легенды о происхождении отдельных родов, династий, народов. Последние восходят к одному из древнейших фольклорных жанров – этногенетическим преданиям. В феодальных государствах с монархической формой правления большое значение приобрели легенды о происхождении родоначальника династии. По определенным канонам, присущим требованиям культурных традиций разных стран, создавались легенды о происхождении знатнейших родов, окружавших государя и участвовавших в управлении страной[2]. В Западной Европе, где в средние века формировалась рыцарская культура, родоначальник должен был отвечать идеалу рыцаря[3].

В России, где в основе служебных отношений XV–XVII вв. между государем и его двором лежал принцип давности службы членов одной семьи государю, легенда о происхождении должна была отражать эту давность службы конкретной семьи московским великим князьям[4]. В этом случае выезд родоначальника «из Прус», – а именно так начинаются легенды о происхождении старомосковских боярских родов, – был связан с текстом «Сказания о князьях владимирских», официальным родословием русских князей Рюриковичей, составленным в конце XV в. Основателем династии был родственник римского императора Августа Прус; Август дал ему земли на Балтике («и до сего часа зоващеся по имени его Пруская земля»), а потомок Пруса – Рюрик был призван на княжение в Новгород. От Рюрика пошли все русские князья[5].

---

[1] * Россия – Восток – Запад / Редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) и др. М.: Наследие, 1998. С. 155–163.

[2] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 302–312 и след.

[3] *Ossowska M.* Ethos rycerski i jego odmiany. Warszawa, 1986.

[4] *Бычкова М. Е.* Идеи власти и подданства в генеалогической литературе XV–XVI вв. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 5–6, 9.

[5] Там же. С. 4–6.

Местничество было отменено в 1682 г. указом царя Федора Алексеевича; тогда же была создана Палата родословных дел, обязанностью которой стали сбор родословных росписей у московских дворян и создание новых родословных книг. Сохранившийся до наших дней комплекс родословий 80-х гг. XVII в. показывает изменения в общественном сознании русского общества, связанные с осмыслением отношений между государем и подданными, которые произошли в XVII в.[6]

За время опричнины Ивана Грозного и бесконечных войн, которые вело Русское государство с середины XVI в., не только угасали многие древние княжеские и боярские роды. В семьях, издавна входивших в Государев двор, пресеклись старшие ветви и на смену пришли родичи, не имевшие таких же тесных связей с Москвой.

События Смуты конца XVI – начала XVII в., появление на русском престоле новой династии, не связанной своим происхождением с Рюриком, а имевшей родоначальника – выходца «из Прус», привели и к изменениям в составе семей, окружавших нового царя. За три четверти века правления новой династии упрочил свое положение круг семей, связанных родственными узами с государями, но не входившими в древнюю правящую элиту и никогда не составлявших своих официальных родословий. Для таких семей включение росписи рода в официальную родословную книгу было признанием древности и знатности их происхождения и требовало создания соответствующей родословной легенды о происхождении родоначальника.

Именно в конце 70-х – 80-е гг. XVII в. появляется большинство списков родословных книг, где к древним редакциям XVI в. присоединяются новые родословные и подтверждающие их документы (грамоты, выписки из летописей, отрывки местнических дел и др.) Некоторые из таких комплексов дублируют документы, поданные в Палату родословных дел.

Среди родословий, составленных в это время, уникальным является круг документов, связанных с росписью Нарбековых и помещенных в рукописи родословной книги; здесь находится родословная роспись, копии грамот XVI в., рисунок герба Нарбековых и стихотворное произведение («епиграмма») о подвигах родоначальника – Дмитрия Ивановича Чуваша Нарбекова при взятии Казани в 1552 г.[7] Все эти документы взаимосвязаны. Центральное место занимает стихотворное произведение: описанные в нем события подтверждает текст грамоты Ивана Грозного от 21 июня 1551 г. (очевидно, интерполированный), где говорится, что Д. И. Нарбеков отставлен от службы, так как под Каза-

---

[6] *Она же.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги... С. 90–109.

[7] РГАДА. Ф. 181. Д. 385. Подробнее см.: *Бычкова М. Е.* Первый русский дворянский герб // Гербоведъ. М., 1993. № 4. С. 33–42.

нью он ранен (хотя, судя по дате, грамота составлена за год до взятия Казани): «глаз выстрелен и руку у него оторвало из пушки». Описание ран полностью соответствует тексту стихов. Рисунок герба Нарбековых также является иллюстрацией к их тексту: здесь воспроизведены все подвиги, совершенные героем и описанные потомками; кроме того, автор изложил в стихах свое мнение о пользе личных гербов.

Стихотворное произведение о предке Нарбековых – единственное русское поэтическое произведение XVII в. с генеалогическим и геральдическим сюжетом[8]. Автор смог изложить ритмическим текстом легенду о выезде на службу московскому великому князю Василию Васильевичу родоначальника семьи – мурзы Багрима, о полученных им за выезд и крещение земельных владений в «Нижегородских пределах» и на Владимирщине, а также о переезде наследников Багрима в Бежецкий Верх[9].

Кроме того, здесь есть поколенная роспись потомков Д. И. Чувашина Нарбекова. Но центральное место занимает описание подвигов Дмитрия Ивановича, совершенных в битве под Казанью, и специальный раздел, посвященный объяснению геральдической символики герба Нарбековых.

По своей сути – выезд на службу в Москву мурзы Багрима, его крещение, где восприемником был сам великий князь, получение земельных владений и службы потомков московским государям – легенда Нарбековых полностью повторяет другие дворянские легенды. Ее особенность состоит в том, что стихотворная форма позволяет с пафосом описать происхождение родоначальника: «Домовство и род Нарбековых издавна славою и честию слыло / и поколения измаильтеского – из Златые Орды в Российское царство прибыло» ... «Именем Багрим муж честен, он первый во дни оныи в Руси явися. / И самем оным великим князем Васильем святым крещением просветися»[10]. Эта форма отличается от сухой делопроизводственной формулировки других родословных легенд, описывающих выезд предка и его крещение в Москве. С. Б. Веселовский, анализируя сходную легенду о выезде мурзы Чета (родословие Годуновых), полагал, что добавления к первоначальному

---

[8] Опубл.: *Бычкова М. Е.* Первый русский дворянский герб. С. 37–42.

[9] Сначала великий князь «даде ему (Багриму. – *М. Б.*) в Новгородских пределех отчину село Толоконцова з деревнями) и в Володимерских пределах вотчины село Поречье на реки Нерли с угодьями / и иные многие веси»; «чада и наследницы» Багрима многие владения «придаша в помяновение его ко святей Троице / и Сергию преподобному чудотворцу». «Потом же наследницы его бывают в Новгородских пределах иным отчинам иметели / и в Бежецкой пятине многим селам владетели. / Имянуются же тые веси и до днесь прозванием онаго: Гора Чювашева / и села Михайловское и Орехово и Коршакова». Позднее, когда в новгородских землях «от войны и мору» произошло «запустение», Нарбековы об-меняли села на новые. «И вместо тех во других краях себе иных отчин доступают» (Там же. С. 40).

[10] Там же. С. 39–40.

тексту: дата выезда, упоминание о том, что Чета крестил митрополит Петр, сделаны «с целью украсить легенду именами таких высокочтимых лиц, как Петр и Феогност»[11], но не возвысить предка.

А в стихотворном произведении подчеркивается происхождение Нарбековых из знатного мусульманского рода. Такого оттенка русские родословные легенды XVI–XVII вв. не знают. Легенда Нарбековых сопоставима здесь с легендой Сорокоумовых-Глебовых, также восходящей к семейной традиции и помещенной в рукописном сборнике XVI в. Их родоначальником назван князь Редедя, а текст о выезде восходит к летописному рассказу; летописи часто служили источником для родословных легенд[12]. Другая сходная легенда – о происхождении князей Глинских, возводящая их к Чингиз-хану, очевидно, была составлена в Москве в связи с замужеством Елены Васильев-ны Глинской, когда она стала женой великого князя Василия Ивановича[13]. Но в этих и других родословиях о происхождении предков говорится вскользь – «муж честен»; никогда не подчеркивается знатность, «слава и честь» рода (особенно «измаильтеского») до выезда в Москву.

Все эти качества раскрыты в стихотворном произведении при описании эмблем герба Нарбековых. Над гербовым щитом помещен шлем, увенчанный чалмой и короной, что объяснено в тексте: «Навой челмы в бусурманских народех на главах носити обыкоша. / Государьские их домы тако же на завое венец носити изящество прияша. / Из такого суще славнаго дому Усман и Усеин бека Нарбековых порода / ... То являет в роде Нарбековых корона татарска, / яко род Нарбековых издавна княжества и рода сарацынска»[14].

Аналогичную роль в геральдике Нарбековых играет лук и стрела. Правда, в гербе XVII в. этих эмблем нет, о них написано в стихотворном произведении. Но уже в XVIII в. они попали в рисунок, помещенный в «Общем гербовнике дворянских родов». Значение этих эмблем описано так: «Лук и стрела Нарбековых породу знаменует татарску, / яко от Измаила влекому древле агарянску. /Луком и стрелою Измаила Бог обдаряет, / и мужа силы его прославляет». Лук и стрела символизируют распространение мусульманских семей в христианском мире: как стрелы они рассеяны «во всех странах», где их просвещает «благочестие христианства»[15].

Шлем над щитом, на котором помещена чалма, символизирует мужество воина: «Древле и тая бронь рыцерству от века дана / ... В том

---

[11] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 162–163.

[12] *Лихачев Н. П.* Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897.

[13] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки ОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 120–121.

[14] *Она же.* Первый русский дворянский герб. С. 40.

[15] Там же. С. 41.

знаменует на врага одоление и крепость / и к царем и государем российским во всем покорение и верность». «Тыя признаки яко клейноты на персях носят, / и тыми межу разумными ся возносят»[16].

Описанию подвигов мужественного воина при взятии Казани посвящена основная часть произведения. «Вооружен воин благоверен варварина побеждает / и копием его явно, яко змия, на землю низлагает», – такими словами автор говорит о Дмитрии Чуваше. Однако, в этот момент схватки «неприятельское оружие его самого зелне уязвило»: одновременно воин был ранен сзади копьем и в глаз стрелой: «в око его сопротив стрелою уранил». Но «храбрый муж, непобедим пребывая», старался вытащить стрелу рукой из глаза, и в этот момент «приемлет сугубо тяжкую смертельную рану: / видит и тую руку у себе ис пушки оторвану». Пушка выстрелила с крепостной стены Казани и оторвала воину руку, «яко ветвь от древа жестоце отрывают»[17].

Раненого воина, рассказав о его подвигах царю Ивану, «с победы в станы провождают», и врач начинает лечить его раны, боясь, «аще стрела будет из главы изъята, / абие жизнь и дыхание у него будет отъята», врач решил стрелу со стороны лица «приломити», а сзади «оной железо в конце притупити»[18].

Больного воина родственники уложили в лагере («в станех») на специаль-ную лежанку («одрец»), под которой, чтобы он не замерз («тогда в станех теплого крова не имяше»), «некто от приятель его, о нем попечение имяше», устроил «мал огнец». Но когда ночью осажденные татары «безвестне» напали на русский обоз, «сродницы же онаго храбраго и сверсницы» ушли сражаться, а покинутый герой «со одром оным во огнь безсилне упадает» и не может сам подняться. «Паки сугубо болезни себе прибавляет: / стрелою же ранено око, / и раны згорелаго бока, / с отъятою рукою / вопиет к Богу собою»[19].

Однако Дмитрий Чуваш поправился: «И по толицех ранах тяшких Бог вышний его уздравляет, / и от оного смертного одра и от ран соде-тель возставляет». Герой вернулся в свои владения, где прожил еще 19 лет и родил четвертого сына, назвав его Иваном. «Той же муж храбрый по тяшких ранах жив 19 годин / и всех дней живота его осемьдесят и

[16] Там же. С. 37–38.

[17] Там же. С. 38. Сходный текст есть в росписи Челищевых, составленной одновременно с материалами Нарбековых. По легенде, предок Челищевых Михаил Бренко был «убит на Мамаеве побоище из пушки в чело под ево великого князя Дмитрия Ивановича Донскова знаменем». За этот подвиг Федор Михайлович, сын соратника великого князя, получил прозвище Чело. См.: *Бычкова М. Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 20–21.

[18] *Бычкова М. Е.* Первый русский дворянский герб. С. 38.

[19] Там же. В «Казанской истории» также говорится о приближающейся зиме: «Видим, господине царю, яко уже лето преходит, и осень и зима приближаются», – говорят бояре. См.: Казанская история. М.; Л., 1954. С. 137.

один»[20]. Эта хронологическая деталь делает повествование более личностным, снимая эпический тон.

Участие во взятии Казани в 1552 г. рассматривалось в самых разных произведениях XVI–XVII вв. как ратный подвиг. Особенно героизировалось сражение в «Казанской истории» – повести, составленной в 60–е гг. XVI в. По отношению к этому литературному памятнику стихотворное произведение Нарбековых является совершенно самостоятельным: в «Казанской истории» имя Дмитрия Нарбекова не упоминается, более того, в ней нет описания аналогичных подвигов, которые были бы связаны с именами других воинов. Однако весьма отдаленные общие мотивы в обоих произведениях есть; можно допустить, что автор стихотворного произведения был знаком с «Казанской историей», кстати, очень распространенной в XVII в.: сейчас описано около 250 рукописей, содержащих ее текст[21].

В «Казанской истории» несколько раз подчеркивается, что осажденные вели интенсивный огонь с городских стен: «и бияхуся из града ис пушек своих и ис пищалей и из луков стреляху». Дмитрий Чуваш был ранен выстрелами из лука и из пушки, сделанными с городской стены.

Особое место в «Казанской истории» уделено подвигам князя Семена Никулинского; во время штурма «в Муралиевых Вратех язвиша казанцы храбраго воеводу князя Семиона Никулинского ранами многими, но не смертельными; и по малех днех исцелиша его врачеве, здрава сотвориша... Брата же его, Дмитрия ис пушки со стены убиша»[22].

В стихотворном произведении можно заметить сходные описания. Дмитрия Нарбекова оружие казанцев «его самого зелне уязвило», «и другой в око его сопротив стрелою уранил, / яко змий жалом его люте уязвил». «Вречеве же его раны разумев быти смертны», все же «врачевание сотвориша»[23]. Возможно, и эти и некоторые другие описания взятия Казани и стали импульсом для авторов стихотворного произведения. Но если подобные мотивы и вдохновили автора XVII в., то содержание и композиция его «епиграммы» совершенно оригинальны; скорее всего в основе этого текста лежат семейные предания об участии предка в походе на Казань.

Из других генеалогических произведений стихотворную «епиграмму» Нарбековых выделяет смешение «восточного» и «западного» мотивов. Героизация предков, особенно родоначальника – основная черта родословных легенд не только в России. В русских произведениях она

[20] *Бычкова М. Е.* Первый русский дворянский герб. С. 39. В награду за подвиги Дмитрия Чуваша «вышний творец» «чадородием его на старость обдаряет»: «к трем перворож-денным четвертого по летех мнозех сына ражает, / Иваном его любезне называет» (Там же).

[21] Казанская история. С. 11–15 и сл.

[22] Там же. С. 152.

[23] *Бычкова М. Е.* Первый русский дворянский герб. С. 38.

проявляется с момента их создания в различных формах: родоначальниками боярских семей называются герои Невской и Куликовской битвы, чьи подвиги описаны в летописях и Задонщине. Нащокины переработали летописный рассказ о набеге татарского баскака Щелкана на Тверь, включив в него имя своего предка[24]. Но во всех этих легендах действует русский воин, который служит великому князю. Героическое прошлое предков до их выезда на Русь остается за гранью повествования.

Автор стихотворного произведения гордится «восточным» происхождением: «Тым домовством и породою себе Нарбековых род познавают, / и поистине не в ложь ся ими прославляют. / Род Нарбековых поколенья златоордынских владелец Усманский влекомый». Знаменательно не только прославление «золотоордынских» предков, но и то, что эти строки помещены при описании эмблем герба Нарбековых. Дворянские гербы – характерная черта европейской рыцарской культуры, отсутствовали в средневековой России. Только в 80-е гг. XVII в. при подаче росписей в Палату родословных дел некоторые семьи указали, что имеют права на дворянские гербы (польские, шведские). Нарбековы сами составили свой герб и в стихотворном произведении объяснили его эмблемы; при этом автор проявил хорошее знание европейской геральдики.

Кроме уже приводимых текстов о значении чалмы и лука как геральдических символов, автор объясняет, что обозначает шлем над гербовым щитом: «Шлем в середине зброи являет, яко он храбрых муж издавна, / древле и тая бронь рыцерству от века дана». Автор знает, что в России не было дворянских гербов: «Аще в Росии обычая в том не имеют, / понеже дерзнути на то не смеют. / И инии в том от неведения не благоволяют». Однако автор считает, что герб, который присваивается как знак доблести и мужества, известный во многих европейских странах, нужно ввести и в России: «Аще бы то таинство поразумели, / что в том содержит, мнози бы с радостию то имели»[25]. Кончается стихотворное произведение прославлением дворянского герба:

Немецкие и полские и западных стран народи
Тое вси купно имеют во своей породе.
И тацами ся знаки знаменуют,
Во окрестных странах познавают.
Тому ж подобно во время рати дают гасло,
Дабы страшно неприятелем и супостатам ясно[26].

---

[24] *Она же*. Родословные книги XV–XVI вв. как исторически источник. М., 1975. С. 142–143.

[25] *Она же*. Первый русский дворянский герб. С. 41.

[26] Там же. С. 42.

Все эти стихи являются описанием герба Нарбековых, помещенного в рукописи родословной книги. Рисунок герба сделан по правилам европейской геральдики, кроме самого изображения на щите. Здесь изображена картинка, иллюстрирующая подвиги Дмитрия Нарбекова, совершенные при взятии Казани.

Текст, объясняющий значение геральдических эмблем, скорее всего взят из какого-то польского справочника. Известно, что в XVII в. в Посольском приказе была большая библиотека современной европейской литературы и шла активная работа по переводу самых различных произведений, в том числе и генеалогических[27]. О том, что автор мог иметь перед собой польский оригинал, говорит и значительное число полонизмов именно в тех строках, где говорится о значении герба: «зброя», «клейноты», «тацами» (такими), «гасло» и др.

Стихотворное произведение анонимно; помня о том, что оно помещено в рукописи родословной книги и окружено комплексом документов Нарбековых, можно предположить, что автором был кто-то из членов этой семьи. На это есть намек в тексте одной строки: после описания подвигов Дмитрия Чуваша сказано: «Нам же, из него роженным наследником его, живым сущим во здравии...»

Однородцами Нарбековых были Державины; заманчиво предположить, что поэтический дар и стремление излагать стихами подвиги предков издавна принадлежали этому роду.

[27] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // СС. 1981. № 5. С. 42-44. См. также настоящий сборник статей.

Генеалогия в «Истории о великом князе московском»[1*]

Представление о том, что генеалогические знания были необходимы феодалу в повседневной жизни для установления степени родства с различными лицами, для продвижения по службе, для занятия той или иной должности, наконец, при местнических спорах, стало само собой разумеющимся. В то же время мы располагаем единичными источниками, в которых эти сведения могли отразиться. Как правило, в нашем распоряжении находятся делопроизводственные документы – родословные книги и росписи, местнические дела и др., отражающие официальное представление о родстве лиц, и в которых индивидуальные или семейные записи изъяты при обработке документов в учреждении.

Одним из немногих исключений является «История о великом князе московском» Андрея Михайловича Курбского[2]. Генеалогические записи Курбского – сведения о происхождении той или иной семьи, о родственных связях между отдельными семьями и лицами, упоминания родословных легенд – немногочисленны и отрывочны. Это понятно – он не писал специального генеалогического исследования. В упоминаниях автора скорее надо видеть те знания, которыми он привык оперировать, которые были необходимы ему в служебной деятельности. Поэтому именно такие сведения могут раскрыть для нас, какие знания по генеалогии были необходимы в XVI в., что было источником этих знаний; кроме того, эти записи позволяют еще раз заглянуть в духовный мир русского феодала.

Естественно, Курбский лучше всего знал родословие ярославских князей, к которым он сам принадлежал. Если в «Истории» упоминается деятель из этого рода, Курбский всегда отмечал его происхождение. К роду ярославских князей он относит Кубенских, Курбских, Аленкиных,

---

[1] * Древняя Русь и славяне: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 221–225.

[2] *Курбский А. М.* История о великом князе московском // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31. С. 161–354.

Львовых, Прозоровых, Ушатых, Шаховских[3], он специально оговаривает происхождение Аленкиных и Львовых от ярославского князя Федора Романовича[4]. Курбский неоднократно подчеркивает, что ярославские князья ведут начало от смоленских, а через них – от Владимира Мономаха[5]. Такое же происхождение ярославских князей – от смоленских, а через них от киевских – было закреплено всеми редакциями родословных книг, начиная с 40-х годов XVI в.[6]

Кроме ярославских, Курбский указывает происхождение и других княжеских фамилий, но здесь он иногда путает родоначальников. Он пишет: «Княжата суздальские влекомы от роду великого Владимира, и была на них власть старшая Руская между всеми княжаты, более дву сот лет... от него же (Андрея Ярославича. – *М. Б.)*, памятались, и великие княжата тверские изыдоша, яко лутче о сем знаменует в летописной книге русской»[7]. Но по родословным книгам XVI в. великие князья Твери ведут родословие от брата Андрея Ярославича – Ярослава Ярославича.

Курбский пишет о происхождении князей Оболенских, Воротынских и Одоевских от Михаила Черниговского[8], но нигде не указывает их непосредственного родства, а подчеркивает лишь родство Оболенских и Торусских князей[9], а также Воротынских и Одоевских[10].

Далее Курбский знает, что князья Овчинины, Серебряные, Курлятевы – это ветви Оболенских князей, Дорогобужские и Микулинские – Тверских великих князей, Тулуповы – Стародубских, Горбатые – Суздальских князей[11]. Из всех названных в «Истории» князей не указано лишь родство Михаила Репнина[12] и фактически Семена Ряполовского[13].

---

[3] Там же. Стб. 163, 164, 167, 283–285, 307.

[4] Там же. Стб. 283, 307.

[5] «Княжа ярославские, влекомые от роду княжати смоленского, святаго Федора Ростиславича, внука великого Владимера Мономаха.» *(Курбский А. М.* История о великом князе московском. Стб. 283). О тенденциозности подбора сведений о ярославских князьях говорит запись воевод, участвовавших во взятии Казани: «Пронский Юрей и княжа Федор Львов, с роду княжат ярославских» (Там же. Стб. 181). Курбский не указывает, что Пронские, игравшие в середине XVI в. более значительную роль, чем Львовы, происходят от великих князей рязанских, хотя прекрасно это знает (Ср.: Стб. 285).

[6] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 80, 151–153.

[7] *Курбский А. М.* История о великом князе московском. Стб. 281.

[8] Оболенские «по роду влекомы от великого Владимира, от пленицы великого князя Михаила Черниговского, яже убиен от безбожнаго Батыя» (Там же. Стб. 281). «Бо и те княжата Воротынские и Одоевские от роду мученика князя Михаила Черниговского, закланного от внешнего врага церковнаго, Батыя безбожнаго» (Там же. Стб. 290).

[9] Там же. Стб. 168.

[10] «Михаил Воротынский и Микита, княжа Одоевский, сродный его» (Там же. Стб. 286). Впервые эти фамилии были записаны в одной главе как потомки Михаила Черниговского в Государеве родословце 1555 г. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги. С. 39, 61–62.

[11] *Курбский А. М.* История о великом князе московском. Стб. 294, 189, 280, 281, 319.

[12] Там же. Стб. 278.

[13] «Князя Симеона же, глаголемаго Ряполовского, мужа зело пресильнаго и разумнаго,

Большое внимание уделяет Курбский генеалогии потомков литовских князей, выехавших на службу в Москву, и здесь достаточно ярко проявляется тенденциозность его «Истории». Курбский подчеркивает, что родство с литовскими князьями возвеличивает русские княжеские и боярские фамилии. Самих литовских князей, перешедших на русскую службу, Курбский выводит непосредственно от короля Ягайло или Патрикея, причем, когда речь идет об опричных казнях, генеалогические справки Курбского звучат так, будто убиты ближайшие родственники польских королей. «Убиша мужа пресильнаго, зело храброго стратига и великородного, иже был с роду княжат литовских, единоколенен королеви польскому Ягаилу, имянем князь Иван Бельский»[14]. «Михаил Морозов, с сыном Иоанном... и со женою его Евдокиею, яже была дщерь князя Дмитрея Бельскаго, ближнего сродника Ягайла короля»[15].

Близкое родство с Ягайло в этих записях явно натянуто; Бельские действительно ведут свой род от той же ветви князей литовских, что и Ягайло, но ко второй половине XVI в. их родство стало отдаленным. Знает Курбский и происхождение Васьяна Патрикеева со стороны отца от литовских князей, а по материнской линии от московских великих князей[16]. Возможно, что на эти генеалогические записи повлияло положение Курбского, находившегося на службе в Литве в момент написания «Истории».

Значительные расхождения у Курбского с родословными и другими официальными документами в изложении легенд о происхождении боярских родов. Он называет, так же как и родословцы, выехавшим «из Немец» (у Курбского – «княжат Решских») Воронцовых, Морозовых, Колычевых и Шереметевых. Но в изложении самих легенд у Курбского видны противоречия записям родословных. Про Колычевых и Шереметевых он сообщает: «Бо прародитель их муж светлый и знаменитый, от Немецкие земли выехал, ему же имя было Михаил; глаголют его быти от роду княжат Решских»[17], тогда как родословцы называют их родоначальником выехавшего «из Немец» Андрея Кобылу.

От Михаила вели свой род Морозовы, про которых Курбский сообщает еще более фантастические сведения: «Яже еще вышли из Немец, вкупе с Рюриком, прародителем русских княжат, седмь мужей храбрых и благородных. Тои-то был Мисса Морозов един из них»[18]. Родословная легенда Морозовых XVI в. говорит о шести мужах храбрых, сра-

---

влекомаго от роду великого Владимера» (Там же. Стб. 272).

[14] Там же. Стб. 166–167.

[15] Там же. Стб. 309.

[16] Там же. Стб. 163.

[17] Там же. Стб. 299.

[18] Там же. Стб. 289.

жавшихся с Александром Ярославичем в Невской битве, среди которых был и родоначальник Морозовых – Миша.

В интерпретации Курбским этой родословной легенды хочется отметить один момент: идея о выезде родоначальников знати вместе с родоначальником княжеской династии еще в XV в. проводилась в великокняжеских родословных легендах, созданных в Литве. В русской генеалогии XVI в. она отсутствовала. Поэтому появление таких записей в «Истории» можно объяснить не только тем, что у Курбского не было нужных материалов, что он мог забыть какие-то детали генеалогии далеких ему семей, но и тем, что эта интерпретация делала его произведение более понятным для читателей в Литве и Польше.

В то же время Курбский знает происхождение Ховриных и Тютиных от «грецкаго роду», как и записано во всех родословцах[19], знает, что Хабаровы происходят из старомосковского рода Добрынских («роду старожитного, яже нарицались Добрынские»)[20], а Сидоровы перешли на службу в Москву из Рязани («от роду великих сингклитов резанских»)[21]. Он пишет о происхождении дьяков Цыплятевых от Белозерских князей, что соответствует легенде этого рода, бытовавшей уже в середине века[22].

Курбский знает, что Пушкины и Челяднины происходят из одного рода, хотя в его время это уже были разные фамилии, но ничего не говорит об их родоначальнике[23]. А родоначальника Квашниных – «Ивана Родионовича, нареченного Квашни», он называет и знает, что Разладины также ведут начало от этого рода[24]. В середине XVI в. родословная легенда Квашниных была популярна, она попала не только в родословные книги, но и в летописи, причем большое место в ней отводилось деятельности Родиона Нестеровича при московском великокняжеском дворе[25].

В то же время у Курбского отсутствуют сведения о происхождении тех дворянских родов, чьи родословные легенды в середине XVI в. не были зафиксированы. Курбский не знал о легенде Полевых, выводящей их род от смоленских князей, и говорит о Германе Полеве: «светла рода человек, яже Полевы нарицаются та шляхта по отчине»[26].

---

[19] Там же. Стб. 281, 297.

[20] Там же. Стб. 297. Легенда Добрынских и подробное родословие семей этого рода было оформлено в 40-е годы XVI в. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги. С. 21, 30–32.

[21] *Курбский А. М.* История о великом князе московском. Стб. 305.

[22] «Муж Цыплетев, нареченный Неудача, с роду княжат Белозерских» (Там же. Стб. 319). См.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 24–32.

[23] *Курбский А. М.* История о великом князе московском. Стб. 302.

[24] Там же. Стб. 301–302.

[25] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 263–265.

[26] *Курбский А. М.* История о великом князе московском. Стб. 318. Полевы подали роспись, выводящую их от смоленских великих князей, в 1649 г., в родословных книгах XVI в. их происхождение не указано.

Часто называя Алексея Адашева, Курбский нигде не говорит о его происхождении, хотя даже при неоднократном упоминании какого-либо представителя княжеской фамилии он всегда свидетельствует, из какого рода происходит этот человек. Курбский хорошо знает биографию Адашева и то, что он был женат на сестре Федора Сатина, знает Алексея и Андрея Сатиных и то, что его брат Данило Адашев женат на дочери Петра Турова и что сыну Данила – Торху, когда он был убит опричниками, исполнилось 12 лет. Знает Курбский и то, что Иван Шишкин, погибший в опричнину, был родственником Адашева[27]. Все это – знания современника, не занесенные в родословные книги, но в родословных не записано происхождение Адашевых, нет росписей Шишкиных и Туровых. Игнатия Вешнякова, чей род не попал в родословцы, Курбский определяет как ложничего, «мужа воистину храброго и нарочитого»[28].

Курбский различает происхождение из княжеского рода и фамилию, образовавшуюся из прозвища в конце XV–XVI в. Текстологически это различие определяется словом «глаголемый», которое он пишет перед прозвищем. «Княжа Пронское Василии, глаголемаго Рыбина»[29], «Петр Оболенский, глаголемый Серебреный»[30], «Федор, единочадный сын князя Иоанна, глаголемаго Овчины, с роду княжат Торуских и Оболенских»[31]. Но если Курбский упоминает фамилию, сложившуюся к XVI в. и происходящую чаще всего от названия вотчины, он указывает лишь род, к которому она принадлежит («Иоанн Дорогобужский, с роду великих княжат тверских», Иван Кубенский, «а был роду княжат смоленских и ярославских»[32] и т. п.). Особенно ярко это видно из упоминания все тех же ярославских княжат.

Таков небольшой, но довольно яркий круг генеалогических записей Андрея Курбского. Они дают представление о генеалогических знаниях русского боярства XVI в. О хорошей генеалогической подготовке Курбского свидетельствует то, что все эти записи, очевидно, делались в Литве по памяти. Трудно предположить, что при столь поспешном бегстве Курбский вывез с собой какие-то специальные материалы. Круг его знаний ограничивается теми сведениями, которые мы находим в редакциях родословных книг 40-х годов XVI в. и в летописных родословных вставках, также восходящих к первой половине XVI в.[33]

Наиболее близки к родословным росписям XVI в. записи по истории княжеских семей. В то же время какие-то известия Курбского не

[27] Там же. Стб. 278.
[28] Там же. Стб. 237.
[29] Там же. Стб. 285.
[30] Там же. Стб. 280.
[31] Там же. Стб. 167-168.
[32] Там же. Стб. 167.
[33] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 355–357.

имеют аналогий в русских родословных памятниках того времени, а близки скорее к литовским. Фактически расхождения у Курбского с родословными легендами московского боярства можно объяснить и тем, что у него не было в Литве необходимого материала, и тем, что в то время этим легендам не придавали большого значения. Это может быть подтверждено также отсутствием известий о родоначальниках Адашевых, Вешнякова, Шишкина и других лиц. Известия о происхождении родоначальника иногда интерпретируется в духе представлений, более близких генеалогическим понятиям Литвы, а иногда (как в сведениях о родстве с великими князьями литовскими) преувеличены, чтобы еще более оттенить неблаговидность поступков Ивана Грозного.

Мотивы «Сказания о князьях владимирских» в официальных документах середины XVI в.[1*]

40-е гг. XVI в. в России стали временем активной работы над формулировкой идеи государственной власти. Уже в 50-е гг. эта работа воплотилась в ряде официальных документов – Судебнике, Стоглаве, Государеве родословце и др. Чин венчания на царство Ивана (1547 г.) не только стоит в этом ряду, но и стал основой для многих более поздних произведений. В Чине венчания определяется круг основных регалий власти, ритуал их возложения на правителя, что в совокупности должно было свидетельствовать о сакральности наследственной власти московских великих князей и месте России среди других государств Европы.

Надо отметить, что такая идеологическая работа, объясняющая прерогативы великокняжеской власти, предпринималась не впервые: в конце XV в. также разрабатывался обряд возведения на престол наследника Ивана III – Дмитрия Внука (1498 г.); появился первый Судебник 1497 г.; с 70-х гг. XV в.[2] постепенно формулировалась мысль о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа и посылке регалий власти русским князьям от императора Константина[3]. Повесть, где были объединены оба этих сюжета, в сборнике 40-х гг. XVI в. предшествует тексту Чина поставления Дмитрия Внука.

Ряд произведений несомненно связан с разработкой Чина венчания на царство Ивана IV. Прежде всего, это самостоятельный рассказ о посылке русским князьям регалий власти от императора Константина, который кроме рукописей помещен в виде текстов и резных картин на Царском месте из Успенского собора Московского Кремля. Эти тексты

[1] * Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. Д. С. Менделеева; РАН, Ин-т мировой лит.; О-во исслед. Древней Руси. М.: Знак, 2005. Сб. 12. С. 660–674.

[2] *Бычкова М. Е.* Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: воплощение идеи вла-сти государя // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. V. XXXIV. P. 245–255.

[3] Подробнее: *Бычкова М. Е.* «Дары императора Константина»: из истории русских регалий власти // У источника. М., 1997. С. 282–308.

восходят к Чудовской повести конца XV в. и Сказанию о князьях владимирских.

Трудность изучения текстов этих памятников состоит и в том, что самый ранний список (Чудовский, содержащий Чудовскую повесть), относится к 40-м гг. XVI в., а старший список другой редакции этого произведения – к 60-м гг. XVI в. Можно допустить, что при копировании текстов происходило непосредственное взаимовлияние рукописей, содержащих разные редакции. Кроме того, к 1547 г. была сформулирована официальная идея о происхождении регалий царской власти – посылке даров от императора Константина русским князьям – вошедшая в текст Чина венчания Ивана IV; эту работу можно отнести к 1545–1546 гг. Поскольку все тексты исследуемых памятников содержат рассказ о посылке императором Константином Мономахом даров, регалий власти, официальная версия 1547 г. должна была оказать на него влияние.

В настоящей работе исследуется текст рассказа о посылке даров от императора Константина по четырем произведениям конца XV–XVI в.: Чудовская повесть (конец XV в.), Поставление к Чину венчания на царство (1547 г.), тексты царского места из Успенского собора (1547–1551 гг.) и Сказание о князьях владимирских.

Упомянутые четыре памятника в XVI–XVII вв. жили самостоятельной жизнью. История создания различных редакций Сказания о князьях владимирских и взаимосвязь практически почти всех сохранившихся списков основательно изучены Р. П. Дмитриевой[4], следует лишь отметить, что в 1555 г. Сказание о князьях владимирских стало главой о происхождении Рюриковичей в Государеве родословце и в составе этой редакции родословных книг существовала неизменной до конца XVII в.[5]

Рассказ о передаче регалий власти Константином Мономахом князю Владимиру Мономаху, как самостоятельное произведение, сохранился в списках XVII в. Однако то, что они находятся сегодня в искусственных коллекциях XIX в., лишает возможности проследить их историю, а лишь указывает на интерес к этому памятнику в более позднее время.

Еще в рецензии на книгу Дмитриевой А. А. Зимин показал, что одна из редакций Сказания, которую автор назвал Чудовской повестью, является древнейшей и составлена в конце XV в. в связи с венчанием на княжение Дмитрия Внука. Р. П. Дмитриева, имея текст Чудовской повести в двух списках – 40-х гг. XVI в. и XVIII в., естественно, опубликовала ее по ранней рукописи. Однако А. А. Зимин[6] уже назвал третий

[4] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

[5] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 32–52.

[6] *Зимин А. А.* Рец. на кн.: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских // СА. 1956. № 3. С. 236–237. В настоящей работе автор использует названия рукописей, данные им Р. П. Дмитриевой – Чудовский, Румянцевский и А. А. Зиминым: Чудовская повесть, Волоколамский список.

список повести в рукописи 60-х гг. XVI в. Сопоставление всех текстов трех списков показывает, что редакция, представленная в рукописи XVIII в., является древнейшей и совпадает с рукописью 60-х гг. XVI в., протограф которой был составлен до 1499 г. Тезис А. А. Зимина о том, что ранняя редакция Сказания могла появиться в конце XV в., в свое время поддержали Л. В. Черепнин и Я. С. Лурье[7].

Наименее изученными остались тексты, вырезанные на Царском месте. Вообще история создания и символика этого памятника изучались недостаточно. В начале XX в. ему посвятил большое исследование В. Н. Щепкин[8], который подробно проанализировал памятник, дал его детальное описание, в том числе из более поздних документов, привел тексты летописных сводов XVI в., где есть упоминания о Царском месте. И.Е. Забелин[9] в своей работе привел тексты из сборника 60-х гг. XVI в., где имеются надписи, вырезанные на Царском месте, которые еще в середине XIX в. он нашел в рукописи XVI в. из Публичной библиотеки в С.-Петербурге. Заметка об этой находке была напечатана в журнале «Москвитянин» (перепечатана в 1907 г.).

К символике Царского места позднее обратился Г. Н. Бочаров. Приведя точную дату из Пискаревского летописца о «устроении» Царского места 1 сентября 1551 г. (очевидно, тогда оно было поставлено в Успенском соборе), автор допускает, что в этой записи может быть заключено известие о замене более раннего трона, поставленного к 1547 г., который «мог спустя четыре года обгореть, повредиться или перестать удовлетворять новым требованиям, связанным со всемерным возвеличиванием государя вся Руси»[10]. Как полагает Бочаров, требования, служащие подтверждению идеи «о преемственности власти русскими самодержавцами от византийских императоров», были подчеркнуты тематикой рельефов на пластинах, вырезанных на стенках трона, надписями на пластинах и формами самого памятника. Нижняя часть трона, где помещены эти пластины, «восходит к традиции восточных тронов» и созвучна библейскому описанию престола царя Соломона, «которое было хорошо известно на Руси»[11]. Исследование Царского места, проведенное И. М. Соколовой, и публикация текстов, помещенных на нем, дают возможность дальнейшего изучения этого памятника[12].

---

[7] См. подроб.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 150–158.

[8] *Щепкин В. Н.* Художественное значение трона // Антология научных трудов Государственного исторического музея. М., 2002. Ч. 1. С. 14–19.

[9] *Забелин И. Е.* Трон или царское место Грозного в Московском Успенском соборе // Там же. С. 11–14.

[10] *Бочаров Г. Н.* Царское место Ивана Грозного в московском Успенском соборе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 42–43.

[11] Там же. С. 43.

[12] *Соколова И. М.* Мономахов трон. М., 2001.

Коронационный обряд в XVI в. приобрел особое значение. Традиционность этого обряда, в котором веками повторялись одни и те же слова и жесты, который проводился в одном и том же соборе, имела особый смысл при поддержании стабильности королевской власти и придавала легитимность коронующемуся лицу[13]. Представление о сакральности королевской власти, способности правителя к надприродному общению с Богом, развившееся с введением обряда миропомазания католических королей (в некоторых странах даже термин «onkcion» был синонимом слова «коронация»), привело к теории о бессмертии королевской власти несмотря на смертность самих ее носителей – королей. В результате сложилось твердое представление об особом значении коронационных регалий власти, которые возлагались на правителя один раз – в момент возведения на престол. Остальное время они, как символ государства, гарантия его существования, хранились отдельно в королевской казне или в соборе, где совершалась коронация, а доступ к ним был у ограниченного числа лиц. Уничтожение таких регалий свидетельствовало об уничтожении государства как такового. Регалии охотно увозились «в плен» победителями, что, очевидно, свидетельствовало об утрате независимости или присоединении новых территорий.

Во многих христианских странах к XVI в. сложились легенды о происхождении коронационных регалий, их чудесном обретении или даровании высшими силами. Такой была легенда об обретении императором Константином святого животворящего креста; этот крест как символ власти присутствовал среди регалий у правителей южных славян. Легенда о чудесном обретении существовала и у короны св. Стефана, которой короновались венгерские короли. Такие легенды в более позднее время трансформировались в концепцию короны, олицетворявшей само государство (Корона Польская – его официальное название), которая как символ этого государства чеканилась на монетах (крона).

Определенные черты, связанные с особым отношением к коронационным царским регалиям, были и в Русском государстве конца XV–XVII в. Еще в конце XV в. была создана легенда о передаче регалий власти «даров Мономаха» императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру, что уже свидетельствовало о высоком государственном уровне этих регалий. Тогда же – в 1498 г. – был составлен Чин поставления для наследника престола – Дмитрия Ивановича, внука правившего в то время великого князя Ивана III Васильевича. Чин имел в основе описание обряда коронации византийских императоров и с небольшими изменениями, в основном связанными с появлением новых регалий, просуществовал до 1682 г. – коронации царе-вичей

[13] *Gieysztor A.* Spektakl i liturgia. Polska koronacja królewska // Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wrocław, 1978; *Бычкова М. Е.* Московские самодержцы. М., 1995.

Ивана и Петра Алексеевичей. Наиболее существенным было введение обряда миропомазания, впервые состоявшегося при возведении на престол царя Ивана IV Васильевича. Принципиальное отличие этого обряда от католической коронации состояло в том, что европейские короли сначала проходили миропомазание и им, уже обретшим сакральность, вручали регалии власти, а в России, наоборот, сначала наследнику вручали регалии власти, и уже законный правитель приобретал сакральность, пройдя обряд миропомазания.

Особое значение в России получила и корона («венец от камене честне»), возлагавшаяся на наследника в момент возведения на престол; именно она была прислана по легенде из Константинополя и получила позднее название «шапка Мономаха».

Большую символику имеет и Царское место (Мономахов трон), поставленное в Успенском соборе Московского Кремля, как полагают исследователи в связи с возведением на престол Ивана Грозного в середине XVI в. В последние десятилетия оно изучалось преимущественно как памятник деревянного искусства. Впервые упоминание об особом Царском месте, на которое митрополит приводит царя («приим его за десную и поставляет его на царском месте») после возложения на него венца, появляется в Чине венчания на царство Ивана IV[14]. Несомненно, при составлении этого Чина использовался более ранний документ 1498 г.: в обоих текстах совпадает не только описание ритуала, проводимого в Успенском соборе, оформления внутреннего храмового пространства, но и основные положения текстов, произносимых великим князем и митрополитом во время коронации. Правда, Чин поставления на великое княжество Дмитрия Ивановича касается только ритуала, то есть описывает, как оформляется Успенский собор, проводится возложение регалий на наследника и как после этого он посещает кремлевские соборы[15].

При оформлении Успенского собора посередине церкви в 1498 г. устанавливается «место большое, на чем святителей ставят», а на этом месте готовятся три стула для великого князя, его внука и митрополита. Посредине церкви ставится налой, «а на нем положити шапка да бармы, да покрыти ширинкою». Стулья для великого князя и его внука покрыты «белыми аксамиты со златом». Возложение регалий на Дмитрия Внука проходило на этом «большом месте», причем великий князь и митрополит садились на стулья, «а внуку стати пред ними у места на вышней степени, не въсходя на место»[16]. Регалии – бармы и шапку – Иван III сам возлагал на Дмитрия. Лишь после возложения регалий с разрешения Ивана III Дмитрий мог сесть на приготовленный для него стул.

---

[14] ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 77.
[15] Там же. С. 34–38.
[16] Там же. С. 36–37.

При венчании на царство Ивана IV посреди Успенского собора ставили царский чертог – «великое место, на нем же и святители ставят». Чертожное великое место покрывают красной тканью. Так же выстилается дорожка до царских дверей алтаря, около царских дверей возводится «налой с паволокою... велми украшен», на котором «стояти животворящему кресту и царскому сану, святым бармам и венцу». Кроме этого чертожного места, расположенного посередине церкви, «уготовают царьское место на десней стране, и от того царьскаго места постилают червчат постав и до царьских дверей», затем еще на постав настилают «червчатые камки на прохожение царского пути». Эти места и «путь» берегут чиновники «того чертога и царьского места». О таком Царском месте нет упоминаний в документе 1498 г. Во время коронации действие происходит в трех местах: в чертоге на Ивана возлагают регалии власти – крест, бармы и царский венец, а после возложения венца митрополит берет царя «за десную руку и поставляет его на царьском его месте». Затем митрополиту приносят скипетр, который стоял, прислоненный к налою с регалиями, и он вручает скипетр Ивану со словами: «О боговенчанный царь, князь великий Иван Васильевич! Прийми от Бога вданное ти скипетро правити хоругви великого царства Рускаго, и блюди и храни его, елика твоя сила»[17]. Миропомазание происходит перед царскими дверями алтаря.

Для дальнейшего анализа следует выделить два момента: состав регалий власти, возлагавшихся на Дмитрия и Ивана, и упоминание о Царском месте на правой стороне храма. На Дмитрия возлагались две регалии: бармы и шапка. Упоминания о золотой шапке и бармах присутствуют в завещаниях московских князей, начиная с первой сохранившейся до наших дней духовной Ивана Калиты. Сначала они входят в состав одежды великого князя, но постепенно к XV в. передвигаются в состав регалий[18]. Причем бармы достаются в наследство младшим сыновьям и переходят в удельную казну, а из нее позднее возвращаются в Москву. Следует отметить, что нигде в тексте Чина поставления 1498 г. нет упоминания о дарах императора Константина, его имя не связано с великокняжескими регалиями.

В рукописи XVI в. Чину венчания Ивана IV предшествует текст Поставления великих князей русских, «откуду бе и како почаша статися на великое княжество». Это рассказ о посылке регалий власти от византийского императора Константина, аналогичный фрагменту Чудовской повести конца XV в., в которой изложена легенда о происхождении русских великих князей от императора Августа. И уже в тексте Чина венчания регалии Ивана IV связаны с дарами императора Константина. Описывая ритуал возложения наперсного креста из древа

---

[17] Там же. С. 69, 70, 77, 78.

[18] *Бычкова М. Е.* «Дары императора Константина». С. 284–287.

«креста животворящего» на шею великого князя, автор текста пишет: «что прислал тот греческий царь Констянтин Мономах на поставление к великим князем руским, с бармами и с царьским венцом, с Неофитом ефеским митрополитом и с прочими посланники»[19], повторяя таким образом текст рассказа о дарах Императора Константина.

Перед проведением обряда миропомазания митрополит возлагает на царя «чепь злату аравийского золота, что прислал греческий царь Констянтин Мономах со святыми бармами и с царским венцем на поставление великих князей русских». В тексте Поставления среди даров Константина упоминается «животворящий крест от самого животворящего древа, на нем же распят владыко Христос», «чепь, от злата аравийска скована»[20], которые Константин вручает митрополиту Неофиту с епископом и посланником. Совпадение текстов в обоих документах достаточно близкое, чтобы говорить не только о сопоставимости памятников, но и о том, что речь идет об одних и тех же регалиях. Соответственно, в Чине венчания косвенно подтверждается, что коронационные регалии русских царей в свое время были присланы русским князьям из Византии, и «оттоле и доныне тем царским венцом венчаютца великие князи владимерстии, егда ставятся на великое княжение Руское».

Если подготовка чертожного места, где на Ивана IV возлагались регалии, описана подробно: у него 12 степеней, покрытых червцом, проход до царских дверей собора, стоят «две великие скамьи с драгими поволочники», то подготовка Царского места на правой стороне практически не описана, лишь указано, как оформлен «проход» от него до царьских дверей; можно предположить, что это место в отличие от чертожного не надо было сооружать: с правой стороны напротив алтаря в 1547 г. стояло Царское место. Все эти наблюдения подводят нас к тому, что по времени создания и, главное, по своей идейной направленности Царское место тесно связано с комплексом документов, регламентировавших возведение на престол Ивана Грозного, и прежде всего – с Поставлением, предшествовавшим Чину венчания. Мы не можем утверждать, что это тот самый Мономахов трон, который сегодня стоит в Успенском соборе, тем более что летом 1547 г. собор пострадал во время большого пожара.

В исторической литературе утвердилось мнение, что Царское место – это фактически иллюстрация к Сказанию о князьях владимирских: на 12 резных деревянных пластинах, украшающих три его стороны, изображены сцены, описанные в Сказании, а на передних дверцах вырезан текст – фрагмент Сказания. Это не совсем точно, и соотношение между четырьмя исследуемыми памятниками более сложное, что показывает сопоставление текстов письменных памятников.

---

[19] ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 75.

[20] Там же. С. 85.

Показательна дата – 6496 г., с которой начинаются Поставление и надпись на дверцах Царского места. Здесь текст Царского места близок и к соответствующему месту Чудовской повести по Румянцевскому и Волоколамскому спискам, где также дата – 6496 год. Возможно, эта дата ошибочна по отношению к содержанию памятника, в котором говорится о княжении Владимира Мономаха, но она едина в указанных текстах. Почти полностью совпадает текст Царского места с заголовком Поставления:

Царское место	Поставление
А от великаго и блаженнаго князя Владимира четвертое колено правнука его князь великий Владимир Всеволодич Монамах	От великого князя Владимера четвертое колено князь Владимир Всеволодичь Манамах[1]

Далее в Поставлении и на Царском месте идет фраза, отсутствующая в Чудовской повести и Сказании. «Тои убо Манамах (Цар. место: «царь и Манамах») прозвася от таковыа вины». Эта фраза фактически предшествует рассказу о присылке даров от императора Константина Мономаха и объясняет прозвище великого князя Владимира.

Вслед за этой фразой идет рассказ о совете Владимира с боярами; два фрагмента этого текста показывают соотношения памятников.

В Поставлении употреблена форма «князьми своими и боляры и велможи», а на Царском месте и в Чудовской повести по Румянцевскому списку: «князьми своими и боляры и велможами своими»[21], что снова сближает источник текста Царского места с источником Чудовской повести. Текст Сказания («князьми своими и с боляры и велможи») ближе к тексту Поставления. Начало речи великого князя, обращенной к боярам, ближе друг к другу у текстов Царского места и Чудовской повести; текст Поставления ближе к тексту Сказания[22].

Чуд. повесть	Цар. место	Поставление	Сказание, 1
Егда же аз есмь юнейши прежде меня державных и хоругви правящих православныа великия Руси скипетр.	Егда аз есм юнейшии прежде менее державствовавших и хоругви правящих скипетра великиа Росиа.	Егда аз мал есмь прежде мне царствовавших и хоругви правящих скипетра великиа Росиа.	Егда аз мал есмь преже мене царствовавших и хоругви правящих скипетра великиа Русиа.

[21] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 182; *Соколова И. М.* Мономахов трон. С. 61.

[22] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 176, 182–183, 197; *Соколова И. М.* Мономахов трон. С. 65.

Как видно, три текста практически идентичны, лишь на Царском месте вместо определения «царствовавших» употреблено более нейтральное «державствовавших»; и в Поставлении и Сказании «мал есмь», а на Царском месте «есм юнейшии».

Это начало – «егда аз мал есмь» или «есмь юнейшии» – необычно. Оно правомерно в текстах Поставления или Царского места, связанных с коронацией Ивана Грозного: ему было 17 лет; но плохо связывается с Владимиром Мономахом, к которому по смыслу памятника относятся эти слова.

В данном случае Сказание и Поставление восходят к одному источнику, а Царское место и Чудовская повесть – к другому. Это же относится к замене слова «державствовавших» на «царствовавших».

В Чудовской повести текст иной, причем разночтения есть в самих списках – Чудовском и Румянцевском. Чудовский: «егда же аз есмь юнейши прежде меня державных и хоругви правящих православныа великия Руси скипетр»; в Румянцевском начало, как в остальных текстах, – «егда аз», а дальше – соответствующее место «тех иже прежде мене державствовавших и хоругви царския правящих скипетра великой России»; в этом случае в Румянцевском списке текст ближе к трем указанным текстам, что может быть связано с поздним составлением самой рукописи; позднее происхождение рукописи может объяснить и определение «хоругви царские», отсутствующее в других текстах. Формула «хоругви правящих скипетра великая Росия» указанных трех памятников соответствует той, которая звучала при вручении скипетра Ивану IV во время возведения на престол: «приим от Бога вданное ти скипетро правити харугви...»[23]. Вариант Чудовской повести «хоругви правящих православныа великия Руси скипетр» может говорить о том, что в момент создания первоначального текста никакого упоминания о скипетре в нем не было, но в 40-е гг. XVI в., к которым не только относится написание рукописи, но и создание текста Поставления и, может быть, текстов Царского места, слово «скипетр» было вставлено в протограф, возможно на поле, и в текст Чудовского списка внесено явно не на то место, где должно стоять по смыслу. Кстати, отличие текста в Румянцевском списке, более близкого к тексту Царского места, где хоругви названы «царскими» (этого нет в других текстах), говорит о каком-то редактировании Чудовской повести в 40-е гг. XVI в.

Одной из регалий, вручавшейся Ивану IV при возведении на престол, был скипетр. Эта регалия не входила в состав даров императора Константина, но ее место среди остальных было совершенно особым: скипетр олицетворял власть государя, которая определялась понятием «скипетродержание».

[23] ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 78.

Ивану IV скипетр вручал митрополит после того, как облаченного во все регалии государя возводил на Царское место; при этом звучали слова: «приим от Бога вданное ти скипетро правити хоругви великого царства Русского, и блюди и храни его, елика твая сила»[24]. Очевидно именно в этот момент воплощалась идея возведения на престол: встать на «отчий и дедний» престол, получив при этом власть, перешедшую по наследству от предков, великих князей. И далее роль скипетра как символа власти звучит в «Поучении о полезном» митрополита и его поздравлении великого князя, где определяются роль государя в управлении страной, его моральные качества: «съдержи скипетр и прави хоругви по Божие воли», «поставлен еси велики и боговенчаный царь правити хоругви и съдержати скипетр царства Русского»[25].

Рассказ о победе русских князей под Цареградом практически совпадает во всех памятниках, лишь в Чудовском списке повести великий князь Всеслав Игоревич назван Святославом. Такое же чтение есть в отдельных списках Поставления.

Характерное же расхождение текстов изучаемых памятников относится к ответу бояр на вопрос великого князя: «Кий ми совет против воздаете?» (этого вопроса нет в текстах Царского места)[26]. Ответ бояр, как и начало княжеской речи, имеет два варианта, представленные в двух парах текста: на Царском месте и в Чудовской повести; в Поставлении и Сказании.

Чуд. повесть	Цар. место	Поставление	Сказание, 1
Сердце царево в руце Божии, яко же пишет (писано – Р), а мы есмы в твоей воли, государя нашего по Бозе	Сердце царево в руце Божии, яко же писано есть, а мы есмы в твоей воли, господаря нашего по Бозе	Сердце царево в руце Божии, а мы есмь под твоею властию	Сердце царево в руце Божии, а мы вси есмо в твоей воле

Описание похода киевского князя на Фракию имеет общую канву во всех памятниках и одновременно мелкие различия. «Многоразумные» воеводы есть в тексте Царского места и Чудовской повести; «чиноначальники» в Поставлении и на Царском месте и т. д. Дальше в рассказе говорится непосредственно о посылке даров императором Константином; лишь в тексте Царского места дважды указывается, что они посылаются «в Киев»; в остальных памятниках названо только имя великого князя. Кроме этого, только в Чудовской повести и на Царском месте

[24] Там же.

[25] Там же. С. 80.

[26] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 176, 183, 198; *Соколова И. М.* Мономахов трон. С. 66.

есть имя «Асия эфесского»; ожерелье, снятое с шеи императора, названо «святыми бармами» в текстах Царского места и Поставления.

Текст на дверцах Царского места несколько короче, чем в остальных про-изведениях; он кончается словами: «и оттоле и данные тем венцем царьским венчаются велицы князи владимерстии», что может быть связано с ограниченностью площади – дверцы – для его размещения.

Более независимы от письменных памятников сюжеты двенадцати резных пластин, которые в исторической литературе признаются иллюстрациями к тексту Сказания о князьях владимирских. Две первые – совет великого князя Владимира – ближе других ко всем трем памятникам: в надписях к пластинам говорится о том, что великий князь «совет творяше с князьми своими и з бояры», «собирает воеводы искусны и благоразсудны и поставляет чиноначалницы». Но далее четыре пластины (две на северной стороне и две на западной) рассказывают о походе русских войск во Фракию, которому во всех трех письменных источниках посвящена одна фраза: «и отпусти их на Фракию Царяграда области; и поплениша их доволно, и възвратишася со многым богатьством» (слова «и взвратишася со многим богатеством» – это подпись к изображению на одной из пластин). Еще одна пластина изображает поход царя Константина «на персы»[27].

Изображения последних пяти пластин посвящены совету императора Константина, посылке его даров в Киев и венчанию великого князя Владимира Всеволодовича этими дарами. Об этом венчании ничего не говорится в письменных памятниках. Все это еще раз доказывает самостоятельное значение изображений на Царском месте и позволяет вернуться к вопросу о его датировке.

При анализе текстов не стоит забывать, что при подготовке к венчанию на царство Ивана IV текст для украшения Царского места надо было подготовить заранее, чтобы его могли вырезать на пластинах. Это объясняет его близость к Чудовской повести, самому раннему из существующих памятников. В противном случае текст на передних дверцах должен был совпасть с текстом Поставления – официального документа, который и иллюстрирует Царское место. О такой тесной связи с коронационными документами говорят и рисунки последних пяти пластин Царского места, где передача регалий власти и венчание Владимира изображены с такими же жестами, которые описаны в Чине венчания Ивана IV и, кроме того, изображен скипетр, которого нет среди даров императора Константина. Возможно, на каком-то этапе разработки формулы идеи власти появилось и упоминание о Киеве, которое попало в тексты Царского места и не нашло отражения в более позд-

---

[27] *Соколова И. М* Мономахов трон. С. 64–65.

них документах Поставления и Сказании, сохранивших окончательные формулировки.

Соотношение исследованных текстов и текст Чина венчания Ивана IV позволяют предположить, что в 1547 г. Царское место стояло в Успенском соборе, а дата письменных источников – 1551 г. – относится к его восстановлению после московского пожара. Но окончательный вывод можно будет сделать лишь после специального изучения Царского места.

Однако уже сейчас можно говорить о следующем соотношении четырех представленных в работе памятников: наиболее ранний текст о посылке даров императора Константина находится в Чудовской повести; Царское место дает промежуточный вариант между повестью и текстом Поставления, написанного в связи с венчанием на царство Ивана IV (1547 г.). Текст Поставления сделал рассказ о посылке даров официальным, что отразилось в тексте Сказания о князьях владимирских. Совпадения этих текстов с текстом Послания Спиридона-Саввы практически отсутствуют.

Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки[1*]

Проблема зарождения и эволюции государственного аппарата России и тесно связанная с ней проблема состава чиновничьего аппарата давно привлекала внимание исследователей. В силу специфики русских источников, где нет четких указаний на даты возникновения и функции средневековых органов управления, чаще первоначально изучались именно функции и состав чиновников; достаточно вспомнить классический труд Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI века» (СПб., 1888) или работы С. К. Богоявленского и С. Б. Веселовского[2]. Большую работу по сбору сведений о личном составе административных служб в конце XV–XVI вв. провел А. А. Зимин[3]. И, наконец, подвел итоги предшествующих исследований и предложил свою концепцию Ю. Г. Алексеев[4], работа которого становится настольной книгой каждого, кто собирается заниматься историей государственного аппарата средневековой России.

Благодаря этим трудам, работам генеалогов начала века, которых интересовали родственные связи между дьяческими семьями и семьями титулованных родов, мы можем также проследить процесс срастания служилых и аристократических фамилий. Правда, в силу специфики отечественных источников, этот процесс лучше виден, начиная с середины XVI в.

Накопленный отечественными исследователями опыт позволяет подойти к решению вопросов, которые постоянно возникают в исто-

[1*] Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Натальи Федоровны Демидовой / редкол.: А. А. Преображенский (отв. ред.) и др.; РАН, Ин-т Дальнего Востока; Рос. гос. архив древ. актов. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 64–72.

[2] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М., 1946; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

[3] *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87.

[4] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

рической науке: из какой среды выходили первые государственные чиновники, каковы были их родственные связи с аристократическими семьями, насколько срастались эта сословные группы, и наконец, как соотносились придворная служба государю и служба государственного чиновника. Решение поставленных вопросов, безусловно, требует большой исследовательской работы, и автор ограничивается лишь их рассмотрением на истории сравнительно небольшого крута семей, игравших заметную роль в истории России конца XVI – середины XVI в.

Современные исследователи, занимавшиеся историей литовской великокняжеской канцелярии, называли изменение в служебном положении персонала канцелярии как один из существенных фактов ее преобразования из личной канцелярии великого князя в государственное учреждение: служители личной канцелярии великого князя прекращали свою службу с его смертью (канцелярия распускалась), чиновники государственного учреждения продолжали служить после смерти государя.

Интересные наблюдения о московской великокняжеской канцелярии в XIV – первой половине XV в. привел Н. П. Лихачев. Он считал, что великокняжеская канцелярия не была одновременно канцелярией великокняжеской думы, и вообще при Думе «не было особого учреждения, которое вело бы протоколы или постановления этого боярского совета», но люди, которые записывали решения Думы, «существовали уже и в эту отдаленную эпоху»[5]. Очевидно, это были лица из канцелярии великого князя.

Н. П. Лихачев, опираясь на тексты духовных московских князей Ивана Ивановича и Василия Дмитриевича, считал, что «казначеи великого князя и в начале XV в. были несвободными людьми»[6].

Более полно сведения духовных XIV–XV вв. разобрал в своей монографии Ю. Г. Алексеев. Автор ничего не пишет о канцелярии Ивана Калиты, отмечая лишь, что в грамотах князя упомянут его дьяк Кострома[7].

Уже в духовной великого князя Семена Ивановича (1353 г.) упомянуты «люди деловые», которые отделены от тех, «кого прикупил» великий князь, от его тиунов, посельских, ключников и старост – Семен Иванович «всем тем людем дал есмь волю»[8]. Можно высказать предположение, что этот текст духовной свидетельствует о роспуске людей, служивших непосредственно великому князю, а группа «людей деловых» составляла его личную канцелярию.

[5] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 3.

[6] Там же. С. 41.

[7] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 11.

[8] ДиДГ. М., 1951. С. 14.

Аналогичный текст духовной великого князя Ивана Ивановича Ю.Г. Алексеев относит к упоминанию «о рядовых членах княжеского двора», которые служат своему князю, т. е. княжеские министериалы, составляющие «аппарат его хозяйственного управления»[9]. Кроме тиунов, посельских и старост более ранней грамоты Семена Ивановича здесь уже перечислены казначеи и дьяки. Всех их князь освобождает от службы («дал есмь им волю»).

В духовной Дмитрия Ивановича говорится, что все его казначеи, тиуны, дьяки «ни моей княгини, ни детем моим не надобе», а на волю отпускаются «купленные люди»[10].

Ю. Г. Алексеев предположил, что духовную Семена Ивановича и Ивана Ивановича писал один и тот же человек – дьяк Нестор, который, будучи отпущенным на волю одним князем, остался служить его преемнику, и сделал вывод, что «юридический статус министериалов должен был постепенно меняться»[11]. Можно также сказать, что при неизменной юридической форме отпуска слуг «на волю» в жизни канцелярия великого князя постепенно приобретает черты, присущие государственному учреждению. Это подтверждают материалы, приведенные Ю. Г. Алексеевым: «дьяк Федор», подписавший в 50-е гг. XV в. грамоты великого князя Василия Васильевича, вероятно тот же «дьяк Федор», который в 70-е гг. подписывает грамоты его сына[12].

Традиционная формула о том, что казначеи, тиуны, посельские, дьяки «не надобе» семье завещателя, есть в первом варианте духовной Василия Дмитриевича, в грамоте его сына Василия Васильевича и внука Ивана III. Она отсутствует в завещании Василия Ивановича (1523 г.), где в связи с различными поручениями князя названы его печатник, дьяки, казначеи и «приказные люди», то есть обширный персонал великокняжеской канцелярии, выполняющий великокняжеские поручения[13].

Можно допустить, что во второй половине XV в. постепенно происходят изменения в статусе великокняжеской канцелярии. Юридически она связана с личностью правителя: в своем завещании государь распускает своих слуг. Однако в жизни они могли и оставаться, чтобы служить наследнику. Расширяется номенклатура княжеских слуг. «Деловые люди» княжеской канцелярии распадаются на печатников, дьяков, казначея и неких «приказных людей». Эта последняя категория лиц имеет параллели в записях родословных книг о службе отдельных лиц: «а в приказе был» или «в приказе не был»[14]. Поскольку хронологически такие запи-

[9] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 14–15.

[10] ДиДГ. С. 17, 25, 36.

[11] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 22.

[12] Там же. С. 302–304.

[13] ДиДГ. С. 415.

[14] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 175 и след.

си относятся к лицам, жившим на грани XV–XVI вв., и речь в них не идет о конкретных государственных структурах, можно предположить, что имеются в виду люди, выполнявшие конкретные поручения великого князя – «приказы».

Такие постепенные изменения в положении великокняжеской канцелярии находят параллели и в организации других государственных структур: к концу XV в. относятся первые упоминания о Государеве дворе, Оружейной палате. В Судебнике 1497 г. постоянно упоминаются дьяки и подьячие, как чиновники, имеющие четко прописанные функции. Очевидно, к этому времени можно отнести и превращение великокняжеской канцелярии в государственное учреждение.

Дьяки как чиновники, по словам Ю. Г. Алексеева, «новая фигура на исторической сцене», начинают активно действовать с середины XV в., до этого времени их функции еще не определены достаточно четко, и вообще сведения об их деятельности скудны[15].

Трудно определить и социальную среду, из которой они вышли. Немногочисленные известия родословных росписей позволяют говорить, что верхущка дьяческой среды XV в. – чаще всего младшие линии боярских родов, тесно связанные родством с придворной средой. Очевидно, дьяческая служба до середины XVI в. не была достаточно престижной, чтобы о ней, как о службе в Думе или участии в известных битвах, упоминали в родословных росписях.

Один из редких случаев составления дьяческой родословной – роспись известных московских дьяков первой половины XVI в. Циплятевых. Она помещена в ранней редакции родословных книг, близкой к Государеву родословцу 1555 г. и сохранилась в рукописи конца XVI в.[16] Как доказал Н. П. Лихачев, именно думный дьяк Иван Елизарович (сам он писался обычно как Иван Елизаров) был составителем Государева родословца. Ю. Г. Алексеев, разобравший службы представителей этой семьи в XV в., полагает, что в данном случае «мы имеем редчайшую возможность познакомиться с родословными связями удельнокняжеского дьяка», и эта генеалогия «далеко не типична для дьяка XV в.»[17].

В родословной, озаглавленной «Род Монастыревых», доведенной до Ивана Дмитриевича Ципли, указано родство предков Циплятевых с московскими великими князьями по женской линии и записано происхождение фамилии Монастыревых: бабушка родоначальника семьи Александра Монастыря воспитала внука в монастыре, где постриглась, оставшись вдовой. А земельные владения купила у своей сестры на Белоозере. Старший сын Александра Монастыря Дмитрий Александ-

[15] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 159–177.

[16] См. подроб.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 30–38.

[17] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 175.

рович, боярин великого князя Дмитрия Ивановича, погиб в битве на р. Воже (1378 г.), не оставив наследников. Ему принадлежала вол. Ерга на Белоозере. Дочери Дмитрия вышли замуж за представителей семей, которые во второй половине XIV в. принадлежали к самым аристократическим родам московского боярства. Старшая вышла замуж за боярина Ивана Хромого (из рода Акинфовичей), вторая – за боярина Александра Белеута, третья – за Ивана Чепечку (его сын Михаил, воевода великого князя, убит под Суздалем в 1445 г.), четвертая – за Семена Мелика, воеводу Дмитрия Донского, убитого на Куликовом поле, и младшая – за представителя рода Фоминских князей – Ивана Федоровича Толбугу.

Очевидно, если бы у Дмитрия Александровича были потомки мужчины, в истории Москвы был бы еще один знатный боярский род. Однако за отсутствием таких наследников, высокое положение семьи естественно прекратилось.

Потомки младших сыновей Александра Монастыря служили боярами уже великой княгине и удельным князьям на Вологде и Верее, поскольку по завещанию Дмитрия Донского земли Белоозера, где находились их владения, отошли к Верейскому уделу[18].

При верейском дворе положение Монастыревых было очень высоким: бояре и наместники. Один из Монастыревых – Иван Федорович Судок – в 1454 г. бежал в Литву вместе с князем Иваном Андреевичем.

Циплятевы происходили от младшего сына Александра Монастыря – Василия. Внуком Василия опять от младшего сына был Иван Дмитриевич Ципля. В этом случае его дьяческая служба, когда дяди и двоюродные братья были боярами верейского князя, выглядит типично для европейского средневекового общества. Имя Ивана Дмитриевича часто встречается на белозерских актах, а его потомки Елизар Иванович и Иван Елизарович уже принадлежат к дьяческой элите московского двора[19].

Елизар Иванович в начале XVI в. упоминается на службе в Москве, до 30-х гг. он связан с посольской службой, участвовал в приеме послов. В 1531 г. назван в документах «великим дьяком», 1534–1537 гг. он думный дьяк Разрядного приказа, умер около 1546 г. Елизар Иванович постригся в Кирилло-Белозерском монастыре[20].

Иван Елизарович, как и отец, был думным дьяком Разрядного приказа (1549–1556 гг.), с 1546 г. как дьяк участвовал в военных походах вместе с царем; принимал участие в приемах послов. После 1556 г. известий о его службе нет. Умер в 1567 г.; перед смертью постригся в Ки-

[18] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 376–380, 385.

[19] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 306–309.

[20] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 539 и сл.

рилло-Белозерском монастыре[21]. Возможно, семейная традиция, связывавшая Циплятевых с Белоозером, отразилась и на больших вкладах, которые Иван Елизарович и его отец сделали в Кириллов монастырь.

Дочь Ивана Елизаровича Анна была женой князя Василия Даниловича Пронского, происходившего из рода рязанских великих князей; он принадлежал к младшей линии потомков Андрея Ивановича Сухорукого. Отец Василия – Данило Дмитриевич стал боярином в 1547 г., брат Петр Данилович служил старицкому князю, а затем стал опричником. Потомки рязанских князей вошли в Думу сравнительно поздно, в 20-е гг. XVI в., и не составляли, как показал А. А. Зимин, самостоятельной княжеской корпорации[22]. Анна Ивановна умерла еще при жизни отца; очевидно род Циплятевых пресекся в 60-е гг. XVI в. Почти не сохранилось сведений о Семене Ивановиче, брате Елизара, который также был великокняжеским дьяком.

В истории рода Монастыревых мы видим типичную и для европейскою средневекового общества картину, когда младшие потомки семей, близких к государю, служат в канцеляриях правителя, а позднее занимают высокие должности в государственных учреждениях.

К росписи Монастыревых близка родословная Сорокоумовых, также содержащая много уникальных биографических сведений. Родословная помещена в рукописи 60-х гг. XVI в.; она давно привлекла внимание Н. П. Лихачева, который подробно изучил сведения о лицах, записанных в этой росписи[23]. К роду Сорокоумовых принадлежали Добрынские, скомпрометировавшие себя во время феодальной войны[24].

К этому роду принадлежали и дьяки Гусевы; из этой семьи наиболее известен Владимир Гусев. А. А. Зимин, изучив биографию самого В. Гусева и окружавших его лиц, пришел к выводу, что Гусев и его соратники принадлежали к административной элите конца XV в., к той ее части, которая начинала службу в уделах[25].

В конце XV в. именно из дьяческой среды вышел ряд памятников общественной мысли, надолго определивших идеологию Русского государства. Кроме Судебника 1497 г. это и разработка обряда возведения на престол наследника великого князя. Если Судебник фиксировал связь между великим князем и его подданными, для которых он был высшим судьей и вершил «правый суд», то обряд возведения на престол символизировал заключение союза между Богом и правителем, сакрализируя персону государя.

---

[21] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса. С. 388–390.

[22] Подробнее: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 117–118.

[23] *Лихачев Н. П.* Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1896.

[24] Подробнее: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса. С. 287–330.

[25] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 138–158 и сл.

Кроме того, в то же время была создана родословная легенда о происхождении русских великих князей от императора Августа и русская редакция «Повести о Дракуле», где трактовалось, каким должен быть государь. Эта повесть, как полагают исследователи, была составлена дьяком Федором Курицыным, принадлежавшим к той же среде, что и Владимир Гусев.

Для дьяческих семей юнца XV – начала XVI в. характерны близкие родственные отношения с боярскими родами, тесно связанными с московским домам и его уделами. Но уже в начале XVI в. начинает проявляться новая тенденция формирования дьяческой среды, скорее говорящая о возрастании роли государственной службы в России XVI в.

Эту тенденцию продвижения по службе в Государеве дворе дал Н. П. Лихачев: «Роды родословные обыкновенно своих юных сочленов устраивали на службу не ниже московского дворянства, а многие стольниками с малых лет. Для таких фамилий деловая, приказная служба была редким исключением. Неродословное дворянство, чтобы выбиться из рядовых детей боярских, получить положение и почести, наоборот, выдвигало лучших своих представителей именно путем службы в Приказах»[26].

Путь «службы в Приказах» Н. П. Лихачев раскрывает на примере собственного рода. В конце XV в. среди семей, испомещенных Иваном III в Новгородские пятины, были сыновья Алексея Лихача, от второго сына и пошли Лихачевы – «рядовые дети боярские, сидящие на земле»; их выдвижение в Москве начинается с 40-х гг. XVI в. В 1545 г. Андрей Кириллович Лихачев и подьячий Алеша Байдаков посылаются из Москвы в Бежецкую пятину собирать деньги для казанского похода. В 1564, 1570, 1571 гг. Андрей Кириллович Лихачев описывал земли Обонежской пятины[27].

Андрей еще не пишется «дьяком», а его племянник Терентий Григорьевич служил в Галицкой чети (1576 г.) и несколько лет был дьяком Пушечного приказа, посылался в походы «у наряда». В частности, был при «наряде» во Пскове в 1568 г. во время осады города Стефаном Баторием. В 1575 г. он был одним из уполномоченных при заключении перемирия со шведами и имел собственную печать для скрепления грамот. Внуки Терентия Григорьевича в первой половине XVII в. уже были стольниками; старший Василий Богданович в 1659 г. был послан во Флоренцию: «в Италии это событие увековечено картиной»[28].

---

[26] *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1915. С 8–9.

[27] Там же. С. 11–12.

[28] Там же. С. 13–14.

Племянником Терентия Григорьевича был известный политический деятель XVII в. думный дьяк Федор Федорович Лихачев. Благодаря бракам его потомков Лихачевы породнились с Салтыковыми, князьями Лобановыми-Ростовскими, графами Апраксиными и Шереметевыми, а также другими знатными придворными семьями[29].

К семьям, сделавшим карьеру именно на государственной службе, следует отнести и дворянский род выходцев из Рязани – Апраксиных. Это ветвь рязанских вотчинников Вердеревских[30]. В 90-е гг. XV в. Андрей Ярец Никитин подписал грамоты как дьяк великого рязанского князя[31]. Сын Андрея Матвей по родословной Апраксиных выехал в Москву к Ивану III, возможно, после смерти в 1500 г. великого рязанского князя и роспуска его слуг, и получил владения в Муромском и Владимирском уездах. «Старые вотчинники» Апраксины известны в этих владениях весь XVI в.[32]

С владениями во Владимирском у. связана и грамота 1495 г., которую писал Ярец Опраксин: братья Корякины выкупили свою вотчину, д. Близнина. Не исключаю, что Ярец Опраксин и есть дьяк Андрей Ярец Никитин, который на двух грамотах великого князя поставил свою официальную подпись дьяка, а третью грамоту – как частное лицо и подписал лишь прозвищем.

Очевидно, из этой семьи происходили дьяк Ерофей Ярец: в 1495 г. Ерофей Матвеевич Ярец – дьяк рязанского князя, а между 1505 и 1516 гг. он получил в кормление вол. Отъезжую и Бибиково от московского князя[33]. Не исключено, что его сыном был Иван (Иона) Беляни-

---

[29] Там же. С. 15. В 1612 г. дьяки Федор Лихачев и Федор Апраскин выдавали полякам жалование из казны.

[30] По родословной легенде к Ивану III приехал из Рязани Матвей Андреевич Опракса Кончеев. Кончей Григорьевич – внук выехавшего из Орды родоначальника и его жены Анастасии (дочь рязанского князя). Кончей Григорьевич был в своем поколении младшим братом (См.: *Шаховской Д. М.* Общество и дворянство российское. Ренн, 1979. Т. 2. С. 33) Сородичи Апраксиных, Вердеревские, входившие в состав Государева двора XVI в, писались с двойной фамилией – Апраксины-Вердеревские или просто Вердеревские. В 1686 г. они подали челобитную в Разрядный приказ с просьбой разрешить им официально писаться двойной фамилией (РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 1205–1236.).

С. Б. Веселовский писал, что фамилия Апраксиных происходит от одной из принятых форм женского имени Евпраксия (*Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 14). Полагаю, что скорее она образована от названия Евангелия Апракос и обозначала грамотного человека, в чьи семейные обязанности входило регулярное чтение этого Евангелия, или вообще любителя чтения.

[31] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 374–383. Обе грамоты 1491 и 1497 гг. связаны с именем Федора Васильевича Вердеревского: докладная заемная кабала, по которой он дает деньги, и жалованная великого рязанского князя.

[32] Родственные связи Апраксиных в XVI – начале XVII в. разобрал Н. П. Чулков на основе записей писцовых книг. См.: *Рыкова О. В.* Н. П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. 1993. № 1. С. 87–92.

[33] *Шаховской Д. М.* Общество и дворянство российское. С. 33.

цын, в 1512 г. он келарь, а в 1515 г. старец Троице-Сергиева монастыря, участвовавший в межевании монастырских земель[34].

Племянник Ерофея Ярцева – Рюма Иванов Апраксин – был убит при взятии Казани в 1552 г. вместе с другими муромскими вотчинниками[35].

До середины XVI в. Апраксины известны в основном как чиновники: они упоминаются в связи с межеванием земель, как ключники, управляющие великокняжеским хозяйством[36]. Они не занимали командных должностей в армии и редко встречаются в разрядах.

Возвышение рода произошло в начале XVII в. и связано с именем дьяка Федора Никитича Апраксина. В 1610 г. он начал служить королю Сигизмунду, был послан дьяком в Устюжскую четь, позднее как дьяк подписался под грамотой о выборе царя Михаила Федоровича; служил дьяком в Муроме и Новгороде, а также до 1628 г. в московских приказах. Последний раз его имя записано в Боярской книге 1628 г., но еще в 1627 г. он упомянут как государев дьяк «не у дел»[37]. В это же время (1628 г.) его сын Корнилий выкупает у Троице-Сергиева монастыря родовые владения Апраксиных, а Федор Никитич передает свои выслуженные владения племяннику Василию Петровичу.

В 1633 г. Ф. Н. Апраксин сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь по своей семье[38]; к этому времени его сын умер, брат Петр постригся. Вскоре и сам Федор Никитич умер совсем больным[39]; 13 июня 1636 г. патриарх участвовал в отпевании Федора Апраксина в Златоустовском монастыре в Москве, где была родовая усыпальница Апраксиных[40].

---

[34] Акты Русского государства.1506–1526. М., 1975. С. 106, 125. Как отмечал Н. П. Чулков, Ярцевы и Беляницыны владели во второй половине XVI в. вотчинами сов-местно с другими Апраксиными (*Рыкова О. В.* Н. П. Чулков и его генеалогический доклад. С. 90–91).

[35] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 176.

[36] Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. С. 100. Н. П. Чулков среди других называет службу в царской охоте Ивана Грозного и Михаила Федоровича Никиту Беляницына и его детей, а также службу «у наряда» Андрея Прокофьевича в 1567 г. и городовыми детьми боярскими его племянников (*Рыкова О. В.* Н. П. Чулков и его генеалогический доклад. С. 91).

[37] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 28–29. В 20-е гг. XVII в. было два дьяка Федора Никитича Апраксиных из двух поколений семьи. Старший впервые упомянут в десятне 1604 г. и окончил службу около 1628 г.; к 1633 г. вся его семья умерла. Дьяк Ямского приказа с 1629 г. Федор Никитич Апраксин, очевидно, его племянник (за эти сведения благодарю Н. Ф. Демидову).

[38] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 144.

[39] Н. П. Чулков привел отрывки из челобитной брата Федора Апраксина – Андреяна Никитича, описывающей последние дни дьяка: «Брат мой родной Федор Опраксин лежит больной, а человек старый, жены и детей нету; и поберечи ево старости и великой болезни некому ... Пожалуй меня ... для брата моего скорби, вели мне в своей государеве службе дать сроку, покаместа брат обможетцы» (*Рыкова О. В.* Н. П. Чулков и его генеалогический доклад. С. 92).

[40] Материалы по истории, археологии и статистике московских церквей, собранные В. И. и Г. И. Холмогоровыми. М., 1884. Стб. 535–538. Приведенная Холмогоровыми запись о похоронах Ф. Н. Апраксина позволяет опровергнуть существующее в генеалогической литературе мнение, что Федор Никитич и Конон Никитич – одно лицо. Среда бумаг

«Путь наверх» для представителей городовых детей боярских был более длительным, чем для дьяков, выходцев из боярских семей; со знатью их связывали браки дочерей с представителями титулованных фамилий, которые участились со второй половины XVI в. Но этот вопрос нуждается в тщательном исследовании[41]. Все чаще наследники дьяческих семей занимают должности при дворе, но если для аристократических родов служба рындой или стольником обычно становилась началом придворной карьеры, то для детей дьяков она была вершиной.

Однако эти изменения в отношении к дьякам во второй половине XVI–XVII в. говорят о том, что служба в государственном аппарате в Русском государстве приобрела иное качество, чем служба младших сыновей боярских родов в канцелярии великого князя. Постепенно служилая бюрократия завоевывала видное место в формировании русского абсолютизма, как это показало исследование, проведенное Н. Ф. Демидовой[42].

Г. Ф. Миллера сохранилась запись надгробия: «В лето 7144 (1636) июня в 5 день... преставился раб Божий Конон Никитич Опраксин, во иноцех схимник Корнилий... А память тезоименитства его марта 5 числа в день святого мученика Конона Градаря». Судя по дате похорон, Федор Никитич умер вскоре после Конона.

[41] См.: *Лихачев Н. П.* Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // ИРГО. СПб., 1900. Т. 1.

[42] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

О социальном составе тысячников[1*]

Изучение состава государева двора, а также дворов великих и удельных князей XV–XVI вв. неоднократно было предметом исследований советских историков в последние годы. Наиболее значительное место здесь занимают работы А. А. Зимина. В них рассмотрены круг княжеских и нетитулованных фамилий, представители которых служили при различных дворах, их родственные связи с семьями, находившимися на службе в Москве; собраны сведения о государственных и придворных должностях, которые занимали различные лица из этих семей, а также постепенном вхождении или невхождении их в состав государева двора[2]. Решение этих и ряда других вопросов покажет динамику истории дворянства в период развития централизованного государства XVI в., когда феодальные корпорации различных княжеств преобразовывались в единый класс феодалов Русского государства.

Одним из источников по истории Государева двора признаются Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (далее: ТК и ДТ), где записана основная масса представителей верхушки русских феодалов. Оба памятника неоднократно публиковались и исследовались[3], обычно в связи с другими источниками. В настоящей статье ТК и ДТ рассматриваются в связи с более поздними источниками – росписями, поданными в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г.[4]

[1] * Россия на путях централизации: Сб. ст. / Редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др. М.: Наука. 1982. С. 175–178.

[2] *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV – первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5; *Он же.* Фео-дальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. // ИССР. 1973. № 3; *Он же.* Суздальские и ростовские князья во второй половине XV – первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1976. Вып. 7; *Он же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1979. Т. 103.

[3] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. Новейшую историографию см.: *Зимин А. А.* Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. и формирование со-става Боярской думы и дворцовых учреждений // ВИД. Л., 1981. Вып. 12.

[4] *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной

Изучение состава тысячников до настоящего времени связано преимущественно с исследованием верхушки правящего класса, уже в XVI в. имевшей свои родословия. Семьи, для которых запись в ТК и ДТ была началом карьеры и которые оформили свои росписи позднее, выпадали из исследований. В сохранившихся подлинных росписях XVII в. встречается около 20 упоминаний о том, что предки лиц, подавших свои документы в 80-е годы XVII в., записаны в ТК и ДТ (см. табл.).

Как видно из таблицы, две трети записей в родословных росписях не только подтверждаются текстами ТК и ДТ, но и полностью им соответствуют[5]. Такие упоминания в XVII в. приводились лишь в росписях рядовых дворянских семей. Иногда (росписи Бухваловых, Волоховых, Власьевых) тысячник выступает как родоначальник семьи. Известия о подобной службе предков отсутствуют, как правило, в росписях семей, еще в XVI в. записанных в родословные книги (исключение составляют Коробовы, чье родословие находится в ряде редакций родословных книг XVI в.[6]).

Основная масса лиц, записанных как тысячники, – новгородские, псковские, вяземские и ржевские помещики; только в росписях Кафтыревых и Коробовых упомянуты тысячники из Переславского у., принадлежавшие к старому московскому дворянству. Для XVI в. это наименее родовитая часть феодалов, поскольку землевладельцами в Вязьме, Ржеве Володимировой, Дмитрове часто были недавние выходцы из Великого княжества Литовского или литва дворовая, не имевшие длительной связи с русскими правящими князьями; служба в Новгороде в XVI в. также свидетельствовала о принадлежности или к боковым ветвям московского боярства, или к средним слоям, не входившим в состав Государева двора[7].

В этой связи интересно проследить, что писали о своем родоначальнике лица, подавшие в XVII в. 11 росписей, где есть предки-тысячники[8]. Две из них начинаются с этих предков. В четырех росписях (Баскаковы, Болтины, Карауловы, Кафтыревы) родоначальники в разное время выехали к русским князьям из Золотой Орды, еще в четырех – из Литвы

книги // ВИД. Вып. 12.

[5] Подобные сведения, сохранившиеся в копиях с росписей, сделанных в XVIII в., приведены Н. В. Мятлевым для семей Апраксиных-Вердеревских и Тютчевых без упоминания имен конкретных тысячников, а также названы Ф. И. и Т. И. Туровы (нет в ТК), И. Е. Михнев, Юшман Лазарев (оба есть в ДТ), т. к. Тыртов, Л. Б. Шушерин, И.С. и П. С. Злобины, П. Л. Тургенев (все есть в ТК) (*Мятлев Н. В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С. 8, 54, 55, 59, 66, 69). К ним можно добавить запись из копии с росписи Власьевых. Иван, Григорий, Семен Ивановы дети Власьевы, с которых начинается роспись, есть в ДТ (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 241а. Л. 155).

[6] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 184, 187, 190 и след.

[7] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 101–121.

[8] Учитываются лишь росписи, сохранившиеся в подлинниках.

и Польши (Елагины, Кикины, Козловские, Коробовы) и одна – роспись старинного новгородского боярского рода (Кузьмины-Караваевы)[9]. Эти легенды, особенно описывающие выезд предка из Орды, характерны именно для росписей XVII в. и сопоставимы с другими родословными материалами того же времени. Потомки в прошлом рядовых семей, служивших вне Москвы, опираясь на записи летописей, создавали себе красочные легенды о происхождении, чтобы удревнить и облагородить своих предков[10].

ТК и ДТ были официальными документами, подтверждавшими службу при царском дворе. Для семей, подавших сведения о тысячниках, они фактически были «точкой отсчета», с которой велась их принадлежность к Государеву двору. Возможно, с этим связано и то, что Болтины и Елагины записали в свои росписи больше предков-тысячников, чем их имеется в ТК, а Баскаковы, Козловские и Кузьмины-Караваевы, воспользовавшись тем, что такие фамилии есть в ТК, приписали фальшивых предков-тысячников.

Немногочисленные автобиографические сведения, приведенные в росписях, показывают, что в XVI в. представители этих семей служили по городам: Баскаковы – по Смоленску, Болтины– по Пскову[11]. Дмитрий и Иван Андреевичи Кикины служили в Вязьме, были в полку у князя И. Д. Бельского, затем Д. А. Кикин в 1566 г. описывал Чебоксары, а И. А. Кикин переведен в Рязань; дети Ивана находились в южных пограничных городах[12]. И только из рода Карауловых в конце XVI в. вышел известный политический деятель Деметша Иванович Черемисинов[13].

Кроме этого, в разрядах упоминается Ф.М. Волохов, который был в Ракоборе в 1565 г. с князем П. Кропоткиным, а в 1572 г.– с И. Сабуровым[14].

Такими же рядовыми были семьи, приписавшие себе фальшивых тысячников. Один из них – Б.У. Болтин – в 1558 г. был головой в полку князя П. И. Шуйского, а в 1560 г.– головой в полку П. П. Головина[15].

Росписи XVII в. позволяют расширить представление о социальном составе тысячников, особенно из местного городового дворянства. В конце XVII в. меняется отношение к ТК и ДТ, которые становятся ценными документами для доказательства почти полуторавековой службы семьи русским царям.

---

[9] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Ист.-генеал. исслед.). М., 1981. С. 118–156.
[10] *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей. С. 102–104.
[11] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 84. Л. 2; Д. 109. Л. 1.
[12] Там же. Д. 30. Л. 2, 3.
[13] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 66, 104, 105.
[14] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 226, 245.
[15] Там же. С. 173, 185.

Таблица

Лица, записанные как тысячники в росписях 80-х годов XVII в.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Упоминание в росписи *	Упоминание в ТК и ДТ**
1	Баскаков Алексей Петров	ТК	Нет
2	Баскаков Иван Петров	»	Нет
3	Баскаков Федор Петров	»	Нет
4	Болтин Будай Угримов	ТК; лучане	Нет
5	Болтин Дмитрий Григорьев	»	ТК, по Луцку
6	Болтин Федор Григорьев	»	»
7	Бухвалов Яков Дмитриев	ДТ, из Ржевы Володимировой и Дмитрова	ДТ, литва дворовая по Дмитрову
8	Волохов Дмитрий Андреев	ТК, из Лосецкого погоста Водской пятины	ТК, по Лосецкому погосту Водской пятины
9	Елагин Пимѐн Михайлов	ТК, по Водской пятине	Нет
10	Елагин Федор Михайлов	»	ТК. по Водской пятине
11	Караулов Соророк Собинин	»	»
12	Караулов Черемиса Собинин	»	»
13	Кафтырев Григорий Иванович	ТК, по Московскому у.	ТК, по Переславскому у.
14	Кафтырев Яков Иванович	»	»
15	Кикин Дмитрий Андреевич	ТК, по Вязьме	ТК. по Вязьме
16	Кикин Иван Андреевич	»	»
17	Козловский Лев Иванович	ДТ, литва дворовая по Романову	Нет
18	Коробов Андрей Васильевич	ТК	ТК, по Переславскому у.
19	Коробов Василий Васильевич	»	»
20	Коробов Федор Васильевич	»	» Нет
21	Кузьмин-Караваев Иван Васильевич	»	

* РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 84, 109, 102, 37, 145, 141, 91, 30, 108, 56; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 148–151.

** Тысячная книга 1550 г. С. 58, 68, 78, 86, 92, 102, 134.

Идеи власти и подданства в генеалогической литературе XV–XVI вв.[1*]

Обоснование политической власти государя в средневековом обществе как одну из важных составных частей включает и вопрос о происхождении династии. Часто именно в сопоставлении этого вопроса с идеями происхождения родов правящей элиты заложена концепция взаимоотношения государя и его вассалов, которая уже юридически оформлялась в законодательных актах, влияла на земельные пожалования, продвижение по службе, придворной и государственной. Идея власти государя и его взаимоотношения с подданными влияют на формирование самосознания правящего класса, национальное сознание.

Ясно осознавая многоаспектность этой проблемы, автор в данном случае решила остановиться на одном вопросе: происхождение родоначальника династии, родоначальника боярского рода в легенде, интерпретация такого происхождения, связанная и с изменением в общественном сознании представления о происхождении власти государя.

Конец XV в. – это время, когда в Русском государстве впервые оформляются самостоятельные родословные документы, в том числе и легенды о происхождении династий и отдельных родов: до этого времени подобные сведения включались в тексты других памятников, преимущественно летописей[2].

Появление самостоятельных родословий вызвано реалиями русской жизни. В последней четверти XV в. после длительного перерыва Русское государство снова ведет активную внешнюю политику: происходит регулярный обмен посольствами со многими европейскими государствами, вплоть до Испании, заключаются династические браки с соседними государями. В России зарождается интерес к евро-

---

[1] * Историческая генеалогия: Ежекварт. науч. журн. Екатеринбург; Париж; Ярмарка-Пресс, 1993. Вып. 2. С. 4–9.

[2] *Бычкова М. Е.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976.

пейской переводной литературе, которая вносит в сознание русского человека новые представления о происхождении и сущности власти государя и самом государе – носителе этой власти[3]. История России начинает рассматриваться в связи с европейской историей: на смену летописям постепенно приходят хронографы. В такой обстановке в Москве создаются родословные легенды о происхождении русских князей Рюриковичей, литовских Гедиминовичей и молдавских господарей. Была известна и литовская повесть о происхождении династии и магнатских литовских родов; легенда о происхождении молдавских господарей скорее всего связана с женитьбой наследника престола Ивана Ивановича на дочери молдавского господаря Елене Стефановне[4].

Этот брак, как и женитьба великого князя Ивана III на Софье Палеолог, не только вел к родству московского великокняжеского дома с более широким кругом правящих домов Европы; вместе с великими княгинями при московском дворе появлялся новый круг лиц, приехавших служить в Россию. Становились известными генеалогические нормы, существовавшие в других странах.

Естественно, что новые международные связи московских великих князей, их родственные отношения требовали и создания соответствующей идеям времени легенды о происхождении русского правящего дома.

Первоначально, еще со времен Древнерусского государства, родословные сведения о происхождении великих князей приводятся в летописях: это известный рассказ о призвании варяга Рюрика.

В конце XV в. новые великокняжеские родословные легенды в Москве оформляются в виде «сказаний»: «Сказание о князьях владимирских», родословие великих литовских князей и молдавских господарей[5]. Все они называют родоначальником династии выходца «из римлян», но в этом общем положении каждая из трех легенд имеет свои отличия.

В русской легенде основателем династии великих князей становится потомок римского императора Августа – Рюрик, которого приглашают на княжение «старейшины» Новгорода. Родословная легенда конца XV в. порывает с летописной традицией, согласно которой первым русским князем был варяг Рюрик. Неизменным остается лишь место, где появляется этот родоначальник. По летописям он приходит в Новгород;

---

[3] *Лурье Я. С.* «Повесть о Дракуле» и древнерусская литература // Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964. С. 59–71.

[4] *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // АЕ за 1963 год. М., 1964.

[5] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955; *Бычкова М. Е.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы.

по легенде конца XV в. новгородские бояре по совету Гостомысла призывают к себе Рюрика, потомка римских императоров.

Аналогично описано происхождения литовских князей в литовских хрониках. Их родоначальник – родственник римского императора Нерона Палемон, который решил переселиться из Рима и вместе с которым в Литву приехали родоначальники всех знатных литовских родов[6].

А по молдавской хронике уже весь молдавский народ происходит от римлян, покинувших родину во время гонений на первых христиан. Найдя новое место для поселения, они выбирают государя из своей среды.

В описании переселения из Рима следует отметить два момента, сближающие молдавское и литовское родословия и отличающие их от русского. В первом случае из Рима в результате гонений переселяется весь народ, во втором – знать страны вместе с будущим основателем династии, и все они – потомки римского патрициата. В русском же родословии император делит «вселенную» между своими родственниками, и русская знать приглашает его потомка.

Идея о происхождении правящей династии от римлян принадлежит к общественным концепциям конца XV в., связанным с традициями Возрождения. Фактически, сделав императора Августа родоначальником династии, составители родословия порвали с многовековой традицией русских летописей. В Литве хронике, выводящей литовцев от римлян, также предшествовала более ранняя, называвшая первым князем Витеня, предка великого князя Гедимина[7]. Можно говорить о том, что «римская» идея возникла синхронно или под взаимным влиянием в ряде соседних стран.

Однако мысль о римском происхождении, очевидно, никогда не использовалась при создании легенды правящего дома соседней страны. Литовские хроники не говорят о происхождении русских князей от Августа. Молдавская хроника не нашла развития в русских генеалогических источниках. При создании в Москве литовского родословия была использована не хроника, выводящая князей от римлян, а более ранняя, которая называет первым великим князем Гедимина; происхождение самого Гедимина было освещено в выгодном для русского правительства свете: по одной версии он потомок Витеня, слуги (в отдельных списках хроники – раба) полоцкого князя Рюриковича, по другой – Витень уже потомок этого полоцкого князя. Следует отметить, что сама литовская хроника по структуре, манере изложения близка к русскому летописному рассказу о призвании варяга Рюрика, хорошо известному русским публицистам XV в.

---

[6] *Бычкова М. Е.* Там же. С. 297–298.

[7] *Охманьский Е.* Гедиминовичи – «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. М., 1974.

Первоначально идея о «рабском» происхождении Гедимина принадлежала хронистам Ордена, еще в XIV в. она была одной из составных частей орденской концепции о необходимости завоевания и обращения в христианство Литвы. Заимствовав такую версию о происхождении литовской династии, русские авторы смягчили ее, связав родоначальника с русскими князьями Рюриковичами. Скорее всего, такая русская редакция старой литовской легенды связана с положением при московском дворе литовских Гедиминовичей (князей Бельских, Мстиславских, Голицыных и др.[8]): в какой-то мере она уравнивала их положение с положением Рюриковичей.

В середине XVI в. русские публицисты вообще отказались от «неродовитого» происхождения Гедиминовичей: Государев родословец 1555 г. сделал их прямыми потомками полоцких Рюриковичей. Иван IV, живо интересовавшийся происхождением соседних государей, писал в 1567 г. польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Августу, что о рабстве Витеня «безлипичники врут», и признал короля равным себе Рюриковичем[9].

Еще в конце XV в. в России сложилась своеобразная генеалогическая ситуация с потомками черниговских и смоленских Рюриковичей, чьи владения находились в составе великого княжества Литовского. Именно с этого времени они все чаще переходят на службу к московским государям. Оказавшись в Москве, литовские Рюриковичи стремились определить степень своего родства не только с правящим домом, но и с Рюриковичами из других русских княжеств.

Одним из самых ранних памятников русской генеалогии является роспись потомков черниговских великих князей начала XVI в., помещенная в сборнике, принадлежавшем Дионисию Звенигородскому[10] (в миру Данило Васильевич Звенигородский, из черниговских князей).

В начале XVI в. при московском дворе обосновались две группы черниговских Рюриковичей. Среди них и князья Звенигородские, по семейному преданию будто бы приехавшие в Москву вместе с литовским князем Свидригайло в 1408 г.: в русских летописях они упоминались с середины XV в. и легко могли доказать древность своей службы великим князьям. Другие, как Воротынские, Одоевские, Белевские, также выходцы из Литвы, начали службу в Москве с конца XV в., но с особым статусом – *служилые князья*. Ранняя роспись черниговских князей и должна была установить степень родства между различными ветвями

---

[8] *Бычкова М. Е.* Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975.

[9] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.С. 260.

[10] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России XVI в.: Ист.-генеал. исслед. М., 1986. С. 39–44.

рода, как перешедшими в разное время служить московским князьям, так и потомками князей Торусских и Оболенских, чьи владения никогда не входили в состав великого княжества Литовского[11].

Процесс создания великокняжеских росписей и легенд шел параллельно с оформлением родословий нетитулованных боярских родов. После образования единого Русского государства боярские семьи, служившие в различных княжествах, переходят непосредственно на службу к московскому великому князю. Очевидно, с этого времени принцип древности службы предков рода московской династии становится основным для определении знатности рода. Если учесть, что представители одной и той же боярской семьи в XIV–XV вв. и позже служили при московском дворе, при дворах других удельных и великих князей или при дворе митрополита, будет понятно, что только родословные документы могли подтвердить древность службы одних ветвей рода, их преимущества, и установить четкую степень родства с московскими сородичами для тех лиц, которые не входили в состав Государева двора или в XV в. служили в разных княжествах[12].

Ни для одного из московских боярских родов в это время не была создана легенда о происхождении родоначальника из правящей династии или аристократической фамилии; такие легенды появятся в XVII в. В родословиях старомосковского боярства XVI в. говорится о выезде родоначальника «из Прус», подчеркивая этим его вассальное отношение к первым московским князьям и древность службы им. Ведь по великокняжеской легенде Август дал земли от Вислы до Немана Прусу, «и до сего часа по имени его зовашася Пруская земля»[13]. Прямым потомком Пруса и был Рюрик.

Если в великокняжеских и княжеских родословиях устанавливается степень родства и общность происхождения между отдельными ветвями русских Рюриковичей и литовских Гедиминовичей, то в родословиях боярских семей нет и намека на общность происхождения с князьями. Родство этих семей с княжескими происходит в результате брака с княжной из правящей династии. Боярские легенды этого времени говорят лишь о выезде родоначальника на службу к великому князю (обычно «из Литвы» выезжают служить в Тверь, «из Орды» в Рязань), принятии этого родоначальника на службу, его крещении и «пожалованиях», сделанных великим князем. Такие факты сразу подчеркивают вассальную зависимость боярского рода от великокняжеской власти и сложившуюся к XVI в. многовековую службу московским, тверским, рязанским и другим князьям.

---

[11] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI в. М., 1988. С. 124–136.

[12] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России. С. 78–88.

[13] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 162.

Формулировка русских легенд полностью противоположная литовской и молдавской, где говорится о выезде из Италии родоначальника династии вместе с родоначальниками крупнейших магнатских родов (как в Литве).

Упоминание о «римском» происхождении Радзивиллов и Гаштольдов, уравнивающее их с правящим домом, есть в польских хрониках XVI в. вообще идея о происхождении литовской знати «от крови итальянской» постоянно присутствует в публицистике Польши и Литвы. В середине XVI в. ее развивает Михалон Литвин в своем трактате «О нравах татар, литовцев и москвитян...». Автор пишет о «полулатинской речи» литовцев («много слов в литовском языке, одинаковых по значению с такими же словами на языке латинском»), их «древних римских обычаях»[14]. И сам приезд предков литовцев из Италии Михалон описал примерно так же, как и родословная легенда из летописей Великого княжества Литовского.

Но среди других генеалогических концепций Польши и Литвы наиболее известна сарматская теория. Ее популярность скорее всего связана с особенностями происхождения правящего класса, который был здесь чрезвычайно смешанным. Кроме потомков литовских Гедиминовичей и русских Рюриковичей, в него входили магнаты и шляхта литовского происхождении (по литовской легенде их предки пришли из Италии вместе с Палемоном), потомки русских боярских родов, наконец, польская шляхта, которая в XV–XVI вв. активно занимала земли Литовского великого княжества, она имела собственные древние генеалогические и геральдические традиции.

Очевидно, под влиянием таких традиций в начале XV в. в Литве появляются собственные гербы. Это было результатом акта адоптации польским родам литовских семей. Адоптированные семьи получали право на герб и печать соответствующих польских родов и стали считаться их кровными родственниками. Безусловно, это был акт большого политического значения, способствующий сближению польского и литовского дворянства, сближению именно в генеалогическом плане – осознания общности происхождения.

Таким же целям в какой-то мере служила и бытовавшая в Польше сарматская теория, хотя ее общее значение в истории политических идей средневековья гораздо шире. Как показали польские исследователи, представление о славянском мире как мире сарматов существовало в европейском (особенно французском и германском) мировоззрении еще в раннем средневековье[15]. Сарматию, расположенную к востоку от Гер-

---

[14] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2. Вторая пол. Отд. 5. С. 43, 45.

[15] *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematiki słowiańskiej XV j XVI w. Kraków, 1950. S. 18.

мании, на Висле, знали французские и германские хронисты X–XIII вв. Примерно двести сохранившихся географических карт этого времени очерчивают Сарматию – землю, населенную славянами. В XV–XVI вв., когда повысился интерес к античности, сарматская теория, имевшая непрерывную традицию в европейской письменности, была воспринята уже по-новому, именно под влиянием интереса к античности.

Особый оттенок образ сармата приобретает в литературе, связанной с деятельностью Ордена: это варвар-литовец, его завоевание и обращение в христианство являлось одной из задач орденской политики. А после прекращения крестовых походов в святую землю походы на прибалтийские народы, которые организовывал Орден, стали регулярными. Участие в таком походе входило в образование европейского средневекового рыцаря, в чьем сознании объединялись в единое целое неверные сарацины, варвары, и среди них сарматы – литовцы, частично поляки, от которых он шел освобождать гроб Господень.

Такая концепция позволяла крестоносцам осаждать Вильнюс, столицу ка-толического епископа, ей не противоречило и то, что в Ордене хорошо знали великого литовского князя Витовта (кстати, католика), что в походах крестоносцев XIV–XV вв. участвовали и польские рыцари[16].

В то же время в европейской университетской среде (а некоторые профессора преподавали и в Кракове, где училось много литовцев, и в ряде университетов Европы учились поляки) в XV в. формировался образ Польши-Сарматии, страны сурового климата и монотонного пейзажа, покрытой лесами. Этот образ где-то перекликался с образом Литвы. Который создавался Орденом[17].

Итальянец Джулио Помпино, путешествовавший в 70-е гг. XV в. по Польше и Руси, писал о них как о странах сарматов и скифов, где самыми распространенными были русский и литовский языки. Другой ученый, Конрад Цельсис, в конце XV в. написал о Польше: «Где варварский свой край населяет простой народ, где по замерзшим водам морей пробегает сарматский поселянин» в поисках янтаря[18].

В противовес этим «сарматским» сюжетам в Польше и Литве XV – первой четверти XVI в. создается собственная сарматская теория. История происхождения «сарматизма» в Польше подробно разработана в современной польской историографии,где отмечен объем таких сюжетов в литературе, начиная с Яна Длугоша, и эволюция самой идеи на протяжении XV–XV вв.[19]

В хронике Длугоша как бы смешивается библейский сюжет о расселении и происхождении народов, распространенный в средние века

[16] *Samsonowicz H.* Złota jesień polskiego średnoiwiecza. Warszawa, 1971.

[17] *Grabski A. F.* Polska w opiniach Europy Zachodniej XIV–XV w. Warszawa, 1968. S. 112–114.

[18] Ibid. S. 53.

[19] *Ulewicz T.* Sarmacja.

в славянском мире, присущий и русским летописям, с идеями, близкими Возрождению, связанными с античной культурой. Длугош много внимания уделил сарматам и скифам: он описал границы их владений, отношения с соседними народами, войны с римскими императорами. Длугош считал сарматов, живших на севере Европы, общими предками поляков и русских и полагал, что такое происхождение придает им древность. Скифы у Длугоша – отрицательный образ коварного народа.

К идеям средневековья, восходящим к этногенетическим славянским преданиям, надо отнести его мысль, что Европа заселена потомками сына Ноя – Афета, а на берегах Северного (Сарматского) моря жили сарматы и поляки. И тут же в тексте Длугоша дань традициям Возрождения: сарматы происходят от первого сына Гомера – Асцена, а это генеалогически связывает их с греками.

Как видно, у Длугоша соединяются две концепции: происхождения славян от сына Ноя и сарматская. Издавна присущей славянству следует считать идею о происхождении славян от Афета; она встречается и в ранних русских летописях, польских и чешских хрониках. Напомним, что ранние упоминания о сарматах-славянах принадлежит французским и германским хронистам.

В середине XV в. Эней Сильвио Пикколомини, известный гуманист, ученый и дипломат, будущий папа Римский, посетил в качестве легата Империю. А позднее, уже став кардиналом, написал историю Богемии (1458 г., опубликована в 1475 г.). Итальянского гуманиста просто возмутила идея чешских хронистов о происхождении своего народа от сына Ноя и появлении чешского языка после разрушения Вавилонской башни – идея, общая для ранних славянских авторов. У других европейских народов предания об их происхождении были связаны с античной традицией, и славяне оказывались древнейшим населением Европы. Пикколомини, возмущенный такой легендой, начал свою Историю Богемии с одного из братьев Леха – основателя Польши – с Чеха, от которого пошли чехи[20].

Классической работой XVI в., где разработана сарматская теория, принято считать «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского. Научной и педагогической деятельности этого польского ученого посвящена обширная литература. «Трактат о двух Сарматиях» впервые был опубликован в Кракове в 1517 г.; обычно он оценивается как историко-географическое и этнографическое произведение. Русские источники Меховского указаны Ю. А. Лимоновым[21]. Первая часть Трактата посвящена описанию Азиатской Сарматии (жизнь татар, их предшественников в Азии вандалов, готов и др., история турок), вторая – Европейской

---

[20] Ibid. S. 7–18.

[21] *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 97–109.

Сарматии (Россия, Литва, Самогития). Как предполагает большинство исследователей, основные сведения для своего произведения Меховский черпал у Длугоша и античных авторов.

Не разбирая всех аспектов информативности трактата и его идейной направленности, отметим, что он был, как писал С. А. Аннинский, обращен к европейскому читателю, его автор стремился познакомить этого читателя с малоизвестными народами Восточной Европы и Азии. Трактат был написан в те времена, когда Литва и Польша, как и Россия, страдали от набегов татар, а в Европе существовала постоянная угроза войны с Турцией. Поэтому разделы Трактата, посвященные происхождению и истории этих народов (Азиатская Сарматия), имели историко-политическое значение.

При описании Литвы Меховский говорит о происхождении литовцев «некие италийцы, оставив Италию изза несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую», то есть повторяет легенду литовских хроник. Далее упомянут и Витен (Витенен), вождь литовцев. Который поднял восстание против русских и стал князем «своих соотечественников»[22]. С именем Витеня у Меховского связано не происхождение династии литовских князей. А один из эпизодов истории Литвы.

Происхождение славян Меховсккий описывает по библейской легенде о разделении вселенной Ноем между сыновьями, ставшей и составной частью сказания о князьях владимирских[23], но, как и в рассказе о происхождении литовцев, связывает эти сведения не с происхождением династии, а с происхождением народа.

Итак, у польских авторов XV – начала XVI в. сарматская тема связана с происхождением народов и государств, преемственностью между древними, населявшими Европу, и современными им народами. Поэтом скорее эта ранняя концепция имеет общие корни с гуманистическими идеями – показать связь между разными европейскими народами и через их общих предков – с античностью. Генеалогического акцента здесь еще нет, хотя Меховский излагает сюжеты из русских и литовских родословных легенд.

Но уже в второй половине XVI в. сарматская теория в Польско-Литовском государстве станет все чаще служить генеалогической идее происхождения шляхетства. А в XVII в. наступает ее расцвет.

Красочное ее оформление в XVI в. принадлежит Матвею Стрыйковскому. Он продолжает идею Длугоша о происхождении сарматов: это потомки Афета, сына Ноя – «Афета Ноевича». Стрыйковский подчеркивает, что лишь сарматы мужественно боролись с императором Ав-

---

[22] *Аннинский С. А.* Введение // *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 10–12.

[23] *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. С. 72–73, 98–99.

густом, которому покорилась вся Европа. Он упоминает и о том, что якобы сарматов видел Овидий, когда жил в Крыму среди славян[24].

Знал Стрыйковский и легенду о происхождении литовской знати из литовских хроник: он пишет о Палемоне, «который с несколькими сотнями итальянских рыцарей приплыл в Литву, спасаясь от тиранства Нерона»[25]. Палемон взял под защиту простой народ Литвы. И они стали жить в согласии.

У Стрыйковского появляется и поэтический образ сармата: греки писали о них как о людях «с глазами ящерицы». В русских летописях тоже отмечено своеобразие скифо-сарматских глаз – «белоглазые»[26]. Постоянно подчеркивает Стрыйковский и мужество сарматов: они «славные и воинственные»,пришли на восток и север Европы; они «гарцуют на конях по твердому льду, не боясь преград», «они не страшатся смерти», неприхотливы в быту[27]. Тем самым создавался образ мужественного воина, предка современных автору шляхты-рыцарей.

В России сарматская тема звучала иначе. Еще «Повесть временных лет» в рассказе о происхождении народов назвала скифов и сармат потомками Афета, сына Ноя. Судя по перечислению народов, автор летописи помещает сарматов несколько в ином месте Европы, чем это сделают позднее польские авторы; сарматы, по мнению летописца, живут на юге, рядом с скифами и Таврией[28]. Этот рассказ близок к соответствующему тексту Длугоша, который хорошо знал русские летописи. А географическая деталь приближает русский текст к рассказу Матвея Стрыйковского о том, что Овидий видел сарматов в Крыму.

Но в XVI в. пути русских и польских авторов при развитии сарматской темы расходятся. Русские летописи повторяют тексты о происхождении сарматов из более ранних сводов, не расширяя и не обрабатывая их. А публицистическая литература, особенно генеалогическая, как «Сказание о князьях владимирских», обосновывавшая идею происхождения русских великих князей, вообще не упоминает сарматов и скифов. В Сказании нет сведений о потомках Афета, населивших европейские пространства. И в работах европейских путешественников, начиная с Сигизмунда Герберштейна, вопрос о сарматском происхождении жителей Русского государства не возникал, Россия описывалась как славянская страна[29].

В русской генеалогической литературе, связанной с идеями происхождения дворянства, в XV–XVII вв. нет скифов и сарматов. С по-

---

[24] *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi. T. 2. S. 514–515

[25] Ibid. S. 539.

[26] Уже в XX в. А. Блок напишет о скифах: «с раскосыми и жадными очами».

[27] *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi. S. 514–515.

[28] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. 3.

[29] *Ulewicz T.* Sarmacja. S. 68–70.

томком римского императора Прусом предков боярских родов здесь связывало лишь происхождение – «из Прус». Но это относится к тем немногим семьям, которые считали своими родоначальниками дружинников великого князя Александра Ярославича Невского[30].

И в XVII в., когда польская литература стала оказывать большое влияние на русскую, последняя осталась невосприимчивой к сарматской идее. Происхождение русского дворянства стабильно связывалось с севером. Вместо Прус в легендах XVII в. появляются древние балтийские племена. Кроме того, в русской публицистической литературе не появилась идея общности происхождения правящего дома и остальных дворянских родов, как это было в Великом княжестве Литовском; каждый род имел своего предка и самостоятельную легенду о происхождении.

Представляется, что разное восприятие скифо-сарматской темы в русской и польской литературе XVI в. связано с тенденциями развития самой литературы. Раньше, в XV в., в обеих странах читались одни и те же европейские романы: история Троянской войны, жизнеописание Александра Македонского, Повесть о Бове (рыцарь Бэв французских романов) пришла в Россию в XVI в. из Белоруссии через Познанский список. Возможно, кроме других причин, это также способствовало появлению «Сказания о князьях владимирских» с его идеей о происхождении русских князей от римского императора.

Если происхождение от Августа генеалогически уравнивало русских великих князей с другими государями, то сарматская теория, по существу генеалогически уравнивавшая можновладские роды Литвы и Польши с правящей династией, не получила отражения в русской литературе. Это позволяет предположить, что в России, с одной стороны, и в Литве, с другой, по-разному идеологически обосновывалась вассальная зависимость государя и его подданных. Извечность службы московскому государю и слишком большая разница в его происхождении и происхождении бояр – идеи родословных легенд XVI в. – хорошо вписывались во всю систему отношений московского великого князя и его подданных. Стоит отметить, что сарматская идея с ее связью с греческим миром скорее ассоциировалась с русским православием греческого образца, чем идея происхождения от римских императоров: Рим в XV–XVI вв. прочно связывался с католицизмом. Это еще раз убеждает нас, что при разработке идеи о сущности власти государя, проводимой через генеалогические произведения, светская власть в России не была связана с духовной и действовала так, как считала более полезным для себя.

---

[30] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 135.

В Литве и Польше, где выборы великого князя и короля делали его более зависимым от панов и шляхты, особенно в XVI–XVII вв., где была развита структура самоуправления дворянства, стало возможным и генеалогическое равенство происхождения сюзерена и вассала.

Великая княжна Елена Ивановна в Москве и Вильно[1*]

Великая княжна Елена Ивановна – старшая дочь великого князя Ивана Васильевича и его второй жены Софьи Палеолог родилась 19 мая 1476 г. Среди ее предков были правители и знатные люди разных народов. Прадедом Ивана Васильевича был великий литовский князь Витовт. У Софьи кроме греческих предков были и итальянские: ее мать была из княжеского рода Дзаккария.

Однако для московских правителей династический брак Елены и великого литовского князя Александра (12 февраля 1495 г.) был редким явлением.

Союзы с Литвой были тесными у Новгорода и Пскова: еще с XIII – начала XIV в. в эти города-государства призывались литовские князья в качестве правителей – служилых князей, у всех трех государств – Литвы, Новгорода и Пскова – было много торгово-предпринимательских интересов, связанных с балтийской торговлей и борьбой с Орденом[2].

Великие тверские князья в борьбе за первенство среди других русских князей также часто заключали такие династические союзы. Такого уровня был брак между великим литовским князем Ольгердом и тверской великой княжной Ульяной. В конце XV в. три сына великого тверского князя Михаила Александровича были женаты на литовских княжнах: эти браки не только усиливали противостояние Москвы и Твери, но и помогали литовским Гедиминовичам и православным русским Рюриковичам, чьи владения входили в состав Литвы, противостоять как Ордену, так и все возрастающему влиянию католической церкви в Великом княжестве Литовском. Московские удельные князья также ак-

[1] * В сокращенном виде опубл.: *Бычкова М. Е.* Общественные движения в России, Польше и Литве в связи с женитьбой Александра Ягеллончика на великой княжне Елене Ивановне // Życie jest wszędzie...Всюду жизнь...: Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej: Zbiór materiałów z konf. 16–17 września 2003 r. Warszawa / Pod red. A. Brus. Warszawa: Neriton, 2005. S. 37–43.

[2] *Она же.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV до 1569 г. М., 1996. С. 135–160.

тивно заключали русско-литовские браки; еще в XIV в. боровско-серпуховской князь Владимир Андреевич женился на дочери Ольгерда, а сын Дмитрия Донского – московский князь Василий Дмитриевич – на дочери великого князя Витовта, Софье[3].

Такие родственные связи играли не только заметную роль в официальных отношениях между русскими и литовскими землями; они имели и другую, частную сторону – шла переписка между породнившимися семьями, имевшими влияние на дипломатические переговоры, посылались тайные гонцы. Не надо забывать, что дипломатическая служба в Москве, ведавшая отношениями с Литвой, в XV в. находилась в руках потомков литовского князя Нариманта, переехавших в Москву в 1406 г.

В 80-е гг. XV в. отношения между Россией и Литвой были конфликтными, шли постоянные столкновения на пограничных землях, грабились купеческие караваны, шел регулярный обмен посольствами, посылались гонцы для урегулирования споров.

По наблюдению К. В. Базилевича, для конца 80-х гг. XV в. характерны постоянные порубежные стычки между московскими и литовскими войсками, которые проводили местные московские власти (наместники и воеводы) с пограничными князьями; военные столкновения происходили с большим перевесом русской стороны и на спорных территориях, которые Иван III считал наследием своих предков[4]. Вслед за пограничными войнами начался переход литовских князей (Рюриковичей и Гедиминовичей) на службу московскому великому князю.

Однако уже с 1491 г. положение начинает меняться: после смерти венгерского короля Матвея Корвина, по мнению Базилевича, у Ивана III исчезла надежда на создание антиягеллонского союза, а без него продвижение Москвы на русские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского, было невозможным. Дипломатические переговоры были прерваны неожиданной смертью короля Казимира в 1492 г. Великим литовским князем по желанию литовской знати был поспешно возведен на престол его младший сын Александр[5].

В такой обстановке начались переговоры между Москвой и Вильно (сегодня Вильнюс) о возможностях династического брака между Александром и Еленой. Поскольку свадьба состоялась зимой 1495 г., в русской исторической литературе последних лет заключение этого брака связывалось с мирными переговорами после военных действий 1493–1494 гг., когда московский князь отвоевал часть пограничных с Литвой земель, а на русскую службу стали активно переходить литовские князья.

---

[3] *Она же.* Династические браки русских великих князей в XIV–XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006.

[4] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 2001. С. 254–256 и сл.

[5] Там же. С. 261.

Однако предварительные переговоры о возможностях этого брака начались еще при короле Казимире и имели неофициальный характер: Ян Заберзинский в июле 1492 г. обратился к новгородскому наместнику Якову Захарьичу, называя его «господин и дядя», с просьбой выяснить возможность такого союза. От Якова Захарьича об этом предложении узнал потомок Гедимина, ведавший в Москве переговорами с Литвой, – князь Иван Юрьевич Патрикеев, которого тот же Ян Заберзинский в письме спросил, не сможет ли великий князь «дати дочку свою» за литовского князя[6]. Официальное сообщение из Литвы о вступлении Александра на престол пришло уже после этих писем.

Базилевич полагал, что письмо Яна Заберзинского было составлено с согласия и по поручению литовских панов-рады и, возможно, инициатором самого сватовства был еще король Казимир. Как одно из доказательств автор привел слова из письма польского короля Олбрахта к Александру от сентября 1493 г., в котором о браке говорилось, как о деле, давно решенном, и король торопил брата с заключением союза[7].

Еще одно важное свидетельство того, что союз между Москвой и Литвой готовился заранее, привела польская исследовательница Кристина Хойницкая. В 1490 г., перед своим приездом в Москву двоюродный брат великой княгини Софьи Андрей Палеолог встречался с Филиппом Каллимахом, с которым говорил о возможном браке Александра и Елены[8]. С согласия короля Казимира Андрей Палеолог в Москве приводил аргумент в пользу этого союза: упрочение позиции при московском дворе самой Софьи Палеолог. Благодаря этому союзу, Софья, если бы она осталась вдовой при большой разнице лет с Иваном III, получила бы поддержку Ягеллонов. Фактической целью предложения Каллимаха был союз Ягеллонов с Рюриковичами, который про-тивостоял интересам Габсбургов в Центральной Европе[9]. Кроме того, сам Каллимах был заинтересован в объединении православной и католической церквей.

Безусловно, такая поддержка была важна для Софьи Палеолог, так как укрепила бы ее положение в Москве. 90-е гг. XV в., когда подрастали прямой наследник русского престола Дмитрий, внук Ивана III от первого брака, и старший сын Софьи – будущий великий князь Васи-

[6] Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 35. С. 124.

[7] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 270.

[8] *Chojnicka K.* Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej. Kraków, 2001. S. 163–165. В осторожной форме это высказал К. В. Базилевич (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 270).

[9] *Chojnicka K.* Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej. S. 165–167. См. также: *Ринг Е.* Россия и различные типы государственной модернизации в Восточной и Центральной Европе // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до круше-ния. М., 2006. С. 55–60.

лий Иванович, для Софьи были тяжелыми, связанными с интригами и ссорами с Иваном III.

Внешне переговоры Палеолога с Каллимахом должны были выглядеть как забота Андрея Палеолога об упрочении положения своей сестры Софьи, находившейся в чужой стране. Стоит напомнить, что в 1490 г. умер старший сын Ивана III и наследник престола Иван Иванович; в этой смерти при московском дворе обвиняли Софью, даже казнили врача, выписанного Софьей из Венеции, чтобы лечить наследника. Смерть Ивана Ивановича могла открыть дорогу к трону старшему сыну Софьи.

Однако сами переговоры о браке Александра и Елены, которые связывались с заключением мира, в 1493–1495 гг. шли медленно. Толчком к их завершению, очевидно, стало посольство 1493 г. от князя Конрада Мазовецкого, который предлагал Ивану III заключить союз против детей Казимира и сам сватался к Елене. Такой союз сблизил бы Россию с врагом Польши и Литвы – Орденом[10].

Более скудно история сватовства Александра к Елене отражена в литовских дипломатических документах. К осторожным напоминаниям о ранней переписке по поводу брака можно отнести текст в документе 1493 г., направленном князю Ивану Юрьевичу Патрикееву от литовских панов-рады. В нем упоминается некая переписка между Яном Юрьевичем и Патрикеевым «о дело господарей нашых, чтобы межы господареи была любов и доконъчанье и всякая добрая приязнь»[11]. Уже в декабре того же года от имени великого князя Александра литовские послы должны были говорить Ивану III: «абы еси дал за нас девку свою, абыхмо в лепшои в кровнои приязни [...] жили были с тобою»[12]. В переписке 1494–1495 гг. между Вильно и Москвой в основном речь идет о том, чтобы Елену не принуждали поменять вероисповедание[13].

В январе 1494 г. переговоры завершились обручением Елены, которое происходило в покоях ее матери Софьи Палеолог в присутствии Ивана III и московских бояр. Священник прочитал молитву «кресты с чепьями и перстни меняли, и в великого князя Александра место обручал пан Станислав Янович»[14].

Более романтично это описано в летописце Великого княжества: в Кремле после пира в великокняжеском дворце Иван Васильевич отвел литовских послов в покои Софьи. Когда Софья согласилась на брак, в покои вошла Елена, и послы, упав на колени, просили, чтобы она

[10] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 276–277.
[11] Литовская Метрика. Книги Записей 5. Вильнюс, 1993. С. 75.
[12] Там же. С. 78.
[13] Там же. С. 88, 89 и след.
[14] Сборник РИО. Т. 35. С. 125.

«князя и пана их в ласце своей заховала». По просьбе Ивана послы показали портрет Александра. На портрете Александр был красивым, белолицым с румянцем, черными глазами[15].

Несколько иной портрет Александра дал в 1599 г. известный польский генеалог Бартош Папроцкий: князь был невысокого роста, с удлиненным лицом и черными волосами, туповат умом и поэтому был молчаливым[16].

Через год, в январе 1495 г. после заключения мира с Литвой Елена уехала в Вильно. За сто лет до этого уже из Вильно в Москву ехала дочь великого князя Витовта Софья, прабабка Елены Ивановны, чтобы выйти замуж за московского великого князя Василия Дмитриевича.

В донесениях о путешествии Елены подробно описаны приемы великой княжны в различных городах, встречи, знакомство с женихом – великим князем Александром. В литературе уже отмечалось, что следуя наказам матери, Елена отказалась въехать в Вильно в карете, присланной Александром, и всю дорогу проделала в собственной, подаренной родителями.

Судя по отчету русского посольства, Александр встретил Елену верхом за три версты от Вильно; когда княжна вышла из своей тапканы, «дал ей руку», а дальше Елена ехала в тапкане, Александр верхом перед тапканой, русские дворяне шли пешком слева от тапканы, литовские – справа[17].

В литовской хронике, где помещен подробный рассказ о приезде невесты великого князя, сама встреча описана более красочно. На подъезде к Вильно для княжны был разбит шатер, ее встречало до 4000 литовцев (московская свита составляла около 2000 человек). Александр, приехавший со свитой в 500 человек, пошел к шатру пешком, на пути его встретила невеста и «любезно привитавшися з собою, шли до ее намету» под радостные возгласы и мушкетные выстрелы литовцев. В Вильно Елену радостно встретили жители, бросали ей цветы, произвели салют из пушек, стоявших на городском валу[18].

Для обряда церковного венчания, который состоялся сразу после приезда в Вильно, невесту одели по русскому обычаю: ей расчесали косу и надели кику (головной убор замужней женщины), и в таком наряде Елена пошла в костел. Венчание происходило по католическому обряду, но в присутствии православного священника.

В исторической литературе в связи с этим браком всегда поднимается вопрос об усилении роли православной церкви в Литве. Действи-

[15] ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 96–97.

[16] *Paprocki B.* Ogród królewski w którym krótko opisuje historye Cesarzów, Królow Polskich i Czeskich, arcyksiążąt Austryi, książąt Ruskich. Praha, 1599. S. 173.

[17] Сборник РИО. Т. 35. С. 124.

[18] ПСРЛ. Т. 32. С. 97.

тельно, в брачном договоре специально было оговорено, чтобы великий князь не принуждал жену к переходу в католичество и построил на великокняжеском дворе православную церковь, куда бы могла ходить на службу Елена.

Перед отъездом из Москвы Елена получила от матери четкие инструкции, как себя вести в вопросах веры. В частности, если свекровь попросит ее сопровождать в храм, они могут дойти до дверей костела, а внутрь Елена не входит. И она выполняла эти инструкции, в связи с чем ее отношения со свекровью, вдовой короля Казимира, осложнились до такой степени, что Александр обращался с письмом к своему брату, кардиналу Фридерику с просьбой о посредничестве в улучшении отношений Елены с его матерью Елизаветой. Он просил, чтобы Фридерик помирил супругов с матерью, обещая, что они будут следовать ее воле[19].

Вопрос о сохранении православия постоянно звучавший и в письмах, которые Елена получала от родителей, и в дипломатической переписке с великим князем, был поводом для военных действий. Однако в российской историографии практически не исследован вопрос об отношениях Елены с православной церковью в Литве.

В Польше женитьба Александра и Елены вызвала много споров о месте православной церкви в политической жизни. В польской публицистике начала XVI в. шла полемика по вопросу, нужно ли православным перекрещиваться в католическую веру или достаточно признать верховенство папы римского. Это касалось не только самой Елены, но и остальных православных жителей Литвы. Главным сторонником повторного крещения был Ян с Освенцима (Сакронус), известный философ и теолог, член Краковской Академии, человек, близкий к брату Александра, кардиналу Фридерику. С Сак-ронусом спорил Ожеховский, сторонник объединения церквей. В 1501 г. в Рим для обсуждения этого вопроса поехало посольство Эразма Чолека; интересно, что с этим посольством ехал вновь появившийся в Польше родственник Елены – Андрей Палеолог. Его роль не очень ясна; не известно, поддерживал ли он Елену в ее намерении сохранить православие, или поляков в их стремлении обратить ее в католичество[20].

Александр не спешил вмешаться в этот спор. На восточных границах Литвы начинались военные действия, и великий князь не стремился окончательно ссориться с тестем.

Оживление подобной полемики в Польше было вызвано еще и тем, что после смерти брата на польский престол должен был вступить Александр, имеющий православную жену. Елена никогда не была коронована как польская королева. Позднее Матвей Стрыйковский и дру-

---

[19] *Chojnicka K.* Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej. S. 173–174.
[20] Там же. С. 166–167, 190–191.

гие польские авторы напишут: ее не захотели поляки, так как она не приняла католической веры.

В научной литературе не раз поднимался вопрос об усилении православной церкви в Великом княжестве Литовском после женитьбы Александра и Елены. Безусловно, сам факт появления православной великой княгини в Вильно уже усиливал положение православных князей и шляхты, тем более, что в Литве и особенно на ее восточных территориях православие имело более длительные культурные традиции, чем католичество. В конце концов, эти противоречия уже после смерти Александра вылились в 1508 г. в выступление князя Михаила Глинского.

Это выступление шляхты имело много причин и аспектов, но религиоз-ный фактор в нем также присутствовал. Позднее, когда часть соратников Глинского вернулась в Литву, на судебном процессе 1511 г. Федора Колонтая обвинили в том, что он будто раньше говорил Михаилу: «всех нас, Русь, мают хрестити в лядскую веру, а хто б не хотел поити в лядскую веру, тых мают стинати»; и его просьба о заступничестве в связи с этим вроде была поводом к выступлению Михаила Глинского[21].

Королевой Елену постоянно называют в русской дипломатической пере-писке начала XVI в., а также грамотах, выданных при Сигизмунде Старом, сменившем Александра на польском престоле. Со всеми посольствами из Москвы Елена получала «челобитья», сама писала отцу и матери. Уже после смерти Ивана III новый великий князь Василий Иванович посылал ей в подарок меха – соболей и белку.

Будучи великой литовской княгиней, Елена имела собственных администраторов. От своего мужа она получила 39 пожалований на 11 владений. Пожалованные ей земли преимущественно располагались на восточных границах Литвы: в Мстиславском княжестве, Витебске, где Елена получила во владение Обольцы, ранее принадлежавшие Шемятичу, Могилев и др. Уже после смерти Александра в 1507 г. Сигизмунд дал Елене замок Бельск.

Чиновники Елены одновременно имели должности, связанные с управлением государством. Доверенным лицом, канцлером княгини был писарь канцелярии великого князя Иван Сапега. Елена давала своим служащим земли и тяглых людей, делала земельные вклады в монастыри[22].

Елена быстро освоилась и с придворной жизнью. Возможно, в этом помогало воспитание, которое ей дала Софья Палеолог; в юности она провела долгие годы, наблюдая жизнь папского двора, куда стекались

[21] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 66–67.

[22] См. подробнее: *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995.

представители практически всех правящих домов Европы. И в Москве Софья активно участвовала в жизни великокняжеского двора.

Александр заставил Елену носить европейское платье, она сопровождала мужа в поездках по стране, полюбила светскую музыку, которой не знала в Москве. Елена уделяла внимание православной церкви в Литве[23]. Не исключено, что примером для подражания ей служила тверская княжна Ульяна, жена великого литовского князя Ольгерда. В русской средневековой литературе Ульяна известна как поборница православия, которая даже своего мужа уговорила креститься.

Жизнь Елены после смерти короля Александра была осложнена. Михаил Глинский, как можно предположить по некоторым отрывочным известиям, в 1508 г. хотел привлечь ее к своему выступлению. Она писала в Москву, что «Жигомонт король ее не во чти и не в береженье держит». А в 1511 г. русские послы везли в Литву грамоту, где с возмущением писалось, что «взяв королеву за рукава из Пречистые (православный собор в Вильнюсе – *М. Б.*) вывели, и посадя в сани, повезли в Троки, а из Трок отвезли в ее села в Бирштаны, а из Бирштан в Стеклишки»[24]. Поводом для такой ссылки было убеждение, что Елена хочет вернуться в Москву.

В литературе неоднократно рассматривалась тема приданого Елены. В него не входили земельные владения, хотя, возможно, с этим связан вопрос, постоянно поднимавшийся в переговорах о заключении брака и заключении мира. Польская сторона настаивала на такой последовательности: сначала женитьба, а затем решение пограничных вопросов. Русская сторона требовала, наоборот, сначала заключить мир, а потом брак. Это требование было принято, что и исключило возможность говорить о каких-то земельных владениях для невесты. В Литве Елене муж выделил земли, с которых шло ее содержание. То, что эти земли в основном были расположены на восточных территориях, в какой-то мере служило гарантией, что на них не нападут русские войска.

Родители выделили Елене в качестве приданого значительные ценности. В литовских летописях писала о тысячах возов «со скарабом», сопровождавших Елену в Литву. В настоящее время опубликован сохранившийся фрагмент описи приданого Елены[25]. Форма этого документа позволяет говорить, что Елене были выделены ценности из казны (золотая и серебряная посуда и утварь), «мягкая рухлядь» – драгоценные ткани и меха, богато отделанная «тапкана», в которой она

[23] *Kananowicz V.* Grand duchess Elena Ivanovna and duke Michael Gliński: aspects of Rulership at the Jagiellonian Court // Zamek i dwór w średniowieczu od XI do XV wieku. Poznań, 2001.

[24] Сборник РИО. Т. 35. С. 490, 497.

[25] Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // СА. 1984. № 5.

ехала, лошади, в том числе верховой иноходец с богатой сбруей. В приданом Елены изобилие дорогих тканей из Запада (из Венеции и просто «итальянских»), а также восточных – из Малой Азии, Закавказья, Ирана, Египта, а также самое дорогое в то время сукно из Фландрии. Серебряная посуда была украшена орнаментами, а иконы обложены золотыми окладами с драгоценными камнями («с олмазы, и с лалы и с жемчюги», «резан образ Спасов на лале, а в ней 4 лалы да 2 яхонта да 8 зерен гурмызских»)[26].

После смерти Александра ценности из наследства Елены были положены в бернардинский монастырь в Вильно и составляли огромную сумму денег. Елена хотела вернуть наследство в Москву, однако воевода виленский Николай Радзивилл добился, чтобы эти ценности пополнили казну польских королей[27].

Приданое Елены упоминается в 1514 г. в квитанции, выданной королем Сигизмундом земскому подскарбему: «и теж з серебра и з грошей широких, что после королевое ее милости небожчицы Алены на нас спало, он тое серебро и гроши до мынцы нашое дал бити»[28], из чего видно, что ценности приданого были переплавлены на деньги.

Елена умерла 24 января 1513 г. Считается, что она с Александром не имели детей. Однако уже упоминавшийся Бартош Папроцкий писал, что у Александра «осталась одна дочь, которая была выдана за саксонского князя; ее звали Варвара»[29].

Почти через 200 лет, в 1686 г. упоминание о браке великого литовского князя Александра и великой княжны Елены Ивановны как пример династической связи Литвы и России было приведено в приватной переписке о желательном и возможном союзе между царем Петром Алексеевичем и дочерью польского короля Яна III Собесского[30].

К сожалению, не сохранилось портретов Елены. Есть довольно условное изображение Александра и Елены в генеалогической таблице, опубликованной в книге Ю. Деция. Ф. Паппе писал, что на поле образа Богоматери, который Елена получила от родителей как благословение, была нарисована фигура женщины в московской одежде, якобы портрет Елены; этот образ был известен еще в 1846 г.[31]

---

[26] Там же. С. 33.

[27] *Chojnicka K.* Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej. S. 174–175, 178–180.

[28] Lietuvos Metrika. Knyga № 8. Vilnius, 1995. S. 162.

[29] *Paprocki B.* Op. cit. S. 173. Эти сведения польского автора косвенно подтверждаются письмом Софьи Палеолог к своей дочери (1497 г.), в котором Софья просит Елену подтвердить достоверность сообщения, что Елена ждет ребенка (РГАДА. Ф. 197. Оп. 1. Портф. 2. № 30. Л. 1). Эти сведения любезно сообщил О. И. Хоруженко.

[30] *Wójcik Z.* Plany mariażu polsko-rosyjckiego w roku 1686 // Ludzie. Kontakty. Kultura. XVI–XVIII w. Warszawa, 1997.

[31] *Papée F.* Aleksander Jagiełłończyk. Kraków, 1949. S. 14.

В заключение можно сказать, что сам союз Елены и Александра был удачным. Но по существу Елена была заложницей внешней политики отца и мужа, более глобальных международных союзов того времени.

Судебник 1497 г. и чин поставления на великое княжество 1498 г.: идея власти государя[1*]

Конец XV в. стал одной из самых ярких страниц в политической жизни Русского государства. После «стояния на Угре», завершившего освобождение от ига, происходит и окончательное объединение русских земель вокруг Москвы. Успешные военные действия на западных границах страны приводят к включению в состав Русского государства территорий, несколько веков входивших в состав Великого княжества Литовского; эти земли были преимущественно заселены русским населением.

Династические браки великого князя Ивана Васильевича и его сына Ивана не только расширили круг стран, с которыми у России были стабильные дипломатические отношения: при московском дворе появляются иностранцы из свиты невест, вошедшие в состав двора, мастера и ремесленники; развивается каменное строительство в Кремле.

На смену отдельным великим княжествам приходит Русское государство[2].

На последние десятилетия XV в. падает разработка и идеологическое оформление новой государственной символики. Этот процесс идет в сочетании с интересом и осмыслением в русском обществе идей добра и зла, смысла жизни, которые отразились в публицистике, обработке переводных литературных сочинений[3]. Интерес к представлениям о власти, прерогативам власти государя проявился и в русской

---

[1] * Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.: Сб. ст. / Под общ. ред. А. Н. Сахарова. М.: Парад, 2000. С. 172–183.

[2] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 30–57; *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С. 30–50.

[3] *Лурье Я. С.* «Повесть о Дракуле» и древнерусская литература // Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964. С. 36–42 и сл.

редакции «Повести о Дракуле», составителем которой современные исследователи называют дьяка Федора Курицына[4].

В конце 80-х гг. в дипломатической переписке (посольство Юрия Траханиота, выехавшего в Москву вместе с Софьей Палеолог) появляется первое упоминание о давних связях московских великих князей с римскими императорами: «В всех землях то ведомо, а надеемся, что и вам ведомо, что государь наш, великий государь уроженый изначала от своих прародителей; а и наперед того от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними римскими цари...»[5]. А в конце 90-х гг. идея уже о происхождении правящей русской династии Рюриковичей, созвучная аналогичным легендам правителей соседних государств, оформляется в ранней редакции Сказания о князьях владимирских, так называемой Чудовской повести[6].

В Чудовскую повесть включен и рассказ о дарах императора Константина – регалиях власти, посланных в Киев великому князю Владимиру Мономаху.

Эти повествования должны были показать исторические корни Русского государства, его место среди древних государств Европы, преемственность власти московских великих князей от римских императоров (династическая легенда) и Византии (передача символов власти).

В середине 90-х гг. появляется и государственная печать с изображением двуглавого орла. Древнейшая из сохранившихся печатей привешена к грамоте 1497 г., но фрагменты печатей, имеющиеся на других грамотах 90-х гг., позволяют предположить, что это изображение появилось несколько раньше. В то же время различия в способе крепления печати к грамоте свидетельствуют, что гербовая печать появилась сравнительно недавно.

В средние века гербовая печать была одним из основных свидетельств суверенности государства. К XV в. в европейских странах уже существовали строгие геральдические нормы. Главными символами, олицетворявшими власть, в геральдике были орел и лев; орлов в своих гербах имели исключительно династии императорские и королевские[7].

С этими событиями хронологически связано создание Судебника, завершенное к сентябрю 1497 г., и Чина поставления на великое княжество Дмитрия Ивановича; обряд происходил 4 февраля 1498 г. Оба документа составлялись практически одновременно, при великокняже-

---

[4] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 113, 119–120.

[5] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1: Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Стб. 17–18.

[6] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 148–159.

[7] *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 12–18; *Бычкова М. Е.* Двуглавый орел в российской государственной символике конца XV–XVII в. // Гербоведъ. М., 1999. № 38. С. 39–42.

ском дворе и идейно связаны. Чин поставления – это политический документ, который определял право на власть наследника великого князя, его наследственные права, восходящие в древние времена, божественное происхождение самой власти, а Судебник – реальное осуществление этой власти – милостивый суд.

Наиболее полно значение этих источников может быть раскрыто не только при сравнении их текстов, но также при сопоставлении с более поздними аналогичными документами, как Судебник 1550 г., Чин венчания на царство Ивана IV 1547 г. и другими. Настоящее исследование имеет более узкую постановку вопроса – выяснить, как ставился вопрос о власти государя в официальных документах конца XV в.

В современной литературе уже отмечалось, что в XV – начале XVI в. «в Европе происходит повсеместный интерес к кодификации права»; этот интерес связан с ростом роли законов как основы государственного устройства[8], что, в свою очередь, связано с усилением идеи независимости государства, необходимым атрибутом которого были именно собственные законы.

Во многих государствах Европы создание правовых кодексов связано с тенденцией унификации законов, действовавших на отдельных территориях, замены их единым государственным кодексом. Кроме того, как отметил один из ведущих специалистов истории права Ю. Бардах, «проблемы кодификации, а частично и унификации права тесно связаны с оживлением науки права, ростом ее влияния на закон и судебную практику. Место многочисленных господствующих в средние века локальных привилеев заняла идея общегосу-дарственного свода законов»[9].

Под влиянием ученых законоведов в ряде европейских государств одновременно появляется единообразная сеть понятий, методов, связанных с интерпретацией римского права, что вело к онаучиванию права, его рационализации. Сходные процессы проходили в конце XV в. во Франции, а в начале XVI в. они же видны в Венгрии, Чехии, Польше и Литве, причем их взаимовлияние не всегда шло с запада на восток; как отметил Ю. Бардах, в области кодификации права в XVI в. Литва опережала Польшу[10].

Анализируя Судебник 1468 г., составленный в Литве при Казимире Ягеллончике, И. П. Старостина отметила, что его создание сопровождалось интересом к интерпретации идеи государственной власти. Сопоставив формулы Судебника 1468 г. с аналогичными древнерусскими, а также формулами русской публицистики XV–XVI вв., автор отметила пристальное внимание к вопросам происхождения государственности,

[8] *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 12–23.

[9] Ibid. S. 13.

[10] Ibid. S. 14–16.

законности, роли суда, идее божественного происхождения царской власти у авторов Судебника Казимира. Значительное место в тексте занимают евангельские формулировки о богоустановленности власти; идеальный правитель поставлен «от Бога на казнь злым, а добрым на милование». Эта же формула в русской письменности присутствует в «Повести о Дракуле», а позднее появляется в посланиях Ивана Пересветова. В литовских правовых источниках XV в. присутствует и евангельская формула наказания преступников «по их делом»[11].

Исследователей, занимавшихся историей составления средневековых кодексов, как правило, интересовал вопрос об их авторах. Известны имена составителей венгерского, чешского кодексов начала XVI в.; это были ученые-правники, чешский автор был еще и писарем королевской канцелярии. В 1501 г. великий князь литовский Александр, ставший позднее и королем Польши, также провозгласил необходимость создания статутов Великого княжества Литовского. Первый статут был завершен в 1529 г., работа по его созданию шла под руководством Олбрахта Гаштольда, канцлера и виленского воеводы, однако, возможно, в ней принимали участие литовские доктора прав, служившие тогда в виленском капитуле. И. П. Старостина полагает, что еще раньше работу над Судебником 1468 г., вероятнее всего, возглавлял Михаил Кезгайлович, канцлер Великого княжества, тесно связанный с Краковским университетом[12].

В Польше в 1506 г. было издано собрание законов, известное как Статут Ляского (архиепископ, под его наблюдением подготовлен и следующий кодекс 1522–1523 гг.)[13].

Современные исследования показывают, что созданию средневековых кодексов в соседних с Россией странах придавалось особое значение; работой руководили лица, занимавшие высшие административные должности, в ней участвовали правоведы, знакомые с римским правом, с современной теорией права. Причем, как отмечается в современной исторической литературе, это были «интеллектуалы второго круга» – дипломаты и политики, просвещенные епископы и прелаты, деятели, связанные с королевской канцелярией, которые «вносили в умственную жизнь завязи новых мыслей и инициатив»[14].

Если мы обратимся к именам составителей Судебника 1497 г. и той среде, откуда он вышел, то сможем отметить сходные тенденции с ситуацией в соседних странах. Наиболее тщательные изыскания по этому вопросу провел А. А. Зимин, который определил круг возможных

---

[11] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед., 1988–1989 гг. М., 1991. С. 233–236.

[12] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. С. 243.

[13] *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. S. 15.

[14] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. С. 234.

авторов и организаторов работы, а также те политические силы при московском великокняжеском дворе, на которые они опирались[15].

Долгое время, благодаря недостоверной записи Типографской летописи, дьяка Владимира Елизарьева Гусева считали автором Судебника 1497 г. Все авторы так или иначе связывают составление Судебника с лицами, казненными вместе с В. Гусевым вскоре после возведения на престол наследника Ивана III Дмитрия Ивановича Внука.

Надо отмстить, что при достаточных расхождениях в текстах отдельных летописных сводов, описывающих события конца XV в., которые полностью привел в своей работе А. А. Зимин, известия о создании Судебника, некоем заговоре, венчании Дмитрия и казни Гусева в разных сочетаниях всегда приводятся рядом, что само по себе может свидетельствовать о взаимосвязанности этих событий. И имя Гусева единственное, которое также называется всегда; имена остальных заговорщиков или не приводятся, или в разных списках летописей приводятся различные имена.

Изучив биографии и родственные связи упомянутых в летописях лиц, А. А. Зимин пришел к выводу, что Владимир Гусев и его соратники принадлежали к административной элите Русского государства, причем той ее части, которая начинала службу в уделах, а в Москве была близка к окружению великой княгини Елены Стефановны, матери наследника престола Дмитрия Ивановича. Возглавлял эту группу князь Иван Юрьевич Патрикеев.

Опираясь на исследования о порядке проведения кодификации в конце XV в. в соседних с Россией странах, а также на работы, посвященные государственному аппарату России, можно сделать следующие предположения.

Работа над созданием государственного кодекса в конце XV в. велась, несомненно, под наблюдением великого князя Ивана III, возможно, длительное время. Как и в других странах, непосредственными составителями, собиравшими и сводившими нормы из действовавших в то время грамот и уложений, была группа лиц, те же «интеллектуалы второго крута», хорошо знакомые с русскими государственными документами и имевшие к ним доступ. Возглавлять такую работу должен был человек, занимавший достаточно высокое положение и близкий к Ивану III.

Все исследователи, изучавшие Судебник, проводили параллели между положениями отдельных статей и сюжетами «Повести о Дракуле», посвященными суду жестокого, но справедливого деспота. Как показали Л.В. Черепнин и Я. С. Лурье, автором русского варианта пове-

---

[15] *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия Внука и заговоре Владимира Гусева (1497–1498 гг.) // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 240–250.

сти, вероятнее всего, был Федор Курицын, дьяк и дальний родственник В. Гусева, его единомышленник. Ф. Курицын упоминается и в летописях в связи с заговором Гусева[16].

С посольством Юрия Траханиотова, как уже отмечалось выше, связано первое упоминание о связях московских великих князей с римскими императорами, еще не сформулированное так четко, как это было сделано в легенде о происхождении Рюриковичей, составленной в конце XV в. Траханиотов также упоминается в летописях как соратник Гусева.

Князь Иван Юрьевич Патрикеев был одним из выдающихся политических деятелей второй половины XV в. Он происходил из династии великих князей литовских и не только вел от имени Ивана III все дела, связанные с дипломатическими отношениями с Литвой, но и сохранял личные контакты с литовскими политиками. Он занимался и судебной деятельностью: присутствовал на судебных разбирательствах, проводимых великим князем, сам судил земельные споры, выступая часто как судья высшей инстанции[17]. Сыном Ивана Патрикеева был знаменитый публицист Вассиан Косой. Отец и сын в 1499 г. были насильственно пострижены в монахи.

Уже эти беглые наблюдения показывают, что в летописях людьми, близкими к В. Гусеву, названы те, с кем связывается появление идей, которые в начале XVI в. становятся официальными.

И в тексте Судебника четко выступает сложившаяся к концу XV в. структура административной власти: есть боярин и окольничий, которые судят, дьяк, который готовит документы, подьячий, который их пишет. Боярин прикладывает к документам печать. При описании суда государя также четко выступает его административный аппарат[18].

Судя по единообразию формулировок Судебника, связанных с непосредственными исполнителями судебной процедуры, их функции были не только четко определены, но и хорошо известны составителям. Это также может косвенно свидетельствовать об их принадлежности к административному аппарату.

Вопрос об авторах Судебника 1497 г., безусловно, нуждается в специальном исследовании, которое провести непросто еще и потому, что в средневековой литературе не принято было указывать свое авторство; подавляющее большинство известных нам русских авторов – это лица, установленные исследованиями современных историков и фило-

---

[16] *Лурье Я. С.* «Повесть о Дракуле» и древнерусская литература. С. 42–43; *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия Внука и заговоре Владимира Гусева. С. 214–216.

[17] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 30–32.

[18] Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1550 гг. Харьков, 1915. В дальнейшем ссылки на текст Судебника 1497 г. даются в тексте в скобках с указанием статьи.

логов[19]. Как представляется, пóзднее осознание авторства, характерное для русского общества, связано со сравнительно поздним распространением книгопечатания и отсутствием интереса к художественной литературе[20]. В XV в. автор чаще выступал как составитель рукописного сборника или его переписчик, то есть это были монахи или чиновники.

Еще в начале XX в. Н. П. Лихачев доказал, что чиновничий аппарат средневековой России состоял преимущественно из представителей городового дворянства, которому такая служба помогала быстрее «выбиться из рядовых детей боярских, получить положение и почести». «А путь этот требовал, прежде всего, грамотности и умения излагать свои мысли»; автор приходит к выводу: низшие слои дворянства в лице таких чиновников бывали иногда более грамотными (в широком смысле слова), чем его верхушка[21].

К этой среде принадлежали В. Гусев и его сторонники. Н. П. Лихачев провел исследование истории рода Сорокоумовых-Глебовых, к которому принадлежали дьяки Гусев и Курицын, и показал, что в середине – второй половине XV в. подавляющее число лиц из этих семей находились на государственной службе: описывали земли, ездили с посольствами, участвовали в решении судебных споров, выполняли отдельные поручения великого князя[22]. Именно среди таких людей и следует искать автора Судебника 1497 г. и тех, кто разрабатывал идею о происхождении власти государя.

Судебник 1497 г. направлен на установление «правого суда»; и хотя понятие правый в нем отсутствует, в тексте есть характеристики, позволяющие установить, что имел в виду автор, говоря о справедливом суде: «а судом не мстити, ни дружити никому» (Ст. 1). В статье 19 есть определение «неправый суд» – это суд, принявший несправедливое решение, «не по суду».

Евангельская формула судить «по их делом», которая встречается в европейском, в том числе и литовском праве XV в., в Судебнике отсутствует; есть лишь определение «лихого дела», за которое полагается смертная казнь, и иерархия судебных дел по тяжести их совершения. «Лихое дело» – это татьба, разбои, душегубство, ябедничество (Ст. 8); его совершает «лихой человек»: «государский убойца», крамольник, «тать церковный и головной, подметчик, зажигальник» – их казнят смертной казнью.

---

[19] См. подроб.: *Лурье Я. С.* «Повесть о Дракуле» и древнерусская литература.

[20] *Бычкова М. Е.* Интеллектуалы русского средневековья // «Scribantur haec...»: Пробле-ма автора и авторства в истории культуры. М., 1993. С. 29–31.

[21] *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913. С. 8–9.

[22] *Лихачев Н. П.* Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1896. С. 11–17.

В некоторых статьях Судебника можно увидеть черты «милостивого суда», прежде всего это разрешение ответчику нанять «наймита», если таким ответчиком является «стар или мал, или чем увечен, или поп, или чернец, черница, или жонка» (Ст. 49). Здесь прежде всего речь идет о решении дела в бою («на поле»), который может рассматриваться как Божий суд. Послуха и наймита могут выставить на суд и истцы: «жонка или детина мал, или кто стар или немощен или чем увечен, или поп или чернец или черница», то есть опять речь идет о лицах, которым по положению или физическому состоянию невозможно присутствовать на суде.

Строгое наказание в различных статьях предусмотрено за «посулы» судьям, которые могут привести к несправедливому решению. Первое упоминание о посулах есть уже в Ст. 1, их запрещают «имати» всем участникам судопроизводства: боярам, окольничим, дьякам.

Решение суда оформляется в правой грамоте; это, скорее всего, единственное определение, свидетельствующее о том, что суд должен быть «правым».

Сам великий князь в Судебнике упомянут в различных статьях в десяти с небольшим случаях, включая такие сочетания, как «великого князя печатник» или тиун; он стоит над процедурой судопроизводства как высший арбитр. Это определено в заголовке, где сказано, что великий князь уложил со своими детьми и боярами, как судить боярам и окольничим, которым он же предоставляет право суда.

Отсутствие в заголовке упоминания о других членах великокняжеской семьи, кроме самого великого князя и его детей, всегда привлекало внимание исследователей[23]. Однако к моменту составления Судебника братья Ивана III умерли; дети одного из них, Андрея, Иван и Дмитрий Андреевичи находились в заключении. Не исключено, что отсутствие Федора и Ивана, сыновей волоцкого князя Бориса Васильевича, связано именно с невозможностью собрать всю великокняжескую семью, но, скорее, с тем, что, став «государем всея Руси», Иван III не собирался обсуждать свои права с молодыми удельными племянниками, стоявшими ниже государя на сословной лестнице. Фактически в заголовке Судебника перечислены лишь те, кто принимал участие в великокняжеском суде и, соответственно, мог присутствовать на обсуждении его организации.

И в Судебнике 1550 г. удельные князья упоминаются лишь в статье о совместном суде с великим князем (Ст. 100); подобной статьи в предшествующем Судебнике нет.

Судебник 1497 г. не формулирует точно, какие вопросы решает великокняжеский суд, но говорит о его наличии (Ст. 2, 21), а также об оформлении документов в аппарате великого князя. Судя по правилам

[23] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 112–116.

оформления докладного списка (Ст. 24; он составляется «с великого князя докладу»), речь может идти в том числе и об апелляции великому князю на судебное решение боярского суда.

Но в Судебнике указаны и случаи, когда решение великого князя обязательно: при отпуске холопа на волю, причем государь может сделать это и без решения суда. Отпускная грамота холопу действительна без боярского суда, если ее подписал государь (Ст. 42). Грамота великого князя освобождает торгового человека от уплаты пени, если займ, товар или деньги были утрачены не по его вине («на пути утеряется бесхитростно, истонет или сгорит, или рать возмет»).

Великий князь выступает как высший судья, ограждающий своих подданных при переходе из одного сословного состояния в другое или при несчастных случаях, произошедших на территории государства.

Характерно, что присяга на боярском суде приносилась великому князю, это опять подчеркивает статус высшего судьи.

Судебник фиксирует связь между правителем и его подданными; обряд возведения на престол символизирует заключение союза между Богом и правителем, это акт сакрализации персоны государя. Представления о сакральности власти государя в средневековом обществе связаны с представлением о королях-магах, обладающих даром надприродного общения с высшими силами[24]. В общественном сознании идея о сакральности власти воплощалась в разработке внешней символики – обрядов и сопутствующих им регалий. Наиболее важным среди таких обрядов было возведение на престол, коронация. А наибольшее число легенд, связанных с таким обрядом, – это рассказы о чудесном происхождении коронационных регалий власти[25].

Обряд возведения на престол был стабильным: из века в век в одном и том же храме повторялись в определенной последовательности одни и те же жесты, произносились одни и те же слова, что само по себе в представлении людей средневековья должно было свидетельствовать о незыблемости власти, ее легитимности. Регалии, часто имевшие божественное происхождение или по преданию полученные в дар от верховных правителей предками возводимого на престол, также свидетельствовали о сакральности его власти, ее преемственности и ранге.

Введение обряда коронации способствовало установлению наследственной формы правления, когда власть переходила от отца к сыну. Наиболее древним в Европе был обряд возведения на престол византийских императоров. Первоначально он был светским и публичным и лишь со временем стал церковным. Византийские императоры ввели обычай ко-

---

[24] Подробнее: *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское. С. 99–110.

[25] *Бычкова М. Е.* Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: воплощение идеи власти государя // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1993. V. XXXIV. P. 250–252.

ронации наследника при жизни правителя. Это способствовало стабильности правления и вело к наследственному правлению. Однако он не прижился: одновременное существование двух коронованных государей неоднозначно сказывалось на реалиях политической жизни[26].

При введении коронационного обряда у королей-католиков европейских средневековых государств основным стал обряд миропомазания: именно его совершение делало власть короля божественной. В католических странах, где ранние возведения на престол в источниках иногда называются «l'onction», регламент подобных торжеств разрабатывала церковь. Она создала единое «ordo», которое дорабатывалось и изменялось применительно к обрядам соответствующих стран[27]. В раннее средневековье, когда на европейских престолах быстро менялись династии, именно церковный коронационный обряд приводил к союзу светской и духовной власти, в котором так нуждались правители. Если традиции римского права признавали за легитимной властью короля лишь служение республике, то христианский государь должен был править по нормам евангельской морали[28].

И в таких нормах снова соприкасаются записи Судебника и Чина постав-ления: в юридическом кодексе регулируются правила, по которым должен управлять страной государь, а в чине формулируются качества, необходимые такому государю.

Изучая процесс кодификации во второй половине XV в. в Великом кня-жестве Литовском, И. П. Старостина отметила, что литовских правоведов, как и русских публицистов того времени, интересовал вопрос о пределах власти и ее происхождении. В Литве он вставал в более ранних судебных нормах, зафиксированных в привилеях 40-х гг. Это личная неприкосновенность, запрещавшая наказывать до судебного разбирательства, личная ответственность каждого перед судом. Такие нормы восходили к библейским: о наказании виновных «по их делом»; этот оборот заимствован из Евангелия от Матвея и употреблен в привилеях великого литовского князя Александра и в Судебнике Казимира 1468 г.[29]

В Судебнике 1497 г. таких положений нет. По сравнению с современными ему памятниками других стран русский Судебник преимущественно содержит статьи, касающиеся конкретного процессуального права.

---

[26] *Острогский Г. А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. М., 1973. С. 33–40; *Успенский Б. А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

[27] *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское. С. 103–106.

[28] *Gieysztor A.* Spektakl i liturgia. Polska koronacja królevska // Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wrocław, 1978. S. 9–21.

[29] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. С. 236–238.

Обряд венчания Дмитрия Внука разрабатывался одновременно с Судебником 1497 г. и, несомненно, в высших административных кругах. Очевидно, среди его составителей были и ученые церковники. Изучая обряды возведения на престол в России конца XV–XVI в., исследователи, занимающиеся проблемами политической истории, в основном привлекали летописные рассказы, освещающие обряд. В настоящей работе привлечен Чин поставления на великое княжество, где разработан ритуал возведения на престол Дмитрия Ивановича.

Участие церковных иерархов при составлении русского обряда было необходимо, поскольку в отличие от католических коронаций, которые иногда продолжались несколько дней и включали церковные и светские торжества, в России сам обряд проводился в церкви. Следующие за ним праздники в документах никак не расписаны и скорее не отличались по своей организации от других придворных торжеств.

Как и в византийских обрядах возведения на престол наследника при жизни правителя, обряд венчания Дмитрия Внука должен был закрепить в Русском государстве правило передачи престола старшему сыну государя и его потомкам. За установление этого правила в Москве сравнительно недавно велась война, в которой участвовал и был ослеплен отец Ивана III – великий князь Василий Васильевич.

Именно такое представление о переходе власти от отца к старшему сыну заложено в текст речи великого князя митрополиту, произносимой в начале обряда: «Старина наша тои и до сех мест. Отцы великие князи сыном своим пръвым давали великое княжество. И отец мои, князь великий меня при себе еще благословил великым кнажьством». В свою очередь сам Иван благословил старшего сына Ивана Ивановича, а после его смерти – внука Дмитрия: «Божиа пакы воля състалася, сына моего Иоанна не стало, а у него остался сын первой Дмитрей, и мне дал его Бог в сына моего место. И яз его ныне благословляю при себе и опосле себя великым княжьством Володимерьским и Новгородцьким»[30].

Чин поставления 1498 г. был первым документом Русского государства, где регулировались права наследования престола потомками правителя. Правда, в данном случае прямого престолонаследия не произошло: Иван III вскоре заключил Дмитрия в тюрьму, а после смерти государя его престол занял старший сын от второго брака – Василий Иванович. Но этот вопрос принадлежит к проблемам политических отношений при московском дворе.

Слова Ивана III о том, что он благословил Дмитрия «при себе и опосле себя великым княжьством Володимерьским и Новгородцьким», скорее говорят о ранге Дмитрия среди других членов великокняжеской семьи. В них нет упоминания о Москве или «тверском наследии» (баб-

---

[30] ЧОИДР. М., 1883. Кн. 1. С. 34, 35, 43.

кой Дмитрия была великая тверская княжна), о котором часто пишется в научной литературе[31]. Скорее здесь можно усмотреть традиции, восходящие к киевским, по которым наследник великокняжеского престола получал Новгород. Но этот вопрос требует специального изучения.

О том, что ранг наследника – великий князь, видно из слов Ивана III митрополиту: «И ты бы его, отче, на великое княжьство благословил», а также и ранг возлагаемых на Дмитрия регалий – княжеская шапка и бармы. При возведении на царский престол в 1547 г. Ивана IV те же регалии в Чине венчания названы «царский венец» и «святые бармы», то есть определена их сущность, а не внешний вид[32].

В речи-наставлении митрополита Дмитрию, произносимой после возложения регалий, звучат слова о божественном происхождении власти, которую Дмитрий получил как наследник прав отца и деда: «Божиим изволением дед твои князь великий пожаловал тебя, благословил великим княжьством»[33]. Далее следуют слова, которые определяют прерогативы власти: «Имей страх Божии в сердци, люби правду и милость и суд правой. И имей послушание к своему государю и к деду, к великому князю, и попечение имей от всего сердца о всем православном христианьстве»[34]. В молитве митрополита, произносимой в момент возложения регалий на Дмитрия, также говорится о праведном суде: «Посади того на престоле правды (речь идет о венчаемом на княжество. – *М. Б.*)... да судя люди твоа правдою»[35].

Такая формула: «имей страх Божии в сердце», «люби правду и милость и суд правый» есть и в речи митрополита, произнесенной при венчании на царство Ивана IV. Сама речь-поучение здесь более широкая, и прерогативы власти, прокламируемые в ней, нуждаются в специальном анализе.

О наследственности великокняжеской власти, ее переходе от отца к сыну говорится и в Чудовской повести. В помещенном здесь рассказе о посылке регалий власти великому киевскому князю есть слова, которые произносит Владимир Мономах: «А мы есма Божиею благодатию настолници прародитель своих и отца моего... наследници тоя же чести от Бога»[36]. С небольшими изменениями этот текст вошел во вступление к Чину венчания Ивана IV, тоже как слова Владимира Мономаха: «А мы есмь Божиею милостию настольници своих прародителей и отца моего... тоя же чести и наследници от Бога сподоблени»[37]. Так в Русском государстве была сформулирована идея необходимости перехода

[31] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 140–147.
[32] ЧОИДР. Кн. 1. С. 34, 35, 43.
[33] Там же. С. 36.
[34] Там же.
[35] Там же. С. 34.
[36] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 197.
[37] Там же. С. 183.

власти от отца к сыну, которая свидетельствовала, что уровень развития общества уже соответствовал введению монархического правления.

Мы видим, что оба памятника – Судебник 1497 г. и Чин поставления на великое княжество Дмитрия Ивановича – стоят в кругу других русских официальных и публицистических произведений, где трактовались вопросы божественного происхождения власти государя, ее прерогатив и наследственного перехода от отца к сыну, то есть те, которые волновали политиков вновь образованного Русского государства. От решения этих вопросов зависела и форма правления страны.

Подобные проблемы привлекали внимание многочисленных авторов того времени из различных общественных слоев и стран, что дает возможность не только судить об уровне политической мысли в Русском государстве, но и ее синхронном развитии с идеями, обсуждавшимися в соседних государствах.

Одни и те же идеи, по-разному сформулированные в документах, показывают многогранность политической мысли и истоки русского самодержавия, развивавшегося и окончательно сформировавшегося уже в XVI–XVII вв. .

Формирование правящего класса Великого княжества Литовского в XVI веке[1*]

К началу XVI в. правящий класс Великого княжества Литовского превратился в замкнутое сословие. Его формирование имеет уникальный характер в истории средневековой Европы.

К середине XIII в. Литва, раннефеодальное языческое государство со слабо развитыми государственными и сословными структурами, завоевывает или присоединяет по договорам русские княжества, разоренные татаро-монгольским нашествием. С этого времени начинается тесное и активное взаимодействие литовских и русских феодалов, освоение Литвой более высокой политической, правовой, религиозной культуры, сохранившейся на русских землях. До середины XVI в. основным языком, на котором пишутся литовские летописи, документы великокняжеской канцелярии, был древнерусский, со временем приобретавший черты древнебелорусского. На русских землях действуют правовые нормы древнего Русского государства[2], отдельные из них позднее войдут в литовские правовые документы.

Присоединение обширных земель на востоке было результатом не только политики экспансии, естественной для раннефеодального государства; в это же время на северо-западных границах Литвы укрепляется военно-религиозное государство – рыцарский Орден. Основой политики Ордена по отношению к Литве, как и другим народам, населявшим прибалтийские земли, было завоевание и обращение в христианство. Естественным союзником Литвы в борьбе с Орденом была Польша, также подвергавшаяся орденской экспансии. В этих условиях брак литовского великого князя Ягайло и наследницы польского пре-

[1] * Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия / Отв. ред. В. А. Ведюшкин. М.: Археографичекий центр, 1997. С. 216–235.

[2] Термин «древнее Русское государство» употребляется здесь вместо распространенных в научной литературе последних десятилетий названий Киевская Русь и Древнерусское государство, поскольку, по мнению автора, он более соответствует словоупотреблению того времени.

стола Ядвиги (1386 г.) и последовавшее за ним крещение Лит-вы, когда католичество стало официальной религией, были сильным импуль-сом для дальнейшего развития Литовского государства, ускорившим некоторые политические процессы, и особенно процесс создания правящего класса Великого княжества Литовского.

Подавляющее большинство исследователей считает, что при заключении брака между Ягайло и Ядвигой больше всего выиграло литовское боярство, поскольку очень скоро на него распространились сословные права польской шляхты[3]. В этом процессе большую роль сыграла Городельская уния (1413 г.), которая стала важным событием в сближении сословий обоих государств. Этот акт адоптации литовских боярских семей польскими рыцарскими родами символизировал, что литовские бояре получали все сословные права польской шляхты.

В Литве, где к началу XV в. сословные структуры были оформлены слабее, чем в Польше, принятие польских гербов имело большой успех. А при той системе формирования земельных владений, которая развивается в Литве с середины XV в., гербовый род всегда сохранял питательную среду для своего развития. Если учесть то значение, которое в XV в. придавалось рыцарскому гербу как символу сословной чести, удостоверению происхождения, надо признать, что он имел большое моральное значение.

В первой половине XV в. для литовских феодалов расширяется круг шляхетских привилегий. Привилеем 1427 г. король обязался не конфисковывать имущество феодала, а его самого не заключать под стражу без судебного решения. В привилее 1447 г. закрепляются иммунитетные права, освобождающие землевладельца от уплаты в казну постоянного денежного налога и всех натуральных повинностей, связанных с обороной страны[4]. Эти законы, выданные польской и литовской шляхте, не означали моментального проникновения польских традиций в литовскую среду. По наблюдению польского исследователя В. Семковича, к XV в. литовские бояре уже имели печати с гербовыми изображениями, среди которых можно выделить европейский и русский типы, и до середины 30-х гг. XV в., как свидетельствуют приведенные им изображения печатей, литовские боярские роды, принявшие польские гербы, сохраняли печати с надписями на русском языке[5]. Это может свидетельствовать о достаточно устойчивых русских традициях, появившихся в Литве в XIII–XIV вв., раз они сохранялись именно тог-

---

[3] *Samsonowicz H.* Złota jesień polskiego średniowiecza. Warszawa, 1971. S. 44–71; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 34–131.

[4] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 428–508; *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, полити-ческого и культурного развития). М., 1961. С. 503.

[5] *Semkowicz* W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // Lituano-slavika poznaniensia. III. Poznań, 1989. S. 7–9.

да, когда литовское боярство активно воспринимало сословные привилегии польской шляхты.

Во второй половине XV в. начинается процесс консолидации литовских землевладельцев в феодальное сословие[6]. Он идет вместе с ростом экономических связей между отдельными землями, с тенденциями к политической централизации.

Еще В. И. Пичета полагал, что в Литве служилое землевладение имеет очень давнее происхождение. Держателем земли являлся великий князь, который жаловал свою землю феодалу с условием нести военную службу. Помимо земли великий князь мог пожаловать определенные доходы, которые платило ему население; право организовывать в своих владениях ярмарки и торжки, строить замок или основывать местечко, жаловалось право ловить рыбу, охотиться в пущах, собирать мед. Кроме того, любая имущественная сделка между феодалами (покупка имения, продажа, дарение, залог и т. д.) считалась завершенной после того, как она скреплялась соответствующим великокняжеским актом. Практически вся хозяйственная жизнь феодала находилась под наблюдением верховной власти.

Тем самым великий князь создавал многочисленную прослойку мелких и средних держателей земли, являвшихся его непосредственными вассалами. В свою очередь, крупные землевладельцы были окружены такими же вассалами, во главе которых они выходили на войну[7].

Первоначальным актом образования нового владения чаще всего было пожалование феодалу великим князем земельных владений или доходов с них «до живота». В. И. Пичета отмечал, что самой ранней формой пожалования была передача разных форм недвижимого имущества «до воли», т. е. великий князь сохранял право в любой момент отобрать свое пожалование. По мнению исследователя, первое пожалование «до живота», т. е. на всю жизнь, было сделано в 1494 г.[8] Пожалование новых владений приводило к стремлению нового владельца закрепить их за семьей, т. е. получить право «на вечность» себе, своим наследникам и получить на это владение иммунитетные права. Кроме того, пожалование земель или доходов с каких-то великокняжеских владений влекло за собой покупку близлежащих владений, обмен земельными участками с соседними владельцами (иногда с феодально зависимым населением) и вело к расширению пожалованных владений.

По наблюдениям некоторых польских исследователей, с середины XV в. начинают формироваться латифундии магнатов литовского происхождения. Помимо сравнительно небольших родовых владений в

---

[6] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 198.

[7] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 191; См. также: *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 120–187.

[8] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 193, 195.

этнической Литве, в это время на бывших русских землях создаются латифундии Радзивиллов и Кезгайлов[9].

Родоначальник Радзивиллов Кристин Остик получил в наследство от отца деревню Девклебишки на р. Дукштой. Кристин (ум. 1442 г.) был виленским каштеляном и оставил детям целый ряд владений, на основе которых примерно за сто лет сформировались три латифундии: в Подляшье, Несвиже и Биржах. В этих местностях сформировались огромные и в значительной степени независимые владения. Радзивиллы в XVI–XVII вв. оказывали большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику великих князей, в их владениях создавались независимые от великокняжеской власти структуры.

Аналогичный путь прошел литовский род Кезгайлов, известный по источникам со второй половины XIV в. Их коренные владения были на Жмуди. В середине XV в. они получили сравнительно небольшое владение на белорусских землях и традиционным путем – покупка, пожалование, обмен и т. д. – создают там латифундию. Родовое владение на Жмуди всегда переходило по наследству к старшему сыну, что давало ему право на должность старосты жмудского.

Первоначальные пожалования владений представителям литовских бояр на территориях русских княжеств по идее должны были способствовать укреплению власти великого князя на новых землях, но система формирования владений приводила к тому, что из этих пожалований вырастали имения магнатов, которые в XVI–XVII вв. могли успешно противостоять великокняжеской политике.

Осваивая владения на присоединенных русских землях, литовская шляхта начинает создавать четкие регионы заселения, не распыляясь среди коренных землевладельцев. В ряде земель бывших русских княжеств сохранилось не только правление старой династии Рюриковичей, но и прежние землевладельцы.

Литовское правительство гораздо гибче, чем московское, следило за имуществом своих феодалов. По документам Литовской Метрики известны случаи, когда землевладельцы в начале XVI в. получали владения «на время», т.к. их собственные разорены в результате военных действий, отошли к Москве после заключения мира. Великий князь давал землю на несколько лет, если шляхтич тратил свои деньги на государя, находясь с посольством в Орде. Часто владения давались «в застав», если феодал ссужал великого князя деньгами. Причем, судя по повторяющимся названиям этих владений, не исключено, что у великого князя существовал какой-то фонд земель для временных пожалований.

---

[9] *Malczewska M.* Latyfundium Radziwiłłów w XV do połowy XVI w. Warszawa, 1985; *Pietkiewecz K.* Kieżgajłowie i ich latyfundium do połowy XVI w. Poznań, 1982.

В Великом княжестве Литовском XVI в. служба феодала в местном и центральном управлении играла большую роль. В землевладении влияние местных чиновников сказывалось в том, что ввести феодала во владение имением, пожалованным великим князем, каждый раз был обязан наместник, представитель местной власти. Во многих привилеях великого князя Александра, в годы правления которого велись постоянные войны, осложнявшие положение землевладельцев на восточных границах, проскальзывает тезис, что жалуемые земли выбраны с помощью наместника. Иногда наместник не мог ввести нового владельца в его права, так как эти земли были уже переданы кому-то другому. В этом случае великий князь давал распоряжение тому же наместнику найти адекватную замену своему пожалованию.

Очевидно, наместник, хорошо ориентировавшийся в состоянии землевладения своей административной единицы, играл активную роль в распределении этих земель. Иногда феодалы, получив должность в органах местного управления, сами начинали приобретать земли на этой территории, что также могло привести к образованию новой феодальной вотчины. Кроме того, любая должность в местном управлении приносила реальный доход. «В Литве один человек занимает десять должностей, тогда как остальные исключены от исполнения их», – писал в середине XVI в. литовский путешественник Михалон Литвин[10]. И это совершенно справедливо, т.к., поднимаясь по служебной лестнице, феодалы не оставляли уже имевшихся у них должностей; за годы службы в одних руках их сосредоточивалось четыре-пять.

Любое пожалование имущества, любое жалование (деньгами, натурой, правом получить часть налога великого князя) в Великом княжестве Литовском было связано с несением феодалом воинской службы. Воинская служба была обязанностью и привилегией. Литовская Метрика сохранила подробные списки феодалов, получавших жалование. Среди них лица, имевшие земельные владения, но почему-либо их утратившие. Кстати, в Великом княжестве в XV в. утрата владений не вела к автоматической утрате дворянства. Князь Иван Козловский, получающий жалование деньгами, записан в Метрике в рубрике дворян, «которые имений не мают». Среди лиц, получавших денежное жалование, были князья Мезецкие, Вяземские, Мосальские.

Литовские акты позволяют наблюдать отношения между рядовыми феодалами (в XV в. – бояре), князем, правившим на соответствующей территории, и великим князем.

Литовский великий князь был главным судьей, решавшим споры между различными представителями правящего класса, независимо от того, на чьей территории они жили и кому непосредственно служили.

---

[10] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 94.

Ниже его были князья, Рюриковичи и Гедиминовичи, правившие в своих княжествах. Фактически абсолютную власть в своих владениях в XVI в. имели литовские магнаты. В основном споры между рядовыми землевладельцами и правившим на этой земле князем касались земельных владений, введения правящим князем новых поборов в свою пользу. Такие споры возникли у Мстиславских бояр в конце XV в., когда после смерти последнего Мстиславского князя престол занял князь Михаил Ижеславский, женившийся на Мстиславской княжне Ульяне[11]. Великий князь решал споры внутри магнатских семей при разделе наследственных владений.

Ниже великого князя (в XV в. эпизодически, а с XVI в. постоянно король польский и великий князь литовский – одно лицо) на сословной лестнице были литовские князья – Гедиминовичи, правившие в бывших русских или вновь образованных княжествах, и русские Рюриковичи, сидевшие на своих наследственных престолах. Если отношения великого князя с Гедиминовичами скорее всего регулировались, как и в России, на основе родственных отношений старшинства, то правление другой династии – Рюриковичей – на территории государства, где верховным владетелем был Гедиминович, привело к появлению статуса служилых князей, которых не знала ни Русь, ни Польша. К сожалению, ранние литовские акты, где употребляется этот термин, не раскрывают его. Современные исследователи, исходя из реалий московских документов, где этот термин появляется с 20-х гг. XV в., полагали, что великий князь жаловал служилому князю вотчину или сохранял за ним наследственную при условии, что он будет нести с нее службу великому князю. Можно предположить, что такая форма отношений закреплялась между великим князем литовским и князьями Рюриковичами, сидевшими на присоединенных к Литве родовых княжениях[12].

Возможно, на аналогичных условиях в Пскове в XIII в. стал княжить литовский князь Довмонт, а в Новгороде в XIV в. – литовские Гедиминовичи.

В то же время наличие на одних и тех же землях Литвы мелких землевладельцев и формирующихся рядом латифундий приводило к тому, что иногда мелкие землевладельцы в силу ряда обстоятельств переходили в податное сословие. Здесь интересна эволюция слова «боярин», существовавшего еще в древнем Русском государстве. Еще М. К. Любавский отмечал, что на русских землях Великого княжества термин

[11] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки ОР ГБЛ. М., 1977. Кн. 35. С. 112–114.

[12] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 30–31 и сл. В. Т. Пашуто приводит текст грамоты 1387 г. между в. кн. Ягайло и кн. Скиргайло, где во владениях Скиргайло в Минске упомянуты служебные князья (*Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 348).

«боярин», «бояре», свидетельствовавший о принадлежности к правящему классу, в процессе образования шляхетского сословия постепенно заменялся термином «земянин»[13].

«Боярин» превратился в представителя особой прослойки, находящейся вне рядов шляхты, и стал составлять высший разряд сельского населения с особыми феодальными повинностями.

Поскольку термин «бояре» употреблялся главным образом на бывших русских землях, он создавал затруднения при доказательстве шляхетского происхождения для белорусских и украинских феодалов. Мелкая литовская шляхта, адоптированная польскими гербовыми родами, при доказательстве своего происхождения могла сослаться на эти роды, поскольку сам акт адоптации ставил ее в привилегированное положение[14]. Белорусская и украинская православная шляхта должна была при доказательстве своего происхождения сослаться на происхождение родителей, подтверждая это происхождение у родни или соседней шляхты. В этом случае, как считает Пичета, соприкоснулись польская и русская нормы – приписка к гербовым союзам и «старина».

В конце XV в. термин «боярин» еще встречается в литовских актах, а в XVI в. в актах он заменяется термином «земянин», часто с указанием местно-сти, из которой этот «земянин» происходит.

Развернутую характеристику правящего класса Великого княжества Ли-товского в конце XV–XVI вв. дал М. К. Любавский. Он выделил три катего-рии землевладельцев: «со всем правом и панством», т. е. так, как господарь владел доменом; «под господарем», когда последний оставался верховным собственником, а владелец земли служит ему; «под князьями и панами», когда с земли шла служба князю и пану. Любавский придавал большое значение «земскому попису 1528 г.», где была поименно перечислена вся шляхта, считая, что это своего рода дворянская книга. Анализ этого документа, проведенный современными исследователями, показал сложившееся к началу XVI в. расслоение среди феодалов Великого княжества Литовского, в том числе и титулованной знати. Среди примерно 80 князей, занесенных в Перепись 1528 г., князья Слуцкий и Острожский выставляли в литовское войско более 400 всадников, то есть каждый из них имел около 7–10 тыс. подданных. А более 20 князей (примерно четверть из всех, занесенных в перепись) выставляли от одного до десяти всадников[15].

---

[13] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 431–436; *Юргинис Ю. М.* Бояре и шляхта в Литовском государстве // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978. С. 124–130.

[14] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 517.

[15] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 445–447, 468–471; *Менжинский В. С.* Структура феодального землевладения в Великом княжестве Литовском (По материалам Переписи войска 1528 г.) // ИСССР. 1987. № 3; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 105–109.

Окончательное оформление сословной структуры литовских феодалов закрепляется в Статуте 1529 г. В.И. Пичета характеризовал его как феодальный кодекс класса землевладельцев в целом. Он же дал оценку деятельности юристов, подготовивших кодекс. «Проект Статута не удовлетворял "станов" сейма, конечно, не потому, что он был составлен бюрократическим способом, поспешно, в течение двух месяцев... Вполне возможно, что он был действительно плохо отредактирован и что юристы-практики выполнили бы эту задачу лучше, чем канцелярия Великого княжества Литовского»[16].

Уже в Преамбуле Статута названы сословия, к которым он обращен: пре-латы, княжата, паны хоруговные, вельможи, благородные рыцари, шляхта «и их подданные»[17].

Далее в тексте в различных статьях, как самостоятельные сословные группы, называются прелаты, княжата, паны хоруговные, шляхта; землевладельцами названы княжата, панята, паны хоруговные и шляхтичи[18].

Военную службу несут князь, пан и дворянин.

Постоянными объектами права выступают князья (княжата), вельможи, паны (панята, паны хоруговные), шляхта (дворяне). Кроме этого, упоминаются прелаты и благородные рыцари. Эти лица могут иметь своих подданных.

Основной долг любого жителя, достигшего совершеннолетнего возраста, – нести воинскую службу. Причем войско формируется по месту жительства, «под своей поветовой хоруговью». Феодал должен поставить в войско людей со всех своих владений, если они разбросаны по разным поветам; количество воинов зависит от размера владений. Если кто-то имеет земли, данные великим князем, и находится на службе у другого князя или пана, он во время похода оставляет этого господина и идет под хоругвь того повета, где его великокняжеская данина. Мы видим, что в этих нормах переплетаются отношения различных сословий, но на первое место всегда выдвигается служба великому князю[19].

Несение службы обеспечивало права феодалов, которые гарантировались великим князем. Они зафиксированы в разделе Статута с весьма красноречивым названием: «О вольностях шляхты и о расширении Великого княжества Литовского». Великий князь обязывался охранять земельные владения своих подданных и давать в держание земли, города, замки, а также звания и чины только «местным уроженцам»[20]. Государь

[16] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 517.
[17] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. С. 132.
[18] Там же. С. 137.
[19] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. С. 142.
[20] Там же. С. 148–149.

не будет отнимать ранее выданные привилегии, а также сохранит все шляхетские вольности.

Князья, паны и шляхта могут свободно выезжать из Великого княжества «для приискания себе лучшей доли и обучения рыцарскому делу во всякие земли, кроме земель неприятелей наших»[21]. Но воинская служба с их земель в Литве все равно должна идти. Великий князь в случае смерти главы семьи не имел права отнимать имение у наследников.

Но самое главное, на наш взгляд, то, что великий князь обязывался не возвышать нешляхтичей над шляхтичами, «а сохранять всех шляхтичей в их достоинстве»[22]. Это положение свидетельствует, что в Великом княжестве завершилось формирование сословий, происходившее почти полтора века; они стали замкнутыми структурами, попасть в которые становилось все сложнее. Вслед за этой статьей шли статьи о доказательстве шляхетства, об оскорблениях шляхтичу в связи с сомнением в его происхождении. В статье «О доказательстве шляхетства» действовали нормы русской «старины»: при сомнении в шляхетском происхождении доказывающий свою правоту должен был представить со стороны отца и матери двух шляхтичей, которые подтверждали свои слова под присягой[23]. Если ближайшие родственники умерли, шляхетское происхождение истца подтверждали (также под присягой) окрестные бояре-шляхта. Для чужеземца требовалось привезти из своей страны «листы с печатями», подтверждавшими его происхождение. Если это затруднено, то происхождение иностранца должны были подтвердить под присягой шляхтичи из его страны[24].

Мы видим в этих статьях разработанную систему норм, которые ограждали феодалов от проникновения в их среду лиц из других сословий, хотя именно они могли дать лазейку для проникновения в эту среду заинтересованных лиц путем возбуждения судебного процесса об оскорблении шляхетства.

Такие процессы «о выводе шляхетства» известны с конца XV в. Особое внимание хочется обратить на то, что в России XVII в. эти же нормы доказательства происхождения будут систематически использоваться в делопроизводственной практике для доказательства дворянства.

Посмотрим еще раз, как в самом тексте Статута 1529 г. определены сословные группы:

---

[21] Там же. С. 149.
[22] Там же. С. 150.
[23] Там же. С. 150–153.
[24] Там же. С. 150.

Преамбула:	Великий князь несет обязательства по отношению к:	Держания:	Военная служба:
прелаты, княжата	прелаты, княжата	княжата	князь
паны хоруговные, вельможи благородные рыцари	паны хоруговные	панята, паны хоруговные	пан
	шляхта	шляхтичи	дворянин

Во всех статьях повторяются княжата, паны хоруговные, шляхта (дворяне). В двух случаях, когда четко определяются права держания владений и обязанности военной службы, появляется понятие «панята», «паны». И только в Преамбуле и Статье 1, где наиболее широкий круг сословных групп, появляются прелаты, вельможи и благородные рыцари.

По другим источникам XVI в. наиболее четко определяется сословная группа князей: это Рюриковичи, Гедиминовичи и небольшая группа выезжих князей (как Глинские), сохранивших свои титулы. В Литве княжеский титул, как и в России, означал происхождение из правящей династии; его никто не мог дать. Других титулов, как и в России, в Великом княжестве не было.

Паны, панята – это скорее всего зарождающееся можновладство (магнаты), чаще всего литовского происхождения, которое при Александре, и особенно его преемнике Сигизмунде Старом, играло ведущую роль в политической и хозяйственно-экономической жизни страны.

Шляхта, дворяне – низшая прослойка правящего класса, которая существовала с пожалований, служила великому князю или магнату либо им обоим. Это войско, участники местных сеймов, та среда, на которую опирались великий князь и магнаты в своей политике.

Определение «паны хоруговные» (магнаты, приходившие в войско с собственным отрядом), как и прелаты, отражает не происхождение, а службу, род деятельности. Теоретически такие лица могли происходить из всех трех групп, но реально в них скорее надо видеть князей или панов, возглавляющих собственную хоругвь, высших лиц католической церкви. Очевидно, именно католической, потому что иерархи православной церкви юридически не принимали участия в политической жизни государства. В этом случае понятие «паны хоруговные» перекрывается понятиями «княжата» и «паны».

Вельможи из Преамбулы Статута скорее всего те же паны, сформировавшиеся и формирующиеся магнаты, а в «благородных рыца-

ряx» можно увидеть иноземцев (чаще всего поляков), уже осевших на землях Великого княжества, или же тех литовских бояр, которые были адоптированы польскими гербами. В официальных документах, вышедших из канцелярии великого князя, нет термина «рыцарь» применительно к литовским феодалам. А уже польский хронист Матвей Стрыйковский при записях событий XVI в. систематически называет литовских феодалов – участников каких-либо походов – «рыцарями». Можно предположить, что это определение по отношению к литовской шляхте в конце XVI в. уже вошло в обиход и укрепилось в шляхетском сознании.

Мы видим, что в Статуте 1529 г. при определении сословной принадлежности сосуществуют два принципа: происхождение и служба. Происхождение делит феодалов на три категории: князья – титулованная верхушка, в большинстве потомки литовской или русской правящей династии; паны (вельможи) – формирующееся можновладство, нетитулованная верхушка, чаще литовского происхождения, обладающая большими земельными владениями; шляхта (дворяне, рыцари) – в основном нетитулованные феодалы, владеющие небольшими имениями, целиком зависящие от службы великому князю или магнатам, основная масса войска, тот слой, в который легче про-никнуть лицам других сословий.

Категория службы – прелаты, духовное сословие и паны хоруговные, хотя в последнем случае есть и оттенок происхождения. Мы видим здесь такую же неразработанность титулов, как и в Русском государстве и Польше, что скорее всего связано с системой землевладения.

На протяжении шестидесяти лет – 1529–1588 – в Литве были разработаны и приняты три Статута (1529, 1566 и 1588 гг.). Исследователи литовского права полагают, что такое активное законотворчество связано с процессом развития сословий, борьбой литовской шляхты с засильем поляков на территории Великого княжества, с тенденцией уравнять в правах магнатов и шляхту, превратить Литву в шляхетское государство.

Эту идею развивал в своих работах И. И. Лаппо. Он отрицал мнение, существовавшее в исторической литературе, будто уже в XV в. Литва и Польша слились в единое государство; до 1569 г. оба государства жили самостоятельной, отдельной жизнью[25]. И это отразилось в законотворчестве литовских государственных деятелей. И. И. Лаппо видел в Статутах XVI в. не только рецепции римского права, проникавшие из канонического или городского права; римское право усваивалось и из прямых источников. Напомним, что в XVI в. оно изучалось в Краков-

[25] *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. Каунас, 1937. Т. 1. С. 131.

ском университете и было популярно в среде сотрудников королевской и великокняжеской канцелярии[26]. При разработке Статута 1566 г. было использовано и греко-римское право, которым руководствовалась русская церковь в Великом княжестве.

И. И. Лаппо подчеркивал, что работа над Статутом 1588 г. шла в то десятилетие, когда заметно усилилось положение боярства и земянства Великого княжества Литовского, которое «из класса военнообязанных землевладельцев превратилось в привилегированное сословие, в «народ-шляхту», держащий в своих руках судьбы своего государства». Идея шляхетского «народа» и его сословного государства, получившая развитие и утверждение в основных законах Литовского статута 1566 г., бережно сохранена и прочно закреплена в Третьем статуте[27].

По мнению этого исследователя, в Литве середины XVI в. происходило шляхетское движение, ставившее своей задачей уравнять положение шляхты с положением панов[28]. Этот процесс привел к изменениям в правах и обязанностях различных сословных групп по сравнению с двадцатыми годами XVI в., когда создавался Статут 1529 г. В нем были зафиксированы нормы, позволявшие говорить о Литве как о феодально-магнатской монархии, где реальную силу в политических и экономических отношениях составляли князья и паны[29].

Кроме того, что произошли реальные изменения во влиянии на полити-ческую жизнь государства шляхты, рядового дворянства, это дворянство еще чувствовало угрозу со стороны польской шляхты; польская шляхта в XVI в., особенно после принятия Люблинской унии 1569 г., стремилась укрепить свои позиции на территории Литвы. Это отметил Ю. Бардах, который подчеркнул, что литовская шляхта оборонялась от польской экспансии при помощи литовского статутового права[30]. По мнению автора, это выразилось в ограничении раздачи должностей и владений иностранцам, защите прав литовской шляхты в получении от великого князя аренд и данин[31].

В Статутах 1566 и 1588 гг. усиливается принцип замкнутости сословных групп.

Статут 1588 г. практически повторяет статью Статута 1529 г. о том, что великий князь не имеет права давать шляхетские права не шляхтичам, но иначе акцентирует ее: никто из простых людей не имеет права присваивать себе шляхетские права, их дает лишь государь; никто из

[26] *Там же*. С. 97, 102.

[27] *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. С. 1.

[28] Там же. С. 2.

[29] *Пичета В. И.* Литовский статут 1529 г. и его истоки // Статут Великого княжества Литовского 1529 г. С. 13–14.

[30] *Bardach J.* O dawniej i niedawniej Litwie. Poznań, 1988. S. 53–54.

[31] *Ibid.* S. 54.

простых людей не имеет права получать должности шляхтичей[32], простых людей нельзя ставить выше шляхты. Подтверждаются все права и вольности шляхты, данные Статутом 1529 г.

Но и государство ограждает свои права. Главный долг шляхты – военная служба. У шляхтича, не явившегося в войско и не выставившего человека вместо себя, отбирается имение («а чье место под хоруговью будет порозже, и у того именье отписать на нас, государя и на речь посполитую»)[33]. Шляхтич, продавший имения и живущий в городе ростовщичеством или промышляющий на посаде торговлей, шинкарством, теряет свои шляхетские права[34]. В остальном служба с владений определяется, как в Статуте 1529 г.

Сословные группы феодалов Статута 1588 г. наиболее подробно зафиксированы в двух статьях: 2-я «Об обороне земской» и 3-я «О вольностях шляхетских».

В статье 2 указано, что служат «всякого чину духовные и светские, князи и бояре, урядники земские и дворовые, и земские люди, и шляхта хоруговная», и далее: воинскую службу под хоруговью своего повета служат старосты и державцы, и всякие приказные люди, рыцарство и шляхта[35]. В статье 3 шляхетскими вольностями обладают князья, духовные и светские паны рада, земские и градские урядники, паны хоруговные, хорунжие, шляхта, рыцарство. На сеймы съезжаются бискупы, воеводы, каштеляны, урядники земские, князи, панове, шляхта. Для учения за рубеж могут отъезжать князи, паны хоруговные поветовые, шляхта и всякий человек рыцарский[36].

Как мы видим, дефиниции более детальные, чем в Статуте 1529 г. Они не совпадают в обеих статьях (2 и 3) Статута 1588 г., что естественно: во время похода в поветовое войско выставлял людей всякий, владевший землей, в том числе и не шляхтич («вдовы и татаре и мещане, за которыми вотчины с крестьяны»). Круг лиц, принадлежавших к привилегированному сословию, яснее обозначен в статье 3.

Среди понятий Статута 1588 г. отсутствуют такие, как панята, вельможи, встречающиеся в статьях Статута 1529 г. Это, очевидно, не означает, что к 80-м годам в Литве исчезли магнаты и паны. Скорее сословные группы растворились в терминах «паны рада духовные и светские», «урядники земские и дворовые» и т. д.[37] Это дает возможность предположить, что значение государственной службы, особенно на местах, к концу XVI в. существенно возросло. Если среди высших

[32] *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. С. 89–93.

[33] Там же. С. 65.

[34] *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. С. 92–93.

[35] Там же. С. 60.

[36] Там же. С. 74–75.

[37] Подробнее: *Бычкова М. Е.* Сословная структура правящего класса и III Литовский статут // Третий Литовский статут 1588 года. Вильнюс, 1989. С. 139–142.

должностей в Статуте 1529 г. выделялись прелаты, что, однако, можно отнести и к указанию на роль католической церкви в государстве, то Статут 1588 г. знает панов раду, духовных и светских, т. е. в нем в отдельную группу выделяются члены верховного государственного органа – великокняжеского совета.

Возрастает и роль других «урядников». Воеводы, каштеляны, хорунжие и другие чины, названные в соответствующих статьях Статута 1588 г., существовали весь XVI в. Появление их в законодательных актах может свидетельствовать о возрастании роли служебного положения в жизни государства, в жизни сословий, а также возрастании значения местных органов управления.

Если при определении сословных групп авторы Статута 1529 г. действительно в основном опирались на представление о происхождении человека, то к 80-м гг. сословность проявлялась в службе, в возможности занимать определенную должность. А в реальной жизни эта возможность реализовывалась через происхождение и земельное могущество семьи.

О том, что верхушка правящего класса – князья, паны – осталась замкнутой, а низы – шляхта, рыцарство – стали подвижными, что структура нижних слоев стала более дробной, может свидетельствовать увеличение числа должностных групп в Статуте 1588 г., где появляются урядники земские, градские, дворовые, хорунжие. Численный рост и усиление определенных групп внутри шляхты, сформированных по принципу земской службы, говорит о возрастании роли местных организаций шляхты, которая выражалась в решениях, принятых поветовыми сеймами. Эти земские, местные структуры менее связаны с жизнью великокняжеского двора и менее зависят от него.

В Статуте 1588 г. специально оговаривается, что шляхтича, который служит «князю или пану», «в бесчестьи» судит великий князь, а в остальных винах «вольно всякому пану слугу своего шляхтича судить» и карать[38].

Сравнение двух глав Статута 1588 г. и Статута 1529 г. показывает, что за шестьдесят лет жизни литовского общества в нем заметно возросла роль низших прослоек класса феодалов. Они не образовали своих сословных групп по принципу происхождения, как князья, магнаты, паны, известные по Статуту 1529 г. Влияние шляхты на жизнь государства шло через занятие определенных должностей, особенно в поветах. Тем самым усиливалась корпоративность шляхты на местах. Это и отражено в Статуте 1588 г., где подробно перечислены такие должности. Но эта возросшая роль местных органов, как и основанная на близости

[38] *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. С. 84–85.

владений связь поветовой шляхты с магнатами, скажется позднее, в XVII в.

Большую роль в политической и идеологической жизни Княжества играла церковь. Католичество мало затронуло восточные земли Княжества, где на своих исконных престолах сидели русские князья; этому способствовала и близость Русского государства. Политика великих князей литовских по отношению к православной шляхте была прагматичной и осторожной. Официально великие князья в XVI в. осуждали всякую религию, кроме католической. Высшие должности в государственном аппарате могли занимать лишь католики[39]. В конце XV – начале XVI в. в состав панов рады входил только один православный князь – Константин Острожский. В состав панов рады входили католические епископы. Привилегии в занятии высших государственных должностей для католиков привели к недовольству среди православных феодалов. В конце XV – начале XVI в. усилению православия способствовало то, что женой великого князя Александра была православная княгиня Елена Ивановна, дочь Ивана III; православная шляхта могла сплотиться и вокруг князя Михаила Львовича Глинского (Глинские были православным родом), завоевавшего неограниченное доверие Александра. Но выступление Глинского в 1508 г. успеха не имело, а он сам бежал в Москву[40].

Несмотря на религиозные ограничения, в XVI в. в Великом княжестве распространяется протестантизм (преимущественно кальвинизм). Польский исследователь Я. Тазбир справедливо выделяет в этом процессе два момента: протестантизм пришел из Польши, где благодаря толерантной политике королевской власти в городах обосновывались общины купцов и ремесленников различных вероучений, перебравшихся в Корону после религиозных войн в Европе. «В Польше в кальвинизме увидели прежде всего подтверждение превосходства шляхетского сословия над династией и подвластным ей административным аппаратом. Он давал светским феодалам, а не государю руководящее положение в соборе. Ничего удивительного в том, что эту веру признавала в основном богатая шляхта и магнаты, тем более что в Литве кальвинизм автоматически усиливал местные стремления этой среды»[41].

Развитие реформации в Великом княжестве шло преимущественно в частных владениях достаточно могущественных политически и экономически сторонников этого учения; несвижская ветвь Радзивиллов, примеру которой последовали другие семьи (Ходкевичи, Кмиты, Нару-

---

[39] *Tazbir J.* Państwo bez stosów. Warszawa, 1967. S. 31–32.

[40] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России. С. 60–69.

[41] *Тазбир Я.* Общественные и территориальные сферы распространения польской реформации // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 116.

шевичи, Кишки и др.). Во владениях магнатов, чаще всего в городах, административных центрах, основывались кирхи, создавались школы, работали типографии[42].

Развитие реформационных учений в Великом княжестве имело и другой аспект: часто православная шляхта переходила в католичество через протестантство, оно становилось переходной ступенью для одного-двух поколений семьи.

Своеобразие распространения различных вероучений среди феодалов Литвы, на наш взгляд, имеет несколько аспектов. Несомненно, в его основе лежат причины политического характера, как для бывших католиков, так и православных. Для католиков переход в кальвинизм чаще всего был связан с политической ориентацией, позволяя создавать оппозицию королевской власти. Для православных – это ступенька, дававшая возможность в будущем подняться по служебной лестнице и упрочить положение семьи. Эти наблюдения подтверждаются тем фактом, что, кроме несвижских Радзивиллов (а Радзивиллы в Литве всегда были на особом положении), протестантизм держался в дворянских семьях в одном-двух поколениях. При этом сущест-вование религиозной общины во владениях магнатов и шляхты целиком за-висело от веры главы семьи: возвращение его в лоно католической церкви вело к ее распаду.

Распространению различных вероучений в шляхетской среде способствовали привилеи 20–30-х гг. XV в.: шляхтича нельзя было заключать под стражу без решения суда; без решения суда король не мог конфисковывать имения шляхты. Поэтому, на словах поддерживая католическую церковь и осуждая еретиков, королевская власть не могла на деле предпринять решительные шаги в условиях, когда феодалы внимательно следили за сохранением своих привилегий. Я. Тазбир красочно обрисовал картину гипотетического суда над шляхтичем-еретиком по вопросу о вере. Во-первых, суд состоял бы из шляхты-единомышленников, которая вряд ли стала в угоду королю осуждать свою родню и создавать прецедент для власти. Во-вторых, «слуги, выводящие шляхту из имений и ведущие ее в трибунал по обвинению в ереси – при виде этого из ножен были бы выхвачены сотни сабель самых верных шляхтичей-католиков»[43].

Но такая веротерпимость существовала в государстве лишь по отношению к шляхте, горожан судили по обвинению в ереси.

Взаимовлияние различных религиозных и культурных традиций на протяжении нескольких веков привело к тому, что в конце XV в. в Великом княжестве Литовском в самосознании феодалов сформирова-

---

[42] Там же. С. 117.

[43] *Tazbir J.* Państwo bez stosów. S. 117.

лись своеобразные и оригинальные представления о происхождении класса феодалов и отношении феодала к власти. Здесь можно выделить несколько тенденций.

Литовские летописи, которые продолжали традиции древнерусского летописания, содержат родословную легенду о происхождении родоначальника великих князей и литовской знати. Составленная в конце XVв., она рассказывает, как родственник римского императора Нерона – Палемон вместе с представителями знатных родов решил переселиться из Рима. После морского путешествия они приехали в Литву, Палемон стал здесь править, а римские патриции, прибывшие с ним, стали родоначальниками знатных литовских родов[44]. Идея о происхождении родоначальника правящей династии от римского императора была в это время распространена в странах Восточной Европы. Аналогичные легенды в то же время появились в России и Молдавии. Известие о том, что вместе с Палемоном из Рима приехали родоначальники литовской знати, уравнивало генеалогически происхождение династии и можновладства.

Эта легенда не только переписывалась в XVI в. из летописи в летопись; она прижилась в самосознании литовского правящего класса. В середине XVI в. Михалон Литвин, путешественник и автор трактата «О нравах татар, литовцев и москвитян», также упоминает эту легенду, пишет о «древних римских обрядах» литовцев, их «полулатинском языке»[45]. В XVI в. уже существовали родословные легенды о происхождении из Италии предков магнатских родов (Радзивиллов, Гаштольдов, Пацев и др.).

Легенде о римском происхождении правителей Литвы противостояла другая, о рабском происхождении их первого князя Витеня. Она восходит к ранним хроникам Ордена и в какой-то мере заимствована русскими публицистами XV в.[46]

В орденской идеологии развивалось представление о диких варварах-литовцах, сарматах, чье завоевание и обращение в христианство было одной из задач орденской политики. В XIV в. участие в летнем походе Ордена на Литву и другие прибалтийские народы входило в образование европейского рыцаря. В сознании этого рыцаря объединялись в единое целое неверные сарацины, варвары, среди них сарматы-литовцы и частично поляки, от которых он шел освобождать гроб

---

[44] *Бычкова М. Е.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. С. 297–299.

[45] *Михалон Литвин. О* нравах татар, литовцев и москвитян. С. 86.

[46] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 74–76; *Бычкова М. Е.* Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. // Польша и Русь. М., 1974. С. 367–372. Пишет об этом и С. Герберштейн (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 83).

Господень[47]. Для этих целей крестоносцы в XIV в. осаждали Вильнюс, столицу католического епископа. В рамках такой идеологии родоначальник великих литовских князей Витень был рабом одного из литовских князей.

Очевидно, эту идею заимствовали и переработали в России, но русские авторы смягчили ее, сделав Витеня слугой полоцкого князя Рюриковича. Рабом полоцкого князя Витень назван в единичных случаях. Но уже в XVI в. с усилением роли князей Гедиминовичей (Бельские, Голицыны, Трубецкие и др.) при московском дворе в Государевом родословце (1555 г.) появляется новая легенда – Витень сам становится потомком полоцких князей[48]. В 60-е гг., когда у Ивана Грозного были сложные отношения с польским королем и великим князем литовским (Гедиминовичем по происхождению), новая редакция была признана царем официально: в послании Сигизмунду Августу (1567 г.) он писал, что о рабском происхождении Витеня «безлипичники врут», и признавал достоверной легенду о происхождении литовских великих князей от полоцких Рюриковичей[49].

В XV–XVI вв., особенно после выхода книги Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях», в Польше распространяется идея о сарматском происхождении славян и литовцев. В более раннее время аналогичная «сарматская идея» развивалась французскими и немецкими авторами, но в Польше получила окраску, близкую к идеям Возрождения. Еще Ян Длугош, а вслед за ним Меховский писали, что происхождение славян от сарматов придает им древность, уводит их корни в античные времена. Позднее в польской шляхетской идеологии сарматская теория получила окраску равенства происхождения шляхты и государя. Воин-сармат наделялся рыцарственными чертами; сарматы во главе с Кракусом, основателем Польши, побеждали Александра Македонского и т. д.[50]

Безусловно, эти идеи были известны в Великом княжестве, где хорошо знали работы польских авторов. Но самостоятельного развития сарматская теория в Литве не получила: литовцы предпочитали подчеркивать свое итальянское происхождение. Может быть, этому способствовал более ранний образ литовца-сармата орденских идеологов. Интересно, что, говоря об общем происхождении славян от сарматов, польские авторы XVI в. никогда не писали о сарматском происхождении жителей Русского государства. Оставаясь для них славянской страной, она не вписывалась в сарматский мир.

---

[47] *Samsonowicz H.* Złota jesień polskiego średniowiecza. S. 46–48.

[48] *Бычкова М. Е.* Отдельные моменты истории Литвы. С. 369–370.

[49] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 260.

[50] *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium i problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950. S. 42–52.

К сожалению, разработка и освещение данной темы в русской, польской и литовской исторической литературе вынуждает нас остановиться. Еще не исследованы конкретные вопросы истории правящего класса Литвы в XVII в. Предварительно можно сказать, что в XVII в. все более будут сближаться политические структуры Короны и Литвы, а это в условиях феодального государства влечет и сближение сословных структур. Участившиеся набеги крымцев, связанные с усилением в XVII в. Оттоманской Порты, приведут к сближению в организации армии; шведский Потоп и борьба с ним также сблизят Корону и Литву. Но в XVII в. в Литве вспыхнет и интерес к национальной культуре: попытки создать свой алфавит и письменность, сохранить язык.

Как представляется, формирование правящего класса сыграло выдающуюся роль в истории Литовского государства. Из всех прибалтийских народов, подвергшихся в XIII в. экспансии Ордена, только Литве удалось создать и сохранить сильное сословие литовских феодалов, которое в условиях развития феодального государства может гарантировать сохранение национального государства.

Очевидно, этому способствовало то, что, присоединив в XIII в. русские земли, стоявшие на более высоком уровне политического развития, Литва выступала по отношению к ним как завоеватель, однако усвоение более высоких правовых норм и государственных форм, культуры, религии было ненасильственным и неполным. Православие так и не стало государственной религией Литвы. Добровольное принятие отдельных форм государственной власти и сословных норм привело к тому, что Литва в убыстренном темпе проходила процесс формирования феодального государства, и с конца XIV в., когда начинается сближение Литвы и Польши, последняя не смогла полностью навязать ей свою сословную структуру и государственность. Усвоив лучшие формы сословных привилегий Польского государства в XV в., литовские феодалы в XVI в. смогли создать собственные структуры и противостоять польской шляхте. Возможно, здесь сказалось то, что в формировании государственного устройства и правящего класса Польша и Россия, как славянские страны, имели общие черты. Литва все время сталкивалась с чем-то подобным.

Принятие в XIV в. католичества не только сблизило литовских феодалов с польской культурой, но и позволило полнее освоить культуру Возрождения. Литовская шляхта могла уезжать учиться и служить практически во все страны Европы, осваивать законодательство, организацию государственного управления, военное дело передовых стран.

Благодаря своим многовековым связям с Россией и Польшей Литва часто воспринималась – и не только путешественниками XVI в. – как страна славянского мира. Но конкретные наблюдения над процессом формирования правящего класса показывают, что во всех случаях, когда надо было сделать выбор, литовские феодалы заимствовали лишь то, что могло способствовать развитию, и отвергали нормы, чуждые их культуре и самосознанию.

Правящий класс Русского государства (XVI–XVII вв.)[1*]

Традиции формирования сословной структуры правящего класса России восходят к временам древнего Русского государства и феодальной раздробленности. В XII–XIII вв. одновременно с образованием княжеских династий (черниговская, смоленская, ростовская, владимирская и др.) появляются и боярские роды, чья служба князю была наследственной и, как правило, обусловлена тем, что земельные владения семьи находились на территории данного княжества. Отъезд на службу к другому князю был позором и расценивался как нарушение клятвы.

К сожалению, вопрос о сословной структуре феодального общества России принадлежит к одному из наименее разработанных в современной исторической литературе. Существуют серьезные работы по отдельным аспектам проблемы: о новгородском боярстве В. Л. Янина, о вассалитете в Русском государстве Л. В. Черепнина, о формировании боярской прослойки А. А. Зимина, работы С. Б. Веселовского, М. Е. Бычковой, В. Б. Кобрина и др.[2] Но многие из этих исследований трудно состыковать во временных отрезках истории или территориально; поставленные рядом, они не дадут цельной картины происхождения и истории сословной структуры правящего класса в XVI–XVII вв.

Исследование сословий правящего класса России затрудняется еще и тем, что до конца XVII в. здесь не было юридически оформленных норм доказательства дворянского происхождения или же устанавливающих какие-либо сословные группы. Сословность определялась

---

[1] * Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия / Отв. ред. В. А. Ведюшкин. М.: Археографичекий центр, 1997. С. 236–260.

[2] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Ист.-генеал. исслед.). М., 1981; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985; См. подроб.: *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1988.

принадлежностью к определенной семье. Об этом свидетельствует большое число различных редакций родословных росписей и книг, где происхождение лиц, их принадлежность к семье, родственные связи внутри семьи официально признавались и утверждались, а также большое количество генеалогических документов.

Наличие сословных групп у русских феодалов в XIV–XVI вв., близких к сословиям других феодальных государств Европы, прекрасно показано в работе Л. В. Черепнина; автор доказал, что в России существовали различные виды «поземельно-служебных отношений», которые оформлялись соответствующими договорами между сеньором и вассалом. Из этой иерархической структуры и вырастало феодальное государство как орган господствующего класса[3]. Все свои выводы Черепнин сделал, опираясь на богатый актовый материал.

Отсутствие выработанных юридических норм, закреплявших сословные права и привилегии отдельных групп феодалов, безусловно, позволяет сомневаться в официальном оформлении этих групп. Однако в исследовании политической истории и повседневной жизни русского общества XVI–XVII вв. мы постоянно встречаемся с такими группами. Сама запись человека в боярскую книгу, боярские списки, Дворовую тетрадь официально закрепляла за ним принадлежность к боярству, Государеву двору, дьячеству и т. д. Назначение на воинскую службу (разряды) также учитывало принадлежность к определенной среде и вытекающее из нее право на должность. О строгой иерархии различных дворянских семей говорят и местнические дела, причем, вопреки давно бытующему представлению о широком распространении местничества в придворной жизни, подавляющее большинство местнических дел связано с назначением на службу[4].

Мы можем показать процесс формирования высшей прослойки феодалов (бояре и окольничие, другие думные чины), изменения в личном составе Боярской думы, определить состав дворянских семей, служивших по московскому и городовым спискам, и многие другие вопросы, но мы не знаем принципов, юридических норм, по которым формировались эти сословные группы, поскольку нормы нигде не записаны.

Такое положение с источниками привело к тому, что сословность класса феодалов, понимаемая как право иметь особые иммунитетные права в своих владениях, право занимать определенную должность в государственном аппарате, иметь чин, принадлежать к Государеву двору и т. д., в русской исторической литературе изучалась в основном генеалогическим путем. Хотя и таких исследований сравнительно немного.

---

[3] *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV–XVI вв. // ИЗ. М., 1940. Т. 9. С. 68–69.

[4] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронол. реестр. М., 1994.

Отсутствие юридически зафиксированных норм, относящихся к феодальному землевладению Русского государства, и откровенная бедность частных актов, через которые эти юридические нормы воплощаются в повседневной жизни, затрудняют изучение сословной структуры правящего класса России на базе истории феодального землевладения.

Слабо изучены и права различных групп феодалов в своих земельных владениях. Большинство современных работ посвящено в основном формированию вотчины, а вопросы хозяйствования в ней, тенденции развития хозяйственных структур исследуются слабо. Чаще всего формы хозяйствования сводятся к развитию запашки. С. Б. Веселовский отмечал наличие в частных вотчинах водяных мельниц, справедливо видя в их строительстве возможность получать дополнительный доход. Недавно очень интересные сведения по этому вопросу за вторую половину XVI в. привела Е. И. Колычева. Анализируя формы и размеры владельческой ренты у светских феодалов, автор отметила, что в имениях помещиков доход был регламентирован из расчета на одну выть имения и платился крестьянами натурой и деньгами. «Состав ренты был продуман так, чтобы помещик был обеспечен всем необходимым и не нуждался в заведении собственного громоздкого хозяйства с барской запашкой. У помещика были слуги-холопы, которые сопровождали своего господина в походах, управляли хозяйством, следили за своевременным поступлением крестьянской ренты»[5].

Это напоминает некоторые пожалования великого литовского князя Александра конца XV – начала XVI в., в которых четко обозначены «данины», получаемые владельцем с имения. И местные жители внимательно следили, чтобы владелец не вводил «новин», «не рушил старины», т. е. не превышал зафиксированного в грамоте дохода с владения.

В конце XV–XVI в. формы приобретения владений в России были в принципе такие же, как в Литве: наследственное владение, пожалование, покупка, обмен, дарение и др. Но в России они не утверждались великокняжеской властью и не всегда оформлялись письменным документом. Поэтому проследить историю частного феодального владения очень трудно.

Как показал В. Б. Кобрин, по крайней мере до конца XV в. многие князья на территории своих присоединенных к Москве княжеств сохраняли княжеские права. В то же время в других владениях, вотчинах и поместьях, иногда разбросанных по разным уездам государства, они имели права, аналогичные правам рядовых вотчинников и помещиков[6]. Большую работу по определению первоначальных границ вотчин мо-

[5] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 99–100.

[6] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 48–78.

сковских бояр в XIV–XV вв. и дальнейшему распределению этих владений внутри семьи проделал С. Б. Веселовский[7]. Его работы, помимо привлечения значительного фонда актов, выгодно отличает использование данных топонимики, что позволяет аргументированно показать формирование владений отдельных членов семьи. По работам С. Б. Веселовского мы знаем, что сведения о разделе единой вотчины между членами одной семьи чаще всего основываются на совпадении названий отдельных местностей с личными прозвищами. Происхождение фамилий и географических названий Северо-Восточной Руси взаимосвязаны, но сами по себе эти сведения довольно поздние (XIV–XV вв.). Есть основания полагать, что долгое время землевладение внутри одной семьи было нераздельным, во всяком случае процесс раздела земли не выражен так открыто, как в странах Европы. Интересно, что не только Москва, столица княжества, не делилась территориально между наследниками великого князя: каждый из них имел право на определенную часть доходов с Москвы. Дворы феодалов, находившиеся на территории Московского Кремля, также были в совместном пользовании всех членов семьи[8].

Говоря о сословной структуре русского правящего класса, надо четко представлять, что, в отличие от других государств, в том числе Великого княжества Литовского, до конца XV в. на престолах во всех великих княжествах сидели князья одной династии – Рюриковичи. Окружавшая их феодальная верхушка также часто представляла различные семьи одного боярского рода, осевшие в разных княжествах. Причиной мог быть переход на службу от одного князя к другому, или же передел земель между князьями, когда вотчинник менял государя, сохраняя свои владения. Но в XV в. была и ситуация, когда землевладелец не являлся вассалом князя, на территории которого находились его владения: докончальные грамоты великих и удельных князей XV в. позволяли феодалам приобретать владения на земле «чужого» князя. И хотя конкретные случаи в тексте докончаний не оговариваются, представляется, на эту норму повлиял именно тот факт, что довольно близкие родственники, члены одного рода, служили разным князьям и у них могли возникать конфликты в вопросах наследования владений.

Возможно, отсутствие зафиксированных юридических сословных норм связано с тем, что в России представители различных семей хорошо знали свое происхождение, родственные связи как внутри отдельных семей, так и между ними; особенно это относится к семьям, происходящим от общего предка. О хороших генеалогических знаниях свидетельствует вся история составления родословных книг XVI в.

---

[7] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев.
[8] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 94–98.

Формирование единого класса феодалов Русского централизованного государства шло корпоративным путем, когда о происхождении и службе семей, переходивших под начало московских великих князей из присоединенных соседних княжеств, все было известно. Их положение на сословной иерархической лестнице было определено.

Во главе сословной структуры Русского государства XVI в. стояла великокняжеская семья – великий князь и удельные: дяди, братья, двоюродные братья великого князя. После жестокой феодальной войны 30–40-х гг. XV в. состав великокняжеской семьи регулировался: удельные князья часто не имели права вступить в брак и иметь законных наследников. Это гарантировало великокняжескую власть от большого количества претендентов на престол и от распыления домениальных владений. После смерти бездетного удельного князя его земли отходили к великому князю. В Русском государстве право наследования владений имели лишь законные дети.

На следующей ступени сословной лестницы стояли князья Рюриковичи, потомки великих князей ярославских, суздальских, ростовских и некоторых других, которые еще с XIV в. постепенно переходили со своими землями под власть московских великих князей. До начала XVI в. они сохраняли в своих бывших княжеских владениях особые княжеские права: обладали правом суда, сбора налогов, освобождались от общегосударственного налога и другие[9]. Естественно, что в разных княжествах на протяжении века такие права менялись.

Именно из этой группы формировалась в основном Боярская дума, в военных походах наиболее знатные и владетельные князья участвовали с собственными отрядами или в качестве первых воевод возглавляли полки великого князя. Они были активными участниками политической борьбы при дворе великого князя и иногда реальными правителями государства при малолетнем наследнике престола.

Кроме этих князей, существовала еще категория служилых князей, по своим правам близкая к удельным князьям. Истоки появления этой категории следует искать в русско-литовских отношениях XIV в., в частности в отношениях между Литвой, Новгородом и Псковом. Развитие новгородского боярства отличалось от развития правящей верхушки в других регионах будущего Русского государства. В Новгороде не было своей княжеской династии из числа потомков Рюрика; никто из новгородских феодалов не имел княжеского титула. Как убедительно доказал В. Л. Янин, «новгородские бояре составляли непополняемую касту аристократов и были обязаны своей сословной принадлежностью только происхождением от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории, от той сословной верхушки,

---

[9] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 48–60 и сл.

которая консолидировалась в замкнутую касту еще на протогосударственной стадии». В период существования древнего Русского государства новгородцы приглашали «на княжение» с ограниченными правами какого-либо из киевских князей. В XIV в. положение изменилось: «на пригороды» приглашаются два князя – русский Рюрикович и литовский Гедиминович. С последней четверти XIV в. по отношению к ним употребляется термин служилый князь. Эти князья были преимущественно военачальниками новгородского войска; за службу они получали земли, как полагает Янин, первоначально на вотчинном праве, а позднее – на кормленческом[10].

Однако, при распространении в Литве и Новгороде статуса служилого князя, в Москве до конца XV в. он не привился. В 1408 г. в Москву приехал служить сын новгородского служилого князя Наримонта Патрикий Наримонтович. Он и его потомки играли ведущую роль в политической жизни Московского княжества на протяжении всего XV в., но в качестве бояр, наместников и воевод великого князя[11]. Даже в XVI в., когда в Москве уже были служилые князья, их статус не распространялся на потомков Наримонта – князей Голицыных, Булгаковых, Куракиных.

Среди исследователей нет единого мнения в том, кто был выше в сословной иерархии – удельные или служилые князья. С. Б. Веселовский по существу не различал служилых и удельных князей. Служилые для него – князья, перешедшие с конца XV в. на службу московскому великому князю. М. Н. Тихомиров уже различал права удельных и служилых князей. Их объединяло то, что и те и другие оформляли свои отношения с великим князем докончальными грамотами. По мнению автора, права удельных князей были шире прав служилых князей, сословной обязанностью которых было нести военную службу великому князю[12].

Наиболее подробно положение служилых князей изучено А. А. Зиминым. Главное отличие между удельными и служилыми князьями (а служилые стояли на иерархической лестнице ниже удельных) заключалось в том, что удельные князья, принадлежавшие к великокняжеской семье, являлись потенциальными наследниками престола. Как отметил А. А. Зимин, по неписаному праву служилые князья ходили на войну с великим князем лишь в том случае, когда затрагивались их собственные интересы[13]. Занимая достаточно высокое положение на иерархической лестнице, служилые князья фактически были отстранены от участия в политической жизни государства.

[10] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 213, 218.

[11] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 30–31.

[12] Подробнее: *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. ***29–60.***

[13] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство в крепостной России XVI–XVIII вв. М., 1975.

Мне уже приходилось высказывать мнение, что короткое существование в Русском государстве статуса служилых князей в первой четверти XVI в. связано с недостаточно развитым государственным аппаратом[14]. Служилые княжества существовали на западных и южных границах государства и являлись как бы буфером, на юге охраняющим русские территории от набегов татар, а на западе сдерживающим походы литовских отрядов. В этом случае статус служилого князя, известный в Литве и практически заимствованный русским правительством, помогал адаптироваться литовским князьям в новом государстве.

Кроме того, в силу своего положения служилые князья не входили в Боярскую думу, где были их однородцы, начавшие служить русским государям в XV в. без этого звания. Такое положение создавало равновесие между различными политическими группировками и способствовало укреплению центрального аппарата. После того как служилые князья вошли в Боярскую думу, их титул утратил реальное значение; вся борьба за власть в 30–40-е гг. XVI в. ведется практически между вновь вошедшими в Думу служилыми князьями Бельскими и издавна сидевшими там князьями Шуйскими. Служилые князья еще упоминаются в начале XVII в., но это лишь титул, сохраненный потомками.

В конце XV – начале XVI в. внутри правящего класса происходят изменения; с образованием единого государства появилась новая тенденция формирования сословий правящего класса: вместо сословных групп, сложившихся в различных великих княжествах, постепенно вырисовывается класс феодалов Русского государства, где отношения между различными группами и внутри таких групп складываются по иным принципам, чем раньше в самостоятельных княжествах.

Новый этап формирования сословий единого Русского государства выражается в том, что с конца XV в. сословные группы, к которым принадлежали семьи из верхушки правящего класса, объединяются понятием «Государев двор». В Государев двор входили те, кто служил непосредственно великому князю; к нему не принадлежали удельные князья – аристократическая верхушка правящего класса. Соответственно самыми знатными в Государеве дворе были служилые князья, князья Рюриковичи из бывших великих княжеств и выехавшие в Москву литовские Гедиминовичи.

Состав Государева двора мы находим в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в., когда его структура достаточно оформилась. В тексте документа отдельно выделены думные и придворные чины: бояре, окольничие, казначеи и т. д. Отдельную группу составляют служилые князья. Порядок расположения семей в этих записях в принципе совпадает с расположением росписей в официальных родословных книгах 40–50-х гг. XVI в.,

[14] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 73.

что может говорить об устоявшейся иерархии родов. Наряду с этим, и в Дворовой тетради, и в родословных книгах часть лиц записана по территориальному принципу – уездам, по которым они служили[15]. Так что здесь при делении правящего класса на группы соблюден территориально-родовой принцип. Можно предположить, что для представителей княжеских семей или боярства, которые записаны по месту службы, а не среди своей родни, это означало разрыв с вотчинными владениями и службу князю с тех земель, которые им были пожалованы.

Если процесс формирования Государева двора в первой половине XVI в. завершился созданием Дворовой тетради, то его начало менее уловимо. Очевидно, это связано с реальным выходом на политическую арену княжеских и боярских семей во время великого княжения Ивана III, с созданием новых сословных структур, вызванных формированием класса феодалов единого Русского государства.

В нашей исторической литературе прочно обосновалось понятие «старомосковское боярство». Обычно оно объединяет нетитулованную часть Государева двора, семьи, чьи предки по родословной легенде выехали в Москву в XIII–XIV вв. Исследованию их истории посвятил свои работы С. Б. Веселовский, который провел тщательный анализ состава боярских семей, служивших московским князьям в XIV и XV вв., изучил их земельные владения, службу при дворе[16]. Автор вскрыл процессы политической жизни, вызвавшие появление таких новых для XV в. родов, как Морозовы, Плещеевы, которые в литературе традиционно относились к старомосковским, а также угасание одних семей из древних боярских родов и замену их другими. А. А. Зимин, проследив историю боярства при дворах великих и удельных князей, показал процесс слияния разных семей одного рода, служивших великому князю и удельным, а также в княжествах, вошедших в состав Русского государства, участие этих родов в политической жизни страны в первой трети XVI в.[17] О том, насколько сложен этот процесс, как оформляли различные семьи свое положение при дворе, используя самые различные документы, писала и автор этой работы на примере Сабуровых и Бутурлиных, поспешивших использовать свое реальное возвышение в политической жизни в начале XVI в. и закрепить его в комплексе родословных «памятей»[18].

Как и в Великом княжестве Литовском, более размыто выступают низшие слои Государева двора; если круг княжеских и боярских семей был определен и проникнуть в эти слои было трудно, то история семей

---

[15] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 132–135.

[16] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 465–519.

[17] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 214–251.

[18] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России. С. 79–89.

низших прослоек, через которые и шли изменения в составе двора, к тому же слабо отраженные в генеалогических документах XVI в., изучена плохо. Генеалогически перемещения в низших прослойках лучше всего исследованы в связи с опричниной Ивана Грозного, но, к сожалению, известия о многих семьях опричников, восходящие к концу XV – началу XVI в., отсутствуют.

Одним из редких документов, сохранивших сведения о таких слоях класса феодалов России конца XV в., является так называемая Книга Дмитрия Китаева. Это отрывок новгородской писцовой книги конца XV в., составленной Дмитрием Китаевым, где записаны вновь испомещенные новгородские помещики. После роспуска дворов ряда крупных политических деятелей (Иван Борисович Тучков, князь Иван Ряполовский и некоторые другие), последовавшего в результате опал Ивана III, члены этих дворов стали новгородскими помещиками. В литературе идет спор, были ли эти новые помещики холопами крупных феодалов или же дворянами, служившими при дворах вельмож[19]. Мы склоняемся к тому, что эти лица принадлежали к низшим слоям класса феодалов. Во всяком случае, какая-то часть из них служила не непосредственно великому князю, а членам Государева двора (в Великом княжестве Литовском подобная служба была известна в XV в. и предусматривалась в Статуте 1529 г.). После роспуска дворов неугодных великому князю опальных вельмож в XV и XVI вв. эти феодалы вполне могли перейти на службу в Москву и получить владения на вновь присоединенных пограничных землях. Новгородские пятины в конце XV в. относились именно к таким территориям.

Некоторые фамилии из испомещенных в Новгородской земле известны уже как новгородские помещики по Тысячной книге 1550 г. Это Олуповский Семейко Булгаков сын Пущина – прямой потомок Булгака Пущи из Книги Дмитрия Китаева, а также Нороватый, Муравьевы, Щербинины и др.[20] Эти семьи за пятьдесят лет сделали хорошую карьеру по службе, попав из членов дворов опальных феодалов в избранную тысячу государя.

Военно-феодальные корпорации в России, состоящие из семей и лиц, не входивших в Государев двор, носили территориальный характер, так же, как это закреплено в Литовском статуте 1588 г. В отличие от Литвы они не имели права собираться на сеймы для решения своих дел. В основном в территориальные корпорации было объединено городовое дворянство, служившее по месту, где находились их земельные владения. Но эта сословная группа практически в научной литературе не изучалась.

---

[19] Там же. С. 161–168.

[20] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России. С. 167.

Своеобразие формирования класса феодалов России в момент образования централизованного государства привело к тому, что до XVII в. не существовало законов и правил для доказательства дворянского происхождения. Только в XVII в. появляются документы, позволяющие говорить об официальном оформлении сословной принадлежности, и то на примере лиц, приезжавших служить русским царям. В это время меняется как форма выезда, так и контингент приезжавших в Россию дворян. Наряду с литовскими князьями и грузинскими царевичами, переходившими на русскую службу, как и раньше, со своими дворами, в Россию едут поодиночке дворяне из разных стран.

Их оформлением на русскую службу ведал Посольский приказ. Работа по выяснению происхождения «нововыезжего иноземца» требовалась для определения размеров жалования, которое ему должно было платить русское правительство, одноразового пожалования «за выезд», посылки иноземца на службу и других вопросов. Делопроизводственное оформление документов о принятии на русскую службу весьма многогранно. Здесь переписка с пограничными воеводами о приезде человека в Россию и его проезде в Москву, дела о принятии православия (в XVII в. при переходе в русское подданство это было обязательным), документы об аудиенции у царя, переписка с другими приказами о выдаче жалования и др.

В центре каждого дела находится «распросная речь» выезжего – подробная биография, где он рассказывает о своем происхождении, земельных владениях семьи, образовании, службе до приезда в Россию. Именно по этим данным подбирались примеры более ранних аналогичных выездов, в которых учитывалось происхождение из той же страны и соответствующее сословное положение, размеры установленного ранее жалования. И уже по ним назначалось жалование вновь выехавшему и принималось решение, куда его послать на службу.

Однако не исключено, что до XVII в. таких дел о выездах дворян на русскую службу не заводилось, и сама процедура приема в XVI в. была проще. Косвенно об этом свидетельствует родословие Эверлаковых, уроженцев Швеции. В росписи, поданной в 80-е гг. XVII в. в Палату родословных дел[21], написано, что Яков Эверлаков был взят в плен во время Ливонской войны, а его потомки остались служить в России. В этом деле нет упоминания о каком-то более раннем оформлении их статуса в Посольском приказе. Недавно введенные в научный оборот документы XVI в. освещают мало изученную страницу жизни англичан в России. В 1589 г. два переводчика Английской компании – Елизар Романов и Иван Фомин – подали челобитные о принятии их на русскую службу. К этому времени оба уже несколько лет жили в Москве: Елизар Романов

[21] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 49. Л. 1–3.

переводил Ивану IV грамоты английской королевы и писал речи послу; Иван Фомин мог писать на нескольких языках («руской грамоте и агленской грамоте и другую немецкую грамоте умею»)[22]. Оформление их на службу было несложным: бояре приняли решение о назначении Романова и Фомина толмачами в Посольский приказ и выделении им земельных владений. Лишь русская форма имени обоих англичан позволяет предположить, что они к этому времени приняли православие.

Обилие и разработанность принципов ведения дел о выездах XVII в. находит несколько объяснений. Подобные дела, правда для приглашенных на службу в Россию мастеров, велись еще в XV в.; об этом есть упоминания в Описи Посольского приказа[23]. Когда же понадобилось оформлять дела для определения выехавших дворян на службу и выяснения их места в среде русского правящего класса, были приспособлены нормы, с которыми приказные люди сталкивались уже давно. Косвенно об этом свидетельствуют в своих записках Г. Штаден и Дж. Флетчер, находившиеся в Москве в XVI в. Г. Штаден подробно описывает, как иностранец добирается до Москвы из пограничного города: на границе его долго расспрашивают о происхождении, кто он, зачем приехал. Если иноземец говорит о своем желании служить царю, его в сопровождении дворянина отправляют в Москву, там опять расспрашивают о происхождении и предшествующей службе. После приема на службу ему жалуются деньги, устанавливается поденный корм, даются платье, сукно, кафтаны, несколько золотых, двор или дворовое место в Москве и деньги на постройку дома. Штаден описывает, как иностранцы в XVI в. на Кормовом дворе каждый день получали свои деньги и мед[24].

Флетчер описывает, как в XVI в. иноземцы принимали православие: их посылали в монастырь для знакомства с учением и обрядами православной церкви. Первые семь дней они постятся, а на восьмой иностранца приводят в церковь и начинают учить обрядам[25].

Все это мы наблюдали и в делах о выездах иноземцев XVII в., что еще раз позволяет говорить об устоявшихся традициях приема на службу русскому царю. Правда, никто из авторов XVI в. не пишет об обязательной перемене веры; в XVII в. принятие православия становится необходимым для дворянина при переходе в русское подданство. Процедура перехода в православие такая же, как об этом пишет Флетчер.

Сначала в XVII в. выезжих дворян принимали на службу довольно легко, а щедрость пожалований царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича привлекала в Россию все новых людей. Следует

---

[22] РГАДА. Ф. 141. 1589 г. Д. 6, 8.

[23] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 293, 303.

[24] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 82, 120.

[25] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1905. С. 106.

напомнить, что в «распросных речах» почти все иноземцы отмечали, что на предшествующей службе они получали жалование, как наемные солдаты, а свои владения покидали из-за их полного разорения. В России в 40–60-е гг. выехавшие дворяне получали поместный оклад, становились землевладельцами. Очевидно, такая политика русского правительства произвела большое впечатление на современников. Еще в XVIII в. шведский историк Портан в курсе русской истории поставил отношение царя Алексея Михайловича к иноземцам на первое место среди вопросов внутренней политики правительства[26].

Но уже с 50-х гг. XVII в. появляются указы, регулирующие землевладение для вновь поступивших на русскую службу. В 1653 г. появляется указ об отборе в Арзамасском у. поместий и вотчин у немцев, которые не приняли православия[27]. В 1673 г. появляется указ, по которому «выезжему иноземцу» предлагается служба в Астрахани или Заволжье. В случае отказа его не принимают на русскую службу. В 1678 г. издается указ, в общей форме регулирующий землевладение выезжих иноземцев: после смерти «новокрещена» его поместье отдается только иноземцу. Это может свидетельствовать о том, что создан определенный фонд земель, даваемых «за выезд»[28]. А с 1692–1693 гг. прекращается прием на службу иностранцев, приехавших без «призывных грамот» правительства.

Возможно, раздача иноземцам поместных земель на восточных окраинах была политикой правительства на протяжении всего XVII в. Из записей в приказных книгах за 1623 г. видно, что в Нижегородском у. были земли у шотландцев Роберта Яковлева Кунигена (его владение из поместья переводится в вотчину) и Петра Клилента (ему выдана грамота о беглых крестьянах)[29].

Правомерно предположить, что, устанавливая жалование при принятии иноземцев на русскую службу, сотрудники приказов ориентировались на уже имевшуюся структуру русского дворянства. Для лиц, принявших русское подданство, отнесение к определенной группе с ее поместным окладом, денежным жалованием, службой в каком-либо ведомстве создавало предпосылки полного включения в сословную структуру русского правящего класса.

Наибольшее количество дел о переходе на русскую службу сохранилось для уроженцев Польско-Литовского государства. Может быть, поэтому в приказной делопроизводственной практике XVII в. отразились нормы признания дворянского происхождения, установленные еще

---

[26] Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. Х. Г. Портан. Основные черты русской истории. М., 1982. С. 79.

[27] Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. С. 283.

[28] ПСЗ. Т. 2. С. 152.

[29] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 663. Л. 10, 44об.

Статутом Великого княжества Литовского 1529 г. Среди других норм в Москве играли роль подтверждения дворянского происхождения, сделанные официальными послами из «страны происхождения», а также родственниками или людьми, известными русскому правительству. Эти нормы постоянно использовались в Посольском приказе не только для уроженцев Литвы.

Одним из характерных и наиболее полно документированных выездов в Москву был переезд в 1642 г. из Дании графа Матиаса Шляковского. После принятия православия его стали звать князем Львом Самойловичем Шляковским[30]. В его распросной речи записано, что он родом из Богемии, после разорения родовых владений переехал на службу к датскому королю Христиану. По поручению Христиана приезжал гонцом в Москву, а затем решил переехать на службу к русскому царю. Дворянское происхождение Матиаса Шляковского было подтверждено письмом короля Христиана. В деле приведены «аналогичные случаи» выездов: датский дворянин Мартын Мартынов, приехавший в Москву в 1614 г., и литовский – Василий Горжбок (1627 г.), но их социальное происхождение не соответствовало происхождению графа, и для определения жалования Шляковскому были использованы случаи приездов астраханского, нагайского, черкесского царевичей. Князь Лев был пожалован в стольники, получил земельные владения, двор в Москве, деньги на постройку дома и многочисленные «корма»[31].

В 1646 г. также из Дании приехал поляк Иван Петров сын Салтыков[32]. Его распросная речь необычайно красочна и может послужить основой приключенческой повести. Он родом из Волуйковичей, в 13 лет был отдан на службу польскому королю, попал в плен к туркам, выкуплен отцом. Вскоре он уехал во Францию, был там на военной службе, затем переехал служить в Испанию, а оттуда в Данию. И во Франции, и в Испании воевал с турками. Как и Шляковский, он посылался из Дании гонцом в Москву. В Дании Салтыков помог московскому гонцу Василию Апраксину, которого король хотел повесить и даже поставил виселицу у ворот дома, где жил Апраксин. В Москве Салтыков был приравнен по службе к Шляковскому, был также пожалован в стольники, получил поместный оклад, двор в Москве, денежные «корма».

Осип Пирожский (1684 г.) рассказывал, что его отец имел владения в Кременце (Волынское воев.); вскоре после смерти отца, когда владения

---

[30] РГАДА. Ф. 150. 1642 г. Д. 8. Подробнее: *Бычкова М. Е.* О сословной структуре класса феодалов в России в XVII в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVII вв. М., 1988. С. 29–42.

[31] РГАДА. Ф. 150. 1642 г. Д. 8. Л. 15–16.

[32] Там же. 1646 г. Д. 3. Л. 37–39.

были разорены татарами, Осип с матерью приехал в Киев, а оттуда был взят в Москву в певчие[33]. Показания о его происхождении подтвердили шляхта Волынского воеводства, его родственники и князь Гедеон Четвертинский. На основании этих свидетельств Пирожский был записан в Посольском приказе как выезжий, ему было определено жалование, он был направлен на службу в Разряд.

Биография еще одного поляка – Петра Лохмановского (выехал в 1689 г.) напоминает рассказ Ивана Салтыкова[34]. Он родился в Варшаве, девяти лет уехал «в-ыные государства для учения», был в Германии, Голландии, пять лет жил в Париже. Здесь он узнал о смерти отца. В Париже он встретил русского князя Якова Долгорукого, поехал с его посольством в Мадрид, а теперь приехал в Москву и хочет поступить на русскую службу. Его рассказ был подтвержден Долгоруким, но если Салтыков стал русскими помещиком и царским стольником, то Лохмановского послали служить в Иноземный приказ.

По этим делам и приведенным в них «аналогичным случаям», по которым назначалось жалование, видно, что в Россию приезжали служить дворяне, чьи владения, как правило, находились на границах Польши и Литвы и часто разорялись во время военных действий; они жили своим жалованием профессиональных военных, для всех Россия была не первым местом такой службы. Так, из аналогичных случаев можно привести рассказ Павла Пилятовского, который выехал из Польши, так как «у них корунным, так и литовским войскам жолнерам за службы только похвала, а платы как надлежит, не доходит». В Москве Пилятовский случайно встретился с князем Гедеоном Четвертинским, с которым «они знались меж собою в Польше, будучи в войску»[35]. Четвертинский подтвердил его происхождение и ходатайствовал о приеме Пилятовского на службу. Адам Пенчинский, как и Осип Пирожский, после смерти отца жил с матерью в Киево-Печерском монастыре, потом служил в войске, был взят в турецкий плен и выкуплен. Его владения пришли в запустение, он приехал в Москву, где его происхождение подтвердили находившиеся здесь поляки [36].

Гораздо реже приезжали на службу дворяне прибалтийских стран.

Основная масса выездов на службу русскому царю уроженцев Дании, Швеции приходится на 80–90-е гг. XVII в. Сведения о более ранних приездах есть только среди «примеров», которые подбирались для поздних назначений жалования лицам, до приезда в Россию служившим в Дании. Самый ранний из встреченных – запись о приезде в 1614 г. «Дацкие земли дворянина Мартына Мартынова», встреченная

[33] РГАДА. Ф. 150. 1684 г. Д. 1. Л. 4–16.
[34] Там же. 1689 г. Д. 7. Л. 2–9.
[35] Там же. Ф. 286. Д. 333. Л. 81.
[36] Там же. Л. 275.

в деле Шляковского[37]. В 1651 г. в Москву приехал служить из Дании подполковник Яган Гунденмарк, а в 1681 г. – майор инженер Христиан фон Люберос; они не переходили в русское подданство, а служили в Иноземном приказе[38]. Некоторые иностранцы приезжали повидаться с родственниками (Вильгельм Менсдорф, племянник генерала Патрика Гордона)[39].

Из дел о выездах иностранцев мы видим, что правящий класс в основном пополнялся за счет выходцев из Польско-Литовского государства; дворяне, принявшие русское подданство и православие, вливались в определенные структуры, соответствующие их происхождению. А при доказательстве дворянства использовались нормы, закрепленные литовскими статутами и хорошо известные в Литве.

Правительство четко следило, чтобы, выезжая в государство, где о происхождении человека не известно и где может не оказаться его родных, он не воспользовался бы случаем и не записался в другое сословие. В сомнительных случаях, когда в Москве не находился авторитетный человек, знавший вновь выехавшего и подтверждавший сведения о его происхождении, правительство посылало грамоты воеводам пограничных городов с просьбой узнать за рубежом о происхождении иноземца.

Таково дело о происхождении Дементия Исупова (1640 г.), который называл себя потомком мурзы Исупа из Астрахани. Опрошенные в Москве князья Андрей Урусов и Дмитрий Байтереков, выходцы из Астраханских степей, сказали, что не знают Исупова, «тем де он, Дементей, пролыгаетца, что их к себе в племя причитает»[40]. Дементий Исупов подал челобитную, где указал, что он был в плену, служил у боярина Ивана Никитича Романова, поэтому находившиеся в Москве родственники от него отреклись, и попросил разузнать о происхождении Исуповых в Астрахани. В ответ на запрос астраханского воеводы десять Исуповых подали ему челобитную, где указали, что после смерти И. Н. Романова его люди были отпущены на волю, и один из них – Челух Агишев сын – назвался Исуповым, а в их роду таких не было[41]. Сыск о происхождении Исуповых продолжался два года.

После заключения Вечного мира с Польшей стала решаться судьба пленных поляков. Они могли вернуться на родину или по желанию остаться служить в России. Но здесь особо тщательно проверялось происхождение и вопрос, не давал ли пленный кому-нибудь кабальную запись. При наличии кабальной записи человек не принимался на

---

[37] РГАДА. Ф. 150. 1642 г. Д. 8. Л. 47.
[38] РГАДА. Ф. 150. 1685 г. Д. 3. Л. 282–283, 275.
[39] Там же. Ф. 286. Д. 333. Л. 585.
[40] Там же. Ф. 141. 1640 г. Д. 41. Л. 1.
[41] Там же. Л. 2, 3.

службу. Есть и спорные дела, когда холопы, бежавшие во время войны из Литвы, выдавали себя за дворян.

Так, Филька Гостин, взятый в плен под Смоленском, жил у Романа Владимировича Игнатьева, женился на его дворовой, а узнав об указе о пленных, бежал от Игнатьева, выдал себя за дворянина Филиппа Гурского, который по ошибке был взят в плен[42]. Филькины грамоты не были приняты, его вернули в холопы Игнатьеву.

По делам о выездах можно четко судить, что именно происхождение давало право на получение определенного жалования, занятие места на определенной сословной ступени общества. В дальнейшем, после определения размера жалования, положение человека в обществе определяли чин, размер владений; они были видимой стороной этого положения. Эта видимая сторона отразилась и в законодательстве XVII в.: появляются законы, регулирующие распределение земель, назначение на службу. А определение происхождения остается «теневой стороной», оно отразилось лишь в приказной переписке, в делах, заводимых на выезжих иноземцев. Однако без достоверного установления происхождения ни одно лицо не могло получить жалование, не могло занять свое место в русском обществе. В делах о выездах приводятся «аналогичные случаи» выездов для установления этого жалования, то есть определяется круг лиц, равных по происхождению. Можно предположить, что место выезжего, высчитанное по аналогичным случаям, както соотносилось и с сословной структурой русского правящего класса.

Однако при схожем происхождении лиц размеры установленного им жалования в 40-е и в 80-е гг. были разными. Так, при сравнении дел Салтыкова и Лохмановского, лиц, происходивших из одной среды, видна разница их положения на службе в Москве. Салтыков стал стольником, получил поместный оклад и большие суммы денег, а Лохмановский был зачислен на службу в Иноземный приказ и получил жалование деньгами. Если для назначения жалования Салтыкову было использовано дело Шляковского, то примером такого же назначения Лохмановскому послужил выезд в 1681 г. из Дании майора Христиана фон Любероса и в 1687 г. француза Балтазара Делозиера.

По размерам жалования «выезжим» и принципам его назначения можно достаточно отчетливо проследить политику правительства. Она тем более ясна, что приезжали дворяне одного или близкого социального положения. В 40-е гг. дворяне получали до 1200 четвертей поместного оклада, денежное жалование, подарки ценными вещами, многочисленные корма, причем некоторые годами выклянчивали у правительства все новые средства существования. В 80-е гг. после ограничения места службы лица того же сословного происхождения получают более регла-

[42] РГАДА. Ф. 150. 1667 г. Д. 2.

ментированное денежное жалование и, если не едут в Поволжье, направляются служить в Иноземный приказ; жалование устанавливается еще по «аналогичным случаям» предшествующих выездов, индивидуально. А с 90-х гг. уже есть четкие размеры жалования для каждого военного чина: полковники, майоры, ротмистры и т. д. Здесь просматривается четкая эволюция условий приема на службу царю. Сначала для принятого на службу дворянина подыскивалась среда, соответствующая той, в которой он родился. В конце века принятые на службу дворяне становятся такими же наемными солдатами, какими они были в других странах.

Принцип давности службы московским государям, устанавливавший место семьи на служебной лестнице, отразился в генеалогических документах и русской публицистике конца XV–XVII в.

В последние годы XV в. в Москве была составлена родословная легенда о происхождении великих князей, известная в литературе, по названию одной из ее редакций, как Сказание о князьях владимирских. Изучению этого памятника посвящена большая литература; не останавливаясь на отдельных моментах истории его создания, отметим лишь существенное для этой работы. По Сказанию родоначальник русских великих князей Рюрик был потомком «сродника» римского императора Августа, который пришел из Римской империи править в Прусы[43]. Если мы обратимся к родословным легендам московского боярства, появившимся в родословных книгах XVI в., то увидим, что семьи, которые указывают на свою связь с московскими князьями с XIII–XIV вв., обычно пишут, что их предок пришел «из Прус» (Морозовы, Кутузовы, Свибловы и др.). Если служба рода началась при тверском дворе, предок чаще всего приходил «из Литвы», если при рязанском – это выходец «из Орды». «Из Орды» в Москву приезжали родоначальники боярских семей при Дмитрии Донском. Достоверность этих легенд XVI в. тщательно исследовал С. Б. Веселовский, доказавший, что часто их фактическая сторона не подтверждается, и предположивший, что они скорее несли идейную нагрузку, доказывая древность службы рода русским князьям[44].

В аналогичных родословных легендах литовских великих князей из Рима в Литву приезжает не только предок правящей династии, но и предки литовских магнатских родов. В сознании литовских феодалов это как бы уравнивало династию и правящий класс. Аналогичную роль играла и теория о сарматском происхождении польской и литовской шляхты.

В русской генеалогической литературе и публицистике, наоборот, вассальная зависимость феодалов подчеркивалась (в частности, в ро-

[43] *Бычкова М. Е.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976.

[44] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 162–165, 465–467.

дословных легендах) выездом предка к великому князю, принятием его на службу великим князем и принесением присяги[45].

Большое значение генеалогии при определении сословной принадлежности сказалось и на истории создания родословных книг. Вслед за Сказанием о князьях владимирских в первые годы XVI в. появляются росписи отдельных княжеских и боярских родов, а в 40-е гг. XVI в. – первые родословные книги. До 80-х гг. XVII в. было составлено около десяти официальных редакций родословных книг, содержащих полные родословные росписи семей, принадлежащих к Государеву двору. Изменения в составе родословных росписей этих книг отражают реальные изменения в составе Государева двора[46].

В XVII в. тенденция подчеркивать давность службы продолжается, но приобретает новые черты. После событий Смутного времени и перемены за 15 лет на престоле четырех царей из разных русских династий (не считая самозванцев) изменился личный состав Государева двора. Многие семьи просто прекратили существование, другие, особенно из низших слоев, начинают быстро продвигаться по службе. Кроме того, в XVII в. большое значение приобретает служба в приказах, которая вела к образованию служилой бюрократии[47].

С середины XVII в. эти реальные перемены в сословной структуре начинают оформляться генеалогически. Часть выдвинувшихся по службе семей записывает свои росписи в родословные книги, часто присоединяясь к более ранним росписям, особенно это относится к родословию смоленских великих князей. Пользуясь тем, что отдельные ветви этого рода служили в XV–XVI вв. в Великом княжестве Литовском и там прекратили существование, потомками смоленских князей называют себя семьи, не имевшие княжеского титула (Полевые, Еропкины, Татищевы и др.).

Очевидно, самому понятию – быть записанным в родословную книгу – в жизни придавалось большое значение. Об этом говорит не только количество списков XVI–XVII вв., составленных для отдельных семей, но и возросший интерес к рукописям, когда в 80-е гг. XVII в. после отмены местничества в Палате родословных дел составлялись новые официальные родословные книги. Не дожидаясь их создания, многие семьи делали для себя копии ранних редакций родословцев и вписывали в них копии своих документов, подаваемых в Палату родословных дел.

Видя деятельность Посольского приказа по оформлению происхождения «нововыезжих иноземцев», некоторые русские семьи в середине

---

[45] Там же. С. 466–467.

[46] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв.

[47] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

XVII в. подают в этот приказ челобитные, прося оформить их «выезжее» происхождение (Римские-Корсаковы, Отяевы).

Посольский приказ стал играть большую роль в создании родословных документов. Кроме оформления дел о выезде дворян на русскую службу, в нем переводились и создавались новые родословные документы, прежде всего Титулярник (1672 г.) и родословная книга Лаврентия Хурелича, герольдмейстера императора, присланная Алексею Михайловичу (1675 г.)[48].

Книга Хурелича состоит из двух частей. В первой дано родословие самого Алексея Михайловича, его происхождение от киевских князей; во второй указано родство Романовых с правящими домами: австрийским, английским, датским, французским, испанским, польским, португальским, шведским. Родословные схемы Хурелича построены по принципу восходящей системы родства, т. е. в них перечислены предки данного лица, тогда как для русской генеалогии XVI–XVII вв. более характерно перечисление потомков одного лица, т. е. нисходящая схема родства.

К новым традициям в русской генеалогии привело и знакомство русских читателей с польскими хрониками – Кромера, Бельского, Стрыйковского, также связанное с деятельностью Посольского приказа. Для Хроники Стрыйковского эта связь показана в работе А. И. Рогова, история перевода других произведений еще ждет специального исследования[49].

Если обратиться к спискам Хроники Стрыйковского последней четверти XVII в., то даже в оформлении рукописи виден интерес к генеалогии польской шляхты. Киноварью и заголовками на полях выделяются названия гербов, части текста, где рассказывается о происхождении родов, перемене гербов, передаче польских гербов литовской шляхте. Выделяются статьи, посвященные истории отдельных семей, описанию ратных подвигов, после которых герой получал дворянство и герб.

Вопрос о происхождении и эмблематике дворянских гербов был неизвестен в русской практике XV–XVI вв. Интерес к нему, очевидно, связан с тем, что Хроника Стрыйковского в какой-то мере освещала польско-литовские генеалогические традиции, что стало актуальным в связи с оформлением дел о происхождении дворян в Посольском приказе[50].

Наиболее активной стала деятельность Посольского приказа по созданию родословных документов в 80-е гг. XVII в., когда после отмены местничества в Разрядный приказ стали поступать сотни дворянских родословий; Посольский приказ занимался проверкой родословных ле-

---

[48] *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории рус-ской рукописной книги второй половины XVII в.) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Вып. 8.

[49] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966.

[50] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // СС. 1981. № 5.

генд о выездах, записанных в этих родословиях. В справках, выдаваемых Посольским приказом и подтверждающих эти легенды, постоянно упоминаются Кромер, Стрыйковский, иногда Длугош и Гваньини, как авторы, в произведениях которых записано происхождение отдельных русских семей.

Из польской генеалогической литературы наибольшим доверием в Посольском приказе пользовались книги С. Окульского «Орбис Полонис» и Бартоша Папроцкого «Гнездо цноты».

В использовании польской генеалогической литературы можно отметить два момента. Иногда она привлекалась для подтверждения происхождения польских дворянских семей, перешедших на русскую службу в XVII в., в таком случае ссылки на польских авторов не вызывают сомнений. Но часто русские семьи, выдвинувшиеся на службе в XVII в., впервые составлявшие свои росписи в 80-е гг. XVII в. и не имевшие никакой связи с польскими родами, также использовали польские традиции. В этом случае польская литература привлекалась для удревнения истории русских семей, подтверждения их «выезда» на службу великим князьям. Новой чертой, восходящей к традициям польской генеалогии, было отсутствие в этих росписях непрерывной связи между предком и лицом, подавшим роспись, указывались лишь отдельные лица, записанные в польские хроники, и их подвиги. Наиболее ярким примером является роспись Краевских и Лихачевых.

Краевские перешли на русскую службу после завоевания Смоленска. В своей росписи они упоминали прием на службу, принятие православия, пожалования земельными владениями. Кроме того, они получили из Польши документы, подтверждавшие принадлежность к гербу Ясенчик. Все это не вызывает сомнений в происхождении семьи. К этому же гербу возвели свой род Лихачевы, в прошлом новгородские вотчинники (с XV в.). В справке, подписанной думным дьяком Е. И. Украинцевым, возглавлявшим Посольский приказ, дана подборка сведений из книг Окульского и Папроцкого о деятельности отдельных лиц разных фамилий герба Ясенчик, но нет никаких конкретных сведений, позволяющих связать Олега Лиховца, родоначальника Лихачевых по росписи, с другими Лихачевыми. Брату окольничего М. Т. Лихачева, подавшего роспись рода, принадлежал один из сохранившихся экземпляров Хроники Стрыйковского, и он призывал к широкому использованию иностранных материалов при создании русской истории[51].

Стремление подтвердить свое происхождение польскими источниками иногда было не оправдано. Так, Титовы получили справку из Хрони-

---

[51] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. С. 284.

ки Гваньини о службе их предка воеводой в Старице, что скорее можно подтвердить записями о назначении на службу в разрядных книгах XVI в.

Очень ответственным было составление родословной легенды Украинцевых для думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, возглавлявшего Посольский приказ. Для росписи Украинцевых были подобраны сведения из Хроники Стрыйковского и книги «Орбис Полонис» о Лукашевичах, живших в XIII в. при князе Конраде Мазовецком, причем титул этих Лукашевичей – канцлер коронный – везде в выписках объясняется как думный дьяк, а в росписи, составленной на основе этих выписок, Лукашевичи в Польше уже названы думными дьяками – титул, известный только на Руси. Аналогичное толкование, сделанное переводчиком Хроники Стрыйковского, отмечено А. И. Роговым, который справедливо связал его с деятельностью сотрудников Посольского приказа[52].

В основном следует отметить, что для таких росписей XVII в., как правило, характерно стремление удревнить службу своего рода, а не возвести его к античным предкам или правящим династиям.

Только в 80-е гг. XVII в., когда после отмены местничества вышел ряд царских указов о составлении родословных книг, мы можем наблюдать, как в этих указах формировалась сословная структура правящего класса России. В отличие от более ранних родословцев, где записывались росписи родов, принадлежавших к Государеву двору, в родословные, которые должны были создаваться после отмены местничества, предполагалось включить росписи всех дворянских семей. Для этого разрабатывалась соответствующая структура родословных книг.

Указом от 12 января 1682 г. об отмене местничества одновременно с распоряжением об уничтожении разрядных книг, в которых более двухсот лет велась запись о службе отдельных лиц, было приказано создать новую родословную книгу, точнее, несколько родословных книг: отдельную книгу для каждой сословной группы. Прежде всего в указе говорится о пополнении новыми записями старой родословной книги. «И которых имен в той книге в родех их не написано, и тех имяна в родословную книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками»[53].

Большинство исследователей, начиная с Н. П. Лихачева, справедливо видели в упомянутой здесь книге Государев родословец 50-х гг. XVI в., в котором фактически были записаны княжеские и боярские семьи, принадлежавшие к Государеву двору. В дополненном виде Государев родословец составил Бархатную книгу 1687 г.

---

[52] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии. С. 46–48; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. С. 287.

[53] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... так называемая Бархатная книга. М., 1787. Ч. I. С. 4.

Далее в том же указе говорится о создании еще нескольких родословных книг для различных категорий служилых людей. В одну должны записываться княжеские и «иные честные роды», члены которых в XVII в. занимали высшие должности при дворе (бояре, окольничие, думные дворяне), а также старые роды, которые с царствования Ивана IV «были в послах и посланниках, и в полкех, и в городех в воеводах, и в знатных посылках, и у него, великого государя, в близости, а в родословной книге родов их не написано». Это положение как раз охватывало низшие слои Государева двора и рядовое дворянство XVI в. Особые книги создавались для тех семей, чья служба при дворе началась при Романовых и которые с царствования Михаила Федоровича «были в полковых воеводах и в послах, и в посланниках, и в знатных каких посылках, и в иных честных чинех, и в десятнях написаны в первой статье». В четвертую книгу заносятся росписи семей, дослужившихся до десятен средней и меньшой статей; в пятую – московские чины, «из нижних чинов за службы отцов своих или за свои»[54].

В этом указе не просто определена сложная схема родословных книг; здесь проглядывает сложная сословная структура правящего класса второй половины XVII в. Уже явно недостаточно записывать в родословные книги верхушку двора. Поскольку древность службы при дворе была необходима для определения знатности рода, специальные родословные заводились для семей, занимавших почетное положение на службе у Ивана IV, но не попавших в то время в родословец, так как туда записывались только еще более знатные роды.

Особенное внимание было уделено тому, чтобы к древним родам не приписывались чужеродцы, семьи, не сумевшие доказать давность своего происхождения. Чтобы записать в старую родословную книгу ветви рода, чьи представители в XVI в. служили в уделах или митрополиту, нужно было получить согласие уже записанных в книгу сородичей. Если родство сородичами не подтверждалось, семьи, подавшие новую роспись, записывались в той же книге в отдельную главу.

В марте 1682 г. выходит специальный указ, где подчеркивается, что в «Розряде в родословную книгу» вновь записываются только те лица и семьи, родство с которыми подтвердят однородцы, предки которых в этой книге уже записаны.

Стремление записаться в Бархатную книгу приводило к судебным спорам между семьями, чьи росписи уже были в «старой родословной», и теми, кто впервые подавал их для включения в эту книгу[55].

При достаточной пестроте росписей, поданных в 80-е гг. XVII в., в них видна закономерность, связанная с формированием правящего

---

[54] Там же.

[55] *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Л., 1981. Вып. 12.

класса России: главное при доказательстве своей знатности – это древность службы русским государям.

* * *

За два века существования правящего класса Русского государства не известно ни одного законодательного акта, регулирующего права и привилегии, взаимоотношения различных сословных групп внутри его. Но сами сословные группы постоянно присутствуют. Их основные черты, наблюдаемые в XVI–XVII вв., это общность происхождения от одного предка и связанная с этим служба определенному княжескому дому, обусловленная расположением земельных владений рода. Именно разрыв с отчинными владениями в XVI в. исключал человека и его потомков из состава семьи, лишал связанных с этим привилегий. На практике это вело к исключению росписи семьи из общей росписи рода в родословных книгах. В 80-е гг. XVII в., наоборот, ранее исключенные из родовой росписи семьи стремятся быть записанными имен-но в эту роспись. Принцип происхождения играл главенствующую роль в жизни представителей правящего класса. Ни личные качества (как М. Л. Глинский), ни близость к царю (А. Ф. Адашев) сами по себе не давали возможности всей семье выйти из своей сословной группы.

Только в XVII в., когда в реальной жизни все большее значение стали играть служба в государственном аппарате и продвижение по этой службе, можно наблюдать, как продвижение по служебной лестнице вело к перемене сословного положения семьи. Это прекрасно показала в своей работе Н. Ф. Демидова, и, очевидно, эти условия реальной жизни способствовали успеху реформ XVIII в.

При достаточной замкнутости верхушки правящего класса идет пополнение его низших и средних слоев. Реформы государственного аппарата привлекли в Москву в 30–40-е гг. XVII в. значительное число подьячих из местных учреждений, принадлежавших к податным сословиям (посадские люди, стрельцы и др.). В конце XVII в. некоторые из их потомков, занявшие высшие должности в приказах, подают свои родословные росписи (Украинцевы, Бобинины).

Аналогичную картину представляет освоение южных и восточных границ России. Многие стрельцы, казаки, посадские, переведенные в города засечной черты, в XVIII–XIX вв. выступают как местное дворянство. Но, к сожалению, этот процесс еще не изучен.

В XVI в. сословные группы правящего класса относительно замкнуты: сохраняется память о родственных связях XV в., службе предков при дворе. В XVII в. это постепенно исчезает. И здесь играет роль не только изменение представления о службе, но и угасание старых родов, новые принципы пополнения дворянства России.

И все-таки семьи, выдвинувшиеся по службе, когда при создании новой родословной книги в 80-е гг. XVII в. появилась возможность официально закрепить свое положение в обществе, прибегли к испытанному и верному способу – доказательству своей древней (более древней, чем это было в действительности) службы московскому правящему дому.

Отсутствие юридических норм при хорошем знании положения своей семьи в служебной иерархии, очевидно, были основными принципами формирования структуры русского правящего класса в XVI–XVII вв.

ГЕНЕАЛОГИЯ

Белорусские предки Ивана Грозного[1*]

Происхождение матери Ивана Грозного – княжны Елены Васильевны Глинской интересовало еще Сигизмунда Герберштейна. Очевидно, со слов литовских или польских информаторов он писал, что Глинские происходят из известного венгерского рода Петрович. В русских источниках таких сведений нет.

По родословным того времени предок Глинских татарин Алекса приехал на службу великому литовскому князя Витовту, неоднократно отличался в битвах. По своей вотчине – город Глинеск, часть потомков Алексы стала писаться Глинскими князьями.

По русским росписям ветвь Глинских – потомки Бориса Ивановича, к которой принадлежал отец Елены Василий Львович, его братья Иван, Федор и самый знаменитый среди них – Михаил Львович, была старшей. Но скорее, судя по служебной карьере в Литве и земельным владениям, старшей была ветвь от Семена Ивановича, чаще писавшаяся Путимскими князьями.

Дети Бориса Ивановича – Лев, Иван и Василий, а особенно его внуки обеднели, при дворе великих князей не служили, а служили литовским магнатам и служилым князьям. Родословец, составленный в Москве в начале 30-х гг. XVI в., сообщает, что Лев Борисович Глинский служил мстиславскому князю Ивану Юрьевичу, а после его смерти «служил тот князь Лев Глинский по паном по литовским и з детми своими».

Эта же роспись и акты Литовской Метрики показывают, что в последней четверти XV в. Глинские породнились с белорусской православной шляхтой.

«И тот князь Лев Глинской понял... Гаврилову жену Мелешковича ... и в Литве с нею прижил четыре сына: князя Василья, да князя Ивана Мамая, да князя Михаила, да князя Федора».

---

[1] * Наш радавод: Материалы междунар. науч. конф по регион. истории Вост. Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII – начало XX вв.» / Отв. ред. и сост. Д. В. Карев. Гродно. 1991. Кн. 3. С. 468–470.

Значит, бабкой Елены Глинской была вдова Гаврилы Малешковича.

Мелешковичи – старинный боярский род, вотчинники Городенского повета. Отец Гаврилы – Мелешко Михайлович получил здесь земли от Витовта, сын Гаврилы (по матери – сводный брат Глинских) Федко Гаврилович с 1496 г. по 1522 г. был городенским городничим, потом по старости и болезни его сменил в этой должности брат – Мартин Гаврилович.

Этот Федко Гаврилович был женат на дочери писаря Федка Григорьевича, который в конце XV в. часто приезжал с посольствами в Москву.

Писарю Федку Григорьевичу в 1499 г. продал земли в Менском повете Андрей Александрович Дрождж. По матери – Федке Борисовне Глинской – Андрей Дрождж племянник Льву Борисовичу Глинскому и двоюродный брат его детям. Очевидно, по духу это был самый близкий родственник Михаила Львовича Глинского; при великом князе литовском Александре, чьим любимцем был Михаил, Андрей Дрождж сделал стремительную карьеру. Еще С. М. Соловьев ввел в историческую литературу представление, что Михаил Глинский поссорился с верхушкой литовского боярства именно из-за худородного Андрея Дрожджа.

Еще один Глинский – Иван (это может быть, родной брат Михаила Иван Львович или двоюродный – Иван Васильевич), был женат на дочери Ивана Ивашенцевича. Ивашенцевичи – землевладельцы Менского повета и Киевщины.

Самый удачный брак был у родной сестры Михаила Львовича Федки: она стала женой крупного магната и политического деятеля Великого княжества Литовского Мартина Богдановича Хребтовича. Собственно, после заключения этого брака и начинается блестящая карьера князей Глинских при великокняжеском дворе.

Такие родственные связи с православной шляхтой Великого княжества Литовского во многом объясняют размах восстания Михаила Глинского в 1508 гг., уже после смерти великого князя Александра. Когда восстание потерпело поражение, многие родственники приехали с Глинскими в Москву.

Михаил Львович Глинский при великом князе Александре довольно часто ездил с посольством в Сербию; очевидно, там он и сосватал за своего брата Василия Львовича дочь сербского воеводы Стефана Якшича Анну. Анна и была матерью Елены Глинской и очень нелюбимой в Москве бабкой Ивана Грозного. Во время разорительного пожара летом 1547 г. восставшие горожане обвинили Анну Глинскую в поджогах и волховстве и расправились с Глинскими.

Но кроме редких браков со знатными семьями у князей Глинских в Литве был очень широкий круг родственников преимущественно сре-

ди православной шляхты Городенского и Менского поветов, которых они поддерживали в служебной карьере, при продаже и обмене земельных владений. Именно эта родня давала Глинским прочную опору при проведении своей политики во время правления великого литовского князя Александра.

Родословие Глинских из Румянцевского собрания[1*]

Рукопись родословной книги конца XVI в. из Румянцевского собрания отдела рукописей ГБЛ № 349 давно известна по описаниям и отдельным публикациям[2].

Из всего сохранившегося до наших дней комплекса родословных книг – это один из самых ранних и интересных списков. Благодаря своему составу он является эталоном, позволяющим с большой достоверностью определить взаимосвязь между остальными родословными книгами всей редакции, в которую он входит[3].

В Румянцевском списке мы находим уникальный родословный документ – «память» о роде Глинских, не известный в полном составе другим родословным книгам[4]. Родословные книги наиболее полно по сравнению с другими источниками XVI в. сохранили сведения о составе и родственных связях верхушки правящего класса Русского государства, но содержат сравнительно небольшое число биографических записей об этих лицах. Как правило, это известия об участии в походах, службе при дворе, брачных связях и др. «Память» Румянцевского списка выделяется среди этих записей. Она не только содержит уникальные сведения о службе Глинских в Литве, их родственных связях с литовским боярством, биографические сведения о Михаиле Львовиче Глинском, неизвестные по русским источникам, но подбор фактов из жизни Глинских, характеристики лиц, сама манера изложения носят достаточно яркий полемический оттенок, позволяющий связать этот

[1] * Записки ОР ГБЛ. М.: Книга, 1977. Вып. 38. С. 104–125.

[2] ОР РГБ. Собрание Румянцева. Ф. 256. № 349. См.: *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 490–494; *Бычкова М. Е.* Обзор родословных книг XVI–XVII вв. // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 266; ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 601–612.

[3] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 65–85. В дальнейшем, говоря о взаимоотношении списков редакции, мы будем опираться на выводы этой книги.

[4] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 283–286.

документ с политической борьбой правящих боярских группировок в России во второй четверти XVI в.

Анализу этого редкого генеалогического документа и посвящена настоящая работа. В дополнение к существующим описаниям рукописи нам необходимо привести некоторые дополнительные сведения, без знания которых невозможен анализ публикуемого документа.

Румянцевский список представляет собой рукопись конца XVI в., в четвертку, на 303 л., из них Л. 296а–297г и 298–303 чистые. Водяные знаки рукописи – 6 вариантов кувшина. Из них два варианта с литерами «НА» и «IН» близки к указанным Н. П. Лихачевым и Брике (*Briquet*. № 12741 и 12751 – 1589, 1594–1597 гг.; *Лихачев Н. П.* № 1954 и 4006 –1594, 1581 гг.). Еще один вариант с литерами «М» и сильно деформированным «G» близок к знаку, указанному А. А. Гераклитовым, хотя у Гераклитова литеры «MD» (*Гераклитов А. А.* № 425 – 1600 г.). Четвертый вариант с буквами «М» и деформированной, которую можно прочитать как «С», «Е» или «Р», аналогичен воспроизведенному Н. П. Лихачевым (*Лихачев Н. П.* «Бумага...». № 629, 630 – 1589, 1595 гг.). Два варианта – маленький кувшин без букв с короной и розеткой и вытянутый с богато украшенным верхом и буквами «GPI» в справочниках аналогий не имеют. Переплет современный кожаный, до реставрации 1968 г. был мягкий, «сумкой». Рукопись написана несколькими почерками скорописи конца XVI в., много вставок на полях и между строк, сделанных разными почерками и чернилами. На Л. 43об. на верхнем поле частично срезанная при переплете запись: «Се яз, Василей Федоров сын...», последнее полусрезанное слово можно прочесть как «Игнатя», на Л. 128об. тем же почерком на верхнем поле запись: «Помилуй мя, боже». После главы 52 («Род Солхмировых») на Л. 268об.–270об. помещены «памяти» Федора Сабурова, Петра Константиновича, Геннадия Бутурлина, вписаны бояре из духовных грамот вел. кн. Дмитрия Ивановича, Василия Дмитриевича и Василия Васильевича и список бояр-послухов из жалованной грамоты 1483 г. Ряд вставок в текст сделан почти одновременно с составлением самой рукописи. Некоторые из них можно отнести ко времени царствования Бориса Годунова, о чем говорит запись на поле Л. 299: «Лета 7092 (вторая цифра неразборчива, очевидно в дате ошибка. – *М. Б.)* царь и великий князь Борис Федорович всея Руси и царевич Федор Борисович всея Руси», сделанная почерком и чернилами, встречающимися среди других вставок. Общими для списков извода всей редакции, к которому принадлежит Румянцевский, являются первые 56 глав рукописи, кончая родом Волконских, указанные в оглавлении и помещенные на первых 38 тетрадях (Л. 1–277).

С Л. 278 идут росписи, не записанные в оглавлении: родословие Нагайских князей, без перерыва переходящее в родословие Глинских, список европейских королей, родословия князей черниговских, муром-

ских и рязанских, Микулинских и Елизаровых (Морозовы), причем в заголовках двух последних написано: «В иных летописцех пишет». Весь этот текст написан двумя почерками, каждый из которых встречается в первых 38 тетрадях. Поэтому мы можем предполагать, что вся рукопись составлена одновременно[5].

Протограф списка составлен во время царствования Ивана IV, о чем можно судить по заголовку к родословию великих князей: «Лествица государя нашего царя великого князя Ивана Васильевича» (Л. 5об.); в росписи этой и следующих глав последним записан Федор Иванович, названный «нынешним царем» (Л. 7об., 12об.).

На Л. 9об. при перечислении московских великих князей и царей от Рюрика Федор Иванович вписан между строк 21-м «коленом» почерком и чернилами, очень сходными с почерком основного текста. В помещенном после этой главы перечислении поколений великих князей в обратном порядке от 21-го до 1-го поколения (Л. 9об.–10) в соответствии с припиской имени Федора изменен отсчет поколений – все они увеличены на единицу; рядом с цифрами «18», «15», «7» видны полусмытые цифры «17», «14», «6», что соответствовало бы отсчету, если последним в 20-м «колене» записан Иван IV. В цифрах «21» и «11», очевидно, приписаны единицы, цвет чернил совпадает, но начертание буквы «а» несколько отличается от основного текста.

Приписка на Л. 45об., сделанная черными чернилами и почерком, нигде более не встречающимся, говорит о смерти Федора в 1598 г. Эти изменения текста позволяют предположить, что в основе Румянцевского списка лежит родословная, составленная в годы царствования Ивана IV, а рассматриваемая рукопись была написана во время правления Федора Ивановича (1584–1598).

В настоящей работе нас будут интересовать родословные росписи Глинских князей из Румянцевского списка. Но предварительно необходимо кратко остановиться на редакциях этих родословий, составленных в XVI в., которые мы находим в русских родословных книгах.

Одна из них, которую мы в дальнейшем будем называть «поколенной росписью», начинается с выезда в Литву к великому князю Витовту татарина Алексы (в отдельных списках Лексы), его крещения, пожалования ему Витовтом земель. Далее в росписи приводятся пять-семь поколений потомков Алексы (примерно до деятелей втор. пол. XVI в.),

---

[5] Аналогичную картину в расположении текста мы видим и в других списках извода, где после родословия Волконских (гл. 56) помещаются еще некоторые росписи, частично совпадающие между собой, частично представляющие индивидуальную особенность списков. Так, в списке Архивском VI (РГАДА. Ф. 181. № 362), восходящем к общему протографу с Румянцевским, помещены росписи князей черниговских и рязанских, Елизаровых, отрывок из главы Нагайская орда, а также родословия Колычевых, Павловых и списки гра-мот Судимонтовых (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 109, 248).

последними здесь записаны потомки Льва Борисовича, которые выехали в 1508 г. на Русь[6] (см. табл. на с. 281).

Другая редакция, озаглавленная в отдельных списках «Подлинный родо-слов Глинских князей»[7], подробно излагает «кочевой» период жизни предков Глинских, их родство с Чингисханом, затем говорит о выезде Алексы к Витовту, перечисляет все пожалования, которые он получил в Литве, женитьбу его сына на княжне Острогожской и кончается выездом на Русь детей Льва Борисовича в 1508 г. «Подлинный родослов» отличается обширной легендой о происхождении Глинских и краткой росписью.

«Подлинный родослов» и «поколенная роспись» составлены независимо друг от друга. В них записано разное число лиц и дан разный комплекс биографических известий, но основа родословной легенды – выезд татарина Алексы в Литву – и схема родства общих для обоих родословий лиц едины (см. табл. на с. 281).

«Поколенная роспись» сходна с большинством росписей, входящих в родословные книги XVI в., и имеет присущую им схему – легенда о выезде – роспись, где первые три поколения записаны по схеме от отца к сыну, а с четвертого даны последовательно потомки Бориса Ивановича и его братьев Федора и Семена. «Поколенная роспись» имеет два типа родословной росписи и три типа легенды, история которых связана с бытованием в XVI в. определенных редакций родословных книг.

В первом типе – полной росписи – записаны семь поколений потомков Алексы. Последними здесь названы сын Михаила Львовича Василий, дети брата Михаила Василия Львовича – Юрий, Иван, Михаил и Елена и внук Василия Львовича Иван Михайлович; Елена названа женой великого князя Василия Ивановича. Второй тип росписи более краток; по сравнению с первым здесь отсутствуют шестое и седьмое поколения (сын Михаила Львовича и дети и внук Василия Львовича). Остальные отличия текстов росписи в разных списках родословцев (отсутствие прозвищ, изменение степени родства и т.п.) связаны с особенностями и дефектами самих списков, в которых они помещены[8].

Семь поколений потомков Алексы (первый тип) есть в списках только одной редакции родословных книг втор. пол. XVI в., к которой принадлежит Румянцевский список, остальные редакции содержат более краткий (второй) тип росписи.

В списках первого извода редакции втор. пол. XVI в. легенда к родословию Глинских записана так: «К великому князю литовскому Витовту Кестутьевичу внуку Гедиманову приехал татарин князь Олекса, а во

---

[6] Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 84–85, 157–158.

[7] Там же. С. 195–197.

[8] Так, в одном из опубликованных списков пропущен Иван Львович Мамай, а его брат Василий назван Юрием (Временник ОИДР. Кн. 10. С. 158).

крещенье наречен князь Олександра, а вотчина у него была Глинеск да Глинеца, да Подова»[9]. В рукописях второго извода этой же редакции, где кроме «поколенной росписи» помещен «подлинный родослов», под его влиянием легенда расширена, в нее включены известия о женитьбе уже Алексы на княжне Настасье Острогожской и о земельных пожалованиях, сделанных Витовтам, совпадающие с «подлинным родословом»[10].

В редакциях родословных, близких к Государеву родословцу[11], содержащих более краткий тип росписи Глинских, из легенды, соответствующей тексту первого извода родословных втор. пол. XVI в., исключены слова «Кестутьевичу внуку Гедиманову»[12], а в остальных редакциях родословных нет слов «внуку Гедиманову»[13].

Таким образом можно установить связь между родословной легендой и родословной росписью Глинских: более краткой росписи соответствует всегда самая краткая легенда, полной росписи соответствуют две легенды – полная и расширенная под влиянием «подлинного родослова», причем последняя встречается лишь в тех рукописях, где есть и сам «родослов».

Составление полного типа росписи довольно точно датируется по запи-санным в ней сведениям. Здесь названы умершими без потомства Иван и Юрий Васильевичи и Василий Михайлович[14], а Елена Васильевна названа женой великого князя Василия III[15]. По наиболее поздней дате – смерть Василия Михайловича (1564 г.) – полный тип росписи можно датировать 60-ми гг. XVI в. Это соответствует времени составления протографа редакции. В 80-е гг., когда составлялся второй извод редакции, в нем, не меняя росписи, расширили легенду Глинских[16].

Для датировки краткого типа росписи надо обратиться к истории тех редакций родословных книг, которые его содержат, так как датирующие сведения в рукописи отсутствуют. Самая ранняя редакция, содержащая такую роспись, – редакция «в 43 главы с приписными, составленная, как установил Н. П. Лихачев, на основе Государева родословца 1555 г.[17] В списках родословных, восходящих к Государеву родословцу (редакция в 43 главы), нет текста росписи Глинских, а есть только заголовок

---

[9] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 149.

[10] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 158; ср.: Там же. С. 196.

[11] *Бычкова М. Е.* Родословные книги. С. 53–64.

[12] ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 274об.; Ф. 205. № 179. Л. 200 и др.

[13] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 84.

[14] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 149об.–150; Временник ОИДР. Кн. 10. С. 158. Подробнее: *Зимин А. А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 59, 71–72 и Приложение II к наст. ст.

[15] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 158; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 149об.

[16] *Бычкова М. Е.* Родословные книги. С. 85–86.

[17] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 416.

к главе. Для Н. П. Лихачева это было одним из оснований для вывода, что роспись Глинских отсутствовала в Государеве родословце[18].

Изучение всего комплекса сохранившихся списков родословных книг показывает, что такое положение противоречит их истории. Ни в одной редакции мы не встретили случая, чтобы в оглавлении к спискам или в заголовках среди глав были названы росписи, отсутствовавшие в протографе редакций. В этом случае отсутствие текста главы связано или с дефектом самого списка, или с дефектом рукописи, с которой он переписывался, причем во втором случае такой пропуск часто оговаривается в тексте[19]. Оглавление к родословной книге писалось не как программа ее состава, а как его констатация. Поэтому, на наш взгляд, более правильно считать, что родословие Глинских имелось в Государеве родословце, а при более поздней обработке его текста было утрачено.

Такое положение косвенно подтверждается составом списков возникшей на базе Государева родословца редакции в 43 главы с приписными. Три рукописи этой редакции, составляющие особый извод, после 43 главы (род Адашевых), которой кончался Государев родословец, имеют запись «По сей род писано в Государеве в большой родословной Елизаровской книге». Это единственное свидетельство в родословных книгах о Государеве родословце, составленном дьяком Елизаром Цыплятевым, которое было для Н. П. Лихачева важным аргументом при обосновании его гипотезы[20]. В этих трех списках после заголовка Гл. 14 следует роспись Глинских князей, отсутствующая в списках редакции в 43 главы и соответствующая краткому типу росписи и родословной легенды[21].

Служба Глинских князей при московском дворе также подтверждает вероятность включения их росписи в Государев родословец. В исторической литературе уже высказывалось мнение, что из некняжеских родов в Государев родословец попали те, представители которых входили в состав Думы, а из княжеских записаны даже те, среди которых не было думцев[22]. Князья Глинские постоянно имели в Думе своего представителя. После смерти в 1547 г. Юрия Васильевича им был его

[18] Там же. С. 416–418.

[19] Так, в рукописи XVII в. (ОР РГБ. Ф. 228. № 182), где в оглавлении указано 70 глав, а фактически 69, после заголовка 70 гл. запись: «Нет, знатно потеряна», а вместо заголовка гл. 61 запись: «А главы 61 в книге нет, вздрана». Аналогичные записи есть и в других списках.

[20] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 356–362.

[21] Надо оговориться, что нам не встречалось другого случая, когда одна и та же редакция росписи могла быть среди «основных» и «приписных» глав. Такие случаи наблюдаются только с разными редакциями росписей. Может быть, составители этого извода включили редакцию росписи, встреченную среди «приписных» глав после ее заголовка среди «основных».

[22] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 9–10.

брат Михаил[23], с 1556 г. в разрядах упоминается стольник Василий Михайлович Глинский, боярин с 1561 г.[24] Поэтому скорее можно предположить, что роспись Глинских попала в родословные книги еще в 50-е гг., а позднее, в 60–70-е гг., в годы опричнины[25], роспись выпала при обработке уже существующих редакций родословцев.

Труднее установить, какой тип росписи – краткий или полный – был первоначальным. Краткий тип росписи дошел в составе более ранних редакций, в нем записано одинаковое число поколений во всех ветвях рода, что также может свидетельствовать о его первичности[26]. Полный тип дошел в составе редакции втор. пол. XVI в. и в том виде, который мы имеем, составлен или обработан после 1564 г.

Мы можем представить два варианта бытования поколенной росписи Глинских в родословных книгах XVI в., исходя из их расположения в различных редакциях. Согласно первому предположению, сначала был составлен более краткий тип, который, вероятно, был в Государеве родословце, а потом эта глава выпала из основного текста и перешла в число «приписных». В редакции в 43 главы с приписными эта роспись встречается систематически.

При создании редакции втор. пол. XVI в. роспись была дополнена новыми поколениями до начавшего в это время службу Ивана Михайловича и расширена ее легенда.

В этом случае надо констатировать, что в раннее родословие не были включены ни мать Ивана IV Елена Глинская, ни служивший в момент составления росписи дядя царя боярин Михаил Васильевич, ни живой еще Василий Михайлович. А более поздняя роспись записала не только этих лиц, из которых Василий Михайлович уже умер бездетным, но и умерших раньше него также бездетными Юрия и Ивана Васильевичей и назвала Елену великой княгиней.

Мы считаем более вероятным другую схему бытования этой росписи, хотя не имеем в ее доказательство дополнительных аргументов. Родословная Глинских в ее полном типе, где были записаны и Елена Васильевна и все живые в 50-е гг. Глинские, была в Государеве родословце[27]. Позднее она оттуда выпала. На основе этой росписи в какой-

---

[23] *Зимин А. А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI веках. С. 59.

[24] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 158, 193; *Зимин А. А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI веках. С. 71, 72.

[25] В. М. Глинский умер в 1564 г., Иван Михайлович, последний представитель рода, впервые упомянут в разрядах как рында в 1571 г. См. Приложение II к наст. ст.

[26] Аналогичный случай мы наблюдали в самой ранней редакции родословных книг, где в каждой росписи было одинаковое число поколений во всех ветвях. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги середины XVI века // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1961. Т. 16. С. 476–480.

[27] У нас нет свидетельств о том, что она попала в более ранние редакции.

то из моментов, когда влияние Глинских упало, был составлен более краткий тип, известный по редакции в 43 главы с приписными.

При создании в 60-е гг. новой редакции был использован первоначальный полный тип, куда добавлено известие о смерти Василия Михайловича. В этом случае более естественным выглядит помещение в роспись великой княгини Елены и бездетных бояр Юрия и Ивана Васильевичей.

Вторая редакция родословия Глинских – «подлинный родослов» есть только в редакции родословных книг втор. пол. XVI в. Основной объем ее текста составляет родословная легенда, роспись рода оканчивается лицами, выехавшими в Москву в 1508 г. Это необычно для княжеских и боярских росписей втор. пол. XVI в. «Подлинный родослов» находит аналогии лишь среди великокняжеских родословий этого времени и, обратившись к традиции их составления, мы можем выяснить время и причины его появления.

«Подлинный родослов» имеет много общих черт со «Сказанием о молдавских князьях»[28] и отчасти сопоставим с родословием литовских князей[29]. Для всех них характерна пространная легенда, выводящая родоначальника из глубокой древности, где записано много биографических подробностей о дальних предках, и короткая родословная роспись.

По «подлинному родослову» князья Убо Кияты, предки Глинских, кочевали до нашествия татаро-монгол, во время которого они породнились с Чингисханом[30]. Детально описан здесь выезд предка Глинских в Литву, его крещение, что находит аналогии в сопоставимых местах родословия литовских князей. Как и в «Сказании о молдавских князьях», где роспись доведена до отца Елены Стефановны, жены Ивана Ивановича Молодого, в родословии Глинских последними записаны Василий Львович, отец великой княгини Елены Глинской, и его братья.

Мы не можем найти ни текстологического совпадения «подлинного родослова» с указанными памятниками, ни конструктивных заимствований, но в принадлежности его к одинаковой с ними традиции сомневаться не приходится.

Исследования последних лет показали, что родословие молдавских князей было составлено в связи с замужеством Елены Стефановны[31]. По аналогии можно предположить, что «подлинный родослов Глинских князей» был составлен в связи с женитьбой Василия III на Елене Васильевне Глинской и должен был подтвердить ее происхождение от правящего дома Чингисидов. Исходя из этого, а также из отсутствия упоминаний

---

[28] ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 256–259.

[29] Там же. С. 253–256; Т. 17. С. 553–588.

[30] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 195.

[31] Подробнее см.: *Балдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // АЕ за 1963 год. М., 1964.

в нем женитьбы Василия III на Елене Глинской и каких-либо известий об их детях, мы можем датировать «родослов» перв. пол. 20-х гг. XVI в.

«Подлинный родослов» имеет две редакции. Одна из них, опубликованная по рукописи XVII в.[32] находится в списках второго извода редакции родословных книг втор. пол. XVI в. Самостоятельная редакция «подлинного родослова» помещена в Румянцевском списке, среди дополнительных статей на Л. 280–286. Все списки родословных книг этой редакции содержат полную поколенную роспись Глинских (Гл. 14 или 16), причем после нее в списках второго извода следует запись: «А подлинно пишет о Глинских, откуда пошли и как ся вели, и то пишет в сеи же книге после всех родов»[33]; вторая роспись, помещенная в этих списках, озаглавлена «Подлинный родослов Глинских князей». Этот «Подлинный родослов» попал в протограф второго извода независимо от Румянцевского списка, так как кроме отличий, о которых будет сказано ниже, в Румянцевском есть пропуск значительного куска текста, отсутствующий в остальных списках извода[34]. Общий для всех списков редакции текст «подлинного родослова» кончается словами: «...и преставися князь Борис на тех всех городех»[35], далее в списках второго извода идет продолжение росписи, а в Румянцевском помещен текст, начинающийся словами: «Паметь. Князя Ивана Юрьевича Мстисловсково были бояре...», конец «...а Глинские книини Анна да книини Настасья сидели конец стола». Эта «память», являющаяся предметом настоящего исследования, не находит никаких аналогий среди родословных документов XVI в., и поэтому прежде всего встает вопрос о ее возможном источнике и достоверности записанных в нее фактов.

Кроме Румянцевского списка «память» помещена еще в четырех рукописях родословных[36]. Из них Титовский – один из самых дефектных списков той же редакции родословных книг, что и Румянцевский, а остальные три рукописи принадлежат к другой редакции родословных книг[37]. Список А. И. Вадбальского, в свое время высоко оцененный С. Б. Веселовским, и Пусторослевский, по которому опубликовал «память» Н. П. Лихачев, восходят к общему протографу[38].

---

[32] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 195–197.

[33] Там же. С. 153. В дальнейшем мы будем ссылаться на этот опубликованный текст, так как роспись Глинских в остальных рукописях редакции совпадает с ним. В ряде списков второго извода (РГАДА. Ф. 181. № 85, 1139) помещен только этот текст (Гл. 14).

[34] Там же. С. 196. В Румянцевском отсутствует текст со слов: «...и поби Темир-Кутлуи...» до слов «...и заблудишася» (ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 282).

[35] Там же. С. 197; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 282об.

[36] Титовский (ОР РНБ. Собрание Титова. № 3426. Л. 95об.–98), Библиотечный (ОР РНБ. Q IV. № 13. Л. 226–228об.), Пустороолевский (Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 5. № 520. Л. 100–101), список А. И. Вадбальского (Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 106. Л. 111–111об.).

[37] *Бычкова М. Е.* Родословные книги. С. 90–99.

[38] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса. С. 11–14; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 418–419.

Все списки, кроме Румянцевского, содержат текст «памяти» со значительными искажениями. В Пусторослевском и списке А. И. Вадбальского опущен значительный отрывок в тексте (см. Приложение I), в Библиотечном списке пропуск меньше, но начинается с того же слова, что и в двух других. То, что в трех рукописях родословных книг, относящихся к одной редакции, пропуск начинается с одного и того же слова, и в двух из них кончается на одном и том же слове, может свидетельствовать, что этот пропуск восходит к общему протографу. В Титовском списке «память» сохранилась без пропусков, но с некоторыми дефектами и исправлениями текста.

«Память» по содержанию можно разделить на две части. Первая посвящена жизни Льва Борисовича Глинского и его сыновей в Литве и их выезду в Москву, вторая представляет список боярынь вел. кн. Елены Васильевны. Логически они связываются замужеством Елены Глинской и упоминанием во второй части службы при московском дворе тех княгинь Глинских, мужья которых названы в первой части.

Сначала в «памяти» перечислены бояре кн. Ивана Юрьевича Мстиславского: Светител, Поцолт, Олгиш, Степан Есманозич, отец Ивана Раевского; Льву Глинскому место «з бояры было в столе, а боярства не дослужился». После смерти князя Ивана Юрьевича на службе в Киеве Глинский женился на вдове Гаврилы Мелешковича, тетке («дядине») Ивана Раевского, и выехал с женой в Литву, где у них родились четыре сына. Дальше подробно записана биография Михаила Львовича Глинского. Здесь текст «памяти» сопоставим с «подлинным родословом» и это сравнение показывает, что «память», повторяя текст «родослова», вносит в него свои редакционные вставки.

Деятельность Михаила Львовича после смерти Александра описана коротко: он убил у Сигизмуида боярина Яна Березинского, «казну ево всю поймал» и бежал с братьями к Москве. «А иново пути Глинским, тово лутче не ведаем»[41].

Сравнение показывает, что источником биографии Михаила Львовича Глинского в Литве мог быть «подлинный родослов». По сравнению с ним мы не находим в «памяти» принципиально новых сведений о Михаиле. Скорее следует обратить внимание на направленность фактов «памяти» против кн. Михаила. Автор явно с неодобрением относится к перемене религии («веры... отступился»), а роль Глинского при дворе вел. кн. Александра явно принижена. Все современники говорят о его

[39] Временник ОИДР. Кн. 10. С. 197.

[40] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 283об.–285.

[41] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 284об.–285. Здесь в рукописи испорчен текст, написано, что Михаил Глинский с братьями «убил короля Жигдиманта и боярина ево Яна Березин-сково» (Там же. Л. 284об.).

Подлинный родослов[39]	Память[40]
И служили Глинские князи в Литве; и как король послал Александро Литовара послом в Немцы, князь Михаило Львович Глинской с Литоваром пошел в Немцы и научился в Немцах немецкому языку и грамоте немецкой. И научись князь Михаило в Немцах грамоте и языку немецкому да приехал в Литву служити.	И служил тот князь Лев Глинской по паном по литовским и з детми своими. И как послал король Александр Литовара послом в Немцы, и Литовар тово князь Михаила Глинсково взял с собою в Немъцы и дал ево учити в Немъцах тамошнему языку немецкому и грамотам. И там в Немцах князь Михайло Глинской веры своеи рускои отступился и научився в Немцах князь Михаило Глинской языком немецким и грамотам и приехал в Литву служити.
И король Александро взял князя Михаила Глинскаго Львовича к себе во двор и учинил его моршалком дворным.	И король Александр взял князя Михаила Глинсково к собе во двор служити, и у короля Александра князь Михаило во дворе служил, и у послов у немецких толмачил и грамоты перед королем чел, и дослужился у короля у Олександра дворового моршалства. Коли король Александр поидет к церкви или от церкви, и князь Михаило Глинскои перед королем детей боярских розбивает. И братью свою князь Василья да князя Ивана Мамая да князя Федора Глинских х королю Александру приказал.

большом влиянии на великого князя, о больших пожалованиях, которые получил Михаил Львович[42]. И хотя современники единодушно считали Михаила Львовича Глинского выдающимся человеком[43], в родословии мы ничего похожего на эту характеристику не видим.

В «памяти» записан круг лиц, с которыми Глинские были связаны в Литве. Прежде всего это бояре кн. Ивана Юрьевича Мстиславского. Иван Юрьевич, потомок Гедимина, упоминается в источниках с 1458/59 по 1486–1489 г.[44] Из записанных в «памяти» бояр по актам известны Василий Олгиш, боярин Мстиславского князя[45], и Поцолт,

[42] Его служба при дворе вел. кн. Александра началась, очевидно, около 1498 г., в 1501 г. он уже «дворный моршалок». Подробнее: Русский биографический словарь. М., 1916. Т. 5. С. 324–325.

[43] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 167–172; Хроника Быховца. М., 1966. С. 122–124.

[44] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 264–265.

[45] Есть грамота 1499 г. вдовы Ивана Олгишевича, свекор которой Василий Олгиш был боярином Ивана Юрьевича. См.: Акты Литовской метрики / Собр. Ф. И. Леонтовичем. Варшава, 1897. Т. 1. Вып. 2. С. 20; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 265–266; Описание

служивший в Мстиславле[46]. Потомки Ивана Раевского, выехавшего на Русь в 1526 г. вместе с Ф. М. Мстиславским, известны по русским источникам[47]. Мелешковичи были вотчинниками Городенского повета, очевидно с середины XV в., дети Гаврилы Мелешковича упоминаются с 1496 по 1522 г.[48] В судном деле 1507 г. упоминается Иван Есманович, возможно родственник записанного в памяти Степана Есмановича[49].

Иван (Ян) Литавор Богданович Хребтович, с которым Михаил Глинский уехал из Литвы, – известный деятель конца XV – начала XVI в. Правда, о его посольстве «в Немцы» ничего не известно, но он ездил с посольствами в Польшу и на Русь[50]. Если учесть, что сестра Михаила Львовича была замужем за братом Литавора Мартином Богдановичем[51], то показание «памяти» об отъезде Михаила в свите Литавора приобретает большую убедительность.

Наиболее трудно проверяется факт переезда Льва Борисовича Глинского в Литву, где «память» объединяет несколько событий XV в. «А как преставился князь Иван Юрьевич Мстисловской на службе в Киеве, и тот князь Лев Глинской понял дядину Иванову Раевсково Гаврилову жену Мелешковича, после княж Ивановы смерти Юрьевича поехал изо Мстисловля в Литву служити. И в Литве с нею прижил четыре сына...»[52].

Как мы видим, здесь упомянута дважды смерть Ивана Юрьевича Мстиславского, одни раз он записан умершим в Киеве. Ни о его службе в Киеве, ни точная дата его смерти из других источников нам неизвестны. Возможно, здесь содержится смутное упоминание о так называемом «киевском заговоре» 1480–1481 гг., в котором принимали участие православные литовские князья, связанные с Новгородом[53]. Отец Ивана Юрьевича Юрий Лугвеньевич в 40-е гг. XV в. неоднократно отъезжал в

документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1915. Кн. 21. С. 62.

[46] В 1498 и 1499 гг. даны две грамоты зятю Поцолта Микуле Радчиничу на его земли (Описание документов и бумаг. С. 53, 57; Акты Литовской метрики. Варшава, 1896. Т. 1. Вып. 1. С. 150; Т. 1. Вып. 2. С. 115).

[47] Федор Иванович Раевский – городовой воевода в Волхове в 1558 г. (РК. С. 166). См.: *Модзалевский Б. Л.* Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908.

[48] Акты Литовской метрики. Т. 1, вып. 1. С. 113–114, 168–169; РИБ. СПб., 1903. Т. 20. I. № 113, 120, 176; III. № 70, 71. См. также: *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады великого княжества Литовского. Томск, 1801. С. 10–11, 293; Описание документов и бумаг. С. 47, 77 и сл.

[49] РИБ. Т. 20, II. № 42.

[50] *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады великого княжества Литовского. С. 108, 109; Описание документов и бумаг. С. 4; Сборник РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 145–155.

[51] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 80.

[52] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 283об.

[53] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 191–193.

Новгород[54], и хотя Иван Юрьевич в связи с киевским заговором в других источниках не упомянут, по своему происхождению он мог бы быть его участником.

В этом же отрывке сообщается о женитьбе Льва Борисовича. Поскольку потомки Ивана Раевского, родственники его жены, в перв. пол. XVI в. жили на Руси, мы можем считать это известие достаточно достоверным, тем более, что это единственный случай в «памяти», когда указывается родство четырех человек, в общем не имеющих отношения к родословию Глинских: «Степан Есманович Ивана Роевсково отец», «Лев Глинской понял дядину Иванову Раевсково, Гаврилову жену Мелешковича». Но дату женитьбы, которая по тексту связана или с предполагаемым заговором 1480 г., или с отъездом Льва Глинского в Литву после смерти Ивана Юрьевича, придется отвергнуть, так как сыновья Льва Борисовича как активные деятели упоминаются в источниках с 80-х гг. XV в.[55]

Возможно, что Лев Глинский женился на вдове Гаврилы Мелешковича, что породнило его с мстиславским боярством, не собираясь уезжать в Литву, но после событий 1480 г., если в них был замешан Иван Юрьевич, уехал. Во всяком случае, «память» – пока единственный документ, который называет бабку вел. кн. Елены по отцовской линии[56].

Еще одна запись связывает Льва Глинского с Литвой. «А поместье за ним было во Мстисловле, селцо Ходосово, что ныне за княж Михайловым бояриным, за Михаилом за Суходолским»[57]. Село Ходосово расположено около Мстиславля и в XVI в. входило в состав Литвы. Очевидно, под кн. Михаилом здесь подразумевается Михаил Иванович Мстиславский[58].

Вторая часть «памяти» – список боярынь вел. кн. Елены Васильевны – по составу записанных лиц почти полностью совпадает со свадебными разрядами 1526 и 1533 гг.[59] В списке упомянуты боярыни Мария,

---

[54] Хроника Быховца. С. 95.

[55] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 85–86. См. Приложение II к наст. ст.

[56] По материнской линии, как установил М. Н. Тихомиров, она была в родстве с сербским родом Стефана Якшича (*Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 86–88). Б. Л. Модзалевский полагал, что женой Льва Глинского была сестра Степана Есмановича (*Модзалевский Б. Л.* Род Раевских герба Лебедь. С. 7). Однако термин «дядина» имел точное значение – жена дяди, т. е. брата отца или матери (*Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М., 1956. Т. 1. С. 512; ср.: РИБ. Т. 20. II. Стб. 48. Дело 1516 г.). Поэтому, наоборот, Степан Есманович был женат на сестре Гаврилы Мелешковича и Глинские в непосредственном родстве с Раевскими не состояли.

[57] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 283–283об.

[58] Суходольские не встречаются в русских источниках XVI в. Считается, что русские ветви этих фамилий выехали из Литвы после 1600 г. (*Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 39). В Литве в 1500 г. упоминаются владения Суходольских в Дорогицком повете (РИБ. Т. 20, III. № 136). В сентябре 1534 г. литовский воевода Су-ходольский был взят в плен под Стародубом (ПСРЛ. Т. 8. С. 287; Т. 13. С. 80).

[59] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 285; РК. С. 9, 11; ср.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 23.

жена Григория Федоровича Давыдова[60], Олена, жена Ивана Андреевича Челяднина[61], Огрофена, жена Василия Андреевича Челяднина[62], Ирина, жена Юрия Захарьевича[63], записанная в «памяти», встречается лишь в свадебном разряде 1533 г.[64]

В «памяти» мы находим еще Анну Глинскую, жену кн. Василия Львовича[65], мать Елены; Настасью Мамаеву, тетку Елены, жену кн. Ивана Львовича Мамая; кн. Огрофену Волынскую, жену Ивана Михайловича Волынского[66], Овдотью Иванову Третьякову, жену печатника Ивана Ивановича Третьякова[67]. Не удается установить последнюю из записанных боярынь – Огрофену «Нехожева княгиня», так как испорчено имя мужа.

Ценность этой части родословия в том, что генеалогические источники вообще редко называют имена женщин, а здесь приведены три имени боярынь вел. княгини, ранее не встречавшиеся, – имена жен И. Л. Глинского, И. И. Третьякова и какого-то князя с искаженным именем.

«Память» сохранилась в списке конца XVI в., однако составлена она, очевидно, гораздо раньше. В ней упоминается рождение у Василия III сына Юрия, поэтому самой ранней датой составления следует считать 30 окт. 1532 г.[68] Поскольку документ посвящен в основном Михаилу Львовичу Глинскому, но в то же время не говорит о его смерти, появление «памяти» с большой вероятностью можно датировать не позднее августа 1534 г., когда кн. Михаил был посажен в тюрьму, где вскоре умер[69]. В этой датировке можно выделить два периода: октябрь 1532 г. – декабрь 1533 г. (смерть Василия III) и 1534 г. В первый период составление «памяти» можно связать со стремлением группы бояр не допустить Михаила Глинского к власти в случае смерти Василия III, во второй – с желанием отстранить Михаила от власти.

---

[60] РК. С. 9, 11. Григорий Федорович Давыдов – окольничий с 1501 г., боярин с 1507 г., ум. ок. 1514 г. (*Зимин А. А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI веках. С. 48).

[61] И. А. Челяднин, боярин с 1508 г., ум. в плену в 1516 г. (*Зимин А. А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI веках. С. 49).

[62] В. А. Челяднин, боярин с 1508 г., ум. около 1517 г.; его жена была нянькой Ивана IV, пострижена в монахини в 1538 г. (*Зимин А. А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI веках. С. 50, 65).

[63] Юрий Захарьевич, боярин с 1483 г., ум. в 1503–1504 гг. (*Зимин А. А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI веках. С. 44).

[64] РК. С. 11.

[65] Приехала в Москву с детьми в 1522 г. (*Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 86). Упоминается в летопи-сях в связи с восстанием 1547 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 456–457).

[66] Огрофена Волынская упомянута среди боярынь, встречавших в 1536 г. Фатьму-сал-тан царицу (ПСРЛ. Т. 29. С. 22–23).

[67] Третьяков И. И. – печатник с 1523 г., казначей с 1533 г. (*Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. Т. 63. С. 186, 191).

[68] ПСРЛ. Т. 8. С. 280.

[69] Там же. Т. 29. С. 13.

По нашему мнению, «память» скорее была составлена до смерти Василия III и связана со стремлением отстранить кн. Михаила от участия в регентском совете. Это подсказывает сам текст «памяти», где не названы события позднее октября – ноября 1532 г., а о кн. Василии III и его братьях говорится как о живых («А коли ся приведет в праздник стояти, а войдет князь велики или митрополит или уделные князи...»; «А коли за обычаи сидят, а войдет князь велики Василеи...»; «А коли родился князь Юрьи Васильевич... и толды большой наряд был...»[70]).

Однако в 40-е гг. XVI в. Глинские стали одиозными фигурами, и московское восстание 1547 г. в значительной степени было направлено против них[71]. Это обстоятельство выдвигает перед нами вопрос, не связано ли редактирование «памяти» или изменение отдельных ее частей с недовольством Глинскими в это время. Ведь мы можем выделить в нашем памятнике две части – одна посвящена Михаилу Львовичу, а другая – список боярынь – неоднократно подчеркивает низкое место среди боярынь Анны Глинской.

Нам кажется, что на этот вопрос при всей его заманчивости надо ответить отрицательно. Во-первых, повторяем, никакие события позднее рождения кн. Юрия (1532 г.) в документе не упомянуты, и в первой части «памяти» не видно более поздних переделок. Появление списка боярынь вел. кн. Елены было возможно лишь до ее смерти (3 апр. 1538 г.)[72], и если он составлялся или редактировался во втор. пол. 30-х – 40-е гг. XVI в., в нем должны были оказаться изменения: в 1538 г. была пострижена в монахини жена В. А. Челяднина, которую мы находим среди боярынь, а примерно с 1536 г. первое место при дворе занимала жена кн. Федора Михайловича Мстиславского Анастасия[73]. В «памяти» она не записана.

Эти обстоятельства приводят нас к мнению, что «память» была составлена как единый документ в 1532–1534 гг., но возможно, внимание к Глинским, возникшее в 40-е гг. XVI в., было наряду с другими одной из причин копирования и сохранения документа, направленного против этого рода.

«Память» могла быть записана людьми хорошо знакомыми с «литовским» периодом жизни Михаила Глинского, который почти не отражен в русских источниках. Первые же ее слова связаны с именем Мстиславских князей. Возможно, что все составление этой редакции «подлинного родослова» в какой-то мере связано с их деятельностью. В таком случае следует проследить, не отразилось ли такое редактиро-

[70] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 285об., 286. Из удельных князей Юрий Иванович был «поиман» в декабре 1533 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 78).

[71] ПСРЛ. Т. 29. С. 54–55.

[72] Там же. С. 32.

[73] Там же. С. 22, 23; ум. в 1540 г. (Там же. С. 38).

вание на росписи самих Мстиславских, помещенной в Румянцевском списке, хотя если предположить, что родословие Глинских попало в рукопись не из протографа редакции, а в качестве дополнительного материала из какого-то другого источника (о такой возможности говорит само расположение статьи), то проверка росписи Мстиславских может ничего не дать.

Родословие литовских князей, от которых ведут начало князья Мстиславские, едино для всех списков редакции[74], и во всех списках дважды записан выезд на Русь кн. Федора Михайловича – первый раз после его имени «приехал служити к великому князю Василью Ивановичю всея Русии лета 7034, июня» (1526 г.)[75], и второй раз – в конце росписи, где записано, что Федор был женат на Настасье, дочери царевича Петра, причем списки первого извода редакции, к которым принадлежит Румянцевский, дают здесь же восходящую роспись четырех поколений предков Настасьи[76]. Эта пока единственная известная запись, когда в родословной росписи мужа есть предки жены.

Этикет размещения боярынь вел. кн. Елены, который мы встречаем в «памяти», также может быть связан с княгиней Настасьей Мстиславской, занимавшей при этом дворе одно из первых мест[77]. Все это позволяет связать составление «памяти» с деятельностью Федора Михайловича Мстиславского.

Федор Михайлович Мстиславский родился между 1499 и 1507 гг.[78], скорее в начале века; молодым человеком приехал служить в Москву. О его жизни в Литве мало известно[79]. По грамоте от 3 авг. 1525 г. видно, что у него были длительные неприятности в отношениях с отцом, не выделявшем Федору, который после смерти матери стал наследником Мстиславля, самостоятельного владения, причем младший брат Федо-

---

[74] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 601–612; Временник ОИДР. Кн. 10. С. 136–140.

[75] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 610; Временник ОИДР. Кн. 10. С. 137.

[76] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 610–611; Временник ОИДР. Кн. 10. С. 138.

[77] ПСРЛ. Т. 29. С. 22, 23.

[78] Дата женитьбы Михаила Ивановича Ижеславского на Ульяне Ивановне Мстиславской устанавливается по двум грамотам, выданным Микуле Радчиничу от 1 апр. 1498 г. (до этой женитьбы) и 9 апр. 1499 г. (после женитьбы, когда М.И. Ижеславский стал Мсти-славским князем. См.: Акты Литовской метрики. Вып. 1. С. 150; Вып. 2. С. 15). В 1507 г. он уже был женат на Василисе-Ульяне Гольшанской. Н. Мятлев и Ю. Вольф приводят веские аргументы, говорящие, что Федор и его брат Василий были детьми от второго брака (*Мятлев Н.* К родословию князей Мстиславских. М., 1915. С. 3; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 269). Однако родословные книги XVI в. сообщают о князе Федоре, что «по матери его зовут Мстиславским» (ОР РГБ. Ф. 256. № 348. Л. 21об.–22). Эта запись 40-х гг. XVI в. свидетельствует, что Федор был сыном от первого брака Михаила Ижеславского с Ульяной Мстиславской. Очевидно, он родился в самом начале XVI в., так как в грамоте 1499 г. он не назван, а грамота 1507 г., как справедливо заметил Н. Мятлев, упоминает вторую жену Михаила Ульяну Гольшанскую и двух сыновей – Федора и Василия (*Мятлев Н.* К родословию князей Мстиславских. С. 2; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. С. 29).

[79] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 269.

ра Василий Михайлович поддерживал отца[80]. Возможно, эти неурядицы, отсутствие собственного поместья и послужили причиной отъезда Федора.

При московском дворе он занимал положение, сходное с положением других Гедиминовичей. Ф. М. Мстиславский стал служилым князем и по рангу был выше всех членов Боярской думы[81]. Благодаря женитьбе он находился в близком родстве с Василием III. Он приходился свойственником и вел. кн. Елене[82]. По службе Федор Михайлович ничем особенно не отличался; воевал против татар, в начале 30-х гг. долго не упоминается в разрядах[83]. Не исключено, что после перехода Мстиславля в 1529 г. к Сигизмунду он делал попытку вернуться в Литву[84].

Политическая ориентация Федора Мстиславского, его принадлежность к какой-либо боярской группировке мало известны. Как обратил внимание И. И. Смирнов, после смерти Василия III Ф. М. Мстиславский фактически был отстранен от управления государством, почему автор считает его наряду с И. Ф. Овчиной-Оболенским и Д. Ф. Бельским активным участником свержения Михаила Глинского[85]. «Память» позволяет уточнить некоторые моменты деятельности Ф. М. Мстиславского в это время.

По происхождению и родственным связям Ф. М. Мстиславский был одним из первых претендентов на роль регента при малолетнем Иване IV. Компрометируя Михаила Глинского, также возможного члена регентского совета, он тем самым выдвигал себя. Однако его участие в борьбе за власть (если «память» составлена при жизни Василия III) не дало результатов. Возможно, этому помешало положение Ф. М. Мстиславского как служилого князя. По наблюдениям С. М. Каштанова,

---

[80] АЗР. Т. 2. С. 162–163.

[81] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. 1947. Т. 22. С. 117–121; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 402–404.

[82] *Веселовский С.Б.* Последние уделы. С. 118; *Он же.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 293–294. На родной тетке Ф. М. Мстиславского Марии Ивановне был женат один из троюродных братьев Михаила Львовича Глинского – Богдан Федорович, наместник Путивльский, умерший в 1512 г. в плену в Москве (АЗР. Т. 2. С. 100, 70; Т. 1. С. 201–202). Ф. М. Мстиславский приехал в Москву через полгода после женитьбы Василия III на Елене Глинской (ПСРЛ. Т. 8. С. 271; Т. 13. С. 45).

[83] ПСРЛ. Т. 8. С. 272; Т. 13. С. 46; РК. С. 70–73. С 1527 г. по июль 1529 г. он постоянно находился в Кашире, с июля 1529 г. по август 1533 г. – в разрядах не упоминается (РК. С. 82). С июля 1535 г. до самой смерти Ф.М. Мстиславский находится на южных границах, и только с октября 1536 г. по сентябрь 1537 г. был, очевидно, в Москве (РК. С. 87–96; ПСРЛ. Т. 8. С. 291; Т. 13. С. 89).

[84] АЗР. Т. 2. С. 189; ср. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 269–270.

[85] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI века. М.; Л., 1958. С. 37–44. По наблюдениям И. И. Смирнова, после разгрома заговора М. Глинского выдвинулся И. Ф. Овчина, не у власти оказался Д. Ф. Бельский, что связано с участием его братьев в заговоре, а о Ф. М. Мстиславском сведений в источниках нет (Там же. С. 44).

Ф. М. Мстиславский активизировал свою удельную политику во втор. пол. 1533 г., но после смерти Василия III правительство Елены, куда вошел Михаил Глинский, стало ограничивать его удельные права[86], а сам он посылался на почетную и далекую от Москвы службу[87]. Поэтому, если связать «память» с деятельностью правительства Елены Глинской (что, по нашему мнению, менее вероятно), то она еще раз подтверждает, что Ф. М. Мстиславский был активным политическим противником Михаила Глинского.

Таким образом, «память», составленная в 1532–1534 гг., использовавшая текст «подлинного родослова», еще раз подтверждает, что эта редакция росписи Глинских была составлена до 1532 г. и, возможно, в 20–30-е гг. являлась единственной редакцией родословия Глинских. Никакого влияния «памяти» в отличие от «подлинного родослова» на «поколенную роспись» установить не удалось.

Причину появления списка «памяти» в годы царствования Федора Ивановича надо, очевидно, искать во взаимоотношениях Глинских и Мстиславских князей.

Сын и внук выехавшего на Русь Федора Михайловича Мстиславского – Иван Федорович и Федор Иванович – были крупными политическими деятелями середины – втор. пол. XVI в.[88] Дочь Ивана Федоровича была невестой царевича Федора Ивановича[89], но в 1585 г. Иван Мстиславский был пострижен в монахи.

С 1571 г. в разрядах как рында появляется последний князь Глинский – Иван Михайлович, двоюродный брат Ивана IV. С 1586 по 1590 г. он как боярин постоянно сопровождает царя Федора Ивановича[90]. Возможно, что это возвышение, последовавшее вскоре после опалы Ивана Федоровича, и вызвало вторичное возвращение к «памяти» или сторонников Мстиславских, или противников Ивана Глинского. Напомним, что к этому времени относится составление Румянцевского списка. Однако никаких следов редактирования конца XVI в. «память» не имеет.

Исследование «памяти» рода Глинских позволяет нам сделать ряд выводов, с одной стороны, касающихся истории составления родословных росписей XVI в., а с другой, – значения родословий как документа, отражающего борьбу политических группировок.

---

[86] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1968. С. 277–278, 281.

[87] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI века. С. 37–39.

[88] *Мятлев Н.* К родословию князей Мстиславских. С. 5–8; *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 119–120; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

[89] *Мятлев Н.* К родословию князей Мстиславских. С. 7.

[90] РК. С. 243, 293, 364, 463. По отдельным упоминаниям родословных книг можно предположить, что в 70-е гг. XVI в. Глинские и Мстиславские входили в одну политическую группировку. См. Приложение II к наст. ст. № 23.

Мы видим, что все редакции родословных книг XVI в. использовали две росписи Глинских, причем одна и та же редакция росписи встречается в близких между собой редакциях родословцев. Единственное тенденциозное «частное» родословие Глинских встретилось только однажды, причем роспись, составленная в 30-е гг. XVI в., просуществовала в неизменном виде до конца века и никак не отразилась на более позднем редактировании росписей Глинских. Это еще раз подтверждает, что росписи XVI в. имели официальное происхождение и «частный» элемент, «частное» их редактирование были незначительными.

С другой стороны, «память» о роде Глинских показывает нам, что генеалогические документы в XVI в. не только фиксировали родство лиц, но и могли использоваться иногда как политический документ. Русские источники XVI в. содержат скудные сведения о политической борьбе 30-х гг. XVI в., хотя именно в ней заключены истоки реформ 50-х гг., она оказала большое влияние на ход событий втор. пол. XVI в. Роль Мстиславского князя в событиях 30-х гг. в источниках практически не отражена.

«Память» о роде Глинских, вышедшая или от Мстиславских, или от близких к ним кругов, позволяет проследить участие Мстиславских в политической борьбе XVI в. и показывает, что на протяжении всего века Глинские и Мстиславские принадлежали к различным политическим группировкам.

* * *

Текст публикуется по правилам, принятым в «Записках отдела рукописей ГБЛ». Сохраняется орфография подлинника, вышедшие из употребления буквы передаются соответствующими современным; «ъ» в конце слова опускается, титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку. При надстрочных буквах «ь», «ъ» и «я» вносятся в соответствии с написанием в аналогичных случаях в строке и заключаются в угловые скобки. Пунктуация соответствует современным правилам. Текст разбит на абзацы публикатором.

К тексту Румянцевского списка приведены разночтения по спискам Библиотечному (Б), А. И. Вадбальского (В), Пусторослевскому (П) и Титовскому (Т).

Приложение I

Память по Румянцевскому списку[1*]

л. 283 Памет<ь>. Князя[1] Ивана Юр<ь>евичя Мстисловсково были бояре болшие[2]: Светител, да боярин[3] Поцолт, да боярин Олгиш[4], да[5] боярин Степан Есманович, Ивана Роевсково отец. Да[5] пятое[6] место[7] княз<ь>[8] Лев, княз<ь>[8] Васил<ь>ев да княз<ь>[8] Иванов Мамаев, да княз<ь> Михаилов, да княз<ь> Федоров Глинских отец; место ему[9] з бояры было[10] в столе, а боярства не дослужился. И поместье // л. 283об. за ним[11] было во Мстисловле селцо Ходосово, что ныне за[11] княж[12] Михаиловым[13] боярином за Михаилом[14] за Суходолским[15].

А[16] как преставился княз<ь> Иван Юр<ь>евич Мстисловской[17] на[18] службе в Киеве[19], и тот[20] княз<ь> Лев Глинской понял дядину[21] Иванову Раевсково Гаврилову жену Мелешковича[22], после княж Ивановы смерти Юр<ь>евича поехал[23] изо Мстисловля в Литву служити. И[24] в[24] Литве с нею прижил четыре сына: княз<я> Васил<ь>я да княз<я> Ивана Мамая, да княз<я> Михаила, да князя Федора. И[25]служил тот княз<ь> Лев Глинской[26] по паном по литовским и[27] з детми своими[27].

И как послал корол<ь> Александр Лито // л. 284 вара[28] послом в Немцы, и Литовар тово[29] княз<я> Михаила Глинсково взял с[30] собою в Немъцы и дал ево[31] учити[32] в Немъцах тамошнему[33] языку немецкому[31] и грамотам. И там[31] в Немцах княз<ь> Михаило Глинской веры своей русскои отступился и научився в Немцах княз<ь> Михаило Глинской языком немецким и грамотам, и приехал в Литву служити. И[34] корол<ь> Александр взял князя Михаила Глинсково к собе во двор служити, и у[35] короля Александра[35] княз<ь> Михаило во[36] дворе служил, и у послов у немецких[36] толмачил[37] и[35] грамоты // л. 284об. перед королем чел[35]. И дослужился у короля у Олександра[38] дворового морщалства[39]. Коли корол<ь> Александр пойдет к церкви или от церкви, и княз<ь> Михаило Глинской перед королем детеи боярских розбивает.

И брат<ь>ю свою князя Васил<ь>я да князя Ивана Мамая[40] да князя Федора[41] Глинских х королю Александру приказал.

[1*] ОР РГБ. Собр. Румянцева. Ф. 256. № 349. Л. 283–286.

И после короля Александра смерти сел на государьстве на[35] Литовском брат ево корол<ь>[35] Жидигимант[42], и князь Михаило Глинской з[43] братею своею[44] убил короля[45] Жидигиманта[46] и[47] боярина ево Яна Березинсково[48], и казну // л. 285 ево всю поимал. И от короля[49] Жидигиманта[50] из Литвы з братею[51] к Москве бежял[52]. И иново пути Глинским тово лутче не ведаем.

А у великие книини в столе сидели бояронн Мар<ь>я Григор<ь>ева жена[53] Федоровича. А коли Мар<ь>и нет, ино сидела Орина Юр<ь>ева жена Захарича[54]. А от них сидела Олена да Огрофена Челяднины[55].

А Глинсково[56] книини Анна[57] сидела в кривом столе, да книини Настас<ь>я Мамаева сидела[58] в кривом же столе. А не сиживала у них // л. 285об. Огрофена Волынсково. А сидела у них в заседках в кривом же столе любо[59] Иванова жена Трет<ь>якова Овдотья, а либо Нехожево[60] книини Огрофена.

А коли Мар<ь>и нет тут[61] и Орины Юр<ь>евы, ино[62] сидела книини Анна да книини Настас<ь>я от Олены да от Огрофены от Челядниных[63] в кривом же столе.

А коли ся[64] приведет[64] в[65] празник стояти, а воидет княз<ь> велики или митрополит или уделныя князи, и Глинския стояли в другои лавке. А з бояронями в ряду не стояли. А коли за обычаи сидят, а[66] войдет // л. 286 княз<ь> велики[66] Василеи, и оне сидели[67] ниже всех боярын<ь>.

А коли родился княз<ь> Юр<ь>и Васил<ь>евич великово князя сын, и[65] толды болшой наряд был, а боярон<ь> много было. И толды была верхняя лавка, а в верхней лавке сидели в болшом месте Челяднины Олена да Огрофена[68]. А Глинские книини Анна да книини[65] Настас<ь>я сидели[69] конец стола.

[1] Б, В, П *у князя*. [2] Нет Т. [3] Б, В, П дальше *Степан Есманович Ивана Раевского отец, да боярин*. [4] П, Т *Ангиш*, В *Ангиш* исправлено из другого слова. [5-5] Нет Б, В. П. [6] Б, В, П *а под Степаном, пятое*, Т нет *под Степаном*. [7] Б, В, П дальше *под ним*. [8] Б, В, П *княж*. [9] Б, В, П дальше *было*. [10] Нет Б, В, П. [11] Нет Б. П. [12] Б, В, П *князь*. [13] Б, В, П *Михаилом*. [14] Б, В, П *Микулаем*. [15] Б, В, П, Т *Суходоньским*. [16] Б, В, П, Т *и*. [17] В рукописи первое *с* переделано из *и*. [18] Т *на их*. [19] В рукописи *в Киевкиеве*. [20] Нет Т. [21] Б, В, П *дядню*, Т *дядини*. [22] Т *Лешковича*. [23] Б, В, П *послал*. [24] Нет Т. [25] Нет Б, В, П, Т. [26] Б, В, П дальше *з детми*. [27-27] нет Б, В, П. [28] Т *Литовской*. [29] Нет Б, В, П. [30] Отсюда пропуск Б, В, П. [31] Нет Т. [32] Т *выучить*. [33] Т *их*. [34] Отсюда начинается текст Б. [35-35] Нет Т. [36-36] Т вместо этих слов *Глинской у короля служил во дворе и немецких послов*. [37] Т *толмакихс*. [38] Т дальше *дворе*. [39] Т дальше *и грамоты перед королем чол*. [40] Т дальше зачеркнуто *да князя Михаила*. [41] Т дальше зачеркнуто *и служил тот князь Лев*. [42] Б, Т *Жигимонт*. Т дальше *литовскои король*. [43] Б *и с своею*, Т *и з*. [44] Нет Б. [45] Так в рукописи, Б, Т. [46] Б, Т *Жигимонта*. [47] Нет Б, Т. [48] Б,

Т *Заберзинского.* [49] Здесь кончается пропуск В, П. [50] Б, Т *Живгимонта,* В, П *Гиманта.* [51] В рукописи *браею*; В, П. дальше *своею.* [52] Б, В, П, Т *убежал.* [53] Т *сына.* [54] Б, В, П, Т *Захарьина.* [55] Нет Т. [56] Б, В, П *у Глинские.* [57] В рукописи слово написано над строкой. [58] Нет Б, В, П. [59] Б, В, П, Т *а любо.* [60] Так в рукописи, Б, В, П, Т. [61] Нет В, П, Т. [62] Б, В, П, Т *и они.* [63] Б, В, П, Т *Челяднины.* [64-64] В, П. Т *приведетца.* [65] Нет Б, В, П, Т. [66-66] В, П *и воидет великии,* Т *а князь великии воидет.* [67] Б, В, П *стояли.* [68] В рукописи *ф* переделано из *х.* [69] Б, В, П, Т *седили по.*

Приложение II

Поколенная роспись Глинских[1]

1	**Алекса, в крещении Александр** легендарный родоначальник Глинских, внук ц. Мамая; основал г. Глинеск, Полдову, Глечицу; переехал в г. Киев, затем перешел на службу к вел. кн. литовскому Витовту (Временник. 195–196).
2	**Иван Александрович** перешел вместе с отцом на службу к вел. кн. литовскому Витовту; ж. – кнж. Настасья Острогожская; участник битвы при Ворскле 1399 г. (Временник. 196; *Вольф*. 78).
3	**Борис Иванович** упоминается в актах 1433–1437 гг. (*Вольф*. 78); 9 декабря 1442 г. свидетель грамоты кн. Свидригайлы (АЮЗР. I. 14); 1451 г. посол на сейм (*Вольф*. 78); ж. – вдова кн. Ивана Корибутовича (*Вольф*. 78).
4	**Федор Иванович** его вдова инока Александра отдала с. Колотовично в мон. Троицы в г. Смоленске (*Вольф*. 78).
5	**Семен Иванович**
6	**Лев Борисович** служил кн. Ивану Юрьевичу Мстиславскому (Приложение I); ж. – вдова Гаврилы Мелешковича (Приложение I)
7	**Иван Борисович** в 1474, 1479–1480 и, возможно, 1492 г. посол из Литвы в Орду (*Вольф*. 78–79; АЗР. I. 118); возможно, в 1482 г. бежал в Москву (АЗР. I. 99); в 1496 г. нам. черниговский (АЗР. I. 153).
8	**Василий Борисович** в 1496 г. в плену в Крыму (Описание. 13–14).
9	**Федка Борисовна** м. Александр Дрождж (*Вольф*. 78–79).

[1] Поколенная роспись Глинских составлена на основании русских родословий XVI в; в ней учтены исправления, сделанные Ю. Вольфом. Роспись включает преимущественно деятелей XVI в., связанных службой с Русским государством. Лица, отсутствующие в родословиях XVI в., вносились в роспись лишь в том случае, если по документам устанавливалось их прямое родство с деятелями, упомянутыми в родословиях.

Служба Глинских литовским князьям и семьи, оставшиеся служить в Литве, подробно освещены в монографии Ю. Вольфа.

В росписи с левой стороны дается порядковый номер лица, с правой – его отца; к каждому известию в тексте дается отсылка на документы или исследования. Все сокращения текста и отсылок раскрыты в соответствующих списках.

10	**Иван Львович Мамай** упоминается в актах 1482, 1488, 1493, 1495 гг. (*Вольф.* 80); в 1493 г. послан вел. кн. литовским Александром в Смоленск (АЗР. I. 126); в 1495 г. встречал невесту вел. кн. Александра вел. кнж. Елену Ивановну (*Вольф.* 80); в 1501 г. хорунжий земский, нам. переломский и ожский (АЛМ. 595; Описание. 69); в 1503 г. маршалок (АЗР. I. 356); в 1506 г. воев. киевский (Описание. 32); в 1507 г. воев. новгородский (АЗР. II. 5); в 1508 г. переехал в Москву; ж.– Настасья (Приложение I). ум. до 1522 г. (*Вольф.* 80).
11	**Василий Львович Слепой** упоминается в актах 1482, 1488, 1495 гг. (*Вольф.* 85); в 1495 г. встречал невесту вел. кн. литовского Александра вел. кнж. Елену Ивановну (*Вольф.* 80); в 1499 г. получил жалов. гр.; в 1501 нам. василишский, в 1503 г. получил земли в Василишском пов. (Описание. 69; АЛМ. 643); в 1508 г. переехал в Москву; ж. – Анна, д. сербского воев. Стефана Якшича (Тихомиров. 86); ум. в 1515 г. В 1509 г. велись переговоры о присылке в Москву из Крыма лекаря для лечения глаз Василия Глинского (*Зимин.* Россия. 223).
12	**Федор Львович** упоминается в актах 1482, 1488 гг. (*Вольф.* 80); ум. до 1508 г. (*Вольф.* 80).
13	**Михаил Львович Дородный, Михаил Немец** (РК I. 41)
	в 1499 г. нам. утенский (*Вольф.* 81); в 1500 г. маршалок дворный (АЗР. I, 215); в 1501 г. нам. мерецкий и утенский (АЗР. I. 344); в 1506 г. маршалок дворный, державца бельский и утенский (Описание, 31, 32); в 1508 г. переехал в Москву; упоминается в разрядах в 1513–1514 и 1530 гг. (РК I. 49, 52–53, 75); боярин в 1532 г. (*Зимин.* Состав. 52); ж. –д. кн. Ивана Васильевича Немого Оболенского (*Зимин.* Состав. 52); ум. в 1536 г. (ПСРЛ. 29. С. 28).
14	**Федка Львовна** м. – Мартин Богданович Хребтович (*Вольф.* 80).
15	**Алексей Иванович** упоминается в переписке 1522 г. (Сб. РИО., 663).
16	**Юрий Васильевич** упоминается в разрядах в 1532, 1541–1544 гг. (РК I. 94, 100, 102–104, 108); боярин с января 1547 г. (*Зимин.* Состав. 59); участник свадьбы Ивана IV в феврале 1547 г. (РК 1. 10); ж. – Овдотья) ЛОИИ. Ф. 41. Ед. хр. 70); убит 26 июня 1547 г. (ПСРЛ. Т. 29. С. 54).

17	**Иван Васильевич** 1543 г. нам. в Костроме, (РК I. 106).
18	**Михаил Васильевич** упоминается в разрядах в 1541–1544 гг. (РК I. 103, 104, 108); в 1547 г. пытался бежать в Литву (ПСРЛ. Т. 29. С. 54); с 1547 г. боярин (*Зимин*. Состав. 59); упоминается в разрядах в 1548, 1550, 1552–1556, 1558– 1559 гг. (РК I. 116, 124, 134, 140, 144, 153, 162, 170, 178); участник свадьбы ц. Семиона Касаевича в ноябре 1553 г. (РК I. 12); ж. – Оксинья (РК I. 10); ум. в 1559 г. (*Зимин*. Состав. 59).
19	**Елена Васильевна** м. – вел. кн. Василий Иванович с января 1526 г. (РК I. 9); ум. 3 апреля 1538 г. (ПСРЛ. Т. 29. С. 32).
20	**Мария Васильевна** м. – кн. Иван Данилович Пенков (ПСРЛ. Т. 8. С. 272).
21	**Василии Михайлович** упоминается в разрядах в 1556 г. (стольник), 1559, 1560, 1562–1564 г, (РК I. 158, 177, 187, 193, 198, 200, 209); боярин с 1562 г. (*Зимин*. Состав, 71) записан в Дворовой тетради как служилый князь (ТК. 118) ум. в июле–августе 1564 г. (Список погребенных. 3).
22	**Иван Михайлович** упоминается в разрядах в 1571 г. (рында), 1573, 1579, 1585–1587, 1589–1592, 1598 г. (РК I, 293, 364, 381, 387, 413; РК II. 79, 91, 220, 227, 273, 314) «был болен черным недугом» (БАН. 4.7.28. Л. 158об.)
23	**NN Ивановна** «згворена за князя Федора (Ивановича – М. Б.) за Мстиславского» (БАН. 4.7.28. Л. 158об.)
24	**Иван Васильевич** возможно, в 1508 г. бежал в Москву (АЗР. II. 41; *Вольф*. 80)
25	**Семен Васильевич** ум. бездетным (Временник. 158)
26	**Дмитрий Васильевич** возможно, в 1508 г. бежал в Москву (АЗР. II. 41; *Вольф*. 80)
27	**Иван Васильевич**
28	**Михаил Федорович Путимский** в росписи ему приписаны дети Богдана Федоровича (№ 39). См. подробнее: *Вольф*. 78.
29	**Иван Семенович** возможно, в 1482 г. уехал в Москву (АЗР. I. 99; *Вольф*. 89); в 1495 г. служил в Литве (*Вольф*. 89); в 1503 г. получил земли в Волковыйском повете (АЛМ. II. 658); ум. около 1504 г. (*Вольф*. 89).

30	**Федор Семенович** служил киевским кн. Олельку и Ивану, получил во владение с. Боровое, его потомки писались как кн. Боровские (*Вольф.* 86–87).
31	**Андрей Семенович** ум. бездетным (Временник. 85)
32	**Дмитрий Семенович** ум. бездетным (Временник. 158)
33	**Михаил Иванович** упоминается в актах 1502, 1505, 1522, 1524 гг. (*Вольф.* 89); ж.–Петрухна Петровна (*Вольф.* 89); ум. в 1532 г. (*Вольф.* 90).
34	**Федор Иванович** в 1494 г. делил земли по распоряжению Мартина Гаштольда (Арх. ЮЗР. IV. I. С. 11); упоминается в актах 1508 г. (*Вольф.* 90); ж. – Опранка (РИБ. 151–153, 377–379); ум. до 1514 (РИБ. 151–153).
35	**Юрий Иванович** в 1516 г. в плену в Москве (РИБ. 377–378); в 1528 и 1538 г. находился в Москве (*Вольф.* 90)
36	**Вацлав Иванович** «служил Гаштовту» (Временник. 158); упоминается в 1506 г. (*Вольф.* 89)
37	**Ярослав Иванович** «служил Миколаю Радзивиловичу» (Временник. 158); ум. около 1508 г. (*Вольф.* 89).
38	**Василий Иванович** упоминается в 1514 г. (РИБ. 151–153); ум. около 1538 г. (*Вольф.* 89).
39	**Богдан Федорович** 1495 г. получил имение в Менском пов. (Описание. 41); 1495, 1498 г. нам. в Путивле (АЗР. I. 151, 152, 178; Сб. РИО. 245); 1497, 1498, 1500 гг. получает владения (АЗР. I. 158; АЛМ. II. 392, 517); 1510 г. в плену в Москве (АЗР. II 70). 1512 г. в Москве «служит государю» (Сб. РИО. 498); ж. – кнж. Мария Ивановна Ижеславская (АЗР. I. 200–201); ум. в 1512 г. в Москве (АЗР. II. 100); 1522 г. переговоры о его обмене на русских пленных (Сб. РИО. 661).
40	**Василий Федорович**
41	**Владимир Богданович** с 1507 г. в Москве с отцом (ЛОИИ, ф. 180, № 153. Л. 14об.) в 1527 г. выехал в Литву (там же); в 1532 г. в Литве (*Вольф.* 88); в 1540 г. выехал в Москву, возможно с сыном Богданом (*Вольф.* 88); ж. – кнж. Настасья Жижемская (*Вольф.* 88); в 1552 г. упоминаются ее владения в Каневе (Арх. ЮЗР. VII. I. С. 11)

42	**Григорий Федорович** (ЛОИИ. Ф. 180. Кн. 153. Л. 14об.)
43	**Настасья Богдановна** (Там же)
44	**Мария Богдановна** (Там же)
45	**Богдан Владимирович Путивльский** ум. задолго до 1579 г. (Арх. ЮЗР. I. 1. С. 108–109); возможно, он записан умершим в Дворовой тетради по Ярославцу с ошибочным отчеством Федорович (ТК. 208)
46	**Юрий Григорьевич** в мае 1537 г. выдал сестру замуж за кн. Оревского (ЛОИИ. Ф. 180. № 153. Л. 14–14об.)

Список сокращений, упомянутых в сносках к Приложению II

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846–1848. 2 т.

АЛМ – Акты Литовской метрики / Собр. проф. Ф. И. Леонтовичем. Варшава, 1896–1897. Т. 3. Вып. 1–2.

Арх. ЮЗР – Архив Юго-Западной России. Киев, 1859–1886. Ч. I. Т. I; Ч. IV. Т. I; Ч. VII. Т. I.

АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России. СПб., 1863. Т. 1.

БАН – Отдел рукописей Библиотеки Академии наук

Вольф – *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

Временник – Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Т. 10.

Зимин. Россия – *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.

Зимин. Состав – *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958.

ЛОИИ – Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ныне – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН).

Описание – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1915. Кн. 21.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т. 20.

РК I – Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

РК II – Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.

Список погребенных – Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880.

Тихомиров – *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

ТК – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950.

Родословие князей Глинских[1*]

Опубликованная в первом выпуске журнала «Историческая генеалогия» статья Н. Н. Яковенко[2] дает иногда неожиданный аспект истории княжеских родов, которые в генеалогической литературе традиционно называются литовско-русскими. Автор не только показывает особенности формирования княжеской элиты на территории Украины; эта работа еще раз убеждает, что история семей, чьи представители активно участвовали в политической жизни, не укладывается в рамки исследования прошлого одной страны. Генеалогу приходится обращаться к источникам, архивным материалам тех стран, где жили и действовали представители таких семей.

Примером такой генеалогии стала и история семьи князей Глинских.

В свое время мне удалось обнаружить непривычную для русских родословных росписей запись о происхождении князей Глинских. Хотя документ сохранился в рукописи XVI в., именно непривычная форма – памфлет на князя Михаила Львовича Глинского, составленный лицами, служившими с ним еще в Великом княжестве Литовском, а в момент создания документа находившимися уже в Москве, – заставила провести тщательный источниковедческий анализ рукописи, а заодно и изучить все редакции родословной росписи Глинских. Результаты этой работы (вместе с публикацией самого документа, родословной таблицей и подробной росписью рода) были опубликованы в 1977 г.[3] В дальнейшем роспись и таблицу рода удалось дополнить, особенно после издания текста вкладной книги Троице-Сергиева монастыря XVII в.[4]

---

[1] * Историческая генеалогия: Ежекварт. науч. журн. Екатеринбург; Париж, 1994. № 3. С. 25–27.

[2] *Яковенко Н. Н.* Персональный состав княжеской прослойки Волыни и Центральной Украины конца XIV – середины XVII в. Князья в свете закона и традиций // Историческая генеалогия. 1993. Вып. 1. С. 32–79.

[3] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки ОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 104–125.

[4] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. Далее – ВК.

Таблица рода Глинских, составленная Н. Н. Яковенко, где автор не учла многие материалы, а скорее накопленные новые биографические данные, заставили меня вновь вернуться к истории Глинских.

Ниже приводится фрагмент опубликованной в 1977 г. таблицы, который был существенно расширен новыми данными. В случае расхождения данных московских источников с теми, которые привела в своей таблице Н. Н. Яковенко, я не могу ни полемизировать с ними, ни опровергнуть их: автор не указывает своих источников. Но это не так важно, гораздо существеннее иметь полный круг сведений о каждом лице, приведенном в таблице, который поможет при дальнейшем исследовании[5].

Как видно из вкладной книги, в 1584/1585 году умерла жена князя Ивана Михайловича Екатерина, дочь Малюты Скуратова[6]. В апреле 1586 г. он составил завещание, из которого видно: в этой ветви рода, кроме завещателя и его дочери Анны, в живых остались старица Александра, родная сестра великой княгини Елены Ивановны, вдова князя Федора Васильевича Сисеева, и старица Ефросинья, вдова убитого в 1547 г. князя Юрия Васильевича Глинского[7].

Значительная часть состояния Ивана Глинского была завещана Борису Годунову, некоторые вещи – его жене Марии Григорьевне; Борис стал душеприказчиком Ивана Михайловича. Глинский и Годунов, женатые на дочерях Малюты Скуратова, были свояками.

В этом же документе Иван Михайлович называет своим дядей князя Василия Федоровича Скопина Шуйского[8]. Эта запись предполагает два варианта: В. Ф. Скопин был женат на сестре Михаила Васильевича Глинского и М. В. Глинский был женат на сестре В. Ф. Скопина.

В литературе давнее установлено, что В. Скопин был женат на Анне Петровне Татевой; Н. П. Лихачев назвал и его вторую жену – Елену Петровну, сделавшую вклад по своем сыне Михаиле Васильевиче в угличский Алексеевский монастырь (1612 г.)[9]. В 1613 г. она вместе со снохой княгиней Александрой сделала вклад по муже и сыне в Троице-Сергиев монастырь[10].

Скорее Михаил Васильевич Глинский был женат на сестре Василия Скопина.

У Михаила Васильевича Глинского также были две жены: по первой жене – Анне (старица Аксинья, Ксения) семья сделала вклад в 1549 г.[11]

---

[5] Данные о Глинских в Польше см.: *Prochaska A.* O kniaziowskiem pochodzeniu szlachty Glińskich // Miesięcznik Heraldyczny. 1912. № 7–8.

[6] ВК. С. 50.

[7] *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. С. 64.

[8] Там же. Вып. 6. С. 65.

[9] *Он же.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // ИРГО. СПб., 1900. Вып. 1. С. 95.

[10] ВК. С. 75.

[11] Там же. С. 50.

Вторая жена Овдотья (позднее старица Федосья) умерла после своего мужа в 1570 г. (вклад по ней сделал Иван Грозный[12]).

Иван Михайлович, начавший службу рындой в 1571 г., мог быть сыном и от первого брака, и от второго, но косвенные данные говорят, что скорее от второго.

В 1559 г. после смерти Михаила Васильевича вклад по нем делали не дети, а душеприказчики; сам Иван Михайлович первый вклад в монастырь сделал в 1574 г. (по своей сестре Феодоре), а затем в 1584 г. по жене Екатерине[13]. Скорее он родился в 50-е гг.; по той же духовной в 1586 г. он имел незамужнюю дочь Анну – несостоявшуюся невесту князя Федора Ивановича Мстиславского.

После смерти матери Василий Скопин остался ближайшим родственником Ивана Михайловича. Возможно, после смерти Михаила он помогал своей сестре воспитывать племянника, поскольку к этому времени в живых не осталось мужчин Глинских из этой семьи. Сын Василия Скопина – Михаил Васильевич Скопин Шуйский, известный воевода в царствование Василия родился в 1587 г. и по преданию был отравлен женой Дмитрия Ивановича Шуйского, также свояченицей Ивана Михайловича Глинского.

Кроме того, женой предка Глинских – Бориса Ивановича, отца Льва Борисовича, ряд источников называет вдову литовского князя Ивана Корибутовича[14], по грамотам известно имя вдовы его брата Федора Ивановича – инокиня Александра[15]. А княгиня Анна Глинская, мать великой княгини Елены Васильевны и бабка Ивана Грозного, в монашестве была Анисья[16].

Самая загадочная запись вкладной книги Троице-Сергиева монастыря – о вкладе, сделанном в 1530 г. князем Иваном Михайловичем Глинским[17]. Если год и имя князя указаны правильно, это может быть только сын знаменитого Михаила Львовича, хотя у нас нет сведений о том, что по приезде в Москву он сразу женился. Вклад по его дочери Фетинье был сделан в 1533 г.[18], но это дочь его и Елены Ивановны, княжны Немой Оболенской, сделавшей вклад в 1538 г.[19]

Что касается другой ветви рода – потомков Федора Семеновича Глинского, то русские источники знают трех его сыновей: Богдана, Василия, Григория – и всегда четко их различают. Правнук Василия Федоровича, Михаил Александрович Глинский вместе с сыном Семе-

[12] Там же.

[13] ВК.

[14] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания. С. 122.

[15] Там же.

[16] ВК. С. 50. Вклад по ней сделан 12 апреля 1533 г.

[17] ВК. С. 49.

[18] Там же.

[19] Там же.

ном подали роспись рода в Разрядный приказ в 1686 г., что делает эти сведения достаточно убедительными[20].

[20] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 87.

1686 г., марта 4. Роспись князей Глинских, поданная в Разряд

Род Глинских князей.

К великому князу литовскому Витовту приехал из Орды татарин князь Алекса да крестился; а во святом крещении имя ему дали князь Александр. А вотчина у него была Глинеск да Глиница да Полтова, с тою вотчиною к Витовту и приехал. А Витовт дал ему вотчину волость Стаку, Хозоров да Гладкович; а женил ево, дал за него князь Данилову дочь Островского, княжну Настасью.

А у князя Александра сын князь Иван, а у князя Ивана дети: князь Борис да князь Федор, да князь Семен.

А у князя Бориса дети: князь Лев, да князь Василей, князь Иван Великой. А у князя Лва дети: князь Иван Мамай, да князь Василей Слепой, да князь Федор, да князь Михаило Лвовичи Дородной; те все четыре брата приехали из Литвы служить великому князю Василью Ивановичю всеа Руси лета 7000 в 16 год.

А у князь Василья Лвовича у Слепова дети: князь Юрья да князь Иван, оба бездетны, да князь Михайло. Князь Михаила Васильевича, внука Глинского князь Лвова, один сын князь Иван. А князя Михаила Лвовича, у четвертого сына князь Лвова, один сын князь Василей, бездетен.

А у князя Василья у Борисовича у Глинского дети: князь Иван, да князь Семен, да князь Дмитрей, те все три бездетны, да князь Иван Меншой.

А у князя Ивана Борисовичя одна была дочь.

А у князя Федора Ивановичя, у внука Александрова один сын князь Михаило Путимской. А у князя Михаила сын князь Володимер.

А у князя Семена Ивановича, у внука князь Александрова, дети: князь Иван, да князь Федор, да князь Ондрей, да князь Дмитрей, оба бездетны. А у князя Ивана Семеновича дети: князь Михайло да князь Юрья.

А у князя Федора Семеновича дети: князь Василей да князь Богдан, бездетен. А у князь Василия дети: князь Степан да князь Семен. А у князя Степана дети: князь Александр да князь Юрья, бездетен. А у князя Александра дети: князь Степан, бездетен, да князь Михаило; а у князь Михаила сын князь Семен.

На об. л. 1: «194-го марта в 4 день».

«К сеи родословной росписи князь Михаила Глинскои руку приложил».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 87. Л. 1–2.

Таблица потомков Льва Борисовича Глинского

- Лев Борисович Глинский ∾ N; вдова Гаврилы Мелешковича
  - Иван Мамай ∾ Настасья Романовна Ивашенцевич
    - Алексей, упом. в 1522 г.
  - Василий Слепой, ум. 1515 г., вклад 1521 г. ∾ Анна, инока Анисья, ум. 1553 г.
    - Юрий ∾ Овдотья, старица Ефросинья, ум. после 1586 г.
    - Александра, старица вдова кн. Вас. Фед. Сисеева, ум. после 1586 г.
    - Иван, ум. до ноября 1543 г.
    - Михаил, ум. до декабря 1559 г. ∾ 1. Анна, старица Аксинья (Ксения), ум. до июня 1549 г. ∾ 2. Овдотья Федоровна Скопина (старица Федосья), ум. 1570 г.
      - Петр, ум. 1555 г.
      - Иван, инок Иона ум. 1602 г. S Екат. Григ. Скуратова
        - Анна
      - Федора, ум. до июля 1574 г.
    - Мария, ум. 1539 г. ∾ кн. Иван Даниил. Пенков
    - Елена ∾ вел. кн. Василий Иванович
  - Федор
  - Федка ∾ Мартин Богданович Хребтович
  - Михаил Дородный ∾ Елена Ивановна Немая Оболенская, ум. до ноября 1538 г.
    - Василий, ум. 1564 г.
    - Фетинья, ум. 1533 г.

Таблица родственных связей Годуновых, Глинских, Скопиных

Династические браки русских великих князей в XIV–XVI вв.[1*]

В последние годы возрос интерес исследователей к проблемам родственных связей между различными семьями, принадлежащими к правящей элите Русского государства, и влиянию такого родства на политические процессы, проходившие в XIV–XVI вв. Свой вклад в изучение этой проблемы внес и Ю. Г. Алексеев, плодотворно занимающийся ранней историей формирования Русского государства и создания государственного аппарата.

Одним из аспектов изучения родства является вопрос о возникновении и развитии династических связей между московскими великими князьями и соседними правителями. Это не только генеалогическая проблема: решение этого вопроса поможет понять, какое место занимала Россия в системе европейских государств.

Родство русских великих князей чаще всего отсчитывалось от браков времени Ярослава Мудрого. Действительно, потомки этого киевского князя благодаря последующим союзам еще долго появлялись на юге Европы, в Португалии, германских княжествах. Но династические связи русских князей практически прервались в XIII в., когда русские земли попали в зависимость от татар, а сами князья чаще стали брать в жены дочерей татарских ханов, стараясь таким образом упрочить свое положение.

В это же время – XIII–XIV вв. – на западных границах русских княжеств формируется новое государство – Великое княжество Литовское. В значительной степени в его состав входят бывшие русские княжества, основанные Рюриковичами, а правящей династией являются Гедиминовичи – потомки первого великого литовского князя Гедимина.

Браки русских Рюриковичей с литовскими Гедиминовичами, появившиеся в XIV в., фактически положили начало новому этапу дина-

[1*] Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева / Редкол.: А. Ю. Дворниченко (отв. ред.) и др. М.; СПб.: Альянс-Архео. 2006. С. 262–267.

стических браков правителей русских земель с европейскими правящими домами.

Можно определить два направления таких союзов: русские Рюриковичи с Гедиминовичами и русские Рюриковичи с Рюриковичами, правившими или служившими в Литве. Если в первом случае подобные браки можно рассматривать как бесспорные династические союзы, то во втором это не просто политические союзы, заключаемые, чтобы усилить положение конкретных правителей, но, возможно, попытка теснее связать выделившиеся самостоятельные ветви бывших киевских великих князей в то время, когда политическая роль самого Киева исчезла[2].

Очевидно, первым из этих союзов следует считать брак сына московского великого князя Ивана Калиты – Семена Ивановича Гордого и дочери великого литовского князя Гедимина Анастасии (Августы), заключенный в 1333 г. Впоследствии их дочь Василиса в 1349 г. вышла замуж за кашинского князя Михаила Васильевича. Еще раньше, в 1326 г., другая дочь Гедимина – Альдона (в крещении Анна) – была выдана замуж за наследника польского престола – будущего короля Казимира Великого.

Не исключено, что такие родственные связи помогли тогда же, в 30-е гг. XIV в. прочнее укрепиться в Великом Новгороде еще одному сыну Гедимина – Наримонту-Глебу, приглашенному служилым князем «на новгородские пригороды». Литовский потомок Наримонта – Александр Патрикиевич, выехавший в Москву в 1408 г., еще до этого переезда, в 1403 г., выдал свою дочь Агрипину замуж за можайского князя Андрея Дмитриевича. В Москве потомки Наримонта, от которых пошли князья Голицыны и Куракины, стабильно занимали высокое служебное положение[3].

Однако в генеалогических источниках конца XV в. гораздо больше внимания уделялось браку литовского князя Ольгерда и тверской княжны Ульяны (1350). Старшая сестра Ульяны в 1347 г. стала второй женой московского великого князя Семена Гордого.

Родословие литовских князей, помещенное вместе с первой редакцией Сказания о князьях владимирских, связывает этот брак Ольгерда с именем московского князя: «и паки прислал Олгерд к великому князю Семиону Ивановичю, прося за себя свести его дочери великого князя Александра Михайловича Тверскаго»[4]. На первом месте у автора стоит тот факт, что московский князь был женат на тверской княжне, и соответственно брак с Ульяной роднил бы Ольгерда с московским домом.

---

[2] Подробнее о династических русско-литовских браках см.: *Baumgarten N.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIII-e siecle. Roma, 1934; *Tęgowski J.* Perwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań, 1999.

[3] Ibid. S. 15–32.

[4] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 180.

С именем Ульяны в этом произведении связано и крещение Ольгерда перед смертью в православную веру.

Естественно, в Послании тверского автора Спиридона-Саввы (начало XVI в.) эти же события связаны с именем великого тверского князя Михаила Александровича: к нему посылает послов Ольгерд, «моля его и обещевая присягу имети к нему и помоществовати во всем и повиноватися, яко же отцу его створяше та. Князь же велики Михаило Александрович возлюби его и вдаде за нь сестру свою великую княжну Ульяну. И от того часа наречеся Олгерд князем по жене своей великой княжне Ульяне»[5].

Уже эти тексты показывают, что браку Ольгерда и тверской княжны и в XVI в. придавалось династическое значение, по одной версии закреплявшее союз Твери-Москвы и Литвы, а по другой – Твери и Литвы. Следует отметить, что к 1350 г., когда был заключен этот брак, Александр Михайлович, упоминаемый в Сказании, уже умер; в Твери княжил его старший сын Всеволод Александрович, а не Михаил – брат Ульяны, упомянутый в Послании.

Михаил Александрович, став великим тверским князем после смерти брата, женил старшего сына и наследника Ивана Михайловича на дочери великого литовского князя Кейстута Марии (1375), а младших сыновей (кашинские князья) – Бориса на смоленской княжне; Василия же – дважды: на дочери Владимира Ольгердовича и дочери князя Корибута Анастасии[6].

В дальнейшем внучка великого тверского князя Ивана Михайловича Анна Ивановна выходит замуж за литовского князя Свидригайло (1430) а правнучка – Мария Борисовна за московского великого князя Ивана III Васильевича. Брат Марии, последний великий тверской князь, женился на дочери Семена Олельковича (также потомке Ольгерда) Софье (1471)[7].

Эти стабильные браки, заключаемые в каждом новом поколении, роднили тверских князей с литовскими князьями, и они же помогали Твери в борьбе с Москвой за главенство среди русских земель.

Московские князья также роднились с литовскими. Младший брат Семена Гордого Иван Иванович, став великим князем, выдал свою дочь Любовь за князя Дмитрия Боброка Кориатовича (1356).

В польской генеалогической литературе не раз высказывалось мнение, что Дмитрий Кариатович, погибший в битве на Ворскле в 1399 г., – это Дмитрий Боброк Волынский, один из сподвижников мо-

---

[5] Там же. С. 169.

[6] *Baumgarten N.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIII-e siecle. P. 46–47; *Tęgowski J.* Perwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 219. Родным братом Микловши Марии был великий князь Витовт (Ibid. S. C. 84, 110). Родными братьями первой жены Бориса Михайловича были князья Александр (Олелько) и Иван Бельский.

[7] *Baumgarten N.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIII-e siecle. P. 47.

сковского князя Дмитрия Донского. Это родство связало московских князей с литовскими Гедиминовичами, княжившими на Волыни и Подоле[8].

Но самыми яркими были браки детей Дмитрия Донского. Его старший сын и наследник женился на дочери великого литовского князя Витовта Софье (1392). Софья много сделала, чтобы сохранить дружеские контакты с литовским двором: она неоднократно возила своих сыновей к Витовту в Литву. В литературе как-то проходит незамеченным, что сыновья Софьи были единственными внуками Витовта, поэтому московские князья, пусть чисто символически, позднее могли считаться претендентами на литовский престол. Не исключено, что это обстоятельство сыграло свою роль во второй половине XVI в., когда Иван Грозный, правнук Софьи и Василия Дмитриевича, и его сыновья выдвигались как кандидаты на польско-литовский престол.

Кроме того, одна дочь Василия и Софьи, московская княжна Анна, вышла замуж за византийского императора Ивана Палеолога, а другая – Анастасия – за князя Александра (Олелько) киевского (1417)[9].

Младший брат Василия Дмитриевича, князь галицкий Юрий Дмитриевич, был женат на дочери смоленского князя (1400). Важно заметить, что именно в это время Смоленск окончательно входил в состав Великого княжества Литовского. Сестра Юрия Мария Дмитриевна вышла замуж за литовского князя Семена-Лугвеня (1393). Прямым потомком от этого брака был выехавший в 1526 г. в Москву князь Федор Михайлович Мстиславский, который какое-то время был одним из претендентов на московский престол[10], пока у великого князя Василия Ивановича не появился наследник. Весь XVI в. князья Мстиславские входили в верхушку Государева двора; вскоре после выезда Федора Мстиславского была составлена новая редакция родословной легенды литовских князей, где было указано происхождение князя Михаила от Семена-Лугвеня по женской линии (князья Мстиславские) и от младшего брата Ольгерда по мужской линии (князья Ижеславские)[11].

Среди московской ветви Рюриковичей на литовских княжнах преимущественно женились удельные князья: боровско-серпуховской князь Владимир Андреевич (двоюродный брат Дмитрия Донского)

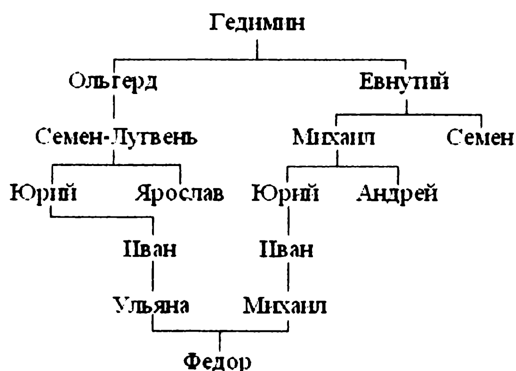
[8] *Tęgowski J.* Perwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 170–171.

[9] *Tęgowski J.* Perwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 88–89.

[10] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 315–316 и сл.

[11] *Бычкова М. Е.* Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 133–139.

Предки Ф. М. Мстиславского

в 1372 г. женился на дочери Ольгерда и Ульяны княжне Елене[12], а в 1456 г. их потомок Иван Васильевич уже выехал в Литву.

В конце XV в. на русско-литовские браки повлиял и союз Ивана III и Софьи Палеолог. Эта сирота и бесприданница, безусловно, не принесла мужу прав на византийский престол, но сам брак повышал престиж государя всея Руси; он вызвал интерес к Русскому государству в странах Европы. Именно после 1473 г. начинается интенсивный обмен посольствами с различными государствами, император предлагает заключить брак представителя своего дома с московской княжной[13].

Теоретически дети Софьи имели минимальные права на московский пре-стол: у Ивана III был сын от первого брака, который в 1482 г. женился на Елене Стефановне, дочери валашского воеводы. Наследником должен был стать сын Ивана Ивановича Дмитрий, которого Иван III в 1498 г. венчал на княжение.

Брак Софьи и Ивана отозвался и на судьбе еще одних потомков Дмитрия Донского – князей можайских и верейских. Еще в 1454 г. Иван Андреевич Можайский, внук Дмитрия Донского, бежал в Литву, где женился на дочери князя Федора Воротынского; их сын Андрей Иванович женился на княжне Чарторыйской. А раньше (1452) за князя Чарторыйского вышла замуж дочь Дмитрия Юрьевича Шемяки Мария.

Михаил Андреевич, верейский князь, младший брат Ивана Андреевича, в 1480 г. женил сына на племяннице Софьи Палеолог Марии. Софья дала Марии в приданое украшения первой жены великого князя, и когда Иван III потребовал, чтобы эти украшения были возвращены в

[12] *Tęgowski J.* Perwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 124.
[13] См.: *Панова Т. Д.* Великая княгиня Софья Палеолог. М., 2005.

казну, Василий и Мария бежали в Литву. Их дочь Софья вышла замуж за литовского магната Альберта Гаштольда.

Эти браки, заключенные в конце XIV–XV вв., имели особое значение для Литвы. С 80-х гг. XIV в. там идет активное внедрение католической религии, ставшей официальной религией государства: союзы православных Рюриковичей со своими однородцами из русских княжеств создавали реальное противостояние натиску католической церкви, создавали возможность «отложения» от Литвы и практически способствовали сохранению самостоятельной литовской государственности вплоть до Люблинской унии.

Самым блестящим завершением династических браков XIV–XV вв. между русскими и литовскими князьями стала свадьба дочери Ивана III и Софьи: в 1495 г. Елена Ивановна вышла замуж за великого князя литовского, а позднее короля польского Александра.

Появление в Вильнюсе православной великой княгини усилило положение православных князей в Великом княжестве Литовском[14]. Не только Елена, но и родственные связи русских князей с литовскими, заложенные в прошлом, создавали противовес политическим тенденциям, формировавшимся при дворе. Вскоре после переезда Елены в Литву при великокняжеском дворе возвышается семья православных князей Глинских, любимцем короля становится только что вернувшийся со службы при дворах европейских монархов Михаил Львович Глинский[15]. С этой семьей были связаны родством широкие слои православной шляхты Литвы.

По сомнительному сообщению польского геральдиста конца XVI в. Бартоша Папроцкого брак Елены Ивановны и короля Александра не был бездетным: у них родилась дочь Варвара, выданная замуж за герцога саксонского[16].

Племянница Михаила Глинского Елена Васильевна стала женой москов-ского великого князя и матерью царя Ивана Грозного. Московская редакция родословия Глинских выводила этот род от потомков Чингизхана, но в XVI в. существенным было то, что дед Елены Лев Борисович Глинский сумел породниться со старинными православными шляхетскими семьями Княжества[17].

Сам Иван Грозный женился на представительнице старинного боярского рода; с этого брака и начинается отсчет родства будущей династии Романовых с московскими царями Рюриковичами и их предками.

---

[14] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

[15] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 61–66.

[16] *Paprocki B.* Ogród królewski w którym krótko opisuje historye Cesarzów, Królow Polskich i Czeskich, arcyksiążąt Austryi, książąt Ruskich. Praha, 1599. S. 173.

[17] Подробнее: *Бычкова М. Е.* Белорусские предки Ивана Грозного // Наш радавод. Гродно, 1991. С. 468–470.

* * *

Если еще раз обратиться к родословной таблице браков между Рюриковичами и Гедиминовичами, мы увидим, что более частыми были такие браки между великими тверскими князьями и удельными князьями московского дома. Но эти браки чаще заключались с боковыми линиями Гедиминовичей. В то же время браки московских великих князей были только с дочерями литовских великих князей. Конкретные итоги того, как все эти родственные связи влияли на судьбы России и Литвы, надо искать в истории дипломатических отношений и истории формирования территории обоих государств.

Русское и иностранное происхождение родоначальников боярских родов: исторические реалии и родословные легенды[1*]

Идея об иноземном происхождении родоначальников боярских родов и вытекающий из нее вывод о нерусском происхождении всего дворянства были общим местом генеалогических исследований в России конца XIX –начала XX вв. Такой вывод опирался на официальные родословные документы, древнейшие из которых начинались, как правило, с формулы: «Во дни благоверного великого князя... выехал из Прус (из Орды, из Литвы) муж честен..., а во крещении ему имя...». Петровское время создало иные стереотипы легенд: вместо выехавшего «из Прус» Андрея Кобылы здесь появляется потомок императора Гландос Камбила. Но идеи выезда присутствует постоянно[2]. Особенно популярной у исследователей была ссылка на Джильса Флетчера, который приводил слова Ивана Грозного, гордившегося тем, что его предки не русские, а германцы. В посланиях к соседним государям тот же Иван неоднократно упоминал о происхождении династии от римского императора Августа, что соответствовало родословной легенде конца XV в.[3]

Основной тенденцией научной генеалогии вплоть до наших дней было установить подлинность таких легенд, содержащихся в них исторических реалий; прекрасным примером тому являются работы С. Б. Веселовского[4]. Но при скудости фактов о выездах на службу в Москву в XIII – начале XV в. в древних источниках и хорошем знании этих фактов составителями легенд такой метод может оказаться тупиковым.

Кроме того, он исключает исследование родословных легенд как памятников общественной мысли, в нем нет и попытки выяснить, почему

---

[1] * Элита и этнос средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 53–58.

[2] *Савелов Л. М.* Лекции по руской генеалогии. М., 1908. С. 34 36.

[3] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1905. С. 19; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 342, 347.

[4] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

и как менялось оформление этого документа в зависимости от времени их создания. Почему, наконец, в летописях и других источниках мы находим гораздо меньше записей о выездах знатных иноземцев в Москву, хотя о начале такой службы родоначальников тексты летописей и родословий иногда совпадают почти дословно[5].

Говоря о зависимости и соотношении текстов родословных легенд и других документов, надо помнить, что в России давность службы московским князьям была основным критерием, дававшим возможность занимать высшие государственные и придворные должности, и она же определяла знатность происхождения. Родословные документы, чья форма существовала неизменной более двухсот лет, и позволяла определять степень родства между всеми однородцами, изначально имели официальное происхождение, то есть родословная роспись только тогда могла использоваться при определении должности (в Думе, во время военного похода и т. д.), в местническом споре, если она подавалась в государственное учреждение (приказ) и там официально утверждалась. С этого момента официально признавался и предок рода, выехавший служить на русские земли, его происхождение[6]. Русские родословные росписи представляют записи нисходящего родства всех мужских потомков одного лица. Как правило, биографические сведения ка-саются родства с московскими князьями, службы им же (бояре, окольничие, воеводы в походах, реже – сведения об участии в посольствах); известий о землевладении в росписях практически нет.

Самые древние родословия составлялись семьями, постоянно служившими в Москве и принадлежавшими к Государеву двору. В эти росписи не попадали сородичи, по каким-то причинам перешедшие на службу в соседние – великие и удельные – княжества, к митрополитам, и другие, выбывшие из Государева двора. В XVII в., когда после отмены местничества в 1682 г. начинают собирать росписи дворянских родов, мы отчетливо видим стремление многих семей, впервые официально представлявших свои родословия,, приписаться к родословному древу старинных родов, стать еще одной веточ-кой на его стволе[7].

Правительство было вынуждено разработать ряд мер, регламентировавших такие приписки: родство с новой семьей должны были признать остальные сородичи, уже внесенные в роспись; требовались дополнительные документы о службе новых членов рода; иногда дело кончалось судебным разбирательством. Как показывают родословные дела 80-х годов XVII в., много усилий, чтобы создать единое родослов-

---

[5] Подробнее: *Бычкова М Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 39–45.

[6] *Бычкова М. Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования // ВИД. Л., 1963. Вып. 14. С. 5–6.

[7] *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 100–107.

ное древо, приложили Бунины и Майковы. Бунаковы, утратившие к этому времени княжеский титул, доказывали общность происхождения с князьями Хотетовскими; а эти последние в своей росписи показали Лариона Бунака Хотетовского бездетным[8].

Дворянские семьи, сделавшие в XVII в. блистательную карьеру при дворе, стремились удревнить свое происхождение, приписавшись к польским семьям, только что начавшим службу в Москве. Так произошло со старинным родом Лихачевых, которых признали однородцами Краевские[9]. Основное требование авторов таких росписей показать давность службы предков московским государям.

С конца XV в. в Москве существовало родословие московских великих князей – Сказание о князьях владимирских[10]. Корень московских правителей – через князей владимирских и киевских, легендарного Рюрика – выводился от римского императора Августа.

Это родословие было окружено сходными легендами о происхождении великих литовских князей (многие Гедиминовичи к этому времени обосновались в Москве), молдавских господарей (сын Ивана III был женат на Елене Стефановне), но знатнейшие нетитулованные боярские роды начинали свое происхождение от дружинников Александра Невского, боярина Федора Черниговского, пострадавшего вместе с князем в Орде, бояр Дмитрия Донского, героев Куликовской битвы. Даже иноземное происхоясдение основателей рода указывалось кратко: «из Прус», «из Орды». Но Прусы – это и родина Рюрика по Сказанию о князьях владимирских. Лишь это упоминание об общей прародине родоначальников династии и боярского рода деликатно указывало на общность их иноземных корней.

По сохранившимся официальным родословным документам XVII в. можно отчетливо представить значение легенды о происхождении, как определителя знатности, средства получить и закрепил право на высокие должности, службу. Почетнее всего было доказать свое происхождение от Рюрика. Основное количество споров возникло вокруг документов нетитулованных фамилий, стремившихся приписаться к родам черниговских или смоленских князей. Земли этих княжеств долгое время входили в состав Великого княжества Литовского, и реальные потомки этих династий были плохо известны в Москве. Еще в конце прошлого века генеалоги с большим сомнением относились к подобным припискам, сделанным составителями Бархаткой книги – основной официальной родословной конца XVII в.[11]. Больше всего споров было вокруг родословия Татищевых, которых создатели Бархатной

[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 43, 54, 152.

[9] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // СС. 1981. № 5. С. 45–46.

[10] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

[11] *Савелов Л. М.* Лекции по русской генеалогии. С. 30–33.

книги признали потомками литовской ветви смоленских Рюриковичей. А князья Кропоткины, выехавшие из Литвы в начале XVI в., в своей росписи назвали родоначальником выходца из Орды, и уже дьяки, работавшие с генеалогическими долкументами, поправили их, указав, что князья Кропоткины – смоленские Рюриковичи[12].

В тех случаях, когда доказать княжеские корни было невозможно, боярские семьи пытались приписаться к литовским. После продолжительных войн XVII в. в Москве появилось много представителей польско-литовской шляхты. При подаче росписей некоторые из них соглашались признать своими сородичами русские боярские семьи, чьи представители сделали блестящую карьеру при Дворе первых Романовых[13]. Таким был союз Краевских с Лихачевыми. Первые – ветвь древнего польского рода – появились в Москве в середине XVII в., а вторые – древние потомки новгородских вотчинников – быстро выдвинулись при дворе Алексея Михайловича и Федора Алексеевича[14].

Принципиально новым в это время было возрождение «римской» темы в родословных легендах. До сих пор такое происхождение было лишь у Рюриковичей. Но династия угасла в конце XVI в., а боярский род Кошкиных-Захарьиных, из которого вышли новые цари, никогда не роднился с русскими князьями и не мог претендовать на античные корни.

В XVII в. впервые появляются легенды боярских родов, чьи предки вышли из Рима. Наиболее красочна родословная у Римских-Корсаковых, составленная после того, как боярский род Корсаковых официально получил разрешение прибавить к своей фамилии прозвище Римских[15]. В начале века историю происхождения Римских-Корсаковых исследовал Н. П. Лихачев[16]. Высоко оценив эрудицию анонимного автора, знание им древних текстов. Лихачев все же признал за этой генеалогией право называться литературным произведением, не имеющим никакого отношения к реальной истории боярской семьи. Можно добавить, что создание такого научного труда в XVII в. – показатель и нового отношения к истории. Ведь древняя история Корсаковых (потомков античного Корса) – это попытка связать историю семьи с древней историей, показать участие предков в исторических событиях, представить обосновавшихся в России потомков античных героев (Геркулеса, Кроноса) носителями давних традиций. В легенде о происхождении Корсаковых не только использованы сведения но истории из 65 античных и средневековых

---

[12] Там же. С. 83.

[13] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии... С. 46–47.

[14] *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913. Вып. 1. С. 12–18.

[15] РГАДА. Ф. 150. 1662 г. Д. 5.

[16] *Лихачев Н. П.* «Генеалогия» дворян Корсаковых // Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913. С. 93–100.

авторов; составитель родословной обращается и к литовской редакции сказания о происхождении Гедимина, сделав одного из Корсаковых – Кринуса – внуком великого литовского князя Палемона, основателя династии. А уже из Литвы Корсаковы пришли на Русь.

Более скромно о своем римском происхождении тогда же написали Елагины, Нерыцкие, Потемкины[17]. Супоневы, также выдвинувшиеся при дворе в XVII в., составили легенду, по которой их предки путешествовали в древности по разным странам Европы вплоть до Испании, породнились с несколькими королевскими домами: каждый из таких предков имел прозвище Суп[18]. Такие легенды дают прекрасный материал дня исследования исторического сознания к России XVII в., попытки по-новому осмыслить исторический процесс, но ни к реалиям происхождения семьи, ни к формированию этноса они отношения не имеют.

Если вернулся к соседним с Россией странам, прародинам выезжавших родоначальников, мы заметим, что выезды «из Литвы», о которых охотно пишут составители родословий, как правило связаны с усилением роли католической церкви в Великом княжестве. Действительно, оттуда в XIV – начале XVI в. выезжали православные князья Рюриковичи и Гедиминовичи со своими дворами. Последним среди таких массовых отъездов следует назвать отъезд Михаила Львовича Глинского, его братьев и большой группы православных бояр в 1508 г.[19].

Не исключено, что упоминания о выездах родоначальников «из Орды» также связаны с появлением на русских землях в Поволжье служилых татар, часть которых приняла православие. Но такие иноземные предки из XIII–XIV вв. к моменту составления родословных росписей в середине XVI – второй половине XVII в. имели уже православных, обрусевших потомков, которые ничем не отличались от потомков дружинников первых московских князей.

Историки, изучавшие исторические реалии родословных легенд, обходили молчанием один существенный вопрос. Русское средневековое дворянство было православным: упоминание о крещении родоначальника в православную веру – необходимая деталь почти всех родословных легенд. А уже по документам XVI–XVII вв. мы видим четкое разграничение между иностранцами-наемниками на временной службе и иностранцами, переходившими в подданство к царю и вливавшимися в русское дворянство: последние обязательно становились православными. Это вело к тому, что происходила быстрая адаптация «нововы-

---

[17] *Савелов Л. М.* Лекции по русской генеалогии. С. 28–30.

[18] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии... С. 28–30.

[19] *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // СА. 1970. № 5; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России. С. 61–68.

езжих иноземцев» в местной среде: усваивался язык, браки с русскими женщинами способствовали усвоению нового образа жизни, культуры.

Но и появление в XVII в. регионов, где земля давалась только принявшим русское подданство иноземцам (преимущественно Поволжье от Казани до Астрахани), вело к созданию локальных вариантов русской культуры, ее проникновению в культуры местных пародов. Поэтому, как представляется, проблемы реального существования иностранцев среди боярства Русского государства, взаимовлияние культур надо изучать, опираясь на историю землевладения в различных регионах страны.

Родословная легенда, зафиксировавшая выезд иноземного предка, скорее служила точкой отсчета давности службы рода русским князьям. В Русском государстве XVI–XVII вв. именно это давало право занимать определенные государственные и придворные должности. В XVII в. пышные родословия как никогда удовлетворяли амбиции родов, выдвинувшихся благодаря близости к новой династии, и уравнивали их с древними фамилиями. Но такие родословия показывают изменения в историческом сознании общества, задолго до появления первых научных исторических трудов именно в них проявилась попытка связать историю семьи, а через нее и Россию, со всемирной историей. И именно здесь активно осваивались исторические и генеалогические произведения соседних с Россией европейских государств.

Легенда о происхождении рода и герба Боратынских[1*]

Родословная легенда Боратынских известна по работе М. А. Боратынского, опубликованной в 1910 г.[2], где автор привел их родословную легенду. Родоначальник Боратынских Дмитрий Божедар основал замок Баратын[3], от которого ведет начало фамилия. К сожалению, детально проанализировав события и факты, приведенные в легенде, автор не дал никаких сведений о происхождении и времени создания документа, которым он пользовался. Отсутствие оригинального текста легенды не позволяет провести ее исчерпывающий анализ, хотя можно предположить, что в XVIII в., когда создавался «Общий гербовник», этот документ уже существовал, а некоторые особенности приближают его к росписям последней четверти XVII в.

По легенде родоначальником Боратынских был Дмитрий Божедар, которому в честь побед на трех реках венгерский король Людвик пожаловал герб Корчак. Правда по этой же легенде Божедар умер до 1370 г. и король Людвик Венгерский не мог ему ничего пожаловать в Польше (как сообщает легенда), – так как сам стал польским королем после смерти в 1370 г. Казимира Великого, своего дяди и умер в 1382 г.

С именем Людвика Венгерского в легенде связано и пожалование Боратынским герба Корчак. По официальному описанию герб Корчак представляет «в красном щите три горизонтальные полосы одна над другой, не доходящие до края щита». Согласно истории герба Корчак, изложенной польским хронистом XV века Яном Длугошем, этот герб король Людвик пожаловал своему слуге, «русскому пану» Дмитрию с Горайя; у Дмитрия был брат Иван Горайя, который стал маршалком

---

[1] * Гербоведъ / Изд. Рус. геральдической коллегией. М., 2005. № 80. С. 31–36.

[2] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских // Приложение к Летописи Историко-родословного общества. М., 1910. № 1; *Бычкова М. Е.* Легенда о происхождении Боратынских // К 200-летию Боратынского: Сб. материалов междунар. науч. конф. М., 2002

[3] Как полагают исследователи творчества Е. Боратынского, это с. Боратынь Бродовского района Львовской обл. См. подробнее: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М., 1998. С. 414.

Королевства Польского; то есть он не связан с победами на трех реках, которые якобы совершили предки семьи Боратынских.

В XV в. в польских изображениях герба Корчак над щитом иногда появлялось изображение собаки.

В 1599 г. была издана книга Бартоша Папроцкого «Ogród królewski», на-чинающаяся с посвящения пану Горайскому с Горайя и содержащая краткую историю этой семьи. Предок пана, Дмитрий с Горайя, служил королю Владиславу-Ягайло, посылался в Орден с сообщением об избрании Владислава польским королем. Он был женат на Беате с Божидара и имел лишь трех дочерей; Беата также происходила из семьи герба Корчак.

В книге Папроцкого есть стихи на герб Корчак, где упоминаются три реки: «Много крови выливали эти знаменитые чаши, / Знают о том поля вашего Русинского края»[4]. Сходное объяснение есть в легенде Боратынских: «В Венгрии протекают три реки Дунай, Драва и Сава. На берегах этих рек происходили жестокие и упорные сражения с нынешними врагами, почему многие из защитников получили в свои гербы изображение этих трех рек»[5]. Напомним, что, начиная с Я. Длугоша, описавшего герб Корчак, никто из геральдистов не упоминал о том, что три полосы герба Корчак символизируют три реки.

Скорее всего новое объяснение символики герба в русской легенде Боратынских, которые находясь на службе в Польше и Литве, действительно принадлежали к гербам Корчак и Топор, основано на стихах книги Б. Папроцкого, хотя в той же книге написано, что герб был пожалован Горайям, а не Божедару. Из Божедаров происходила жена Горайя.

Еще одна особенность легенды связана с русскими родословными традициями XVII в. По легенде Дмитрий Божедар был «канцлером земель Русинских».

На «Русинских землях», откуда по легенде происходили Боратынские, не было такой должности. Канцлер в Литве – высшая придворная и государственная должность: он возглавлял великокняжескую в Литве или королевскую в Польше канцелярию. Однако, русские генеалоги XVII в. любили употреблять этот термин: польскими канцлерами названы предки думного дьяка Емельяна Украинцева, что в их легенде расшифровывается как «думный дьяк». Еще А. И. Рогов, изучая русские переводы Хроники Матвея Стрыйковского, указал, что и в них на полях рукописей встречается объяснение слова «канцлер», упоминаемого в тексте, как «думный дьяк» и в родословной легенде Бора-

---

[4] *Paprocki B.* Ogród królewski w którym krótko opisuje historye Cesarzów, Królow Polskich i Czeskich, arcyksiążąt Austryi, książąt Ruskich. Praha, 1599. Подробнее о Б. Папроцком: *Бычкова М. Е.* Польский геральдист XVI в. о древних гербах русских земель // Историческая география России: новые подходы. М., 2004.

[5] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 5.

тынских употребление слова «канцлер» скорее надо рассматривать как дань русской генеалогической традиции последней четверти XVII в.[6]

В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым был опубликован несколько иной вариант родословия Боратынских. «Родоначальником всех семейств, имеющих герб Корчак, был Зоард, один из вождей дружин, наводнивших Европу в V столетии»[7].

Кроме иной легенды, сама роспись также отличается от опубликованной М. Боратынским.

Роспись Руммеля и Голубцова

1) Дмитрий Божедар.

2) его сын Дмитрий Дмитриевич, канцлер, ум. в 1374 г.

3) его сын Иван Дмитриевич, жена Мария Васильевна Боратынская, племянница И. Д., брак разрешен патриархом константинопольским; отец М. В. унаследовал Боратынь.

4) его сын Степан Иванович Стецко, жена Анна Васильевна; он уна-сле-довал Боратынь.

5) его дети – Ян Стецко, староста рогатинский в 1512 г.; при короле польском Сигизмунде I пошел на помощь венгерскому королю, был ранен, подобран на поле боя своими гайдуками, вернулся в Венгрию.

Андрей Степанович, погиб в битве, на которой ранен его брат.

6) Петр Янович 1509–1558 гг.

7) Ян Петрович, ум. в 1584 г.

8) Петр Янович, ум. в 1620 г.

9) Иван Петрович, 1660–1668 гг. бельский шляхтич, выехал в Россию.

10) Павел Иванович, род. в 1645 г., смоленский шляхтич.

11) его дети Яков Павлович, р. в 1704 г., на службе в 1720–1755 гг.

Василий Павлович, род. в 1714 г.; смоленский шляхтич в 1742 г.

Роспись М. Боратынского[8]

1) Дмитрий Божедар, построил замок Боратынь, ум. в 1370 г.

2) его сын Дмитрий Дмитриевич, канцлер Русинских земель.

---

[6] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 43–47; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи эпохи Возрождения. М., 1966. С. 286–287.

[7] *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 156–158. Очевидно, в основе публикации этих авторов лежит официальная роспись Боратынских.

[8] *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. С. 156–158; *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 56–58. Здесь не приводятся сведения обеих публикаций, не связанные с семьей Боратынских. Роспись М. Боратынского доведена до Евгения Абрамовича Боратынского.

3) его сын Иван Дмитриевич; женат подряд на двух сестрах Анне Васильевне и Марии Васильевне.

4) его дети Ян Стецко и Андрей, при Сигизмунде I отличились в войне с Москвой. Ян староста Боратына, правитель Пшемысла, служил венгерскому королю, был ранен, «король принял в нем участие и поручил заботам лучших лекарей».

5) Петр Янович, пользовался доверием короля Сигизмунда Августа, ста-роста Самбора, каштелян Пшемысла, ум. в 1558 г.

6) Иван Петрович, ум. в 1584 г.

7) Петр Иванович, ум. в 1620 г.

8) Иван Петрович, ум. в 1708 г. «Из-за разногласий на сейме» покинул Польшу и приехал в Россию.

9) Павел Иванович

Служба Боратынских в Литве и Польше по официальным документам прослеживается со второй четверти XIV в. К 1436 г. относится первое упоминание: «Волчек с Боратына» был помощником судьи (podsudek) в Пшемысле. С этого времени служба членов семьи Боратынских связана с Пшемыслем и соседними Бэлзом и Рогатином, городами, входившими в состав Галицко-Волынской земли. Ян Стецко Боратынский – хорунжий в Пшемысле (1518–1546 гг.) и староста рогатинский в 1534 г.: он умер в 1546 г.[9]

Согласно родословной, Ян Стецко, принявший католичество, был сыном Ивана Дмитриевича Боратынского и его племянницы – Марии Васильевны, опекуном которой был «Крез, староста Пшемысла». По спискам литовских чиновников известен Миколай Креза с Боболиц, староста львовский в 1497 и 1502 гг., староста пшемысльский в 1502 и 1504 гг.[10]

По родословной Боратынских Ян Стецко и его брат Андрей служили польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Старому (правил с 1506 г.), отличились в войне с Москвой: «Ян – староста Боратына и правитель Пшемысла»[11]. Кроме того, в родословной имя Яна связано и с венгерским королем: он «пошел на помощь» к королю с отрядом в 400 человек. Во время боя Ян, «храбро сражаясь, был тяжело ранен», и «король принял в нем большое участие и поручил его заботам своих лучших лекарей»[12]. В этом фрагменте мы также можем заметить отзвук русских генеалогических традиций XVII в. В родословиях, составленных в 80-е гг. XVII в., неоднократно встречаются аналогичные

---

[9] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Wrocław, 1987. T. 3, zesz. 1: Urzędnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka). Spisy. S. 224.

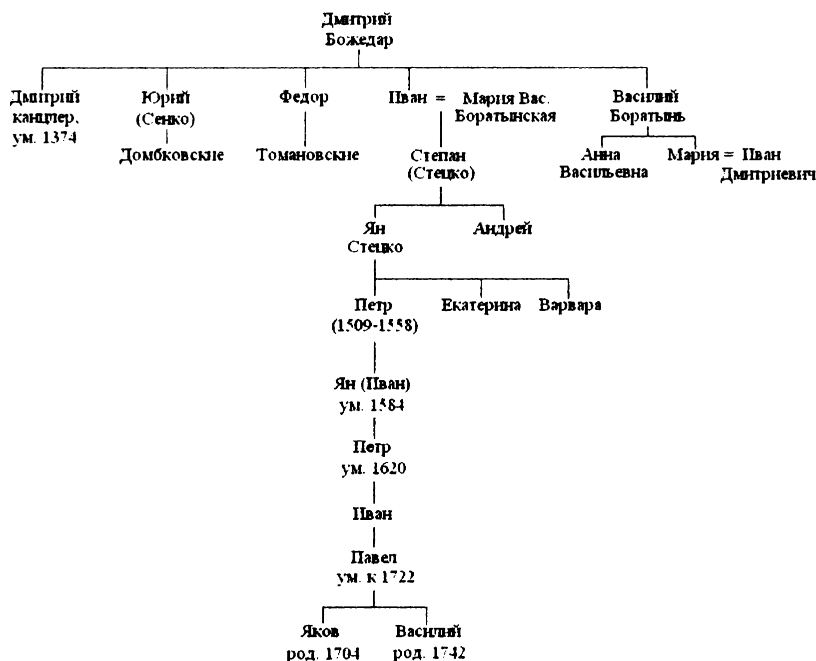
[10] Там же. S. 196

[11] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 57; Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej. S. 237.

[12] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 57.

сюжеты, а в росписи Нарбековых это записано стихами: раненого при взятии Казани предка семьи «Благочестивый убо царь (Иван Грозный – *М. Б.*) милосерд его призирает / И врачевати его с тщанием повелевает»; далее идет подробное описание «врачевания»[13].

Среди Боратынских XVI в. наиболее значительным лицом был сын Яна Стецко Петр, секретарь короля Сигизмунда Августа, староста Самбора, каштелян Пшемысла, умер в Кракове в 1558 г. В списке чиновников

он упомянут как староста Самбора в 1551 г. и Бэлза в 1554–1556 гг.; в 1555–1556 гг. – каштелян Пшемысла[14]. Возможно, Петр умер молодым: все упоминания о его службе ограничиваются шестью годами. Хотя по родословной Петр долгое время жил за границей, и его недолгая служба польскому королю может быть объяснена с этим известием. Он несколько раз произносил на сейме речь о невозможности брака короля Сигизмунда-Августа с Варварой Радзивилл, которую участники сейма встречали с энтузиазмом.

[13] *Бычкова М. Е.* Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. № 2 (4). С. 38.

[14] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej. S. 202.

Его сын Иван Петрович по родословной умер в 1584 г., а Петр Иванович, внук королевского секретаря, в 1620 г. Об их судьбе в Литве известий нет.

В источниках XVI в. упоминаются Ян Боратынский, староста рогатинский в 1579 г. и хорунжий в Пшемысле; он умер в 1609 г.

На Русь приезжает «из-за разногласий с королем на сейме» Иван Петрович Боратынский, он получает во владение с. Голощапово в Бельском уезде Смоленской губернии и умирает в 1708 г. Судя по этим владениям, выезд И. П. Боратынского скорее надо связывать с Андрусовским миром 1668 г., когда к Русскому государству окончательно перешел Смоленск.

Можно отметить, что легенда о происхождении Боратынских содержит черты, присущие русским родословиям последней четверти XVII в., и скорее всего была составлена в это время, вскоре после выезда в Москву. В это же время указания на службу в Польше, подтверждаемые независимыми источниками – редкое явление в русских генеалогических произведениях.

Легенда о происхождении Боратынских[1*]

Родословная легенда Боратынских известна по работе М. А. Боратынского, опубликованной в 1910 г.[2] Детально проанализировав события и факты, приведенные в легенде, автор к сожалению не дал никаких сведений о происхождении и времени создания документа, которым он пользовался. Можно предположить, что в XVIII в., когда создавался «Общий гербовник», этот документ уже существовал. Однако отсутствие оригинального текста легенды не позволяет провести ее исчерпывающий анализ.

Упомянутый в легенде родовой замок, от названия которого произошла фамилия Боратынских, и их земли находились в Галицко-Волынской Руси и сравнительно рано попали под влияние Польши и Великого княжества Литовского; периодически они входили в состав одного из этих государств[3]. Несомненно, польские традиции в этом регионе были более сильными, чем в других бывших русских княжествах, вошедших в XIII–XIV вв. в состав Литвы; в частности, здесь более активно действовала католическая церковь. Сообщения легенды о том, что первые Боратынские происходили из православной семьи и перешли в католичество (очевидно, где-то в первой половине XVI в.), позволяет предположить: предки семьи принадлежали к православному, русскому населению Галицко-Волынской Руси и, возможно, были дружинниками первых русских галицких князей. Их переход в католичество совпадает по времени с общим процессом, происходившим

[1] * К 200-летию Боратынского: Сб. материалов междунр. науч. конф. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 330–340.

[2] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. М., 1910 (Приложение к «Летописи Историко-родословного общества». № 1).

[3] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 27–31. Автор отметил, что колонизация, которая шла на эти земли из Приднепровья в начале XIII в., привела их к процветанию, сделала их западным центром объединения, наметившегося после татаро-монгольского нашествия. И лишь поход хана Телебуги на Польшу и Венгрию в 1283 г. привел к полному разорению Галицко-Волынской Руси.

в православных семьях, принадлежавших к правящей элите Великого княжества Литовского[4].

Встречающиеся в легенде сведения о службе Боратынских в XIV–XV вв. также относятся к «Русинским землям»[5]; как будет показано ниже, такие сведения есть и в других источниках XVI в. Служба предков Боратынских связана с регионом, скорее более близким к Кракову, чем к русским административным центрам: именно с польскими традициями связано упоминание о «замке Боратынь», который построил и которым владел родоначальник семьи Дмитрий Божедар. По родословной легенде, его сын Дмитрий уже носивший фамилию Боратынский, был «канцлером земель русинских»[6].

Как показали современные украинские исследователи, после присоединения Киевщины и других древних русских княжеств к Литве, на ее юго-восточных границах формируется особая система землевладения, приспособленная к эффективной обороне этих границ от набегов кочевников. Административным центром здесь становится замок с помещенным в нем гарнизоном; землей, находящейся при таком замке, наделяются лица, несущие военную службу[7].

К таким лицам, очевидно, и принадлежал Дмитрий Божедар. Правда, до 1370 г., когда (по легенде) Божедар умер, король Людвик Венгерский не мог ему ничего пожаловать в Польше, как сообщает легенда, так как Людвик стал польским королем после смерти своего дяди Казимира Великого (1370 г.), сам же Людвик умер в 1382 г.

С именем Людвика Венгерского связано и пожалование Боратынским герба Корчак. Согласно истории герба Корчак, изложенной польским хронистом XV в. Яном Длугошем, этот герб король Людвик пожаловал своему слуге, «русскому пану» Дмитрию с Горайя; у Дмитрия был брат Иван Горайя, который стал маршалом Королевства Польского[8]. По официальному описанию герба Корчак он представляет «в красном щите три горизонтальные полосы одна над другой, не доходящие до края щита», то есть они не связаны с победами Боратынского на трех реках, которые, якобы, совершили предки семьи. Скорее всего, новое объяснение символики герба появилось именно при создании русской легенды Боратынских, которые, находясь на службе в Польше и Литве, действительно принадлежали к гербам Корчак и Топор.

---

[4] Подробнее: *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С. 39–54.

[5] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 55–56.

[6] Как полагают исследователи творчества Е. Боратынского, это с. Боратынь Бродовского р. Львовской обл. Подробнее: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М., 1998. С. 414.

[7] *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. Київ, 1993. С. 25–30 и сл.

[8] *Łojko J.* Średniowieczne herby polskie. Poznań, 1985. S. 36. В XV в. в польских изображениях герба Корчак иногда появлялось изображение собаки.

Однако совсем не обязательно эти гербы были непосредственно пожалованы предкам Боратынских. По условиях Городельской унии 1413 г. литовские семьи были адоптированы в польские гербы; это было политической акцией, способствовавшей сближению феодалов двух недавно объединившихся государств – Польши и Литвы[9]. Возможно, появление у Боратынских польского герба связано именно с этой акцией.

На «Русинских землях», откуда, по легенде, происходили Боратынские, не было должности канцлера, которую якобы занимал Дмитрий Божедар. Канцлер в Литве – высшая придворная и государственная должность: он возглавлял великокняжескую в Литве, или королевскую в Польше канцелярию. Однако русские генеалоги XVII в. любили употреблять этот термин; в частности, в их легендах предки думного дьяка Емельяна Украинцева названы «канцлерами» – это для них соответствовало понятию «думный дьяк». Еще А. И. Рогов, изучая русские переводы Хроники Матвея Стрыйковского, указал, что и в них на полях рукописей встречается объяснение слова «канцлер» в значении «думный дьяк»[10]. Употребление слова «канцлер» в родословной легенде Боратынских скорее надо рассматривать как дань русской генеалогической традиции последней четверти XVII в.

Служба Боратынских в Литве и Польше по официальным документам прослеживается со второй четверти XV в. К 1436 г. относится первое упоминание об одном из них: «Волчек с Боратына» был помощником судьи (podsędek) в Пшемысле[11]. С того времени служба членов семьи Боратынских связана с городами, входившими в состав Галицко-Волынской земли – Пшемыслем и соседними Бэлзом и Рогатиным. Ян Стечко Боратынский – хорунжий в Пшемысле (1518–1546 гг.) и староста рогатинский (1534 г.) – умер в 1546 г.[12]

Согласно родословной, Ян Стечко, принявший католичество, был сыном Ивана Дмитриевича Боратынского и его племянницы – Марии Васильевны, опекуном которой был «Крез, староста Пшемысла»[13]. По спискам литовских чиновников известен Миколай Креза с Боболиц, староста львовский в 1497 и 1502 гг., староста пшемысльский в 1502 и

---

[9] Подробнее: *Banionis E.* Lietuvių bajorai 1413 m. Horodlėje // Žalgirio laikų Lietuva ir jos kaimynai. Vilnius, 1993. S. 189–206. (Acta historica Universitatis Klaipedensis; T. 1).

[10] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // СС. 1981. № 5. С. 43–47.

[11] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Wrocław, 1987. T. 3, zesz. 1: Urzędnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka). Spisy. S. 224.

[12] Ibid. S. 196.

[13] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 56–57.

1504 гг.[14] Судя по этим датам службы, Миколай Креза принадлежал к более старшему поколению, чем Ян Стечко.

По родословной Боратынских, Ян Стечко и его брат Андрей служили польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Старому (правил с 1506 г.), отличились в войне с Москвой; Ян – «староста Боратына и правитель Пшемысла»[15]. Кроме того, в родословной имя Яна связано и с венгерским королем: он «пошел на помощь» к королю с отрядом в 400 человек. Во время боя Ян, «храбро сражаясь, был тяжело ранен», и король принял в нем большое участие и поручил его заботам своих лучших лекарей»[16]. В этом фрагменте можно заметить отзвук русских генеалогических традиций XVII в. В родословиях, составленных в 80-е гг. XVII в., неоднократно встречаются аналогичные сюжеты, а в росписи Нарбековых это записано стихами: раненого при взятии Казани предка семьи «Благочестивый убо царь (Иван Грозный – *М. Б.*) милосерд его призирает / И врачевати его с тщанием повелевает»; далее идет подробное описание «врачевания»[17].

Среди Боратынсхих в XVI в. наиболее значительным лицом был сын Яна Стечко – Петр, секретарь короля Сигизмунда Августа, староста Самбора, каштелян Пшемысла (умер в Кракове в 1558 г.). В списке чиновников он упомянут как староста Самбора (1531 г.) Бэлза (1554–1556 гг.); как каштелян Пшемысла в 1553–1556 гг.[18] Возможно, Петр умер молодым, ибо все упоминания о его службе польскому королю ограничиваются шестью годами. Но по родословной легенде Петр долгое время жил заграницей. Его сын Иван Петрович по родословной умер в 1584 г., а Петр Иванович, внук королевского секретаря, в 1620 г. Об их службе в Литве известий нет.

В источниках XVI в. упоминаются еще как минимум два Боратынских. Ян, староста рогатинский (1579 г.) и хорунжий в Пшемысле; умерший в 1609 г.[19] Судя по занимаемым должностям, он несомненно принадлежит к этой семье, возможно являясь племянником Яна Стечко. Кроме того, в 1561–1562 гг. упоминается некий Михаил Боратынский, хорунжий и королевский дворянин, который отвозит королевские документы («листы») местным администраторам, преимущественно в Гродно, то есть, служа королю, он ездит с поручениями в регион, где находятся владения семьи. Однако в связи с тем, что в документах Литовской Метрики XVI в. близки написания фамилий «Боратынские» и «Борятинские» этот вопрос нуждается в специальном исследовании[20].

---

[14] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. S. 237.

[15] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 57.

[16] Там же. С. 57.

[17] *Бычкова М. Е.* Первый русский дворянский герб // Гербоведъ. 1993. № 4.

[18] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. S. 202.

[19] Ibid. S. 196.

[20] Литовская Метрика. Книга публичных дел 7. Вильнюс, 1997. С. 76, 79, 94 и сл.

На Русь приезжает «из-за разногласий с королем на сейме» Иван Петрович Боратынский, он получает во владение село Голощапово в Бельском уезде Смоленской губернии, и умирает в 1708 г.[21] Судя по этим владениям, приезд И. П. Боратынского скорее надо связывать с Андрусовским миром 1668 г., когда к Русскому государству окончательно перешел Смоленск. Тогда, после заключения мира, в Москве на службе появляется много поляков. Вряд ли переезд произошел позднее, так как уже с 70-х годов XVII в. появляется ряд царских указов, ограничивающих прием «иноземцев» на русскую службу. Возможно, здесь в росписи утрачено поколение, так как промежуток в 88 лет между датами смерти отца и сына слишком велик (но этот вопрос также требует специального изучения).

Можно отметить, что легенда о происхождении Боратынских содержит черты, присущие русским родословиям последней четверти XVII в., и скорее всего, была составлена в это время, т. е. вскоре после выезда Боратынских из Польши в Москву. Вместе с тем указания на их службу в Польше, (подтверждаемые независимыми источниками) – редкое явление в генеалогической традиции того времени.

---

[21] *Боратынский М.* Род дворян Боратынских. С. 58.

Генеалогия в общественном сознании допетровской Руси[1*]

Понятие «генеалогия» у современного исследователя ассоциируется прежде всего с изучением истории семей, родственных связей. Соответственно методика анализа генеалогических источников (родословные росписи и таблицы, документы семейных архивов и др.) ориентирована преимущественно на проверку достоверности зафиксированной в них родословной схемы и записанных с таких документах биографических сведений.

Но генеалогические источники прежде всего отражают представление создавшего их общества о роли семьи в его – общества – жизни, нормальном функционировании.

Это тем более характерно для Руси допетровского времени, где система родства играла важную роль при формировании административного аппарата управления, если говорить о классе феодалов, то при назначении на службу (административную или военную), выборе в Думу и т. д. Основную роль играли происхождение семьи и место человека в структуре родственных связей, а продвижение по служебной лестнице в значительной степени регулировалось местничеством. Законы, устанавливающие отношения между сословными группами, отсутствовали, давность службы семьи правящей династии, ее происхождение играли ведущую роль при регулировании сословных отношений. Возможно, что такая система сословных отношений способствовала тому, что в России XVI–XVII вв., как нигде в соседних европейских странах, генеалогические документы носили официальный характер: положение семьи в обществе определялось после официального утверждения в государственном аппарате родословной росписи, составленной сородичами. Необходимость доказывать давность службы членов рода при дворе вела к тому, что в России особенно были распространены росписи нисходящего родства, уста-

[1*] ИРГО. СПб., 1995. Вып. 2. С. 66–68.

навливавшие степень родства между всеми мужскими потомками какого-либо лица (родоначальника).

Происхождение семьи закреплялось в родословной легенде – рассказе о родоначальнике, его выезде на службу к тому или иному князю Рюриковичу, родстве с династией, пожалованиях, полученных от князя. В этих сведениях как бы кодировалась «на будущее» возможность для потомков занимать то или иное положение на ступенях сословной лестницы.

Начиная с конца XV в. – времени создания первых родословных документов – существовали различные стереотипы родословных легенд, которые как бы «передвигались» по разным сословным группам. С конца XV в. существовали, говоря условно, княжеская («Сказание к князьях владимирских») и боярская (росписи, помещенные в Типографской летописи) легенды. Первая – публицистический рассказ о происхождении династии (кстати, и в исторической литературе Сказание чаще рассматривалось как публицистическое произведение), вторая – краткая запись, основанная, как правило, на летописном или документальном известии. Необходимые для сословного оформления сведения заключались в такой легенде в имени князя, к которому выехал пращур (давность службы Рюриковичам), и статус выехавшего предка.

С середины XVII в. меняется форма боярской легенды. Выдвинувшиеся по службе семьи, впервые подавая в Разряд свои родословные росписи или создавая для семьи частные списки родословных книг, начинают родословия с пышных легенд о жизни и службе предков до выезда на Русь, по своей структуре аналогичные княжеским легендам XVI в.

На создание таких легенд безусловно повлияло распространение в России того времени переводной исторической литературы, в том числе и генеалогической, и особенно польских хроник. Генеалогические традиции, отраженные в таких памятниках (в частности, подробные рассказы о происхождении гербов в польских хрониках), активно и творчески воспринимались семьями, впервые создававшими свои росписи и стремившимися удревнить и облагородить свое происхождение (Украинцевы, Бестужевы-Рюмины и др.).

Появление таких легенд можно рассматривать и как новую тенденцию русской исторической мысли. Официальная летопись постепенно вытесня-лась более живым и актуальным «сказанием» или «повестью». Родословия, восходящие к европейским традициям, написанные по материалам Цицерона или Плутарха либо, на худой конец, Стрыйковского и Кромера (Римские-Корсаковы, Грушецкие), позволяли вставить историю своей семьи в контекст мировой истории, пробуждая новые идеи в сознании общества.

ГЕРАЛЬДИКА

Первый русский дворянский герб[1*]

Массовая подача дворянских родословных росписей в 80-е гг. XVII в. после указа 1682 г. об отмене местничества привела к тому, что появилось большое число рукописей родословных книг, где после глав, восходящих к официальным редакциям, добавляются новые росписи и семейные документы, относящиеся к деятельности одной нескольких семей, имеющих общего предка. Такой родословной книгой является недавно обнаруженный список с генеалогическими материалами Нарбековых, Державиных, Парецких, считавших своим предком мурзу Багрима, выехавшего служить к великому князю Василию Васильевичу. После родословца в 21 главу здесь помещены росписи трех указанных семей, списки грамот Нарбековых 50-х и 80-х гг. XVI в., публикуемое ниже стихотворное сочинение о предке Нарбековых и рисунок их герба[2].

Все эти документы Нарбековых надо рассматривать в комплексе. Центральное место здесь занимает стихотворное сочинение о подвигах Дмитрия Ивановича Нарбекова при взятии Казани в 1552 г. Со стихотворением связан текст списка грамоты царя Ивана IV от 21 июня 1551 г. в Бежецкую пятину, где Д. И. Чуваш Нарбеков назван Иваном Дмитриевичем и о нем сказано, что Нарбеков отставлен от службы, так как ранен в Казани (грамота написана за год до ее взятия!), «глаз выстрелен и руку у него оторвало из пушки». Возможно, при составлении этой грамоты был использован подлинный документ, полученный Нарбековым еще до взятия Казани.

Рисунок герба является как бы иллюстрацией к стихотворному описанию. В щите не только воспроизведены все подвиги Дмитрия Чуваша, но на примере эмблем, помещенных вокруг щита автор объясняет свое отношение к генеалогии и геральдике.

---

[1] * Гербовед / Изд. Рус. геральдической коллегией. М., 1993. № 2. С. 33–42. См. след. статью.

[2] РГАДА. Ф. 181. Д. 385.

Стихотворение о Нарбековых интересно не только потому, что это – пока единственное известное поэтическое произведение по генеалогии и геральдике XVII в. Автор не ограничился красочным описанием подвигов Чуваша под Казанью и его страданий от полученных ран. Он сумел уложить в стихотворную форму легенду о выезде мурзы Багрима в Москву, поколенную роспись Нарбековых, сведения о земельных владениях семьи. В специальных разделах своего стихотворения автор объясняет, что «навой и коруна», помещенные над гербом, показывают происхождение Нарбековых от правящей татарской династии, а лук и стрела свидетельствуют о том, что татарская по происхождению семья рассеяла своих потомков по всему свету. В заключение, обращаясь к «мудрейшему читателю», автор сообщает, что герб – принадлежность благородных воинских семей, его «крепце употребляют» «поганские языцы» и «западных стран народи». В этих рассуждениях виден уровень генеалогических и геральдических представлений рядового дворянства России XVII в.

Герб Нарбековых, очевидно, первый оригинальный дворянский герб. Рисунки других гербов, приложенные к росписям 80-х гг. XVII в., (Грушецких, Эверлаковых и др.) воспроизводят соответствующие гербы Польши и Швеции.

Рисунок герба Нарбековых еще не имеет четкой системы расположения эмблем в щите, свойственной европейской геральдике. Скорее он напоминает многосюжетные композиции некоторых русских икон, где на одном поле, в одной плоскости размещено несколько эпизодов из жизни святого.

В щите слева направо скачет всадник, вытаскивая из глаза стрелу уже оторванной рукой. Есть изображение «варварина», которого он проткнул копьем, и всадника, ранившего его сзади. Городская стена, с которой стреляет пушка, изображена достаточно натурально. Внизу щита рисунок, изображающий Дмитрия Чуваша «на одреце», под которым разведен огонь.

Но эмблемы, помещенные вокруг щита – завой (чалма) и корона, составлены в соответствии с нормами геральдики. Если рисунок в щите всего лишь иллюстрирует поэму, то эти эмблемы позволяют автору выразить свою общую геральдическую концепцию.

В XVIII в. при создании герба Нарбековых для «Общего гербовника дворянских родов» был как-то использован и этот рисунок: «В щите, разделенном горизонтально на две части, в верхней в красном поле на левой стороне находится серебряная крепость с тремя башнями, из коих на средней видна серебряная луна, а на крайних двух по золотой звезде. На правой стороне изображен скачущий к крепости на коне воин, пораженный в глаз стрелою, и пушечным ядром оторвана у него рука, держащая меч. В нижней части на правом золотом поле на середине означена перпендикулярно меховая полоса. На левом голубом поле

изображены золотом крест, над ним корона и внизу луна, рогами вверх обращенная...»[3]. Над щитом – красная чалма с пером, над ней лук с вложенной стрелой. Как видно, Нарбековы в основу своего герба взяли изображение подвига Дмитрия Чуваша, а все детали, помещенные в рисунке из их сборника XVII в., сюда не вошли. Но геральдические символы – чалма, натянутый лук со стрелой – попали в герб XVIII в.

Памятуя, что однородцами Нарбековых были Державины, было бы заманчиво предположить, что поэтический дар был издавна присущ этому роду. Некоторые места в стихотворном произведении позволяют предположить, что его писали в кругу семьи: «Нам же, из него (Чуваша – *М. Б.*) роженым наследником его, живым сущим во здравии», но делать из этого окончательный вывод, конечно, рискованно.

Эпиграммы

На воина

Вооружен воин благоверен варварина побеждает
И копием его явно яко змия храбро прободает,
Мужественно поразив, с коня его на землю низлагает,
О Христе хвалясь, благочестивого своего царя прославляет.

На имя

Тот воин Иван Дмитриевич Нарбеков, Чюваш рекомый,
Под градом Казанью з благоверным царем Иваном знакомый,
Храбро и мужски и доблественне против бусорман ратуя,
И за веру християнскую и за государя царя своего мужески поборая,
И ему, государю своему, во всем служа верне,
И яко богу со страхом работая благоговейне.
И всему воинству православно российскому храбро себе показуя, .
И врагов креста Христова бусорманом страшно себе повествуя.

На раны и крепость мужа

Небезбедно же и самому ему то преминуло.
Неприятельское оружие его самого зелне уязвило:
Наскочив созади безбожный варварин копием его ураняет,
Яко пес зелне его и жестоце уядает.
И другой в око его сопротив стрелою уранил,
Яко змий жалом его люте уязвил.

На крепость

Тои убо храбрый муж непобедим пребывая,
И крепце себе на коне уязвлен удерживая,

[3] Общий Гербовник дворянских родов. СПб., 1799. Ч. 4. С. 45.

Тщась неприятелем себе страшна и храбра показати,
Изо очесе своего желая стрелу вонзену бодрено изяти,
За ню ж крепце и бодростно приимая,
От томления болезненаго раны себе освобождая,
Приемлет сугубо тяжкую смертную рану:
Видит и тую руку у себе ис пушки оторвану.

На герб славный и честнейший породы Нарбековых

Из градских убо казанских врат по тои ис пушки застреляют,
И от телесе яко ветвь от древа жестоце отрывают.
Он же во всех сих язвах крепце на кони удержася
И всему воинству храбро явственно показася.
По том же зле ранена с победы в станы провождают,
И цареви благочестивому о храборстве его изъявляют.
Благочестивый убо царь милосерд его призирает
И врачевати его со тщанием повелевает.
И многими дарми его обдаряет,
И милосердно его чесностью прославляет.
Врачеве же раны его разумев быти смертны,
И ко врачеванию себе возложиша смотрительны,
Уразумеша, яко аще стрела будет из главы изята,
Абие жизнь и дыхание от него будет отьята.
Умыслиша во оце стрелу сопреди приломити,
Созади же оной железо в конце притупити.
И тако абие тое сотвориша,
И оное врачевание учиниша.
Ибо зиме же тогда люте належаще,
Теми убо раны он, храбрый муж, зелне боляше.
В станех убо сродные его о нем промышлене творяше,
И врачеве его снабдевая раны врачеваше,
И убо тогда в станех теплого крова не имяше,
Дабы ему такому в болезни сущу отраду подаваше.
И некто от приятель его, об нем попечение имяше,
О здравии его промышление творяше,
К покоению его в куще над огнем одрец устрояше,
И на нем возложе, мал огнец под одром возгнещаше,
Дабы ему болну сущу, раны его нагревали,
И в тацей болезни по немалу отраду подавали.
Ему же, болна сущу, на оном одре лежащу
И оными тяжкими раны зелне болящу.
В тыя же дни, паки агаряне казанскии из града изшедъше
И на обоз российских ратных безвестне нападше,
И в полцех християнских воинство зле возмятоша,
И сами врази христови явствено подаша.

Российское же воинство из обозу противу им выежжают,
Их, врагов обжиих, аки зверей крепце побеждают.
Сродницы же онаго храбраго и сверстницы против поганых успевают,
И его, болна суща, единаго в стенах оставляют.
Он же немощен бяше зело, не яко себе отчаяв,
На одре оном над огнем лежав себе болна почаяв,
На други бок себе нужно превращает,
И со одром оным во огонь безсилием упадает.
Его же изъяти тогда со огня иному не сущу,
Самому же ему бяше немощнейшу,
Невозможе со оного огня себе двигнути
И конечнаго боления паки избавити.
Ему же на другий бок во огни тогда згарает,
Паки сугубо болезни себе прибавляет:
Стрелою же раненою око,
И раны згорелаго бока,
Со отъятою рукою
Вопиют к богу собою.
Егда же благочестивый российский царь Иван Васильевич всеа Росии
Прият град Казань, сотворяется варваром оным властодержец,
В царствующий град Москву с победою возвращается,
Оный же храбрый муж Дмитрий Иванович Чюваш во свояси провождается.
В Новгородские пределы вотчину свою с родными отъезжает,
И по толицех ранах тяшких бог вышний его уздравляет.
И от оного смертного одра и от ран содетель возставляет,
И пятьдесят лет жизни ему вышний творец к летом ево прибавляет,
И чадородием его на старость обдаряет.
Яко Аврааму сына в старость возставляет,
К трем перворожденным четвертого по летех мнозех сына раждает,
Иваном его любезне называет.
Тои же муж храбрый по тящких ранах жив 19 годин,
И всех дней живота его осмьдесят и один.
Ко господу в вечное и ко отцем по писанием себе преселяет,
И по себе 4-х сынов оных: Федора, и Самуила и Потапа и Ивана оставляет.
Тому убо славному и храброму мужу буди во оном блаженстве вечное с праведными упокоение
И небесное вечное веселие.
Нам же, из него роженным наследникам его, живым сущим во здравии благодарственное многолетно о Христе веселие,
И ни в чем оскудение.

На фамилию

Домовство и род Нарбековых издавна славою и честию слыло,
И поколенья измаильтескаго и – Златой Орды в Российское царство прибыло.
Во дни великаго князя Василья Васильевича рекомаго Темнаго, росийскаго самодержца.
В Росийских странах предний род Нарбековых нача умножатся.
Именем Багрим муж честен, он первый во дни оныи в Руси явися,
И самем оным велики князем Васильем святым крешением просветися.
Он, великий князь, ему от купели святыя быв восприемником,
И многому имению и отчинам сотворяет его наследником.
Даде ему в Нижегородских пределах отчину село Толоконцево з деревнями.
И в Володимерских пределах вотчины село Поречье на реки Нерли с угодьями,
И иные многия веси в розных краях многолюдны,
И ни в чем всяцеми благостьми нескудны.
Иныя же веси и села чада его и наследницы
Придаша в помяновение его ко святей Троице
И Сергию преподобному чюдотворцу во обитель за душа их,
Да вечное помянование бывает по них.
Потом же наследницы его бывают в Новгородских пределах иным отчинам иметели
И в Бежецкой пятине многим селом владетели.
Имянуютца же тые веси и до днесь прозванием онаго: Гора Чювашева
И села Михайловское и Орехово и Коршакова.
По летех же многих тем странам от войны и мору сотворись запустение.
Та ж Нарбековых наследницы и тем отчинам того для себя сотворяют улишенья,
И вместо тех во других краях себе иных отчин доступают.
Тыя ж новгородския ж веси по царьскому указу многим в поместья роздавают,
И днесь владомы многими славными дворяны,
Кому те вотчины в поместье розданы.

Епиграмма на завой и коруну

Новой челмы в бусорманских народех на главах носити обыкоша,
Государьские их домы тако же на завое венец носити изящество прияша.
Из такого суще славнаго дому Усман и Усеин бека Нарбековых порода.
В Российском государьстве служити начаша отнюда же многие года.
Тым домовством и породою себе Нарбековых род познавают,
И поистине не в ложь ся ими прославляют.

Род Нарбековых ис поколенья златоотдынских владетелец Усманских влекомый,
И в Российском государстве посреде славных знакомый.
То являет в роде Нарбековых корона татарска,
Яко род Нарбековых издавна княжества и рода сарацынска.

На лук и стрелу
Лук и стрела Нарбековых породу знаменует татарску,
Яко от Измаила влекому древле агарянску.
Луком и стрелою Измаила бог его обдаряет,
И муж силы его прославляет.
Руки сех на него и его на всех положены быти являет,
И во всех странах род его и потомство розсевает,
И во благочестии християнства от корене его просвещает.
Усеин бека и – Златой Орды славна святым крещением прославляет.
Из того дом Нарбековых воставляет и прочих фамилий прозванием умножает.

На шлем и наперие
Шлем в середине змброи являет, яко он храбрых муж издавна,
Древле и тая бронь рыцерству от века дана.
Род Нарбековых службою и храбрством себя проявляет
И мужеством, и правдою, и любовию, и верою прославляет.
В том знаменует на враги одоление и крепость,
И к царем и государем росийским во всем покорение и верность.
Все, что есть в сем гербе прибрано,
То купно в род Нарбековых за знамение дано.
Тыми ся знаки род Нарбековых славит
И до конца века небесного царя хвалит.
И тое знамение в рати за счастье имея, врагов побеждает
И благочестивейшему царю государю своему верно услужает.
Тыя признаки яко клейноты на персех носят,
И тыми между разумными ся возносят.

Епиграмма на читателя
И мудрым сему поревновати достойно,
Понеже то коемуждо в род имети подобно.
Аще в Росии и обычая в том не имеют,
Поне дерзнути на то не смеют.
И инии в том от неведения не благоволяют,
Поне разсуждения премудра в нем не употребляют.
Аще бы тое таинство поразумели,
Что в том содержит, мнози бы с радостию то имели.
По сем не пщую вразумитися любо восхотят

И сие воспияти с радостию благоволят.
И чесо бы ради кто возневшевал непотребно,
Да аще бы разсудил здраво, и то бы было и всем годно.
Мордва и черемиса и прочие народи древа знаменует,
И в нашем мудрейшем народе сие често ради не употребляют.
Мудрейши читателю, о сем вразумися
И в любомудрии сего знамени умудрися,
И сему буди любезный рачитель,
И от того ся имети буди умудритель.
Аще кто возмнит сему быти неудобно,
Сам себе не разумети быти и творити неподобно.
И аща хощеши сему вразумитися,
Потреба от некоего мудрейшего умудритись.
Иде же некто благоволил написати,
Сказуй праведному и приложит приимати.
Аще и ты возмнишь вышереченному в роде оном знамени сему быти неверно,
Понеже и ты сам о себе поразумети не хощешь благо и честно.
Ты же, читателю благий, бывай благоразсудный,
И себе и другому возмни сие быти потребный.
Над всим сим зачало премудрости страх господень,
И по том по всем будеши богови благоугоден
И аще хощеши в том таинство поразумети,
Зри прилежно и разумевай всех стран сие имети.
Во всех странах сие крепце употребляют,
И тым ся к сим даров честию прославляют.
Не точию християнскии народи сии возлюбиша,
Но и поганскии языцы и прости народи употребиша:
Немецкие и полские и западных стран народи,
Тое вси купно имеют во своей породе.
И тацами ся знаки знаменуют,
Во окрестных странах познавают.
Тому ж подобно и во время рати дают гасло,
Дабы страшно неприятелем и супостатам ясно.

Гербы русских дворян конца XVII в.[1*]

Появление гербов в России: городских, дворянских, которые были утверждены официально, связывается в научной литературе с петровскими реформами[2]. Действительно, массовое герботворчество XVIII в. говорит, что русское общество было заинтересовано этими европейскими символами и стремилось их активно воспринимать Обычно такие явления подготавливаются длительными процессами, происходящими в сознании общества и формирующими это сознание[3]. Очевидно, к истории создания гербов, в том числе и дворянских, надо подходить как к долговременному процессу, связанному и со стремлением правящего класса средневекового государства стать равноправной составной частью феодального сословия Европы. Ничего конкретного о русских дворянских гербах до XVII в. мы не знаем. Однако, с середины XVII в., когда в Москве и других городах появляется значительное число иноземцев, приехавших служить русскому царю, в том числе и дворян, в повседневную жизнь проникают представления о быте и нравах соседних стран. Возрастает интерес к переводной литературе: генеалогической, гербовникам, московские переводчики польских хроник Мартина Кромера и Матвея Стрыйковского особо выделяют в рукописях – пометами на полях и заголовками в тексте, сделанными киноварью, – записи о происхождении дворянских родов, описания их гербов[4].

В 80-е гг. XVII в. при проверке родословных росписей, поданных в Палату родословных дел, дьяки обращаются к тем же польским хро-

[1] * Статья написана по материалам докладов, читанных на I, II, и III Международных генеалого-геральдических научных конференциях.

[2] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 193–218 и сл.; *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.

[3] *Каштанов С. М.* О титуле Русского государства в XIV–XVI вв. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 88–89.

[4] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // СС. 1981. № 5. С. 43–44.

никам и гербовникам[5]. В результате среди таких документов, а также в списках родословных книг, составленных в эти же годы, появляются рисунки и описания первых дворянских гербов, на право владеть которыми претендовали авторы росписей.

Сохранилось около полутора десятков таких гербов. Среди них два – европейские дворянские гербы, упомянутые в росписях семей, чьи предки начали службу в Москве в XVI–XVII вв. Эверлаковы указали, что их предок был взят в плен во время Ливонской войны и остался в России. К росписи приложен рисунок герба, утвержденного за этим родом в Швеции. Переводчик Посольского приказа Леонтий Грос, взятый в плен под Ригой и также оставшийся в Москве, написал, что его семья имеет древний герб: «А герб родства моего, каков дан прапрадеду моему Георгию Гросу от Фридриха Барбароса, цесаря римского за многие ево верные службы, се есть воин в латах со обнаженным мечем. И тем гербом прапрадед и дед и отец мой владели, и я владею ж»[6]. Рисунка герба нет. Мы видим здесь стремление сохранить за собой право на гербы, пожалованные предкам, у недавно появившихся на службе в России иноземцев.

Но большинство гербов, на которые претендовали русские дворянские семьи, восходят к польской геральдической традиции. Они находятся в росписях Грушецких, Карбышевых, Клокачевых, Колдычевских[7].

Грушецкие приложили к росписи рисунок герба и дали его описание со ссылкой на гербовник «Орбис Полонус»: это герб Любич. По их легенде этот герб имел некий «ратоборец», участвовавший в войнах князя Казимира Мазовецкого, воин «того роду, которые тем гербом – крестом с подковой – печатаются»[8]. Изображение креста и подковы в различных вариантах не один раз встречается в польской средневековой геральдике, но рисунок в росписи Грушецких ближе к гербам Новина и Побуг.

Колдычевские, также приложившие к росписи рисунок герба, указали: «По маетности Колдычеве пишемся Колдычевсцы, а по шляхте Ендзилове. И герб наш дан Ендзилом Колдычевским: зубрие головы, одну в клейме, а другую верх клейма держит лев с венца. И тем гербом нам Ендзилом по Колдычеве Колдычевским велено печататца да другим паном Бялозером, шляхте»[9].

---

[5] *Она же.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Л., 1981. Вып. 12.

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 70. Л. 2.

[7] Там же. Д. 34, 61, 78, 86.

[8] Там же. Д. 61. Л. 3.

[9] Там же. Д. 78. Л. 2.

Карбышевы также со ссылкой на «Орбис Полонус» упомянули, что им принадлежит «венгерский герб» «наподобие Гоздовы»: «О гербе их написано: в поле светлоголубом поле среднее (далее в оригинале обрыв около 10 букв – *М. Б.*)..., начав от левой стороны на правую цвета белаго, на котором полагаются три лилии, наподобие Гоздавы. Таково поле окружают булавы воинские, три золотые: две сверху, а одна снизу»[10]. Рисунка герба нет, но его символика в тексте подробно объяснена. Она свидетельствует о доблести предков: «три булавы и благоуханные лилии» – это символы победителей. «И прехвальнейшие ж победители родители вышеиреченного герба. Три булавы воинские сердце, силу и умение воинственника изобразили суть, а три лилии – чистоту сердца к отечеству, царю и роду приносят»[11].

Клокачевы указали на свою принадлежность к гербу Наленч, также сославшись на «Орбис Полонус».

Право на польский герб Ясенек («меч златый в поле блакитном, над короной пять пер струсовых») было заявлено Лихачевыми, которые назвались однородцами польской семьи Краевских. Краевские начали свою службу в Москве в XVII в.[12] Думные дьяки Лихачевы во второй половине XVII в. входили в состав номенклатурной элиты Русского государства, и их попытка обосновать свои права на польский герб, принадлежавший семье, только что начавшей служить в Москве, отчасти напоминает акт адоптации литовского боярства польскими гербовыми родами в начале XV в.

Несколько гербов помещено в росписях семей, назвавших своими предками выходцев из Италии. Сюжет о происхождении рода от итальянской знати связан с более ранними легендами о происхождении литовских великих князей, появившимися в России в конце XV в.[13]

Именно так описали свое происхождений Потемкины в росписи, составленной в 1687 г. Их родоначальник в Италии – «князя самницкого сродник Понциуш», чьи потомки, «отбыв из владетельства своего», долго жили в Польше. В начале XVI в. эта семья приехала в Москву[14]. В росписи описан итальянский герб «князя самницкого Понциуше Телезина – гриф червонный вполы с коруною в поле желтом, а поле разделено лазоревым пределением волнистым». Другой герб Потемкиных, которым «в Польской земле, по изволению королевскому печатались сородники их, Потемкиных», это «рука с мечом вооруженная изо облака в щите, а на щите коруна, а из коруны три пера струсовы»[15].

---

[10] Там же. Д. 86. Л. 3.

[11] Там же. Л. 47.

[12] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 80. Л. 1.

[13] *Бычкова М. Е.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 295–301.

[14] *Болотина Н.* «Приехал, служил великому князю» // Источник. 1995. № 1. С. 19.

[15] Там же. С. 20, 21.

Сходная легенда, начинающаяся со знатных итальянских предков, есть в росписи Елагиных. Здесь помещен сюжет, близкий к родословию великих князей литовских, об уходе из Рима «князя римского» Палемона, потомки которого попадают «х крыжакам», осваивают литовские и псковские земли. Один из знатных римских воинов, «Викентий з Елагони», и был родоначальником Елагиных[16]. В его гербе «лев цветом рудый, написан которой лев половиною из-за каменной чермуой стены стоит с поднятым хоботом на доле цошнном. А вверху коруны такожде лев»[17].

Наибольшее количество гербов, принадлежавших предкам, назвали Римские-Корсаковы. Их красочно составленная «Генеалогиа», безусловно, является вершиной осмысления «римской» темы в русской общественной мысли XVIII в. В рукописи помещено восемь рисунков гербов, их сопровождают стихи, объясняющие геральдическую символику.

Эмблемы гербов в «Генеалогии» Корсаковых чаще связаны с подвигами Геракла. Это булава героя, ставшая жезлом полководца («аще вси воеводы булавы имеют»), орел – символ вечной верховной власти («орел же в себе свойство царское имеет, тем его давали – кто подобное деет»). Орел с тремя молниями в клюве был символом Юпитера, а его внуки имели Орла в гербе своей страны:

«Разные государства орлы прославили.
От кого Лех, Чех, Москос, цари и княжата
Кесарстии, – руста, полсти суть орлята»[18].

Медведь в гербе Корсаковых связывается с Немейской медведицей, которую победил Геракл, а Геркулесовы столбы объясняются как древний герб Липы, «первое их знамя»; роза в гербе символизирует сады Гесперид.

Три последние герба в «Генеалогии» относятся непосредственно к истории семьи Корсаковых. Герб Трех рек означает уход предков из Рима в Польшу («чрез три реки убеже до Полски»), а в стихах, сопровождающих два герба – Рукояти накрест и Перекрестья Накрест, – объясняется символика меча и креста:

«Восприимши крест – будет где Христос со святыми.
Кто возьмет меч – погибнет мечем с убитыми»[19].

[16] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 145. Л. 2.
[17] Там же. Л. 3.
[18] *Римский-Корсаков И.* Генеалогия. М., 1994. С. 134, 135.
[19] Там же. С. 141, 142.

Объясняя смысл эмблем первых пяти гербов, Корсаков ссылается на тексты римских и греческих авторов, а для осмысления трех последних использованы произведения польских историков – Вольского и Папроцкого.

Стихотворная форма, объясняющая гербовые эмблемы, была использована и Нарбековыми, составившими первый оригинальный русский дворянский герб[20]. Назвав своим родоначальников мурзу Багрима, авторы уделили большое внимание восточной символике своего герба, объясняя значение таких эмблем, как чалма, лук, стрелы[21].

Все упомянутые выше документы, кроме родословия Корсаковых и Нарбековых, где есть рисунки или описания гербов, носят официальный характер: они были поданы для утверждения в Палату родословных дел. Утвержденные вместе с росписями гербы также становились официально признанными в государственных органах. Очевидно, в русском обществе последней четверти XVII в. уже существовало четкое представление о необходимости утверждения или пожалования герба верховной властью. Появляется и потребность иметь родовой герб, очевидно, отсутствовавшая в более раннее время, о чем говорят документы Эверлаковых, Л. Гроса.

В тех случаях, когда рисунок герба, приложенный к росписи, не совпадает с указанным здесь же польским гербом (как у Грущецких) или описан условно («наподобие Гоздавы»), это может говорить, что понимая официальное происхождение дворянских гербов, составители родословных документов не решались давать точное изображение герба, на который семья не имела права.

Кроме самих изображений гербов последней четверти XVII в. заслуживает внимания и геральдическая терминология, которой пользуются авторы росписей. Часто она связана с соответствующими польскими терминами. Это «блекитное поле», «коруна», «клеймо» (вместо щит), другие. Причем такие термины перекликаются с полонизмами в текстах родословий (маетность, шляхта, крыжаки).

Составители русских гербов XVII в. ясно представляли их структуру. Центральная часть – щит (клеймо), который бывает разного цвета: червонный, желтый, светло-голубой, белый; щит может быть разделен на части (гербы Карбышевых и Потемкиных), эти части, как и разделяющая их черта («пределение волнистое»), также могут быть разного цвета. А в каждой части щита бывают разные эмблемы; иногда сами эмблемы сложные («гриф червонный виолы с коруною»). Над щитом также могут быть эмблемы: «коруна», «а из коруны три пера струсовых».

---

[20] *Бычкова М.* Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. № 2(4). С. 37–42.
[21] Там же. С. 40, 41.

Эмблемы в щите не обязательно связаны с историей самой семьи, они могут свидетельствовать о воинской доблести предков: «ратоборец» Гросов, булавы Карбышевых и Корсаковых, их высокие моральные качества – лилии в гербе Карбышевых.

Все это позволяет говорить, что в России последней четверти XVII в. были достаточно глубокие знания, а также живой интерес к геральдике, символике гербов. Осмысление геральдики носило не абстрактно-научный характер, оно было вызвано потребностью определенной части дворянства иметь свои собственные гербы, как это принято в соседних странах. Но массовое герботворчество еще не появилось, возможно и потому, что в обществе существовало убеждение в официальном происхождении гербов, их пожаловании или утверждении верховной властью. А подобного органа в России не было.

Можно добавить, что герботворчество шло параллельно с интересом к переводной геральдической и генеалогической литературе, сопровождалось переводами древних и современных исторических произведений[22]. Поэтому мы можем говорить, что уже в 80-е гг. XVII в. дворянство готовилось к назревавшим реформам русской жизни, но широко такие реформы развернутся лишь в XVIII в.

---

[22] *Кудрявцев И. М.* «Переводная» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги второй половины XVII в.) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Вып. 18.

Гербы русских земель в польском гербовнике XVI в.[1*]

Среди иностранных гербовников, которыми в 80-е гг. XVII в. пользовались сотрудники Палаты родословных дел, собиравшие и проверявшие дворянские росписи, упоминается труд польского геральдиста Бартоша (Бартоломея) Папроцкого «Огруд крулевский» (в русском переводе того времени «Вертоград королевский»)[2]. Очевидно, в конце XVII в. эта работа была переведена на русский язык: сохранилась рукопись перевода книги Папроцкого начала XVIII в.[3]

Бартош Папроцкий хорошо известен в науке как польский геральдист, автор книги «Гербы польского рыцарства», которая и сейчас является официальным справочником польских гербов XVI в.

Бартоломей (Бартош) Папроцкий, польский шляхтич герба Гогол, родился около 1543 г., умер в 1614 г.[4] Он получил традиционное воспитание шляхтича XVI в.: сначала в отцовских владениях, затем при дворе владетельного родственника, с которым ходил в походы, где расширял свой кругозор, познавал жизнь «великих мира сего», учился основам политики и права. Покровителем Б. Папроцкого был видный политический деятель Петр Горайский с Горайя герба Корсак, которому позднее и был посвящен «Огруд крулевский»[5].

В 1572 г. Папроцкий в составе посольства уехал в Турцию, а вскоре, в 1575 г. он издает свое первое генеалогическое произведение – «Паноша». За свою жизнь Папроцкий издал в стихах и прозе на польском,

---

[1] * Гербоведъ / Изд. Рус. геральдической коллегией. М., 2006. № 90. С. 79–82.

[2] *Paprocki B.* Ogród królewski w którym krótko opisuje historye Cesarzów, Królow Polskich i Czeskich, arcyksiążąt Austryi, książąt Ruskich. Praha, 1599. В работе использован экземпляр, хранящийся в РГАДА. О составе книги Б. Папроцкого «Огруд крулевский» см.: *Бычкова М. Е.* Польский геральдист XVI в. о древних гербах русских земель // Историческая география России: Новые подходы. М., 2004.

[3] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 80.

[4] Подробнее: *Krejči K.* Bartoloměj Paprocki z Hlohol a Paprocke Wole. Praha, 1946.

[5] Подробнее: *Бычкова М. Е.* Легенда о происхождении рода и герба Боратынских // Гербоведъ. 2005. № 2 (80). С. 31–36.

чешском языках и по-латыни сочинений по генеалогии больше, чем все его современники.

В сложные для Польши 70–80-е гг. XVI в. Папроцкий был активным сторонником короля Стефана Батория, стал королевским дворянином и геральдистом, писал сочинения о победах Батория. В 1584 г. он издает свой знаменитый гербовник – «Гербы польского рыцарства»[6]. Однако вскоре после смерти короля он был вынужден уехать в Моравию, где жил в изгнании один из его покровителей К. Зборовский. Вскоре он увлекся алхимией и астрономией.

После очередной смены королей в Польше около 1610 г. он вернулся на родину, где и умер в 1614 г. Б. Папроцкий писал до последних дней[7].

Книга Папроцкого «Огруд крулевский», написанная скорее в изгнании и изданная в Праге – историко-генеалогическое исследование.

В своей книге Папроцкий воссоздает историю правящих домов Европы, начиная с императоров Священной Римской империи, доведенную до правления императора Рудольфа (с 1576 г.); здесь кроме генеалого-геральдических сведений большое внимание уделено войнам с Турцией; автор отдает дань животрепещущему вопросу внешней политики Польши во второй половине XVI в.

Разработана Б. Папроцким и проблема о порядке и давности правления истинных королей. Свои теоретические размышления автор начинает с истории правления библейского царя Соломона; далее помещены описания правлений французских и польских королей, великих князей литовских, чешских королей и князей, великих князей русских.

Как видно, географически «Огруд крулевский» ограничен регионом, близким к Польше. История польских королей доведена до правления Сигизмунда III; она богато проиллюстрирована условными портретами польских королей, картинами известных сражений, рисунками гербов.

На л. 204об.–208об. помещен раздел «О древности русских князей»; он начинается с основания Киева Кием, Щеком и Хоривом. В соответствии с трудами других польских авторов XVI в., русские князья, о которых пишет Папроцкий – это преимущественно потомки Рюриковичей, чьи земли в XVI в. входили в состав Великого княжества Литовского, то есть князья Галицкие, Острожские, другие.

В очерке о русских князьях также есть условные портреты и рисунки гербов; дана краткая история их происхождения.

По мнению автора, русские княжеские гербы имеют древнее происхождение: они уже были у князей, «которые приняли греческую веру» и «начали подчиняться константинопольскому патриарху». Несомненно, здесь идет речь о киевских князьях и их ближайших потомках. Герб

---

[6] *Krejči K.* Bartoloměj Paprocki z Hlohol a Paprocke Wole. S. 35–45.

[7] *Krejči K.* Bartoloměj Paprocki z Hlohol a Paprocke Wole. S. 45–57.

русских князей – святой Георгий, убивающий дракона. Кроме того, Галицкие князья, «а именно Лев, который заложил Львов», имели своим гербом изображение: на золотом щите черный лев, опирающийся на скалу. Отметим, что сам Папроцкий провел последние годы, умер и похоронен во Львове. А князья, «которые имели дома почти на море среди великих болот», в своем гербе помещали «голого человека на коне». И далее Папроцкий сообщает: «И теперь еще Москва или их князья употребляют некоторые из них» (гербов – *М. Б.*). Здесь уже автор упоминает гербы Русского государства XVI в., очерка о котором в его книге нет.

При рассказах о княжеских родах помещены рисунки гербов: св. Георгий, убивающий дракона, обнаженный человек на коне, лев, стоящий на задних лапах, а также герб Погоня и щит с подковой и тремя крестами, близкий к гербу Белина.

По этому набору рисунков, приложенных к тексту, видно, будто древнейшим гербом московских великих князей, перешедшим к ним от киевских великих князей, был герб с изображением св. Георгия, убивающего дракона. Признание такой преемственности гербов в какой-то мере можно оценить и как признание определенных исторических прав московских князей на земли, входившие в XVI в. в состав Литвы. Напомним, что спор за такие территории именно в это время выливался в военные действия.

Имеет объяснение и фраза Папроцкого о том, что в его время упомянутые гербы употребляла Москва или ее князья. Речь идет не только об официальном гербе со св. Георгием. Известна печать князя Андрея Курбского, которую он употреблял в Литве, близкая к помещенной в книге Папроцкого; на ней изображен лев, стоящий на задних лапах.

Наиболее интересно появление у Папроцкого печати с изображением нагого человека на коне, которую имели государи, жившие «почти на море среди великих болот».

Русские печати не знают такого изображения, но его, как герб московских князей, трижды привел в своем сочинении Сигизмунд Герберштейн.

Еще в XVI в. новгородский архидьякон Геннадий объяснял александрийскому патриарху, что на печати Ивана IV изображен всадник на коне, и это «государь на коне». В XVII в. изображение св. Георгия на печати неоднократно интерпретировалось русскими послами как «великий государь на аргамаке», «царь на коне победил змия». В подобных высказываниях царь идентифицируется со св. Георгием. Как показал А. Б. Лакиер, на листе Библии 1663 г., изданной в Москве, в ка-

честве московского герба помещено именно изображение царя на коне, пронзающего копьем змия[8].

В этих объяснениях можно услышать отзвуки византийской традиции конца XIV в. В европейских странах к этому времени на монетах и печатях существовали изображения государя в виде рыцаря на коне в воинском обмундировании, которые подчеркивали функции правителя как воина и вождя[9]. Византийские изображения императоров не знали такого типа: на монетах и печатях подчеркивалась лишь сакральность их власти, а конно изображались несколько святых (Дмитрий, Георгий, Архангел Михаил). Именно в конце XIV в. на византийских монетах появляются конные изображения императоров, и их часто сопровождают эти святые всадники, которые подчеркивали воинские функции правителя[10]. Не исключено, хотя и нуждается в дополнительном специальном исследовании, что в русском изображении всадника на коне, поражающего копьем змия, в XVII в. слились представления о святом воине и государе-вожде.

Вооруженный всадник на коне – сюжет, встречающийся на печатях и монетах русских князей конца XIV–XV вв. в различном обличии. Его изображение, как и изображение голого всадника, приведено в книге С. Герберштейна.

Причины появления у Герберштейна сведений о том, что на государственной печати государь изображался как голый человек, требуют специального сфрагистического исследования. Сейчас можно сказать, что это мнение не находит аналогий в русской сфрагистике, оно не отразилось и в европейских справочниках XVI в., содержащих описания государственных гербов и печатей разных стран: здесь гербом московских государей назван св. Георгий, поражающий змия.

По существующим в XVI в. традициям русской жизни невозможно представить официальное изображение государя в виде голого человека: русский царь всегда изображался и выступал на официальных церемониях в полном маестате, при всех регалиях.

Изображение государя как голого всадника на официальных печатях не соответствует и нормам европейской геральдики, где правитель олицетворяет сакральную власть или различные ее функции, в том числе и функции воина-вождя.

И Папроцкий, очевидно, заимствовавший это изображение у Герберштейна (ближе всего – изображение на изображении Василия III в издании 1556 г.) или польского хрониста М. Стрыйковского, отнеся его ко времени киевско-константинопольских отношений, не указал в

[8] *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 84.
[9] *Kiersnowski R.* Moneta w kulturze wieków średnich. Warszawa, 1988. S. 181–182.
[10] Ibid. S. 183.

отличие от других помещенных в книге гербов, каким именно русским князьям оно принадлежало: скорее у автора это «те (князья – *М. Б.*), которые (правили – *М. Б.*) почти на море среди великих болот», то есть какие-то северные народы.

Нельзя допустить и еще один момент в изложении Б. Папроцкого: признавая за русскими княжествами вплоть до XVI в. право на различные гербы, восходящие к временам Древнерусского государства, профессиональный польский геральдист тем самым ставил Русское государство в один ряд с другими европейскими государствами, поскольку герб являлся одним из символов независимого средневекового государства.

Польский геральдист XVI в. о древних гербах русских земель[1*]

Сведения о Русском государстве, его территории, правителях, древней истории русских земель, которые мы находим в трудах иностранных авторов XVI в., интересны еще и тем, что приводят реалии русской жизни, которые не отражены в русских источниках того времени. В частности, статус России как европейского государства европейские авторы пытались определить через государственную символику, которой в средние века придавалось большое значение, поскольку о таком статусе свидетельствовали форма короны и регалии правителя, цвета и эмблемы на регалиях и печати, и многое другое. В частности, иностранцев интересовал вопрос о происхождении русских гербов.

Герб свидетельствовал о происхождении и истории государства, его связях с другими странами, месте среди других государств Европы. Как видно из текстов различных записок о гербе, о его истории расспрашивали русских собеседников, рисунки гербов воспроизводились в печатных изданиях XVI–XVII вв.

Интересные сведения о происхождении гербов русских земель приведены в работе польского писателя и геральдиста XVI в. Бартоша Папроцкого «Огруд Крулевский»[2].

Бартош (Варфоломей) Папроцкий, польский шляхтич герба Гогол (ок. 1543–1614 гг.) происходил из небогатой семьи. Его карьера начиналась традиционно для польской шляхты XVI в.: начальное образование он получил во владениях отца, затем попал на двор влиятельного родственника, где расширял свой кругозор, познавал жизнь «великих мира сего». Со своим покровителем юный родственник ходил в походы, ездил

[1*] Историческая география России: новые подходы: сб. ст., посвящ. 70-летию В. М. Кабузана / редкол.: Я. Е. Водарский (отв. ред.) и др.; РАН, Ин-т рос. ист. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 89–97.

[2] *Paprocki B.* Ogród królewski w którym krótko opisuje historye Cesarzów, Królow Polskich i Czeskich, arcyksiążąt Austryi, książąt Ruskich. Praha, 1599. В настоящей работе использован экземпляр, хранящийся в РГАДА, который переплетен вместе с хроникой М. Кромера.

в составе посольства, познавал основы политики и права. Бартош Папроцкий женился молодым на вдове Ядвиге Косабурской, которая была старше его, и вскоре покинул свой дом, вернувшись обратно в 1572 г. после смерти жены[3].

Вскоре Папроцкий в составе посольства Андрея Тарановского уехал ко двору турецкого султана, куда А. Тарановский, неоднократно ездивший с посольствами в Порту, был послан вызволять из плена валашского воеводу Богдана.

Вскоре выходит первое генеалогическое произведение Папроцкого в стихах – «Паноша» (1575 г.). В дальнейшем, почти за 40 лет он опубликовал на латыни, польском и чешском языках больше трудов, чем остальные писатели его времени[4].

Бартош Папроцкий был знаком с известными писателями-гуманистами своего времени – Миколаем Реем, Яном Кохановским и другими. Он находился под покровительством магнатского рода Збаровских, игравшего важную роль в политической жизни при короле Стефане Батории. Благодаря такому высокому покровительству, Папроцкий становится королевским дворянином и геральдистом; он воспевает победы Стефана Батория, в 1584 г. издает «Гербовник». Однако после смерти Стефана и падения роли Збаровских Бартош Папроцкий был вынужден уехать на Моравы, долго живет в Чехии, где увлекается алхимией и астрологией, не переставал издавать литературные труды[5]. Здесь в 1599 г. выходит его книга «Ogród królewski». В Польшу Папроцкий вернулся уже при Сигизмунде III в 1610 г.; он пишет до последних дней жизни. Умер Бартош Папроцкий во Львове, где и был похоронен.

Бартош Папроцкий хорошо известен в науке как польский геральдист, автор книги «Гербы польского рыцарства», которая и сейчас является официальным справочником гербов XVI в.

Среди иностранных гербовников, которыми пользовались в XVII в. сотрудники Палаты родословных дел, при проверке родословных легенд, упоминается и «Огруд крулевский» Бартоша Папроцкого. Очевидно в конце XVII в. эта работа была переведена на русский язык под названием «Вертоград королевский»; сохранилась рукопись перевода книги Папроцкого начала XVIII в.[6]

Книга «Огруд крулевский» – историко-генеалогическое исследование, близкое по форме к работам польских хронистов XVI в., но охваты-вающее историю меньшего региона и с более узкими хронологическими рамками, чем классические исторические труды XVI в.

---

[3] *Krejči K.* Bartoloměj Paprocki z Hlogol. Praha, 1946. S. 27–34.

[4] *Krejči K.* Bartoloměj Paprocki z Hlogol. S. 35–37.

[5] Ibid. S. 47–57.

[6] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 80.

В своей книге Папроцкий воссоздает историю правящих домов Европы, начиная с императоров Священной Римской империи, доведенную до правления императора Рудольфа (с 1576 г.); здесь кроме генеалого-геральдических сведений большое внимание уделено войнам с Турцией, которые вел император, в чем автор отдает дань животрепещущему вопросу внешней политики второй половины XVI в.

В этом труде разработана проблема о порядке и давности правления истинных королей. Свои теоретические размышления автор начинает с истории правления библейского царя Соломона. После библейской предыстории идет заголовок «Огруд крулевский», а далее помещены описания правлений французских и польских королей, великих князей литовских, чешских королей и князей, русских князей, очерк «О давности княжества Пруского», где описывается история Поморья, его освоение Орденом и географические особенности этой территории; очерк завершается биографиями епископов Ордена.

Как видно, «Огруд крулевский» ограничен регионом, близким к Польше, и посвящен преимущественно польским королям и соседним с ними славянским правителям; французские короли, скорее всего, появились, поскольку в XVI в. на польский престол был выбран Генрих Валуа. История польских королей самая большая по объему (30 л. из 130), в ней приведены сведения о происхождении поляков от Афета, сына Ноя, о Лехе, легенда о Ванде, переход правления к династии Пястов после смерти Пшемысла, и к великим князьям литовским после смерти последнего Пяста. История королей доведена до правления короля Сигизмунда III; при нем Б. Папроцкий вернулся в Польшу. Очерк содержит легенды из истории Польши, описания выдающихся событий, он богато проиллюстрирован условными портретами польских королей, картинами известных сражений, рисунками гербов.

Менее подробно дана история чешских королей, которых связывали с польскими брачные узы. Однако не исключено, что это описание связано с тем, что книга издавалась в Праге, где автор в то время жил в изгнании.

Небольшой по объему раздел «О древности русских князей» (Лл. 204об.–208об.) начинается с прихода на днепровские земли Кия, Щека и Хорива и основания Киева. В соответствии с польскими историческими трудами XVI в. русские князья, о которых пишет Папроцкий, – это преимущественно потомки Рюриковичей, чьи земли в XVI в. входили в состав Польши и Великого княжества Литовского, то есть потомки князей Галицких, Острожские (в этом очерке автор подробно рассказывает о доблести князя Константина Острожского), Чарторыйские, Сангушки, Вишневецкие. Далее идут краткие биографии некоторых князе Гедиминовичей и история Радзивиллов, одного из самых могущественных литовских магнатских родов, чьи владения находились на землях бывших русских князей.

В этом разделе о русских князьях также есть условные портреты и рисунки гербов; дана краткая история их происхождения.

По мнению автора, русские княжеские гербы – речь идет о предках княжеских семей, которые в XVI в. жили в Польско-Литовском государстве, – имеют древнее происхождение: они уже были у князей, «которые приняли греческую веру» и «начали подчиняться константинопольскому патриарху». Несомненно, здесь идет речь о киевских князьях и их ближайших потомках. Их герб – святой Георгий, убивающий дракона. Кроме того, галицкие князья «а именно Лев, который заложил Львов», имели своим гербом изображение: на золотом щите черный лев, опирающийся на скалу. А князья, «которые имели дома почти на море среди великих болот», в своем гербе помещали «голого человека на коне». И далее Папроцкий сообщает: «И теперь еще Москва или их князья употребляют некоторые из них» (гербов). Здесь уже автор четко говорит о гербах Русского государства XVI в., очерка о котором в его книге нет.

Рядом с этим текстом и далее, при рассказах о княжеских родах, помещены рисунки гербов: св. Георгий, убивающий дракона; обнаженный человек на коне; лев, стоящий на задних лапах, а также герб Погоня и щит с подковой и тремя крестами, близкий к польскому гербу Белина.

Таким образом, автор полагает, что древнейшим гербом московских великих князей, перешедшим к ним от киевских великих князей, был герб с изображением св. Георгия, убивающего дракона. Признание такой преемственности гербов в какой-то мере можно оценить и как признание определенных исторических прав московских князей на земли, входившие в XVI в. в состав Польши и Литвы. Напомним, что спор за такие территории на протяжении долгого времени выливался в военные действия.

Имеет объяснение и фраза Папроцкого о том, что в его время упомянутые гербы употребляла Москва или их князья. Скорее здесь речь идет не только об официальном гербе со св. Георгием: с 80-х гг. XVI в. известна печать князя Андрея Курбского, которую он употреблял, перейдя на службу польскому королю; на ней изображен лев, стоящий на задних лапах.

Опубликованное недавно исследование И. Грали, где автор изучает печати, употреблявшиеся русскими людьми, переехавшими с XVI в. на службу в Польшу и Литву, позволяет расширить круг печатей в связи с утверждением Папроцкого о том, что некоторые русские князья «употребляют древние гербы».

В своем исследовании И. Граля среди других приводит и печать, которую в Польше XVI в. употреблял князь Иван Дмитриевич Шуйский, называемую в сфрагистике «Русская Погоня»; на ней фактически помещено изображение св. Георгия, убивающего дракона, но повернутое

вправо, а не влево, как на русском гербе[7]. Н. А. Соболева указала, что еще в XV в. князь Иван Васильевич Шуйский прикладывал к грамотам свою печать с изображением стоящего льва с головой, повернутой вправо[8]. Если изображение льва на печати князя Шуйского ассоциируется с эмблемой Владимирского княжества (Шуйские вели свой род от владимиро-суздальских князей), то св. Георгий на их польской печати служит подтверждением словам Папроцкого об употреблении русскими князьями древних печатей киевских князей (в Польше лев стал эмблемой галицких князей). Естественно, что русские князья, недавно появившиеся в Польше и Литве, претендовали на государственную русскую символику, подчеркивая тем самым свое происхождение от киевских Рюриковичей.

Следует отметить еще одну русскую печать, принадлежавшую князю Ивану Ивановичу Шуйскому, приложенную уже к грамоте 1633 г. Ю. М. Эскин, опубликовавший этот интереснейший материал, полагал, что из приложенных на грамоте 1633 г. печатей, Шуйскому принадлежит частично утраченная, с изображением грифона[9]. Однако, такая печать скорее могла принадлежать Ивану Никитичу Романову, также приложившему свою печать к грамоте: изображение грифона входило в родовую печать этой семьи. Указанная Эскиным печать Романова: «небольшой щиток с неким западно-европейским гербом», не может быть идентифицирована, как полагает автор, с печатью на изумруде, перешедшую по наследству от И. Н. Романова к царю Алексею Михайловичу. В описи имущества царя она определена как «изумруд четвероуголен, на нем вырезано: персона человеческая на лошади с саблею, под лошадью змей»[10]. Как видно, здесь изображена вариация св. Георгия, убивающего змия.

Наиболее интересно у Папроцкого упоминание о печати с изображением нагого человека на коне, которую имели государи, жившие «почти на море среди великих болот». Русские печати не знают такого изображения, его, как герб московских князей, трижды привел в своем сочинении Сигизмунд Герберштейн.

Еще в XVI в. новгородский архидьякон Геннадий объяснял александрийскому патриарху, что на печати Ивана IV изображен всадник на коне, и это «государь на коне». В XVII в. изображение св. Георгия на печати неоднократно интерпретировалось русскими послами как «великий госу-

---

[7] *Grala H.* «Ex Moschowia ortum habent». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich w państwie polsko–litewskim w XVI–XVII w. // Rocznik polskiego towarzystwa heraldycznego. Warszawa, 1999. T. IV (XV). S. 111–114.

[8] *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 172.

[9] *Эскин Ю.* Шестнадцать боярских печатей // Родина. 1997. № 10. С. 48.

[10] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 84. Естественно, что на личной печати царя была изображена государственная символика. Эту традицию, возможно, ввел еще Михаил Федорович: среди его имущества был перстень: «королек белой обложен золотом. Печать в нем врезана: золотой орел двоеглавый». Подробнее: *Бычкова М. Е.* Двуглавый орел в российской государственной символике конца XV–XVII вв. // Гербоведъ. М., 1999. № 38. С. 42–43.

дарь на аргамаке», «царь на коне победил змия». В подобных высказываниях царь идентифицируется со св. Георгием. Как показал А. Б. Лакиер, на листе Библии 1663 г., изданной в Москве, на изображении московского герба помещено именно изображение царя на коне, пронзающего копьем змия[11]. Такое же изображение Ивана IV есть в рукописях Казанской истории, написанных в XVII в. В связи с этим следует вспомнить об одной традиции конца XIV в. К этому времени в европейских странах на монетах и печатях существовал обычай изображать государя в воинском обмундировании, в виде рыцаря на коне, что подчеркивало функции правителя как воина и вождя[12]. Византийские изображения императоров не знали такого типа: на монетах и печатях подчеркивалась лишь сакральность власти императоров. Но в конце XIV в. на византийских монетах появляются конные изображения императоров и часто их сопровождают святые всадники (Дмитрий, Георгий, Архангел Михаил), которые подчеркивали сакральность воинских функций государя[13]. Не исключено, хотя и нуждается в дополнительном специальном исследовании, что в русском изображении всадника на коне, поражающего копьем змия, в XVII в. также слилось представление о святом воине и государе-вожде.

Вооруженный всадник на коне в различном обличии – сюжет, встречающийся на печатях и монетах русских князей конца XIV–XV вв. пока к XVI в. не сформировался окончательно в виде св. Георгия, побеждающего змия[14].

Причины появления у Сигизмунда Герберштейна представления о том, что на государственной печати государь изображался как голый человек, требуют специального сфрагистического исследования. Это представление не находит аналогии в русской сфрагистике, оно и не отразилось в европейских справочниках XVI в., содержащих описания государственных гербов и печатей разных стран: здесь гербом московских государей назван св. Георгий, поражающий змия. По существовавшим в XVI в. традициям русской жизни невозможно представить государя в виде голого человека: русский царь всегда изображался на иконах и миниатюрах, а также выступал на официальных церемониях в полном маестате, при всех регалиях.

Изображение государя как голого всадника на официальных печатях не соответствует и нормам европейской геральдики, где правитель олицетворяет сакральность власти или различные ее функции, в том числе и функции воина-вождя. Основной его одеждой на средневековых печатях было воинское обмундирование, которое подчеркивало функции воина и вождя. Позднее эта одежда постепенно приобретает симво-

[11] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. С. 84.
[12] *Kiersnowski R.* Moneta w kulturze wieków średnich. Warszawa, 1988. S. 181–182.
[13] Ibid. S. 183.
[14] *Соболева Н. А.* Русская геральдика. С. 205–206.

личные и демонстрационные черты: появляются парадные панцири и шлемы вместо воинских[15]. Императоры, правившие в XI в. – Константин IX Мономах и Исаак I Комнин, иногда изображались на монетах в короне, панцире и короткой тунике с мечом на боку.

Именно в такой одежде, но без меча, а с крестом в правой руке изобра-жен великий князь Василий Дмитриевич, чей портрет вышит на саккосе митрополита Фотия. А в конце XV в. уже русский летописец написал об отце Василия – Дмитрии Донском: «на престоле царьстем седе, царскую багряницу и венец нося.., а крест Христов на рамо ношаше»[16]. Описание одежды Дмитрия Донского в летописи полностью совпадает с той, что изображена на портрете его сына и близка к императорской на византийских монетах XI в. Можно полагать, что уже с XV в. постепенно русским князьям приписывалась символика, близкая к той, которая отражала власть византийских императоров.

Папроцкий, очевидно, заимствовавший изображение голого всадника на коне у Герберштейна (ближе всего – изображение на портрете Василия III в издании 1556 г.) или польского хрониста Стрыйковского, и отнесший его ко временам киевско-константинопольских отношений, не указал, в отличие от других русских гербов, каким именно русским князьям оно принадлежало: это «те (князья), которые (правили) почти на море среди великих болот», то есть каким-то северным народам.

Польские хронисты XVI в. вслед за Матвеем Меховским писали о северных землях, примыкавших к Московии, как о болотистых, заселенных язычниками, дикими народами. Профессиональный геральдист, каким был Б. Папроцкий, хорошо знакомый с нормами европейской геральдики, очевидно знавший труд Герберштейна не смог связать герб, изображавший нагого человека с христианским государем и связал его с язычниками, жившими в его стране.

Среди работ других польских авторов XVI в. труд Б. Папроцкого интересен тем, что в нем приведено и профессионально проанализировано наибольшее число русских геральдических предметов; отсутствие анализа государственного символа того времени – двуглавого орла, который был хорошо известен в Европе, можно объяснить тем, что Папроцкого прежде всего интересовала геральдика, относящаяся к землям, входившим в состав Польши и Литвы. Однако важно то, что к киевскому периоду автор относит и появление гербов Москвы и Русского государства – св. Георгия, убивающего змия, тем самым признавая права московских государей наравне с великими князьями литовскими на киевское наследие.

---

[15] *Kiershowski R.* Moneta w kulturze wieków średnich. S. 181.

[16] ПСРЛ. Т. 25. М., 1946. С. 215: *Kiershowski R.* Moneta w kulturze wieków średnich. S. 182.

Двуглавый орел в российской государственной символике конца XV–XVII вв.[1*]

К концу XV в. положение России среди других европейских государств существенно изменилось. «Стояние на Угре», завершило падение татарского ига, несколько позже закончилось объединение русских княжеств вокруг Москвы, и вместо разрозненных русских земель на карте Европы появляется независимое государство, которое приобретает все признаки суверенности.

В 90-е гг. XV в. в документах появляется термин «Государев двор», свидетельствующий о консолидации феодальной верхушки Русского государства, пришедший на смену «боярам» различных великих князей. Судебник 1497 г. не только отмечает различные функции государственных чиновников – дьяков, но и казначеев, печатника. Тот же Судебник зафиксировал единые для всего государства нормы судопроизводства, пришедшие на смену региональным судным грамотам. В это же время придворные чины постепенно преобразуются в государственные должности.

Параллельно с этими процессами происходит и идеологическое оформление великокняжеской власти. Родословная легенда о происхождении династии Рюриковичей в своей первоначальной редакции – Чудовская повесть – доказывает происхождение родоначальника династии от римского императора Августа в соответствии с генеалогическими традициями, распространенными в соседних с Россией странах.

В Москве разрабатывается новый обряд возведения на великокняжеский престол, в основу которого был положен византийский ритуал. По этому обряду в феврале 1498 г. был возведен на престол наследник Ивана III Дмитрий Иванович Внук, что должно было способствовать введению в России наследственной формы правления.

Московский великий князь тогда же начинает употреблять в дипломатической переписке титул «государь всея Руси», а в церковных

[1*] Гербоведъ / Изд. Рус. геральдической коллегией. М., 1999. № 38. С. 39–44.

кругах вырабатывается формула «Москва – Третий Рим». По всем нормам средневекового менталитета Русское государство представляется как монархия, что требовало и соответствующей государственной символики. С этого времени формируется комплекс регалий великокняжеской, а затем царской власти: кроме венца и барм, по преданию присланных русскому князю Владимиру Мономаху от византийского императора Константина Мономаха, в него позднее вошли скипетр, а в конце XVII в. и держава[2].

В ряду этих событий конца XV – начала XVI вв. стоит и появление государственной печати, на лицевой стороне которой изображен двуглавый орел, ставший позднее гербом Русского государства. Древнейшая из сохранившихся печатей привешена к грамоте, выданной в июле 1497 г.

К этому времени в европейских странах уже существовали строгие геральдические нормы. Каждый герб нес в своих символах закодированную информацию о владельце: его ранг, прерогативы власти, происхождение, родственные связи и другие. Среди геральдических символов орел олицетворял королевскую власть: в своих гербах орла имели исключительно династии – королевские и княжеские.

Символика изображений, в которых мы встречаем орла, уходит в глубокую древность; орел всегда олицетворял власть, силу и величие. Еще у древних греков орел был символом бога Марса, а в дальнейшем одним из государственных символов Римской империи, откуда и перешел в средневековую культуру[3]. Орел стал символом евангелиста Иоанна, также как другой высший геральдический знак – лев – стал символом Марка.

Известная по многочисленным рельефам, монетам и другим произведениям сцена – орел, терзающий зайца или змею, которую любили воспроизводить художники древности и средневековья, символизировала борьбу доблести с предательством, трусостью[4]. Задолго до появления двуглавого орла на государственной печати такие сцены украшали древнерусские белокаменные храмы. На монетах различных русских княжеств XIV в. иногда встречается сюжет «сокольник»: скачущий всадник с ловчей птицей; принято считать, что это сокол. Охота с птицами всегда была привилегией правителей и знати и также свидетельствовала об уровне их власти. Так что символики орла, как и других ловчих птиц, была издавна известна на русских землях.

---

[2] Подробнее: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 55–74.

[3] *Kiersnowski R.* Moneta w kulturze wieków średnich. Warszawa, 1988. S. 398–400.

[4] *Paszkiewicz B.* Od symbolu do herbu. Orły polskie na monetach średniowiecznych // Orzeł Biały. Herb państwa polskiego. Materiały z sesji naukowej odbytej w dniach 27–28 czerwca 1995 na Zamku Królewskim w Warszawie / Red. S. K. Kuczyński. Warszawa. 1996. S. 16–18.

В геральдике чаще всего орел изображается с распростертыми крыльями; в природе это поза орла, готового к атаке. Именно в момент боя орел демонстрировал свою ловкость, силу и величие. Кроме того, парящий орел с распростертыми крыльями в европейской символике мог олицетворять величие, стремление к солнцу, способность подняться над любыми вершинами. Если орел наряду с распростертыми крыльями изображался с вытянутыми вниз лапами со шпорами – это означало его готовность в атаке схватить жертву. Именно в такой атакующей позе представлен русский орел[5].

В русских публицистических произведениях конца XV – начала XVI вв., регалиях власти и символах, объединялись европейская и византийская традиции: происхождение от Августа и передача символов власти из Византии, орел на гербе, как у императора, и обряд на престол, восходящий к византийской традиции.

В научной литературе существует мнение, что двуглавый орел появился в России после приезда Софьи Палеолог. Однако двадцать с лишним лет, прошедшие со времени приезда Софьи до появления первой грамоты, скрепленной государственной печатью, которая сохранилась до наших дней, слишком долгий срок, чтобы связывать эти события напрямую.

В 1472 г., когда Софья венчалась с Иваном III, он еще был московским великим князем; «стояние на Угре», собирание земель вокруг Москвы, создание Русского государства проходили в годы, когда Софья была великой княгиней. Она не являлась наследницей престола византийских императоров: у Софьи были братья, имевшие на него больше прав[6]. По существу Софья была сиротой бесприданницей, Иван III в момент женитьбы был вдовцом, имел взрослого сына от первого брака, а зимой 1498 г. уже короновал как своего наследника внука-подростка. Так что у детей Софьи в конце XV в. были минимальные шансы занять московский престол.

Скорее всего, государственная символика России в конце XV в. разрабатывалась московскими политиками. Это было время активных дипломатических контактов России с европейскими странами, в Москве работали итальянские мастера, которые использовали символы и эмблемы, присущие итальянскому Возрождению при оформлении дворцовых зданий в Кремле. Все это не могло не повлиять на разработку государственной символики.

С именем Софьи современные исследователи связывают несколько сохранившихся до наших дней реликвий царской казны, которые име-

---

[5] *Myśliński M.* Awifaunistyczny pierwowzór wyobrażenia godła Królestwa Polskiego // Orzeł Biały. Herb Państwa Polskiego. S. 11–13.

[6] *Пирлинг П.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 57–90; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 147–159.

ют изображения двуглавого орла. Это трон, украшенный резными пластинами из слоновой кости; на одной из них помещен двуглавый орел. Кроме того, к концу XV в. относятся два резных посоха из моржовой кости. А. В. Чернецов, исследовавший эти посохи, пришел к выводу, что в их резьбе есть политические символы, с которыми в то время связывалась идея государственной власти: это орел, лев, человеческая голова и некоторые другие. На обоих посохах помещено и изображение двуглавого орла; на одном рядом с изображениями других животных, на другом – в отдельном медальоне[7].

Скорее всего, именно эти посохи (или один из них) были теми «скипетрами власти», которые вручались русским царям, начиная с Ивана IV, при возведении на престол.

Возможно, такие символы повлияли на выбор изображения для государственной печати: двуглавый орел – высший символ власти правителя. Изображения орлов в XV в. уже были на гербах европейских государей, в том числе и императора. Двуглавый орел входил и в символику Палеологов, предков Софьи. Так что в русской печати, как и в исторической публицистике и в регалиях власти конца XV в. соединились западноевропейские и византийские традиции.

При изучении дальнейшей эволюции изображения двуглавого орла в государственной символике следует учитывать два момента. Изображения двуглавого орла на регалиях государственной власти, в том числе и на печати, были не только официальными, но и эталонными; их изменение требовало специального утверждения. Но и эти изображения со временем переделывались. А изображения орла на различных предметах быта, на архитектурных памятниках становились элементами декора, украшения и могли не так строго соответствовать эталону.

От XVI в. сохранилось незначительное число предметов, украшенных изображением двуглавого орла.

К наиболее значительным принадлежит двуглавый орел в навершии царского места Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля.

Как определил Г. Н. Бочаров, в оформлении царского места отражена «идея о преемственности власти русскими самодержцами от византийских императоров», а само царское место символически связано с престолом царя Соломона. В средневековом сознании престол царя Соломона идентифицировался с идеей высшей власти; его описание (известное и в России) послужило образом при создании тронов для правителей в разных странах Европы и Востока и «на много веков определило как символический, так и формально-образный строй подобных сооружений»[8].

---

[7] *Чернецов А. В.* Резные посохи конца XV в. М., 1987. С. 8.

[8] *Бочаров Г. Н.* Царское место Ивана Грозного в московском Успенском соборе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1988. С. 43.

Боковые стенки царского места Ивана IV украшены резными пластинами, на которых изображены сцены передачи регалий власти византийским императором великому князю Владимиру Мономаху; эти сцены являются иллюстрациями к тексту вступления к чину венчания Ивана Грозного. Подножием царского места служат геральдические звери, в том числе и фигуры львов, которые, как и в троне царя Соломона, символизируют высшую власть.

По своей конструкции и оформлению царское место сходно и с резным костяным троном Ивана III, который, как полагает Г. Н. Бочаров, послужил одним из образцов для мастера, резавшего пластины[9]. При таком наборе государственной символики завершение царского места изображением двуглавого орла совершенно естественно и может служить свидетельством, что значение этого образа к середине XVI в. становится более широким, чем символ на государственной печати.

Именно на царском месте при возведении на престол русским царям вручался скипетр власти.

Изображение двуглавого орла на государственной печати также постепенно меняется: с середины XVI в. орла окружают гербы различных территорий Русского государства, иногда они располагались на распростертых крыльях. Окончательно герб оформился лишь в XVIII в. как герб Российской империи[10].

В XVII в. изображения двуглавого орла существовали на торжественных одеждах царей, парадном инсигнийном оружии, драгоценной посуде, в архитектуре. Естественно, они же всегда соответствовали эталону, помещенному на печати. Фигура самого орла часто зависела, на какой плоскости она помещалась: круг, многогранник, другие. Очень характерны в этом плане изображения орла на Ольстрах.

Цвет изображения также мог зависеть от того, в сочетании с какими он находился: чаще всего орлов вышивали речным жемчугом, но он мог быть вышит золотой нитью, покрыт цветной эмалью, выложен драгоценными камнями.

От XVI в. сохранилось мало известий о таких изображениях орла. Одно описано среди одежды в казне Бориса Годунова: «тафья, шита орлы двоеглавы кенютелью по атласу по червчатому, низана жемчугом, бирюзами»[11]. Из этого описания видно, что головной убор царя украшен вышитыми золотой или серебряной нитью двуглавыми орлами.

У царя Михаила Федоровича был перстень с изображением орла: «Перстень королек белой обложен золотом. Печать в нем врезана: золотой орел двоеглавый. Веса в ней пол 2 золотника»[12]. Здесь вырезанный

---

[9] *Бочаров Г. Н.* Царское место Ивана Грозного в московском Успенском соборе. С. 54.

[10] Подробнее: *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы власти. М., 1993. С. 9–39.

[11] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 2. Л. 27.

[12] Там же. Д. 3. Л. 29об.–30.

на коралле и позолоченный орел был не только украшением, но и мог служить печатью царя.

В казне в разное время описаны два резных скипетра. В описи 1642 г. древние резные скипетры еще не имеют таких украшений, как двуглавый орел, позднее записано, что на жезле костяном «рыбий зуб» наверху «орел с короною, в короне искры алмазные и яхонтовые червчатые поверх орла лазорев»[13]. На «костяном единороговом» скипетре «на цепочке орел золотой двоеглавый, в нем в середине яхонт гранен лазорев, да два изумруда; в крыльях и в хвосте тридцать семь яхонтиков червчатых»[14]. О том, что золотые орлы появились на этих скипетрах в XVII в., говорят и записи Джерома Горсея. Он присутствовал на коронации царя Федора Ивановича и описал этот скипетр («царский жезл из кости единорога в три с половиной фута длиной, украшенный богатыми камнями»), намекнув на свою помощь в приобретении этих драгоценных камней («и эту драгоценность мистер Горсей хранил некоторое время, прежде, чем царь ее получил»)[15]. Кроме древних резных скипетров в казне были еще два, завершавшиеся изображения орлов: на одном, золотом, наверху: «три орла пластанных, крыльях, крыльями вместе, поверх орлов корона»[16] (опись 1642 г.), другом, серебряном, «наверху орлы двоеглавые»[17].

В 1644 г. во время сватовства датского наследника Вольдемара за русскую великую княжну царь подарил жениху «складень большой, зелот, в нем 21 запона и с орлом и с алмазы и зернами гурмышскими. Высподу под орлом на спине камень-яхонт лазорев висячей, на нем зерно гурмышское»[18]. Для этого подарка были переделаны одни из барм, хранившихся в казне. Таким образом дар имел инсигнийный характер и был украшен российским государственным символом.

Во второй половине XVII в. двуглавые алмазные орлы были помещены на алмазных шапках царей Ивана и Петра Алексеевичей.

Наиболее разнообразные варианты орлов были на парадном царском оружии, также имевшем инсигнийный характер. Как и регалии власти и парадная одежда, это оружие делилось на «большой», «первый», «второй» наряды, определявшие их ранг среди других регалий[19].

Кроме сохранившихся венцов с алмазными орлами подобные изображения украшали и другие царские шапки. В казне царя Алексея Ми-

[13] Там же. Д. 600. Л. 197об.
[14] Там же. Л. 198.
[15] *Горсей Д.* Записки о России XVI – начала XVII вв. М., 1990. С. 144.
[16] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 6. Л. 23об.
[17] Там же. Д. 602. Л. 14об.
[18] Там же. Д. 6. Л. 28.
[19] Подробнее см.: *Левыкин А. К.* Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 42–79.

хайловича описаны «золотые запоны с алмазными орлами»[20], которые надевались на шапки; в казне его сына Ивана были четыре бархатные шапки: на одной алой, «на передней прорехе орел золот с короной и крестом», на другой – «орел с короной, золот с алмазы»[21]. Эти «запоны» уже считались украшениями: при описании казны они записывались среди других застежек и накладок, отделанных эмалью и драгоценными камнями. Различные изображения двуглавых орлов сохранились на конской упряжи, связанной с официальными выездами иностранных послов. Дипломатический этикет того времени требовал, чтобы приезд послов и их свиты на прием к царю проходил на лошадях и в карете, которые высылались из Посольского приказа[22]. Седла и упряжь для таких выездов обязательно украшались изображениями орлов, у орлов всегда есть короны, но в лапах иногда нет скипетра и державы[23].

В середине XVI в. двуглавые орлы появились над башнями московского Кремля, закрепляя за ним статус царской резиденции: этот обычай известен и в других странах, где резиденции правителя и знати часто украшались гербами, государственными и родовыми. Еще раньше изображение двуглавого орла находилось на воротах Опричного дворца Ивана Грозного и увенчивало одну из его построек[24], что придавало самому дворцу статус официальной государственной резиденции.

Можно предположить, что процесс эволюции двуглавого орла в качестве герба России был длительным. В XVI в. эта эмблема еще не получила широкого распространения. Как показали исследования Н. А. Соболевой, в то время белее привычным было изображение всадника, поражающего дракона, которое за рубежом воспринималось, как символ русского государя[25].

Лишь в XVII в. изображение двуглавого орла прочно входит в государственную символику и получает широкое распространение.

---

[20] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 600. Л. 289.

[21] РГАДА. Ф. 396. Оп. Д. 604. Л. 27–29.

[22] Российский герб. 500 лет. М., 1997. С. 17–21. См. также: *Мельникова О. Б.* Конюшенный приказ в XV–XVIII вв. // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992. Вып. 1. С. 21–27.

[23] Российский герб. 500 лет. С. 20.

[24] *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы власти. С. 11.

[25] Там же. С. 11.

Список сокращений

АЕ – Археографически ежегодник;

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (б. Архив ЛОИИ АН СССР, Архив СПбФИИ РАН);

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси;

ВИ – Вопросы истории;

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры;

ГИМ – Государственный исторический музей;

ДиДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950;

ДРВ – Древняя российская вивлиофика;

ИЗ – Исторические записки;

ИРГО – Известия Русского генеалогического общества;

ИСССР – История СССР;

МГИАИ – Москвский государственный историко-архивный институт;

НПК – Новгородские писцовые книги;

ОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете;

ОР ГБЛ Ф – Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне ОР РГБ);

ОР ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (б. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина);

ОРФ – Отдел рукописных фондов Институт российской истории РАН;

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;

РАН – Российская Академия наук (б. АН СССР);

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (б. ЦГАДА);

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (б. ЦГАЛИ);

РГБ – Российская государственная библиотека (б. ГБЛ им. В.И. Ленина);

РГИА – Российский государственный исторический архив (б. ЦГИА);

РГО – Русское генеалогическое общество;

РИБ – Русская историческая библиотека;

РИО – Русское историчское общество;

РНБ – Российская национальная библиотека (б. ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

РО ПД – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

СА – Советские архивы;

СС – Советское славяноведение;

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Генеалогия

Геральдика

Научное издание

Маргарита Евгеньевна Бычкова

РУССКО–ЛИТОВСКАЯ ЗНАТЬ XV–XVII вв.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ГЕНЕАЛОГИЯ ГЕРАЛЬДИКА

Ответственные за подготовку и выпуск
О. И. Хоружненко., Р. Б. Казаков

Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 23.
Тираж 400. Заказ 2740

ISBN 978-5-91791-080-2

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга содержит работы видного историка Маргариты Евгеньевны Бычковой 1970–2000-х гг. Они впервые собраны вместе и посвящены проблемам формирования правящих классов Русского государства и Великого княжества Литовского, генеалогии и геральдике дворянства XVI–XVII вв.

Архивные поиски позволили автору ввести в научный оборот важные исторические источники, публикация которых сопровождается скрупулезным источниковедческим исследованием.

